

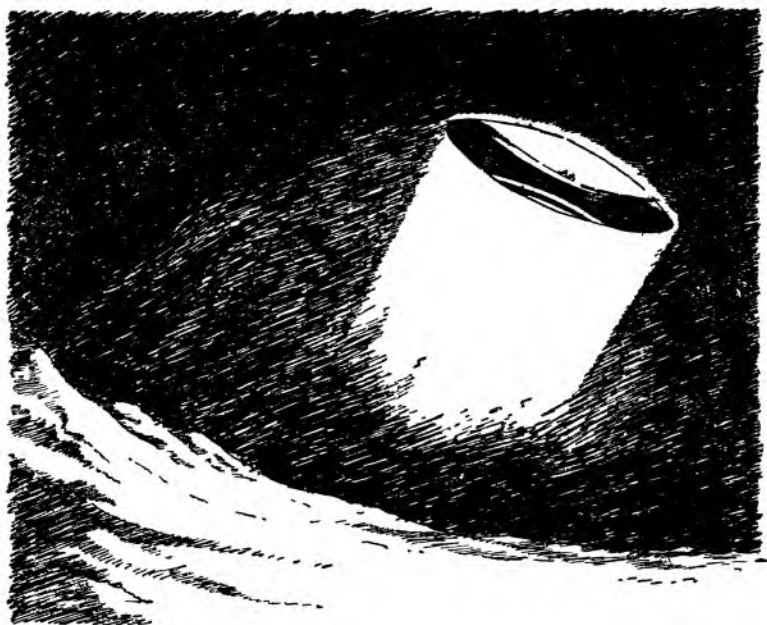
Ж.Р.ОНИ

Звездоплаватели

Жозеф Анри

Рони (старший)

ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ

ПЕРМЬ
1990

ББК 84.44
Р 71

В книгу вошли остросюжетные фантастические произведения известного французского писателя Ж. Рони (старшего) (1856—1940), малоизвестные советским читателям.

Составитель В. И. Бугров

Литературно-художественное издание

ЖОЗЕФ АНРИ РОНИ (старший)

Звездоплаватели

Романы, повести, рассказы

Художник А. Амирханов
Редактор С. Петров
Мл. редактор Р. Богоявленский
Художественный редактор С. Павлов
Технический редактор О. Мстиславский

Р 4804010100—00

ISBN 5-7625-0148-5

© СП «Вся Москва», 1990

КАТАКЛИЗМ

Рассказ «Катаклизм» («Le Cataclysme», 1888) на русский язык ранее не переводился. Рассказ явно оказал влияние на Ф. Карсака, описывавшего подобный катаклизм в романе «Робинзоны космоса».

Первые признаки

Вот уже несколько недель все живое на плато Торнадр было охвачено беспокойством, какими-то неясными предчувствиями. Хрупкий растительный мир время от времени словно пронизывали электрические разряды — предвестники невиданных явлений природы. Дикие животные в полях и лесах, казалось, перестали прятаться от опасностей, а старались держаться поближе к человеку, подходя к самым подворьям. Затем их поведение стало совсем неожиданным и даже внушающим страх: они начали покидать плато, устремляясь в долину реки Иараз.

С наступлением ночи в сумрачных лесных чащобах и перелесках разыгрывалась подлинная драма — потревоженные хищники уходили из своих нор и убежищ и, осторожно ступая, то замирая, то останавливаясь, с тоской расставались они с насиженными местами. Мрачный, заунывный вой волков сменялся глухим рыком кабанов и фырканием оленей. По направлению к юго-западу скользили по полям неясные тени: огромные олени с ветвистыми рогами, звери с короткими лапами, похожие на тапиров, и более мелкие: хищные и травоядные — зайцы, кроты, кролики, лисы, белки.

Вслед за ними двигались земноводные, пресмыкающиеся, бескрылые насекомые. И однажды случилось так, что целую неделю юго-западную часть плато заполняли представители низшего класса животного мира; червеобразные, склизкие твари: от древесных и болотных лягушек до улиток и чешуйчатокрылых жуков-жужелиц, от беспокойных раков, обитающих в вечном мраке под камнями, до пиявок и гусениц.

Вскоре на плато остались лишь пернатые. Полные тревоги, неподвижно застыв на ветвях, они приветствовали наступление сумерек не столь звонким, как прежде, пением и часто на весь день улетали куда-то из этих мест. Собирались в огромные стаи вороны и совы, слетались стрижи, словно готовясь к осеннему перелету в теплые края, суетились и стрекотали сороки.

Непонятный страх охватил и домашних животных — овец, коров, лошадей, даже собак. Однако, смирившись со

своим рабским положением и надеясь на то, что все спасение будет идти от Человека, они оставались на плато, за исключением кошек, которые в первые же дни паники смешили неволю на былую свободу.

По вечерам смутное беспокойство, щемящая тоска мучили жителей Санса и владельцев поместья Корн, их волновало неясное предчувствие каких-то катаклизмов, хотя расположение плато Торнадр опровергало такую возможность. Эта местность находилась вдалеке от зон вулканической деятельности и от океана, лежала на возвышенности, не подвергаясь опасности затопления, и была сложена скальными породами. И все-таки опасность ощущалась во всем — в изменении положения веток и стебельков трав в утренние часы, в неожиданном развороте листьев на деревьях, в слабых, удушливых испарениях, в непривычном свечении воздуха, в ночном томлении плоти, не дающем сомкнуть веки и обрекающем на бессонницу, в странной медлительности домашних животных, которые застывали на месте, повернув морду с трепещущими ноздрями по направлению к северу.

Звездный ливень

Как-то вечером Сэвер и его жена ужинали, сидя у открытого окна в своей усадьбе Корн. Бледный и изящный остроугольный месяц плыл в вышине над расстилающимися просторами, а западную оконечность плато окутывал туман. Неизъяснимым очарованием веяло от этого пейзажа, но страшное нервное напряжение заставляло супругов молчать, наполняя их, вместе с тем, тревожным восхищением перед ночной красотой. От деревьев за окном исходил мелодичный шелест, сквозь решетку ворот угадывалось сказочное зрелище: возделанные поля Торнадра, деревенские домики с освещенными окнами, манящими своей таинственностью, расплывчатые очертания церквушки.

Владельцев поместья все это приводило в волнение, их пугала дрожь, которую они ощущали в своем теле, и когда эта дрожь стала невыносимой, хозяйка выронила из рук виноградную кисть и простонала:

— Бог ты мой, неужели этому не будет конца?

Сэвер взглянул на жену, от всей души желая подбодрить ее, но и сам он чувствовал неуверенность перед надвигавшейся грозной силой.

Сэвер Летан был из числа тех настоящих ученых, которые умеют неспешно постигать тайны мироздания, кро-

потливо изучают природу, но при этом остаются равнодушными к славе.

В то же время он был не только настоящим ученым, но и благородным человеком. В его взгляде сквозили мягкость и решительность, свидетельствующие о том, что он намерен по-настоящему прожить жизнь. Его жена Люс вела свой род от горных кельтов: нервная, грациозная, замкнутая по натуре... Окруженная нежным вниманием мужа, она жила, как хрупкий цветок в заводях больших рек под сенью широких листьев.

Сэвер сказал:

— Если хочешь, можем уехать хоть завтра.

— Да, уедем, прошу тебя!

Она подошла к нему, словно ища защиты, и прошептала:

— Знаешь, у меня такое чувство, точно земля уходит из-под ног. А по вечерам меня словно приподнимает и несет какая-то сила... Я уже боюсь быстро ходить, мне кажется, что я и так будто лечу. И по лестнице поднимаюсь без всяких усилий, только все время боюсь упасть.

— Тебе это просто кажется, Люс. Это все нервы...

Он улыбался, прижимая ее к себе, но в нем росла глухая, смутная тревога. Сэвер тоже ощутил эту необъяснимую легкость. Когда начало смеркаться, он вышел пройтись, но скоро решил вернуться в усадьбу. И вдруг его понесло с невероятной быстротой, шаги делались все размашистее, превращаясь в прыжки... Ему с трудом удавалось сохранять равновесие, ноги не слушались. Летан замедлил шаг, стараясь ступать как можно тверже туда, где почва была более влажной и вязкой.

— По-твоему, все это только кажется? — спросила она.

— Я в этом уверен, Люс...

Она смотрела на него, а он гладил ее по голове. Внезапно Люс почувствовала, что муж тоже волнуется, охваченный тревогой, что ей не найти у него защиты, ибо оба они — жалкие, слабые создания перед лицом таинственной силы. Тогда она побледнела, стараясь сдержаться.

— Выпей кофе, это тебя подбодрит.

— Возможно.

Они чувствовали, что их реплики звучат фальшиво, а все слова и усилия тщетны перед надвигающимся непостижимым, перед внезапным преображением природы, вот уже несколько недель нарушавшим привычный уклад жизни, волновавшим растительный и животный мир, каждую тварь и каждое растение.

Да, они чувствовали эту ложь, но не осмеливались посмотреть друг другу в глаза, боясь выдать свои предчувствия, передать другому нервное напряжение и тем самым усилить отчаяние.

Несколько долгих минут супруги вслушивались в себя, ощущая в душе отклик на мучающую их тайну.

Испуганная служанка принесла кофе.

— Ты заметил, как ходит Марта? — спросила Люс.

Он не ответил, с удивлением глядя на серебряную ложечку для сахара. Люс тоже посмотрела на нее и воскликнула:

— Серебро позеленело!

Действительно, ложечка стала совсем зеленой, неяркого изумрудного оттенка. И тут они заметили, что вся серебряная утварь приобрела тот же зеленый налет.

— Боже мой! — воскликнула Люс. Подняв руку, словно произнося заклинание, она глухо продекламировала:

Коль зелень серебро затынет,
Во мраке Рож Эгю предстанет,
Луну и звезды поглотив...

От этого старинного, загадочного пророчества, которое жители плато Торнадр передавали из поколения в поколение, повеяло какой-то мрачной безысходностью, они поняли, что в их судьбу вторглось что-то, не подвластное человеческому разуму. Откуда пришло к неграмотным крестьянам это столь грозно звучащее сейчас пророчество? Какие знания, какие наблюдения далеких предков, какие воспоминания о катаклизмах прошлого воплощало оно? Сэверу безумно захотелось оказаться сейчас где-то далеко от Торнадр. Он испытал угрызения совести от того, что не послушался безошибочного инстинкта животных, а осмелился следовать жалкой человеческой логике, несмотря на предостережение природы.

— Хочешь, уедем сегодня же ночью? — с горячностью спросил он Люс.

— До утра я ни за что на свете не выйду из дома.

Он подумал, что отважиться уйти ночью не менее опасно, чем оставаться в усадьбе, и потому не стал спорить. Отчаянное ржание, глухие удары копыт в ворота конюшни, пронзительные вопли прервали его размышления. Завыла собака, на плато кричали люди, им вторило испуганное мычание коров, надрывный рев ослов.

В тот же миг небо осветила зеленая вспышка, пронеслась огромная падающая звезда, оставив после себя огненный след.

— Смотри! — закричала Люс.

Следом неслись новые метеориты, сначала по одному, затем целыми скоплениями, каждый — изумительной красоты, с длинным шлейфом и большим ярким ядром.

— Сегодня только десятое августа, — сказал Сэвер, — так что падающих звезд будет еще больше. В этом нет ничего странного.

— Тогда почему лампы еле светятся?

Лампы, действительно, светили все более тускло. Казалось, что воздух насыщен электричеством. Супругов вдруг обуял ужас, но не перед смертью, а перед сверхъестественно раздвинувшимися возможностями бытия. В страхе хватались они за что-то прочное — то за стол, то за шкаф, надеясь вернуть ускользающую тяжесть собственного тела, соприкоснуться с чем-то твердым, надежным... Они почувствовали странный толчок снизу, их приподняло над землей, и Летаны даже не попытались удерживать равновесие. У них возникло такое чувство, словно они попали в другую среду, и ее атмосфера действует на них, как живая материя или иная сила, только внеземного происхождения. Эта сила будоражила каждую каплю крови, управляла каждой клеточкой тела, проникая до самых глубин, наэлектризовывала каждый волосок на голове.

Впрочем, как и предсказал Сэвер, звездопад нарастал, заполняя болидами весь небосвод. Постепенно к этому присоединился странный, неведомый доселе феномен — в тишине, все усиливаясь, зазвучала музыка: симфония для струнных в небесных глубинах, шепот, похожий на человеческий, далекие, едва слышные голоса... На память приходили мысли о гармонии сфер старика Пифагора.

— Это души! — прошептала Люс.

— Нет, — возразил муж, — это силы непонятной природы.

Но, души то были или силы, они несли в себе ту же неизвестность, ту же глухую угрозу, они были отголосками таинственного явления, самого мрачного проявления человеческого страха — неосознанного ужаса перед Непредсказуемым. А нежные, хрупкие голоса все лились, наполняя собой все пространство, возвращая Люс к детскому смирению, вере, молитвам...

— Отче наш, иже еси на небеси...

Сердце билось так учащенно, что, казалось, вот-вот не выдержит. Сэвер не посмел улыбнуться, услышав молитву, но своим умом ученого, направленным на поиски истины, он все же пытался определить, какие магнитные поля, ка-

кие взвездные источники энергии воздействуют на этот уголок земного шара, и что происходит в долине реки Иараз.

Но с самого начала событий и вплоть до сегодняшнего вечера за пределами плато (Сэвер спускался к реке), никто не замечал ничего из ряда вон выходящего, ничто не нарушало там привычный образ жизни. Но почему? Какая связь между небом и плато, какая цепь событий (ведь в предсказании крестьян упоминается определенная последовательность) вызвала эту гигантскую драму?

Снова раздался удары. Штурм лошадьми старых ворот конюшни завершился победой. Показались все три коня с белыми от пены мордами, они неслись громадными прыжками в бледном свете низко нависшего месяца.

— Сюда, Клорон! — крикнул Сэвер.

Одна из лошадей повернула к дому, остальные последовали за ней. Трудно представить себе более невероятную сцену: три длинные морды в полутьме перед окном обнюхивают Сэвера и Люс, и недоумение в их блестящих глазах сменяется верой в Хозяев, в силу тех, кто их кормил. Потом неожиданно, возможно из-за усилившегося потока метеоритов, в расширенных зрачках вспыхивает полнейший ужас, в безумной панике кони раздувают ноздри и с диким ржанием устремляются прочь от дома.

— Как они прыгают! — вскричала Люс.

И действительно, лошади неслись огромными прыжками, внезапно самая норовистая из них, словно на крыльях, перелетела через железные ворота.

— Смотри, смотри! — воскликнула Люс. — Как будто она ничего не весит...

— Как и остальные, — ответил он машинально.

И впрямь, две другие тени поднялись, не задев прутьев, на высоту более четырех метров. Их легкие силуэты с головокружительной быстротой неслись по деревне, все отдаваясь, как бы растворяясь в воздухе, и, наконец, исчезли.

В эту минуту в сад вышел растерянный слуга, ступая с явным страхом, как ребенок, который учится ходить.

Сэверу стало безумно жалко этого беднягу. Он понял, что все в доме охвачено тем же растущим ужасом, что и хозяева.

— Оставь, Виктор, мы их потом найдем.

Виктор подошел, держась за деревья, затем за стену и ставни. Он спросил:

— Это правда, что придет Рож Эгю?

Сэвер заколебался. Несмотря на всю фантазмагорич-

ность происходящего, он пытался сохранить трезвость ума, но Люс не смогла смолчать.

— Да, Виктор.

Наступила тягостная тишина. Все трое испытывали одинаковое чувство: ощущение сверхъестественности происходящего, и все же Сэвер колебался, пытаясь понять связь этого явления с метеоритным ливнем. Он созерцал все усиливающийся звездопад — зрелище неземной красоты — поток, льющийся из глубин Вселенной. Новое наблюдение заставило его вздрогнуть: яркий свет, разлитый над местностью, не мог исходить от крохотной дольки луны, низко нависшей над горизонтом. Летан смотрел, как луна медленно исчезала на западе, теряя при этом свою выпуклость. Через несколько минут она исчезла совсем.

Но плато Торнадр по-прежнему озарялось светом, словно идущим с зенита, слегка переместившегося к северу, как это можно было судить по собственной тени. Неужели это чудо исходило с зенита? Сэвер повернулся.

Оттуда лился мягкий аметистовый свет, словно сотканный из мельчайших частиц, этот сноп света напоминал слегка продолговатое облако, более яркое в своей северной части.

Тогда Сэвер подумал о том, как было бы интересно бесстрастно наблюдать за происходящими явлениями, не испытывая смертельный ужас перед приближением гибели.

Появление Рож Эгю

— Смотрите! — закричала Люс, указывая на небо.

Она тоже увидела свет, но была потрясена больше, чем муж. Виктор, держась за оконную раму, дрожал, точно в лихорадке, испуская крики ужаса.

Свет на небе становился все ярче. Шепот небесных голосов понемногу стих, и давящая тишина нависла над плато Торнадр. Затем внизу, разгораясь все сильнее, зажегся новый свет, как бы вторя первому. Его невесомые блики озаряли кроны деревьев и растения, завораживая и пугая.

Люс, Сэверу и Виктору, столь непохожим друг на друга, пришло в голову одинаковое сравнение — они одновременно вспомнили о погребальных свечах, о костре, об огромном пожаре, в котором исчезнет и плато Торнадр, и все его обитатели.

Люс дрожала в полузабытьи и вдруг попросила:

— Пить!

Сэвер повернулся к жене, нежность и любовь к ней

придали ему новые силы, он переборол в себе желание не двигаться, умереть вот так, неподвижно стоя на месте. Неуверенно ступая, Летан пошел за водой и с удивлением заметил, что воздух стал очень свежим, почти холодным, несмотря на зарево, охватившее небо и землю.

С огромным трудом он принес воду. Стакан и рука ничего не весили, и Сэвер даже не ощущал, держит ли он что-то в руке, а потому изо всех сил сжимал стакан. Но тем не менее половину воды он разлил по дороге.

Люс отпила глоток и с отвращением отодвинула стакан.

— По вкусу это напоминает ржавое железо...

Он попробовал воду и тоже поморщился. Вода действительно имела какой-то железистый привкус. В отчаянии Сэвер и Люс, не отрываясь, глядели друг на друга. Из глубин памяти вдруг нахлынули воспоминания о прожитых вместе годах, отмеченных неувыдающей любовью, о том времени, когда они впервые встретились на этой земле, всем существом потянувшись друг к другу (сколько было долгих, прекрасных, возвышенных часов, оживающих сейчас в зеркале прошлого!). Их взгляды переплелись, и в них читалось бесконечное сострадание. Неужели это действительно конец, неужели им придется вот так расстаться с жизнью, умерев от удушья, жажды, страшного ощущения полной потери веса...

Сэвер, полный жизненной энергии, не хотел в это поверить, несмотря ни на что. И хотя он почти наяву слышал похоронный перезвон, в нем еще жила любознательность ученого, заставлявшая его пристально вглядываться в окружающее.

Чудесная и страшная драма продолжалась, напоминая настоящее действо. Зыбкий свет, гигантские огни святого Эльма где-то вдали на плато: сначала на вершинах деревьев появлялись лучики, переливаясь всеми цветами радуги, они множились, мерцая на каждой ветке, каждой прожилке листа, затем спускались на кустарники, на злаки, на травы. От каждого стебелька прямо в небо поднималось слабое свечение.

Над этим фантастическим заревом, над пламенеющим пейзажем стаями носились птицы, решившиеся, наконец, покинуть родные места. Эти существа, не реагирующие на воздействие электричества, долго не поддавались влиянию таинственных явлений, которые, бесспорно, были для них не столь пагубны, как для остальной живности на плато. Зловеще каркающие вороны, бесчисленные тучи воробьев, щеглов, зябликов, малиновок, стаи стрижей и ласточек,

хищные птицы — поодиночке или парами — все устремлялись к югу, издавая крики, напоминающие человеческую речь.

Сэвер все больше удивлялся тому, что эти несчетные огни не сливались, и от них не исходило сколько-нибудь осязаемое тепло. От каждого огонька вверх шел прямой луч, похожий на тонкое лезвие, а все вместе они образовывали причудливые, похожие на готические, сооружения с миллиардами ослепительных шпилей.

Он пришел в себя от хриплого крика Люс:

— Держи меня, меня уносит!

Он увидел, что его жена мечется в бреду, она была мертвенно-бледна, делала страшные усилия, чтобы глотнуть воздуха. Сэвер пришел в полное отчаяние, его собственное сердце почти переставало биться, он даже не создал, что прижимает к себе Люс. Вся дрожа, она смотрела на сверкающее плато и еле слышно шептала:

— Это мир иной, Сэвер, бесплотный мир, Земля гибнет...

— Нет, нет, — уговаривал он жену, понимая всю нелепость своих слов, — это магнитные силы изменили скорость вращения...

Раздался тихий голос оцепеневшего Виктора, с трудом приходящего в себя:

— Рож Эгю!

Сэвер выглянул в окно. В градусах двадцати от севера он увидел большой треугольник цвета ржавчины с неровными, словно разъеденными серной кислотой, краями. Постепенно треугольник светлел, приобретая прозрачность воды — настоящее озеро, вытянутое к северу, по которому пробегала зыбь, похожая на волны блекло-красного цвета. Вокруг озера по всему небу разливались зеленые сумерки, сперва светло-изумрудные, они затем становились синими, черными, а в южной части небосвода — цвета темного нефрита.

Звезды погасли. Осталось только небо из красной и зеленой воды в нефритовых сумерках. Что это было? Откуда оно взялось? И почему проявилось именно над плато Торнадр? Какое таинственное взаимодействие, какое сродство связывали плато с небесами?

Все эти вопросы возникали в сознании Сэвера, не умаляя однако его ужаса перед сбывшимся пророчеством крестьян. Он больше не сомневался, что пришла смерть, что сердце, которое так бешено колотилось в груди, вот-вот замолкнет навеки. Вдруг Люс, обратив к небу лицо, тро-

нутое печатью смерти, с душераздирающей торжественностью продекламировала:

Коль зелень серебро затянет,
Во мраке Рож Эгю предстанет,
Луну и звезды поглотив...

И, глубоко вздохнув, покорная судьбе, она упала и застыла с закрытыми глазами.

К реке Иараз

Сэвер очнулся и из последних сил дополз к жене, распростертой на полу. Неужели она умерла, исчезла навеки? У него вырвался мрачный смех, смех над безысходностью его положения, и слово «навек» показалось ему злой издевкой. Это «навек» для него в лучшем случае могло означать еще один час жизни. Сэвер обнимал жену, даже не понимая, что делает, крепко прижимал ее к груди, как вдруг его пронзило сладкое, странное облегчение: он прочно стоял на земле, к нему вернулся вес. Странно, что помог случай, что сам он не додумался взять в руки какой-нибудь груз, чтобы вновь обрести устойчивость.

Он воодушевился, почувствовал себя увереннее, и хотя дышать по-прежнему было трудно, в нем пробудилась надежда, которая крепла от сознания того, что ему легко держать на руках Люс, словно маленького ребенка. И вдруг сердце словно сжалось: он вспомнил про катастрофу, о которой почти забыл. Подумал, жива ли Люс? Он прислушивался к ее дыханию, прикладывал ухо к груди, но биение его собственного сердца мешало слушать. Люс была очень бледной, глаза глядели неподвижно, но все-таки мертвой она не выглядела.

— Люс, милая!

Вдох, слабое движение головой. Он различал ее еле уловимое дыхание. Жива! Это придавало ему новые силы, Летан был готов на все, лишь бы ее спасти.

Несколько минут он размышлял, что бы предпринять, потом пожал плечами. К чему размышления? Нужно действовать, как действовали животные, как поступали самые ничтожные твари — бежать к реке Иараз. И не раздумывая больше, выбрав самый короткий путь, он вылез из окна, крикнув Виктору:

— Возьми в руки что-нибудь тяжелое, отпусти собаку и предупреди остальных. Смотри, как я держу свою ношу. Пусть все бегут в долину, еще можно успеть... Понял?

— Да, мсье.

И Сэвер побежал, ступая уверенно и быстро, хотя дышал с трудом. На воздухе электрическое поле действовало сильнее и затрудняло движения. Он выбежал из ворот и очутился в деревне.

В таинственном великолепии красное озеро, казалось, раздвинуло свои границы до самой звездной бездны. Изменился и сияющий ореол вокруг него: теперь он походил на витраж мягкостью оттенков, а аквамариновая кайма прямо над головой сливалась с кружевным оранжевым переплетением, как бы наброшенным на тускло-серое небо.

По-прежнему не было видно звезд. Время от времени огненная линия пересекала небо с севера на юг. Вся земля на равнинных участках плато Торнадр была охвачена пожаром. Деревья пылали, как исполинские свечи, горели травы, в небо взмывали длинные огненные шлейфы, образуя многоцветье арок, которые то рассыпались, когда в небе сталкивались какие-то неведомые силы, то вспыхивали вновь, наполняя пространство прекрасной и пугающей жизнью. Сэвер шел по плато, потом принимался бежать, закрывая глаза, когда приходилось пересекать самые пылающие участки. С волос Люс сыпался сноп искр, ослеплявших Сэвера. Чутье вело его на юго-запад. Через несколько минут он увидел ферму, она стала для него ориентиром, хотя и не слишком надежным — так изменился пейзаж.

Вдруг ему показалось, что он заблудился — перед ним расстился небольшой водоем, берега которого заросли пылающим тростником, похожим на карающие огненные мечи, в воде отражались бледно-зеленые ивы, мерцающие светлячки, удушливый воздух был полон фосфора и озона. Сэвер чувствовал ногой вязкую почву, его влекла к себе стоячая вода. Он постарался сориентироваться, понимая, что перед ним озеро Сиез, которое находится в полутора километрах от границ плато. Минут за десять он успел обогнуть озеро и снова оказался в исходной точке. Неужели ему так и не выбраться отсюда, неужели все усилия напрасны?

— Вперед, Сэвер!

Он снова побежал, сиюсь разглядеть какой-нибудь ориентир, что-то знакомое... Летан совсем ослабел и понимал, что еще час блужданий по плато означает для него конец, смерть.

Внезапно он заметил острый мыс, единственный на этом озере, откуда он мог осмотреться. Ему показалось, что у него выросли крылья. Сэвер ринулся вперед, нашел уз-

кую тропинку, с которой больше не сходил. Он не смог бы сказать, сколько времени шел — полчаса, десять минут или пять.. Но вот он в ужасе остановился перед черной пропастью, разверзшейся перед ним, — светящийся склон отделял его от зияющей бездны.

— Склон! Склон!

Он повторял это слово, двигаясь по извилистой тропинке. С каждой секундой самочувствие улучшалось, электрическое поле становилось слабее, пламя гасло, превращаясь в редкие блуждающие огоньки, воздух делался свежее и чище. Люс стала заметно тяжелее, он с трудом удерживал ее в руках, бежать с такой ношей Летан уже не мог. Он упал, скатился по склону, попытался бежать, подчиняясь все тому же непобедимому инстинкту. И вдруг его охватила безумная радость: он услышал плеск воды в реке, всем существом почувствовал, что приближается спасение. Еще несколько шагов. И вот он вне опасности. Здесь больше нет таинственных сил, здесь господствует старая, добрая природа, благосклонная к человеку.

Обливаясь потом, Сэвер все же останавливается, но теперь он чувствует, что полон сил. Перед ним расстилается долина, в сумерках струится река. Испустив крик радости, испытывая острое облегчение, он падает. Люс лежит у него на коленях, она без сознания. Наверху, над склоном, струится неясный свет, становясь ярче у края плато. Заревое исчезло, вместо него — небольшие отблески, мерцающие, точно ночное море. Рож Эгю пропал, осталось лишь красное марево, похожее на северную зарю, и по-прежнему обильный и великолепный звездопад.

— В чем причина? — спрашивал он самого себя. — Откуда такая разница между плато и долиной реки Иараз?

Он склонился над Люс. Она еще бледна, неподвижна, но дыхание различимо. Это дыхание спящего, а не потерявшего сознание человека.

Он громко позвал ее:

— Люс! Люс!

Она вздрагивает, слегка поворачивает голову. Бесконечная радость переполняет Сэвера. Он плачет от счастья, прижимает к себе Люс, продолжает звать ее по имени, шепчет ласковые слова. Наконец она открывает глаза. Она еще не проснулась, в ее взгляде мрак, но вот она видит Сэвера:

— Мы победили! Торнадр не смог тебя поглотить! — восклицает она.

Стоя над рекой, скрестив руки на груди, он дает себе

слово подняться туда, наверх, по направлению к юго-западу, и описать всю катастрофу. Тем временем со склона доносятся голоса, лай собак — это приближаются слуги из поместья Корн. Люс и Сэвер ждут их, обнявшись и плача от счастья.

Р. С. Сэвер Летан действительно опубликовал в британском издательстве хронику катаклизма на плато Торнадр. В течение недели можно было наблюдать Рож Эгю в небе над плато. В течение недели полыхал холодный пожар, который ничего не сжигал. Об аналогичном явлении рассказывали и крестьяне с плато Истель. Специальная научная комиссия приехала в последний день. На плато имелось несколько жертв, но большинство жителей успели покинуть его в ночь на десятое августа. Что же касается научных выводов, то все они оказались малоубедительны. Никто не смог выдвинуть гипотезу, объясняющую случившееся. Правда, удалось собрать наводящие на размышления сведения, указывающие на то, что плато Торнадр покоится на скалистом основании объемом около ста пятидесяти миллиардов кубических метров. Впоследствии эти факты могут привести к интересным научным открытиям, а пока они позволяют предположить, что упомянутое скалистое основание — космического происхождения, это огромный болид, упавший в долину реки Иараз еще в доисторические времена.

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Посвящается Анатолию Франсу

Рассказ «Неведомый мир» («Un Autre monde», 1895) впервые опубликован на русском языке в журнале «Искатель» (1974, № 3) в сокращенном виде. Это едва ли не первое в мировой фантастике произведение о мутантах и параллельных мирах, сосуществующих на Земле. Рассказ переведился на английский язык Д. Найтом.

Родом я из Геддерланда. От наших фамильных владений уцелело всего несколько акров вересковой пустоши и болота, окаймленного соснами, которые скрипят на ветру. Ферма до того запущена, что на ней сохранилось лишь несколько комнат, пригодных для жилья, и, камень за камнем, она ветшает и разрушается. От некогда многочисленного рода осталась одна наша семья: родители, сестра и я.

Жизнь моя, начавшаяся так несчастливо, затем чудесным образом изменилась — я встретил человека, который поверил мне и сумел дать объяснение тому, что дотоле было известно лишь одному мне. Но до этого я много страдал, впал в отчаяние и, чувствуя себя совершенно одиноким среди людей, в конце концов начал сомневаться даже в бесспорных истинах.

Я родился не таким, как все. С первых же дней моего появления на свет вызывал всеобщее удивление. Объяснялось это вовсе не особенностями моего сложения (говорили, что я даже выглядел лучше других новорожденных), а цветом кожи. Была она хоть и не яркого, но отчетливо сиреневого оттенка, и при свете керосиновой лампы напоминала по цвету белую лилию, погруженную в воду. Так это выглядело в восприятии всех людей, сам же я вижу иначе — и цвета, и предметы. Кроме этой особенности, были у меня и другие, о которых я расскажу позже.

Хотя родился я с виду вполне здоровым, но рос крайне болезненным, был худым, плаксивым и до восьми месяцев ни разу не улыбнулся. Все уже потеряли надежду меня выходить. Врач из Звартендама заявил, что это — загадка природы, и единственный метод лечения — строгое соблюдение правил гигиены. Но и это не помогало, и я все больше хирел. Ждали, что со дня на день я покину этот мир. Отец, как мне кажется, смирился с этой мыслью, тем более, что ему, добропорядочному голландцу, было не очень-то лестно иметь столь необычного на вид сына. Зато мать полюбила меня еще сильнее, и в конце концов ей даже стал нравиться странный оттенок моей кожи.

Дни текли размеренно, когда внезапно на помощь мне пришел случай: поскольку все, что происходило со мной,

считалось противоестественным, это событие породило толки и наделало много шума.

Взамен ушедшей служанки в дом взяли девушку из Фрисландии — крепкую, честную, охочую до любой работы, но склонную к выпивке. Фрисландке-то меня и доверили. Видя, до чего я тщедушен, она решила тайком от всех поить меня пивом, что по ее мнению исцеляло от всякой хвори.

Самое странное, что я и впрямь очень скоро окреп, но с тех пор отдавал явное предпочтение спиртному. Славная девушка в глубине души очень этому радовалась, к тому же ее весьма забавляло недоумение родителей и врача. В конце концов, припертая к стенке, она открыла свою тайну. Отец пришел в страшную ярость, врач негодовал, клеймил невежество и предрассудки. Служанки были строго настрого предупреждены, меня же забрали из-под опеки фрисландки.

Я вновь стал худеть, чахнуть и, наконец, мать, повинуюсь лишь любящему сердцу, вновь перевела меня на пивные дрожжи. Ко мне тотчас же вернулись сила и жизнерадостность. В результате проделанного опыта пришли к выводу, что для моего здоровья алкоголь просто необходим. Отца это открытие повергло в уныние, доктор ушел от ответственности, прописав мне лечебные вина, и с тех пор я стал превосходно себя чувствовать. Теперь в деревне только и было разговоров, что мне уготована судьба пьяницы и дебошира.

Вскоре мои близкие заметили во мне новую странность. Мои глаза, вполне обыкновенные с виду, вдруг помутнели и стали похожими на роговые оболочки, словно надкрылья майского жука.

Врач предрек мне слепоту. Впрочем, он был вынужден признаться, что сталкивается с подобным случаем впервые. Прошло еще немного времени, и зрачок полностью слился с радужной оболочкой. Обратили внимание и на то, что я мог, не шурясь, долго смотреть на солнце. Я отнюдь не ослеп и могу даже утверждать, что вижу совсем неплохо.

И вот мне исполнилось три года. Соседи считали меня маленьким чудовищем, наверное, я и вправду казался уродом. Фиолетовый оттенок кожи почти не изменился; глаза целиком помутнели. Говорил я плохо и невероятно быстро, зато руки у меня были достаточно ловкими, а сам я мог прекрасно выполнять движения, требовавшие не силы, а проворства. Никто не посмел бы отрицать, что я грациозен и приятен внешне — если бы не цвет кожи и не строе-

ние глаз, я ничем не отличался бы от других людей. Я про-являл себя достаточно смышленным, но в моих знаниях были огромные пробелы, которые никто не пытался вос-полнить. Ведь кроме матери и служанки меня не любил ни один человек на свете. У чужих я вызывал любопыт-ство, а у отца — чувство постоянного стыда.

И если сначала он надеялся, что я стану таким же, как все, то со временем все его надежды рухнули. Я делался все более и более странным: и по своим привязанностям, и по привычкам, и по характеру. В шесть лет питался почти исключительно пивом и с трудом мог заставить себя про-глотить хоть немного фруктов или овощей. Рос невероят-но быстро и отличался крайней худобой и подвижностью. С легкостью плавал — держался на воде, как пробка, при-чем голова погружалась не больше, чем само тело.

Я был необычайно проворен. Бегал, как косуля, пере-прыгивая через канавы и легко преодолевая недоступные для других препятствия. В мгновенье ока мог взобраться на верхушку бука или, ко всеобщему восторгу, вспрыгнуть на крышу фермы. Зато быстро уставал, если приходилось поднимать даже совсем легкий груз.

Все эти свойства, вместе взятые, являлись лишь отличи-тельными признаками особой природы, но, увы, из-за них-то меня и считали чужаком, и встречали враждебно, хотя никто не ставил под сомнение мою принадлежность к роду человеческому. Наверное, я выглядел уродом, но все же не таким, как те, что появляются на свет с рогами, звериными ушами, телячьей или лошадиной головой, с плавниками, без глаз или, наоборот, с третьим глазом, с двумя парами рук или ног или вообще без них. Моя кожа, несмотря на свой удивительный оттенок, все-таки напоми-нала нормальную, смуглую, глаза не казались отталки-вающими, несмотря на непрозрачность. Необычная лов-кость была просто особенностью моего организма, а пот-ребность в пиве могла выглядеть заурядным пороком, переданным мне по наследству отцом-пьяницей; кстати, местные крестьяне, как и наша бывшая служанка, усмат-ривали в этом лишь подтверждение своих представлений о пользе пива и правильности своих вкусов. Что же каса-ется моей быстрой и невнятной речи, разобрать которую было невозможно, то ее часто объясняли недостатками произношения — лепет, сюсюканье, заиканье свойственны многим детям. Таким образом, у меня не было никаких четко выраженных признаков уродства, хотя моя внеш-ность была весьма необычной и в целом вызывала недо-

умение. Но о самом удивительном моем свойстве близкие даже не подозревали. Никто не замечал, как сильно мое зрение отличается от зрения остальных.

И хотя какие-то предметы я видел хуже, чем многие люди, но замечал то, чего не видел никто другой. Особенно это проявлялось в отношении цветовой гаммы. То, что называют красным, оранжевым, желтым, зеленым, синим и голубым, мне казалось лишь оттенками серого, близкими к черному. Зато я различал фиолетовый цвет и цвета этой же гаммы, недоступные простому глазу. Позже я установил, что могу выделить до пятнадцати оттенков фиолетового цвета, так же отличающихся друг от друга, как, скажем, желтый от зеленого.

Кроме того, понятия «прозрачный» и «непрозрачный» тоже воспринимались мною иначе. Я плохо вижу сквозь стекло и воду: стекло кажется мне густоокрашенным, вода — тоже, даже если ее совсем немного, но она это свойство проявляет в значительно меньшей степени. Большинство кристаллов, называемых прозрачными, для меня лишь относительно являются таковыми, и наоборот, я могу видеть сквозь тела, которые для обычных людей — непроницаемы. В целом, гораздо больше предметов кажутся мне прозрачными, чем остальным людям; прозрачность и полупрозрачность встречаются моему глазу так часто, что для меня это скорее правило, тогда как непрозрачность — исключение. Таким образом, я умею видеть сквозь деревья, листву, лепестки цветов, железо, уголь.

Однако, при определенном объеме эти тела — например, большие деревья, метровая толща воды, глыбы угля или кварца, становятся препятствием для моего зрения.

Золото, платина, ртуть выглядят черными и непрозрачными, лед имеет черноватый оттенок. Воздух и пар прозрачны, но окрашены, как и многие предметы из стали и чистой глины. Облака не заслоняют мне солнце и звезды. К тому же я отчетливо различаю сами облака, плывущие по небу.

Близкие, как я уже говорил, совсем не замечали необычности моего зрения: они считали, что я неправильно воспринимаю цвета, только и всего. Такое отклонение встречается слишком часто, чтобы уделять ему особое внимание. Кроме того, оно никак не отражалось на моем поведении, поскольку очертания предметов я видел не хуже, а может быть даже лучше, чем большинство людей. Отличить по цвету один предмет от аналогичного ему представляло для меня трудность лишь в том случае, если я видел

эти предметы впервые. Когда кто-то при мне называл один жилет синим, а другой — красным, то подлинные, видимые мною цвета не имели для меня значения, синий и красный превращались в чисто мнемонические, то есть способствующие запоминанию понятия.

Из этого вы могли бы сделать вывод, что между цветами, которые видел я, и палитрой красок, принятой среди остальных, существовало какое-то соответствие, как будто бы я воспринимал цвета так же, как прочие люди. Но я уже говорил, что если красный, зеленый, желтый, синий и так далее являются чистыми цветами, наподобие цветов призмы, то я их воспринимаю как оттенки темно-серого. В природе, где ни один цвет не встречается в чистом виде, все происходит иначе: любая вещь, именуемая зеленой, мне кажется состоящей из многих цветов¹. Правда, следующий предмет, также называемый зеленым, который для вас ничем не отличается от нее, я воспринимаю совсем по-другому. Как вы уже поняли, моя цветовая гамма не соответствует общепринятой: если для меня желтый — и молочно-белый, и золотой, то все равно, что называть красным — это и мак, и василек.

II

И даже если разница между моим зрением и зрением остальных людей ограничивалась бы только вышеизложенным, одно это уже было бы необычно само по себе. Однако, все это сушая малость по сравнению с тем, что мне предстоит рассказать вам. Особый мир, имеющий иную окраску, мир, к которому нельзя применить человеческие понятия «прозрачный» и «непрозрачный»... Способности видеть сквозь облака, различать звезды на ночном, затянутом тучами небе, наблюдать сквозь деревянные стены за тем, что происходит в соседней комнате или на улице — ничто по сравнению с тем, что я вижу живой мир, мир, существующий бок о бок с нашим, мир, о котором никто даже не подозревает, ибо ни разу между ними не было установлено никакого контакта. Что значит все это после того, как я обнаружил на нашей планете иную форму жизни, живое сообщество, представители которого и строением, и внешним видом, способом существования и размножения, появ-

¹ И этот цвет, полученный в результате смешения красок, не содержит зеленого, потому что последний для меня близок к черному (Прим. автора).

лением на этот свет и исчезновением с него не похожи ни на одно известное нам живое существо? Эта фауна сосуществует рядом с нами, может свободно проходить сквозь нас, влияет на все, что нас окружает и, в свою очередь, подвержена нашему влиянию, черпая в нем силу. Эти существа, и я это доказал, тоже ничего не ведают о нас. Таким образом, ничего не зная друг о друге, мы и они растем и развиваемся.

Это целый живой мир, столь же разнообразный, как и наш, столь же, а может быть, и более могущественный, ибо он опосредованно влияет на жизнь всей нашей планеты! Таинственные создания обитают в воде, в воздухе и на суше, воздействуя на окружающую среду иначе, чем мы, но с неслыханной энергией и тем самым косвенно влияют и на людей, и на их судьбы, как мы в свою очередь влияем на них...

Вот что я видел, что продолжаю наблюдать — единственный среди людей и животных, вот что я страстно изучаю уже пять лет, после того, как в детстве и юности смог лишь установить, что эти явления существуют.

III

Установить! Насколько я себя помню, меня бессознательно влекли к себе эти столь непохожие на нас существа. Сначала я путал их с другими представителями живого мира. Но обнаружив, что никто не замечает присутствия этих существ, выказывая к ним полнейшее безразличие, не стал рассказывать о том, что вижу. В шесть лет я прекрасно отличал их от полевых растений и домашних животных, но иногда принимал за них лучи света, водные потоки и облака. Это происходило из-за того, что эти существа — неосязаемы, и я ничего не ощущаю при соприкосновениях с ними. Они отличаются разнообразием форм, но бывают столь малы в одном из трех измерений, что их можно принять за перемещающиеся в пространстве нарисованные фигуры, плоскости или геометрические линии. Они проходят сквозь любые органические тела, и напротив, иногда застывают, словно натолкнувшись на невидимое препятствие... Но их подробное описание я дам позже. А пока хочу только указать на разнообразие их форм и очертаний, почти полное отсутствие объема, неосязаемость в сочетании с полной свободой движений.

К восьми годам я отдавал себе ясный отчет в том, что эти существа никак не зависят от атмосферных явлений,

так же, как, например, и животные вокруг нас. Придя в восторг от своего открытия, я попытался поделиться и с другими, но мне это так и не удалось. Не только из-за моей нечленораздельной речи, но и из-за необычного строения глаз меня не принимали всерьез. Никто не пытался разобрать мои жесты и слова, и даже если бы я привел тысячу доказательств, никто все равно не поверил бы, что я умею видеть через деревянные стены. Между мной и другими людьми возник почти непреодолимый барьер.

Я впал в отчаяние и предался мечтам; я превратился в отшельника, мое общество всем было в тягость, особенно остро я ощущал это в компании своих сверстников. Я не стал жертвой их злобных выходок только благодаря быстроте своих ног — они делали меня недостижимым и позволяли отплатить обидчикам. При малейшей угрозе я отбегал на безопасное расстояние, насмехаясь над преследователями. Сколько бы их ни собиралось, ни разу им не удалось окружить меня и, уж тем более, одолеть. Было бессмысленно заманивать меня в ловушку хитростью. И хотя я не мог носить тяжести, по быстроте я не имел себе равных и в любом случае мог спастись бегством. Я неожиданно подкрадывался к противнику, нанося ему или им, если их было много, быстрые и точные удары. Наконец меня оставили в покое. Меня считали блаженным и немного колдуном, но не боялись, а скорее недолгобливали. Постепенно я стал озлобленным, сторонился людей. Нежность я видел только от матери, и это смягчало мое сердце, хотя мать была чересчур занята и не могла уделять мне много времени.

IV

Мне исполнилось десять лет. Попытаюсь вкратце описать несколько сцен этого периода моей жизни, чтобы «уточнить» предшествующий рассказ.

Утро. Яркий свет заливает кухню, моим родителям и служанкам он кажется бледно-желтым, я же вижу его иначе. На завтрак подают хлеб и чай. Я не пью чая. Мне приносят крутое яйцо и стакан пива. Мать нежно предупредительна со мной, отец о чем-то спрашивает. Я стараюсь ответить, говорю как можно медленнее, ему удастся разобрать не больше одного слога в слове, он пожимает плечами:

— Он никогда не научится говорить!

Мать смотрит на меня сочувственно, ей кажется, что я слегка глуповат. Служанки больше не испытывают любо-

пытства к маленькому чудовищу, фрисландка давно вернулась в свою деревню. Моя двухлетняя сестра играет возле меня, я ее нежно люблю.

После завтрака отец с работниками идут в поле, мать принимается за повседневные дела. Я выхожу во двор, меня окружают животные. Я с интересом разглядываю их, они мне нравятся. Но вокруг — другой мир, полный жизни. Он завораживает меня, только я один знаю о его существовании. На темной почве — несколько вытянутых фигур; они движутся, замирают, шевелятся, распростершись на земле. Они отличаются друг от друга очертаниями, манерой двигаться, а особенно — расположением, оттенками и рисунком пересекающих их линий. Эти линии являются жизненно важными для существ, я это ясно понял еще совсем ребенком. Общая масса у них — блекло-серого цвета, а линии — блестят и сверкают. Они образуют затейливые переплетения, расходясь лучами, переливаются яркими красками в центре и становятся едва различимыми у краев. Их вариации и изгибы кажутся бесчисленными. Разнообразие оттенков можно наблюдать даже на примере одной линии, формы же варьируются меньше.

В целом эти существа представляют собой четко очерченные фигуры сложного контура со сверкающим центром и многоцветными, тесно переплетающимися линиями. Когда существо движется, линии дрожат, мерцают, колеблются, центры сжимаются и разжимаются, но очертания почти не меняются.

Все это, хотя я и не могу точно определить увиденное, завораживает меня. Тянет вновь и вновь созерцать модигенов¹. Один из них — великан, метров десяти в длину и почти такой же ширины, медленно пересекает двор и исчезает; другой — с широкими полосами, похожими на канаты, и огромными центрами величиной с орлиное крыло — притягивает мое любопытство и почти пугает. Я колеблюсь, не решаясь последовать за ним, но вот мое внимание привлекли новые существа. Их размеры разнообразны — иные создания не больше крохотных насекомых, другие достигают тридцати метров в длину. Двигутся они прямо по земле, словно их притягивает к себе прочная основа. Когда возникает какое-то препятствие, они преодолевают его, распластаваясь по поверхности, но при этом почти не меняя

¹ Это имя я сам придумал еще ребенком и сохранил его за ними, хотя оно никак не выражает ни свойств, ни внешнего вида этих существ (*Прим автора*).

своих очертаний. Если же это препятствие являет собой живую материю, или то, что прежде было живым, они движутся прямо на него: я десятки раз наблюдал, как они появляются из дерева или из-под ног животного или человека. Они также проходят сквозь воду, но предпочитают оставаться на ее поверхности.

Эти наземные модигены — не единственные неосязаемые существа. Кроме них есть еще разновидность, живущая в воздухе, отличающаяся необычайной красотой, изысканностью очертаний, разнообразием форм, несравненным сиянием красок. Рядом с ними самые яркие птицы выглядят тусклыми, медлительными и неуклюжими. У этих существ тоже единый контур, испещренный множеством линий, но масса тела не выглядит сероватой, а излучает странное сияние, похожее на солнечное; линии напоминают дрожащие прожилки листьев, а центры непрерывно вибрируют. В юрены, так я их называю, имеют менее правильную форму, чем наземные модигены, и перемещаются, главным образом, по воздуху, ритмично сокращаясь, — мне трудно дать более точное определение.

Тем временем я шел по свежескошенному лугу: мое внимание привлекло сражение между двумя модигенами. Такие бои среди них — не редкость, и они очень занимают мое воображение. Иногда это схватки противников, равных по силе, но чаще всего нападает сильнейший (слабый не обязательно меньше по размеру). Сейчас слабый после недолгой обороны обратился в бегство, преследуемый противником. Несмотря на то, что бегут они быстро, я не отстаю, стараясь не пропустить момент, когда стычка возобновится. Они бросаются друг на друга яростно, даже свирепо. От ударов их линии начинают светиться, стягиваясь к ушибленному месту, а центры блекнут и уменьшаются. Сначала борьба идет на равных: более слабый сражается с удвоенной энергией, ему даже удастся добиться прекращения военных действий со стороны противника. Он пользуется этим, чтобы обратиться в бегство, но скоро его настигают, атакуют с новой силой, и соперник обтекает его своим телом. Именно этого слабейший и старался избежать, отвечая на удары не так энергично, как его противник, но более живо. Теперь я вижу, как трепещут все линии его тела, как отчаянно пульсируют центры; и по мере того, как бледнеют и истончаются линии, центры становятся более расплывчатыми. Через несколько минут он вновь обретает свободу и медленно удаляется — потускневший, изможденный... Противник же, наоборот, светится сильнее

прежнего, его линии стали ярче, центры — отчетливее, а их пульсация — учащенной.

Это сражение взволновало меня; оно до сих пор стоит у меня перед глазами, я сравниваю его с борьбой, которую мне изредка доводится наблюдать между нашими большими и малыми животными. Я смутно догадываюсь, что модигены, как правило, не умерщвляют друг друга или же прибегают к этому очень редко, и что победитель довольствуется тем, что набирается силы от побежденного.

Рассвело. Уже восемь утра, скоро начнутся уроки. Я мчусь домой, беру книги, и вот уже я — среди себе подобных, но никто из них не догадывается о глубочайшей тайне, витающей в воздухе, никто даже не подозревает о живых существах, сквозь которых проходит буквально все человечество, и которые, в свою очередь, проходят сквозь нас, и ни те, ни другие этого не замечают.

Я — плохой ученик. Почерк у меня ужасный — торопливый и корявый; речь неразборчива; моя рассеянность — притча во языцех. Учитель то и дело кричит мне:

— Карел Ундерет, вы когда-нибудь перестанете разглядывать мух?

Увы, мой дорогой наставник, я и впрямь разглядываю мух, но душа моя не здесь, а вместе с таинственными вьюренами, пролетающими мимо. Какие странные чувства берут детское сердце, когда я вынужден признаться себе в том, что люди слепы, и в их числе — вы, суровый пастырь юных умов.

V

Самый тяжелый период моей жизни — от двенадцати до восемнадцати лет. Все началось с того, что родители отдали меня в коллеж. Там я познал только новые страдания. Ценой невероятных усилий я научился внятно произносить некоторые самые необходимые слова, но так растягивал слоги, что речь моя походила на речь глухого. Если я начинал говорить о чем-то более сложном, то сбивался на свой привычный темп, и тщетно было пытаться уследить за моей речью. Таким образом, в устных дисциплинах успехов я не добился. Почерк у меня, как я говорил, тоже был ужасный, буквы налезали друг на друга, в нетерпении я пропускал целые слоги и слова. Получалась какая-то жуткая галиматья. Впрочем, писать для меня было еще мучительнее, чем говорить. Как это было медленно! Если иногда мне и удавалось, обливаясь потом, нацарапать не-

скольким фраз, то потом я чуть не падал в обморок от изнеможения. Уж лучше сносить гнев отца, упреки учителей, наказания, насмешки товарищей. Таким образом, я практически оказался лишен средств общения с людьми: мало того, что я отличался от остальных худобой, цветом кожи и строением глаз, меня к тому же считали недоразвитым.

Видя, что учение мне не впрок, родители решили забрать меня из коллежа, смирившись с тем, что я останусь неучем. В тот день, когда у отца исчезла последняя надежда, он обратился ко мне непривычно ласково:

— Бедный мой мальчик, ты видишь, я до конца исполнил свой долг. Не вини меня в своей судьбе.

Я был очень растроган, даже заплакал. В ту минуту я острее, чем когда-либо, почувствовал свое одиночество среди людей. Осмелев, я нежно обнял отца и пробормотал:

— Это неправда, я совсем не такой, как ты думаешь.

На самом деле я чувствовал себя на голову выше своих сверстников. Ум мой развивался необычайно быстро, я много читал и размышлял, ведь у меня было гораздо больше поводов для раздумий, чем у других людей.

Отец ни слова не понял из моих речей, но его растрогала моя нежность.

— Бедный мальчик! — прошептал он.

Я смотрел на него, испытывая невыразимое уныние, ибо понимал, что лежащая между нами глубокая пропасть никогда не исчезнет. Только мать любящим сердцем чувствовала, что я не глупее своих однолеток: она ласково смотрела на меня и произносила нежные слова, идущие из глубины души. И все-таки мне пришлось оставить учение. Меня определили пасти коров и овец. Я легко справлялся с этой работой, потому что бегал быстрее любой овчарки, и ни один жеребенок не мог опередить меня.

Так от четырнадцати до семнадцати лет я жил уединенной пастушеской жизнью. Предавался чтению и наблюдениям, и ум мой постоянно развивался.

Я непрестанно сравнивал два мира, стоящих перед моим взором, и старался представить себе общую картину Вселенной, строил догадки и гипотезы. И хотя мысли мои были незрелыми и отрывочными думами подростка, нетерпеливое восторженное стремление постичь мир было единственным утешением моего печального существования. Однако, мои размышления и наблюдения отличались оригинальностью и имели определенную ценность, разумеется, из-за неповторимости моего организма — я прекрасно отдавал себе в этом отчет. Но достичь больших глубин я не

мог, хотя, должен признаться без ложной скромности, что по логике и изяществу мои мысли значительно превосходили рассуждения заурядных молодых людей.

Только эти раздумья вносили утешение в мою печальную жизнь полутвержденного — без друзей, без подлинного общения с близкими мне людьми, даже с матерью.

К семнадцати годам жизнь моя сделалась совершенно невыносимой. Я устал мечтать в одиночестве. Изнемогая от тоски, я неподвижно сидел часами, безучастный ко всему окружающему. Зачем мне знать то, чего не ведают другие, если мои знания умрут вместе со мной? Тайна существования двух живых миров больше не опьяняла меня, не наполняла мою душу энтузиазмом, ведь я не мог ни с кем ею поделиться... Скорее наоборот, напрасные, бесплодные, нелепые мысли еще больше усугубляли мое одиночество... Я совсем отдалился от людей. Сколько раз мечтал я о том, как опишу все то, что знаю, пусть даже ценой невероятных усилий. Но с тех пор, как я бросил школу, я не прикасался к перу и теперь едва ли мог написать, напрягаясь изо всех сил, двадцать шесть букв алфавита. Наверное, если бы я хоть на что-то надеялся, я бы старался, как мог! Но кто примет всерьез мои жалкие измышления и не сочтет меня безумцем? Где тот мудрец, что согласится выслушать меня без иронии и предубеждения? Стоит ли в противном случае подвергать себя мукам? Ведь для меня изложить на бумаге свои мысли — все равно, что высечь их на мраморной плите с помощью огромного молотка и резца...

Итак, я не мог решиться записать то, что знал, однако страстно надеялся встретить кого-то, кто изменит мою судьбу. Мне казалось, что такой человек существует где-то на свете — незаурядный, светлый, пылкий ум, способный изучить мой феномен, понять меня, извлечь мою великую тайну и поведать о ней людям. Но где он, этот человек? Могу ли я надеяться, что когда-нибудь встречу его?

И я погрузился в глубокую меланхолию, желая только, чтобы меня оставили в покое, или мечтая о смерти. Всю долгую осень меня терзали мысли о несовершенстве устройства мира. Я впал в какое-то оцепенение, и когда приходил в себя, то горько плакал и кричал от отчаяния.

Я до того исхудал, что стал похож на призрак. Издали завидя мою долговязую фигуру, от которой падала длинная тень, жители деревни насмешливо кричали:

— Вон святой дух идет!

Я качался на ветру, как былинка, был невесом, как солнечный луч, но при этом — огромного роста.

Постепенно в моей голове созрел план. Раз уж я обречен на тягостное существование, на безрадостную и сумрачную череду дней, к чему прозябать в бездействии? Нужно удостовериться в том, что на свете действительно нет ни единой души, способной понять меня. Я решил оставить свой суровый край и отправиться в город на поиски ученых — естествоиспытателей и философов. Прежде, чем обнародовать свои познания о другом мире, я сам мог послужить интересным объектом для исследований. Разве моя внешность, зрение, быстрота движений не заслуживали сами по себе пристального внимания ученых?

Чем больше я об этом думал, тем больше крепили мои надежды и возрастала решимость. Наконец я сообщил родителям о своих намерениях. Они не слишком хорошо поняли, о чем идет речь, но в конце концов уступили моим настойчивым просьбам. Мне было разрешено поехать в Амстердам с условием, что я вернусь обратно, если моя судьба сложится неудачно. И вот как-то утром я отправился в путь.

VI

От Звартендама до Амстердама около ста километров. Я легко преодолел расстояние за два часа. Путешествие прошло без приключений, если не считать того, что в городках и поселках, через которые я пробегал, редкие прохожие буквально застывали на месте, изумленные скоростью моего бега. Чтобы не заблудиться, я несколько раз спрашивал дорогу у неторопливо бредущих стариков и, благодаря превосходно развитому чувству ориентации, оказался в Амстердаме около девяти часов утра.

Я решительно вошел в большой город и медленно побрел вдоль прекрасных каналов, смешавшись с толпой деловитых прохожих. Я не привлекал к себе особого внимания, как опасался, а лишь изредка вызывал усмешки юных гуляк. Но все же остановиться я еще боялся и обошел почти весь город, пока не осмелился войти в кабачок на набережной Геерен Грахт. Место было спокойное. Дивный канал нес свои воды между рядами деревьев, и я заметил, что среди снующих по берегам модигенов появились новые разновидности. Слегка поколебавшись, я переступил порог кабачка и, как мог медленно, обратился к хозяину с просьбой указать мне больницу...

В его взгляде я прочел подозрение и любопытство. Он

вынул изо рта трубку, снова затянулся и только тогда произнес:

— Бьюсь об заклад, вы из колоний?

Поскольку спорить с ним не имело смысла, я кивнул. В восторге от собственной проницательности, он задал новый вопрос:

— Вы, наверное, приехали из той части Борнео, куда нам, голландцам, невозможно попасть?

— Именно так.

Я ответил слишком быстро, он вытарашил глаза.

— Именно так, — повторил я медленнее.

Хозяин удовлетворенно улыбнулся.

— Вам нелегко говорить по-голландски? Значит, вам нужна больница. Вы что, больны?

— Да.

Нас уже обступили посетители, прослышав, что я — людоед с Борнео. Однако, смотрели они на меня скорее с любопытством, чем с враждебностью. С улицы в кабачок стекались зеваки: Мне стало не по себе, но, стараясь сохранять спокойствие, я произнес, кашляя:

— Я очень болен.

— Их обезьянам тоже вреден наш климат, — добродушно произнес какой-то толстяк. — Он для них просто смертелен.

— Какая у него странная кожа... — добавил другой.

— Интересно, как у него устроены глаза? — поинтересовался третий, указывая на меня пальцем.

Меня окружили плотным кольцом, на меня были устремлены сотни любопытных взоров, а в кабачок заходили все новые и новые посетители.

— Какой он высокий!

— А до чего тощий!

— Непохоже, чтобы эти людоеды прилично питались.

В голосах не чувствовалось неприязни, а несколько сердобольных даже попытались меня защитить:

— Не давите на него так, он ведь нездоров.

— Ну, приятель, не робей! — сказал толстяк, заметив мое беспокойство, — я отведу тебя в больницу.

Он взял меня за руку и с криком: «Дорогу больному!» — начал пробиваться сквозь толпу. У нас в Голландии зеваки довольно беззлобны. Они расступились, но тут же поспешили вслед за нами. Мы шли по набережной канала в сопровождении густой толпы, и люди кричали:

— Это людоед с Борнео!

Наконец, мы добрались до какой-то больницы. Был

приемный час. Нас провели к студенту-практиканту, юноше в очках, который встретил нас весьма нелюбезно. Мой спутник сообщил ему:

— Это дикарь из колоний.

— Неужели дикарь? — вскричал тот.

Он снял очки, чтобы лучше меня рассмотреть, застыл в изумлении на несколько секунд, затем быстро спросил:

— Вы зрячий?

— Я прекрасно вижу.

Я произнес эту фразу слишком быстро.

— Это у него такой акцент, — с гордостью объяснил толстяк. — Ну-ка, приятель, повтори.

Я повторил, стараясь говорить разборчивее.

— У него необычное строение глаз... — пробормотал студент, — и цвет кожи... В вашем племени у всех такая кожа?

Тогда, делая невероятные усилия, чтобы он понял, я сказал:

— Я приехал встретиться с ученым.

— Значит, вы не больны?

— Нет.

— Вы с Борнео?

— Нет.

— Откуда же вы?

— Из Звартендама, что неподалеку от Дисбурга.

— Так почему же ваш спутник утверждает, что вы с Борнео?

— Он так решил, а я не стал с ним спорить.

— Вы хотите встретиться с ученым?

— Да.

— Но зачем?

— Чтобы меня осмотрели.

— Вы надеетесь заработать денег?

— Нет, деньги мне не нужны.

— Выходит, вы не нищий?

— Нет.

— Почему же вы хотите, чтобы вас осмотрел ученый?

— Из-за особенностей моего организма.

Несмотря на все старания, я говорил слишком быстро. Приходилось повторять.

— Вы уверены, что отчетливо видите меня? — спросил юноша, не сводя с меня пристального взгляда. — Похоже, ваши глаза целиком состоят из рогамицы...

— Я вас прекрасно вижу.

Я принялся шагать по комнате, хватая какие-то предметы, ставя их на место, подбрасывая в воздух.

— Невероятно! — с восхищением воскликнул студент почти дружелюбно, чем вселил в меня надежду. — Послушайте, — изрек он наконец, — думаю, что доктор Ван ден Хевель заинтересуется вашим случаем. Я предупрежу его. Посидите в этом кабинете. Значит, если я вас правильно понял, вы абсолютно здоровы?

— Да.

— Пройдите сюда. Доктор сейчас выйдет.

Так я очутился среди заспиртованных чудовищ: эмбрионов, звероподобных детей, огромных земноводных, диковинных ящериц с антропоморфными чертами. «Все правильно. Здесь мое место, — подумал я. — Наверное, я тоже мог бы претендовать на то, чтобы меня заспиртовали и поместили рядом с ними».

VII

Когда появился доктор Ван ден Хевель, меня охватило волнение. Я задрожал от радости, словно увидел землю обетованную, почувствовал, что могу к ней прикоснуться. Доктор — с высоким лбом с залысинами, тонким волевым ртом, пронизательным взглядом психолога — молча рассматривал меня и, как все остальные, был удивлен моей худобой, высоким ростом, странными глазами, сиреневым цветом кожи.

— Вы сказали, что хотите, чтобы вас осмотрел ученый? — спросил он.

Я ответил резко, почти яростно:

— Да!

Он одобрительно улыбнулся и задал привычный для меня вопрос:

— Вы хорошо видите?

— Прекрасно. Вижу даже сквозь деревья, облака...

Но я заговорил слишком быстро, он кинул на меня спокойный взгляд. Я повторил медленнее, чувствуя, как лоб покрывается испариной:

— Вижу даже сквозь деревья, облака...

— В самом деле? Да это же просто замечательно! Ну а что вы видите, скажем, за этой дверью? — он указал на забитую дверь.

— Большой застекленный книжный шкаф, резной письменный стол...

— Верно, — сказал он с изумлением.

Я облегченно вздохнул, испытывая какое-то особое душевное спокойствие. Несколько минут доктор молчал, затем произнес:

— Вам трудно говорить...

— Иначе за моей речью невозможно уследить, я произношу слова слишком быстро.

— Ну что ж, расскажите мне что-нибудь в таком темпе, как вы обычно говорите.

Тогда я рассказал ему о том, как я появился в Амстердаме. Он слушал предельно внимательно, с умным и сосредоточенным видом, какого я никогда еще не наблюдал у других. Он ни слова не понял из моего рассказа, но тем не менее смог сразу же сделать правильный вывод:

— Если я не ошибаюсь, вы произносите по пятнадцать-двадцать слогов в секунду, то есть, в три или четыре раза больше, чем может воспринять человеческое ухо, ваш голос гораздо выше всех слышанных мною голосов, а быстрота движений полностью соответствует скорости речи. Если так можно выразиться, весь ваш организм функционирует быстрее, чем наш.

— Я бегаю быстрее гончей, — добавил я, — а пишу...

— Прекрасно, — перебил меня доктор, — посмотрим ваш почерк.

Я нацарапал несколько слов на протянутом мне листе бумаги: первые слова еще можно было прочесть, но остальное оказалось совершенно неразборчиво.

— Так, так! — произнес доктор с радостным удивлением. — Полагаю, меня можно поздравить с тем, что мы встретились. Будет чрезвычайно интересно исследовать ваш организм.

— Именно этого я и хочу.

— И я, разумеется. Наука... — он замолчал, задумавшись, и произнес:

— Для нас главное — найти какое-нибудь доступное средство общения.

Сдвинув брови, он принялся расхаживать по кабинету, потом воскликнул:

— Как я раньше не догадался! Вы научитесь стенографировать, черт побери! — На его лице появилось радостное выражение. — И я совсем забыл про фонограф. Отлично. Мы будем записывать вашу речь и прокручивать запись на более медленной скорости. Короче говоря, вы останетесь в Амстердаме и будете жить у меня.

Я испытывал радость от того, что свершилась моя мечта, что отныне дни мои перестанут быть бесплодными и

праздными. Я чувствовал себя теперь причастным к науке. Отчаяние, вызванное душевным одиночеством, сожаление о бесцельно прожитых днях — все, что угнетало меня долгие годы, отошли в прошлое в преддверии новой настоящей жизни.

VIII

На следующий день доктор отдал все необходимые распоряжения. Он написал моим родителям, нанял преподавателя стенографии, обзавелся фонографом. Так как Ван ден Хевель был очень богат и к тому же безраздельно предан науке, он проделал огромное количество опытов, тщательно исследовав мои зрение, слух, мышечное строение, пигментацию. Доктор приходил во все большее воодушевление и восклицал. «Это потрясающе!»

Уже через несколько дней я понял, как важно, чтобы опыты проводились методически: от простого к сложному, от объяснимых отклонений — к необъяснимым. Кроме того, я прибегнул к небольшой хитрости: я раскрывал свои способности лишь постепенно.

Прежде всего доктор заинтересовался быстротой реакций моего организма. Он убедился, что острота моего слуха не менее поразительна, чем скорость речи. Во время опытов я воспроизводил едва различимые шорохи, улавливал отдельные реплики в гуле десяти-пятнадцати голосов. Также была установлена моя способность зрительно расчленять ряд последовательных движений, например, полет насекомого или галоп лошади, как при моментальной фотосъемке. Причем преимущество оставалось за моим зрением. Я мог одновременно охватывать взглядом движения целой группы людей, например, школьников, бегающих по двору во время перемены, пересчитывал подброшенные в воздух камни, чем не переставал удивлять доктора и его друзей.

Скорость моего бега, двадцатиметровые прыжки, умение необыкновенно быстро брать и ставить на место разные предметы больше всего нравились не столько доктору, сколько его близким. Дети и жена моего друга всякий раз радовались, когда во время загородных прогулок я обгонял несущегося галопом всадника или бросался вдогонку за ласточками. И в самом деле, я могу дать фору в две трети пути любому чистокровному жеребцу и легко обгоняю всех птиц.

Доктор, чрезвычайно довольный результатами исследо-

ваний, так определил мое место среди людей: «Человеческое существо, обладающее неизмеримо большей скоростью движений не только по сравнению с другими людьми, но и со всеми известными животными. Выделяясь среди прочих существ быстротой реакций, оно заслуживает особого названия и места в системе живого мира. Необычное строение глаз и фиолетовый оттенок кожи являются первичными признаками принадлежности к данной общности».

Исследование мышечной системы не выявило ничего достойного внимания, за исключением крайней худобы. В строении слухового аппарата и кожного покрова были обнаружены несущественные особенности. Доктор подверг тщательному изучению мои черные с фиолетовым отливом волосы, тонкие, как паутина.

— Если бы вас еще анатомировать... — говорил он иной раз, шутя.

Время летело незаметно. Благодаря моей природной способности к быстрому письму и настойчивости, я довольно скоро овладел стенографией, причем к общепринятым сокращениям добавил несколько собственных. Мои записи расшифровывал стенограф, а кроме того, мы пользовались фонографами, выполненными по чертежам самого доктора и прекрасно приспособленными для воспроизведения моей речи в замедленном темпе.

Между мной и доктором установилось полное доверие.

Первые недели он никак не мог освободиться от подозрений, и это вполне объяснимо, что мои способности связаны с нарушением мозговой деятельности. Но как только это предположение отпало, наши отношения стали истинно дружескими и, как мне кажется, приятными для нас обоих.

Мы изучили мою способность видеть сквозь целый ряд так называемых светонепроницаемых веществ и сквозь воду, стекло, кварц, которые при определенной толщине слоя представляются мне интенсивно окрашенными. Как я уже говорил, я отлично вижу сквозь листву, деревья, облака, но с трудом различаю дно мелкого водоема. Стекло для меня не так прозрачно, как при обычном зрении, и к тому же представляется мне цветным. Кусок стекла большой толщины кажется мне черным. Доктор в полной мере удостоверился во всех особенностях моего зрительного восприятия; больше всего ему нравилось, что я могу видеть звезды в пасмурную ночь.

Только после этих опытов я заговорил с ним о том, что и цветовую гамму тоже вижу не совсем обычно. Эксперименты показали со всей очевидностью, что я не различаю

красный, оранжевый, желтый, синий, голубой, наподобие того, как обычные люди не воспринимают цвета инфракрасного или ультрафиолетового спектра. Это весьма удивило доктора.

Результаты длительного и кропотливого изучения позволили Ван ден Хевелю совершить многочисленные открытия в различных областях человеческих знаний, дали ему ключ к пониманию неразгаданных явлений магнетизма, реакций соединения химических элементов, диэлектрической проницаемости и помогли разработать новые понятия в физиологии. Нетрудно себе представить, что может принести талантливому ученому знание того, какие еще неизвестные оттенки приобретает металл при воздействии на него давлением или электрическим током или изменением температуры; что даже самые малые объемы бесцветных газов отличаются по цвету; что гамма цветов ультрафиолетового спектра, которая обычным людям кажется черной, на самом деле бесконечно богата оттенками; наконец, то, что электрическая цепь, кора деревьев, кожный покров человека меняют окраску каждый день, каждый час, каждую минуту.

Во всяком случае, занятия со мной давали доктору возможность наслаждаться научными открытиями, по сравнению с которыми умозаключения так же холодны, как пепел рядом с пламенем.

Ван ден Хевель без конца повторял:

— Это очевидно! Ваше исключительное восприятие цветов — результат необычной, убыстренной организации!

Мы терпеливо трудились в течение года, но ни разу я не упомянул доктору о модигенах. Мне так хотелось завоевать его доверие, прежде чем решиться на последнее признание.

И наконец, настал час, когда я почувствовал, что могу открыться доктору.

IX

Был осенний пасмурный день. Уже неделю стояла мягкая, теплая погода без дождей. Мы с Ван ден Хевелем гуляли по саду. Доктор молчал, погруженный в раздумья, затем произнес:

— Как должно быть прекрасно уметь видеть сквозь толщу облаков... А мы, люди, жалкие слепцы...

— Но я вижу не только небо, — ответил я.

— Конечно, целый мир, не похожий на наш.

— Нет, еще один, совсем не тот, о котором я рассказывал.

— Как?! — вскричал он с жадным любопытством. — вы что-то от меня скрыли?

— Самое главное.

Он застыл, как вкопанный, не сводя с меня тревожно-пристального взгляда, буквально заворачивая меня.

— Да, самое главное.

Мы подошли к дому. Я бросился за фонографом. Слуга принес очень большой фонограф, усовершенствованный моим другом, и поставил его на маленький мраморный столик, за которым семья доктора теплыми летними вечерами обычно пила кофе. С помощью фонографа наша беседа протекала, как обыкновенный диалог.

— Да, я скрыл от вас самое главное, добываясь прежде всего вашего безграничного доверия. Но даже теперь, после целого года нашей совместной работы, я все же боюсь, что вы мне не поверите.

Я замолчал, а фонограф повторил эту фразу. Доктор побледнел от волнения, свойственного всем большим ученым, когда они предчувствуют крупное открытие. Его руки дрожали.

— Я верю вам, — произнес он с некоторой торжественностью.

— Даже если я буду утверждать, что все живое, вернее, весь растительный и животный мир Земли — это не единственная форма жизни, существует и другая, не менее разнообразная, но невидимая для ваших глаз?

Он наверное, заподозрил меня в оккультизме и, не сдержавшись, сказал:

— Ну да, мир духов, теней, призраков...

— Ничего подобного. Это мир живых существ, обреченных, как и мы, на недолгую жизнь, заботу о пропитании, борьбу и смерть. Мир, столь же хрупкий и эфемерный, как наш; развивающийся по своим законам, в чем-то сходным с нашими, так же привязанный к Земле, так же безоружный перед опасностями, и в то же время совершенно отличный от нашего мира, никоим образом на него не влияющий. Единственное, что нас объединяет, это Земля, которую и мы, и они стремимся преобразовать.

Не знаю, поверил ли мне Ван ден Хевель, но, несомненно, мои слова сильно взволновали его.

— Они что, существуют в жидком состоянии?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, потому что природа этих существ противоречит нашим представлениям

о материи. Земля и большинство минералов так же тверды для них, как и для нас, хотя они могут слегка погружаться в почву. Они абсолютно непроницаемы и прочны по отношению друг к другу. Эти таинственные создания могут проходить сквозь растения, животных, органические ткани, а мы, в свою очередь, также проходим сквозь них. Если бы они нас видели, возможно, мы в свою очередь могли показаться им бесплотными. Но, как и я, они не могут сказать ничего определенного о нашем мире. Эти существа — совершенно плоски, их размеры различны: одни достигают ста метров в длину, другие — крошечные, как наши насекомые. Некоторые из них питаются тем, что дает земля, другие — за счет себе подобных; но в отличие от нас у них это не связано с лишением жизни, им достаточно извлечь жизненную энергию.

Доктор перебил меня:

— Вы наблюдаете за ними с детства?

Я понял, что он имеет в виду. Он опасался умственного расстройства, которое могло поразить меня совсем недавно.

— Да, с детства, — ответил я твердо, — и могу вам это доказать.

— А сейчас вы их видите?

— Вижу. Их много в саду.

— Где, например?

— На аллее, на лужайке, на изгороди, в воздухе. Они живут и на земле, и в воде, и в воздухе.

— Их одинаково много повсюду?

— Их почти столько же в городах, как и в сельской местности, они встречаются и в домах, и на улицах. Те, что проникают в дома, обычно небольшие по размерам; по-видимому, попасть в помещение непросто, хотя деревянные двери не являются для них препятствием.

— А железо, стекло, кирпич?

— Они для них непроницаемы.

— Опишите мне одного из них, покрупнее...

— Вон под тем деревом — модиген, метров десяти в длину и почти такой же ширины, неправильных очертаний. Он выпукло-вогнутый, на его поверхности вздутия и впадины, он похож на огромную приземистую личинку. Но его нельзя считать эталоном, так как эти существа весьма разнообразны по форме в зависимости от разновидностей. Отсутствие объема у данной особи — общее для всех свойство, их толщина не превышает одной десятой миллиметра; самой же характерной особенностью модигенов являются линии, пересекающие тело во всех направлениях и закан-

чивающиеся двумя пучками. В каждом пучке — свой центр, похожий на пятно, выступающий из массы тела, а иногда, наоборот, более вогнутый. Центры не имеют определенной формы, они бывают круглыми или эллиптическими, изогнутыми или в виде спирали, иногда суженными в нескольких местах. Центры на удивление подвижны и увеличиваются прямо на глазах. Края их сильно пульсируют, словно охваченные волнообразным движением. Обычно линии, исходящие из центров, достаточно широкие, хотя встречаются и более тонкие; они расходятся лучами, превращаясь в огромное число едва различимых пятен, которые постепенно бледнеют и исчезают. Несколько линий, более блеклых, чем остальные, не связаны с центрами, они расположены особняком и пересекаются между собой, не меняя цвета: эти линии, изгибаясь, могут перемещаться по телу, тогда как центры и соединительные линии относительно неподвижны... Что касается окраски модигенов, я не берусь описать ее: ни один из цветов не встречается среди той гаммы, которую воспринимает ваш глаз, ни один не имеет названия. Соединительные линии сильно блестят, у центров их сияние слабее, а при пересечении они довольно блеклые, свободные линии имеют характерный металлический отблеск... Я собрал наблюдения об образе жизни, питании модигенов, но передам их вам позже.

Я остановился. Доктор дважды прокрутил запись, потом надолго замолчал. Ни разу еще я не видел его в подобном состоянии. Его лицо сделалось суровым, непроницаемым, глаза словно остекленели, виски покрылись испариной. Он попытался заговорить, но не смог. Ван ден Хевель вышел в сад. Когда исследователь вернулся, то в его лице появилось что-то иступленное, фанатичное. Он скорее походил на приверженца нового учения, нежели на охотника за научными сенсациями.

Наконец он произнес:

— Я потрясен. Все, что вы рассказали, кажется вполне достоверным, впрочем, я не вправе сомневаться в ваших словах, после всех открытий, которые я осуществил с вашей помощью...

— Что ж, сомневайтесь, — с жаром воскликнул я, — сомневайтесь! От этого ваши опыты станут лишь более плодотворными.

— До чего же это прекрасно! — произнес он мечтательно. — Это не идет в сравнение даже с самыми невероятными чудесами из волшебных сказок. Как беспомощно воображение человека рядом с подобными феноменами!

Я ощущаю в себе огромный прилив сил. Однако в глубине души еще осталось сомнение...

— Так давайте же трудиться, чтобы рассеять ваши сомнения. Наши усилия будут щедро вознаграждены!

Х

И мы стали трудиться. Доктору потребовалось всего несколько недель, чтобы окончательно рассеять свои сомнения. Сложные опыты полностью подтвердили мои рассказы, было открыто влияние модигенов на атмосферные явления. Сотрудничество старшего сына доктора — юноши, безгранично преданного науке, — во многом способствовало успеху наших работ.

Благодаря исследовательскому уму этих двух ученых, их умению сопоставлять и классифицировать (я тоже постепенно осваивал их методы), наконец, прояснилось все то, что казалось непонятным и нелогичным в моих представлениях о модигенах. Открытия следовали одно за другим. Четкая научная работа всегда приносит ощутимые результаты, а ведь еще столетие назад заявление, подобное моему, повлекло бы за собой лишь долгие бесплодные дискуссии.

Вот уже пять лет, как мы ведем совместные исследования, они еще весьма далеки от завершения, и наши выводы будут опубликованы нескоро. Наш принцип: не торопиться с заключениями. Открытие, сделанное нами, слишком значительно, поэтому мы должны тщательно обосновать все доказательства вплоть до мельчайших деталей. Ведь мы не стремимся никого опередить, нам не нужны патенты на изобретения, мы не рвемся к титулам и наградам. Мы уже достигли того уровня, где нет места тщеславию и гордыне. Разве можно сравнить радость нашего совместного творчества с жалким стремлением к славе? Ведь в нашем случае единственный повод для честолюбивых помыслов — необыкновенные особенности моего организма. Было бы недостойно воспользоваться этим.

Мы терпеливо работаем в преддверии замечательных открытий, и, вместе с тем, наше душевное спокойствие ничем не омрачено.

Со мною произошло удивительное событие, внесшее бесконечную радость в мою жизнь, насыщенную научными поисками. Я уже говорил, как я уродлив, скорее, странен. Видя меня, женщины испытывают лишь страх. Однако, я

нашел себе спутницу жизни, которую мое присутствие не только не тяготит, но даже радует.

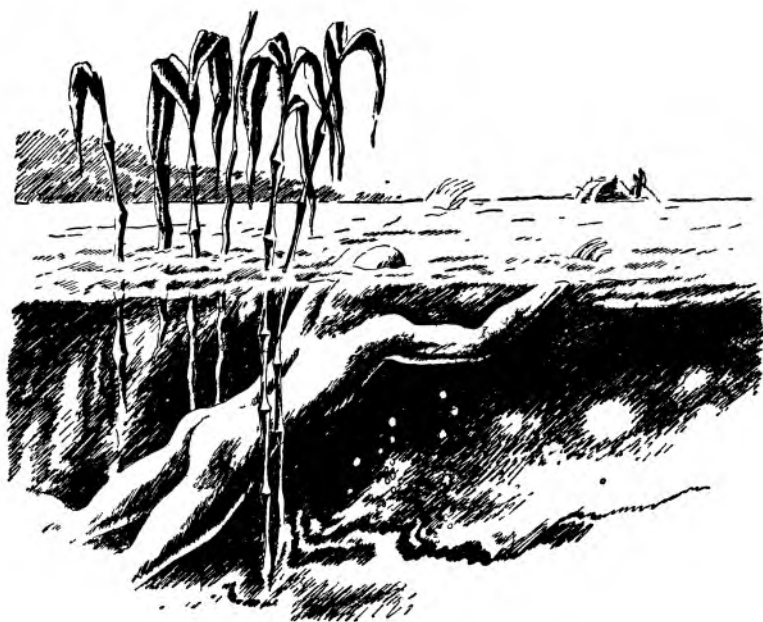
Эта бедняжка отличается крайней нервозностью. Мы случайно познакомились с ней в одной из амстердамских клиник. У нее болезненный, изможденный вид, бледное лицо, впалые щеки, блуждающий взор. Но мне она кажется приятной, ее общество доставляет мне удовольствие. Я же не только не вызываю у нее удивления, как у других людей, а наоборот, вселяю в нее веру в собственные силы. Почувствовав это, я был тронут, мне захотелось увидеть ее снова.

Очень скоро все заметили, что я оказываю на нее благотворное, успокаивающее влияние. Уже впоследствии опытным путем мы установили, что мое тело излучает магнитные волны, а прикосновение рук приводит ее в уравновешенное, радостное состояние, буквально исцеляет ее. Мне же было очень приятно находиться рядом с нею. Ее лицо кажется мне красивым, худоба и бледность — изысканными. Одним словом, я испытывал к ней особое расположение, а она в свою очередь пылко отвечала на мои чувства. Я решил жениться на ней и, благодаря своим друзьям, легко смог осуществить это намерение. Наш брак оказался счастливым. Моя жена поправляется, хотя по-прежнему чрезвычайно чувствительна и хрупка. Я испытываю радость при мысли, что могу жить, не отличаясь по образу жизни от прочих людей. Но особенно счастлив я стал полгода назад: у нас родился ребенок, поразительно похожий на меня. Он унаследовал мой цвет кожи, строение глаз, обостренный слух, быстроту движений, словом, он обещает быть точной копией своего отца.

Доктор с восхищением наблюдает за его развитием. У нас появилась радостная надежда, что опыты по изучению модигенов — мира, сосуществующего с нашим, опыты, требующие времени и терпения, не останутся, когда меня не будет. Сын продолжит дело отца. А может быть он найдет талантливых единомышленников, которые поднимут наши исследования на новую высоту? Ведь мои внуки, наверное, тоже смогут увидеть неведомый для других мир?

Я надеюсь, что у нас еще будут дети, похожие на меня...

Эта мысль наполняет меня радостью, и я испытываю гордость, сознавая свою особую миссию перед человечеством.

ОЗЕРО БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

Повесть «Озеро белых лилий» («Nymphae», 1893) на русский язык не переводилась. В 1975 году газета «Юманите» опубликовала комикс по ней в серии по произведениям Рони-старшего. Повесть была одобрительно оценена И. А. Ефремовым в его обзоре «морской» фантастики.

Часть I

БОЛЬШИЕ БОЛОТА

Места, по которым мы путешествовали, поражали необычайным изобилием всего живого. Человека здесь и не встретишь. Безмолвие царит над огромными пространствами болот. На земле и под водой жизнь беспрепятственно множится. В воздухе стаями носятся пернатые, реки кишат подводными обитателями.

Ничто здесь не стесняет душу. Долгие месяцы я жил привольной жизнью среди этих просторов. То, что я видел, превосходило всякое воображение: полчища волков и медведей, несметные табуны лошадей, косяки журавлей и диких голубей. Я беспредельно радовался дуновению ветра, блеску воды, шелесту трав и камыша.

И вдруг на нашем пути встали болота. По левую руку тянулась странная местность, пересеченная небольшими островками, на которых застыли в задумчивости цапли, а сквозь заросли тростника пробирались курочки-пастушки¹. Мы перешли вброд мелкие протоки, на поваленной молнией ольхе, как на плоту, переплыли глубокое болото. Тогда нашим взорам открылась равнина с ее могучей неведомой жизнью, лихорадочной суетой пресмыкающихся: у берега ползали гигантские жабы, в грязи и пожухлой траве скользили змеи, неутомимые насекомые копошились во влажной земле, устраивая свои гнезда. Извержения удушливых смертоносных газов, вырывавшихся из толщи зловонного ила, полыхание болотных огней по ночам, а особенно непроницаемое небо, низко нависшее над редкими островками суши, затерянной среди мрачных вод, в зеленой пене водорослей — все это величие вселяло в нас чувство благоговейного страха.

Мы шли вперед, не решаясь повернуть обратно, тщетно пытаясь найти дорогу в болотах.

Август был на исходе, вот уже три недели мы брели наугад. На речных порогах у нас унесло палатки, люди приуныли, но командир не сдавался. Исследователь наделенный пытливым умом, неиссякаемой энергией, непримиримый до жестокости, не ведающий сомнений или слабо-

¹ Пастушка — порода птиц (*Прим переводчика*).

стей, — он был из породы людей, которые великолепно умеют бороться, подчинять себе всех и вся, геройски погибнуть, если потребуется, но чья личная жизнь течет размеренно, монотонно, словно ее и нет совсем. Он подавлял нас своей волей.

Теперь и нашему проводнику-азиату местность была совершенно незнакома, и на все наши расспросы он отвечал с печальной невозмутимостью сыновей Востока:

— Не знай... земля злых людей... ничего здесь не знай!

Люди шли вперед, но уже ощущалось нарастающее недовольство. Я же беспокоился только за очаровательную Сабину Деврез, дочь капитана. Совершенно непонятно, как она добилась того, чтобы ее взяли в экспедицию. Капитан, вне всякого сомнения, считал, что экспедиция займет много времени и будет неопасной, и девушке удалось его уговорить. К тому же люди, привыкшие к путешествиям, проникаются непостижимым оптимизмом, редкой верой в свою звезду.

С каждым днем Сабина Деврез становилась мне все дороже: ее присутствие не только скрашивало наш трудный путь, но и доставляло мне неизъяснимую радость. Тонкие черты лица и нежный рот создавали обманчивое впечатление хрупкости, — на самом деле она оказалась очень сильной — никогда не болела, почти не уставала. Она придавала очарование всему путешествию — цветок шиповника среди диких зарослей.

Однажды утром нам показалось, что мы, наконец, достигли твердой земли. И пока мы шли по относительно сухому участку, капитан торжествовал:

— Так я и думал... Мы найдем выход на востоке... Там степи.

Но я не разделял его оптимизма! Всматриваясь вдаль, я предчувствовал, что нас ждут большие опасности. Вскоре снова началась топь, коварная и несущая гибель. В довершение всего полил нескончаемый дождь. Перед нами простиралась каменистая равнина, местами покрытая похожим на губку мхом и липким лишайником. Болота становились все шире, огибая их, мы теряли целые дни. А вокруг, пугая лошадей, сновали разные болотные твари. Рваные плащи почти не защищали от дождя, мы промокли до нитки. Привал, устроенный тридцатого августа на маленьком твердом холмике, под открытым небом, без пищи, был одним из самых тягостных за все время нашего путешествия.

Наш суровый и непреклонный начальник, похожий на одного из тех ассирийских воинов, ведущих пленных, ка-

кими они изображены на Хорсабадских барельефах¹, хранил молчание. Зловещие сумерки гасли в потоках воды. Сырость, от которой негде укрыться, куда ни глянь, однообразный серый пейзаж, скудная, чахлая растительность под ногами — все это удручало нас. Только Сабина Деврез еще находила в себе силы улыбаться. Когда я слышал ее серебристый голосок в этой дождливой мгле, мне становилось легче, и я забывал об усталости и тревогах. Вообразите, как мы укладывались спать на эту топкую землю, в крошечной тьме; было новолуние и луна скрылась за густым слоем облаков, протянувшихся с востока на запад.

Мне все же удалось заснуть, хотя во сне меня мучили ужасные кошмары. Примерно за час до рассвета наши лошади вдруг заволновались, захрапели от страха. Они наверняка убежали бы, если бы не крепкие ремни, которыми их стреножили. Проводник тронул меня за плечо:

— Она пожирать людей!!!

Нетрудно представить, в какой ужас повергли меня эти слова, произнесенные во мраке ночи под непрекращающимся ливнем. Рывком вскочив на ноги, я взвел курки карабина, вытащив его из промасленного кожаного чехла. Потом попытался всмотреться в темноту — это было все равно, что пытаться разглядеть что-либо сквозь стену.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

На равнине послышалось глухое рычание, рассеявшее всякие сомнения. То был Он, самый крупный в мире хищник, огромный азиатский тигр, способный переплывать холодные реки, разорять селения по берегам Амура, приемник, если не потомок пресловутого владыки четвертичного периода.

С этим зверем нам уже приходилось встречаться, но тогда нас было человек десять хорошо вооруженных стрелков вокруг яркого лагерного костра. Тогда мы его не боялись, но в эту темную ночь мы не могли следить за передвижениями чудовища. Нам оставалось только ждать. А он, в отличие от людей, прекрасно видел в темноте.

— В каре! — скомандовал капитан.

Мы построились. Тем временем наши лошади заволновались еще больше. Можно было бы укрыться за ними, но они беспорядочно метались, и за таким заслоном было еще опасней.

¹ Хорсабадские барельефы украшают монументальный дворец VIII в. до н. э. в Хорсабаде (в древности город Дур-Шаррукин, принадлежавший царю Саргону II Ассирийскому). Дворец был раскопан в 1834 г. (*Прим. переводчика*).

— Она идти. Моя слышать, — сказал проводник.

Никто не сомневался, что у азиата необычайно тонкий слух. О, проклятый ливень! Сплошная черная стена! И эта ужасная неопределенность! Вскоре я тоже услышал шаги гигантского хищника. Достаточно только представить, как он крадется, замирает... готовится к прыжку... Да такое могло испугать любого храбреца!

Шаги смолкли. Наверное, зверь не решил, на кого ему напасть. В этой глуши, где ему не доводилось встречать ни людей, ни лошадей, те и другие, должно быть, удивили его. Наконец, в темноте вновь послышался шорох, и мы определили, что тигр находится слева, ближе к нам, чем к лошадям.

— Стреляйте наугад, — сказал мне Деврез.

Бесспорно, я был лучшим стрелком в экспедиции и мог попасть в цель со ста шагов. Я выстрелил. Раздался рев, мы услышали три тяжелых прыжка. Теперь тигр был совсем рядом. Он громко, прерывисто дышал.

— Алкуэн, Лашаль, огоны! — скомандовал капитан.

При вспышках выстрелов мы разглядели силуэт громадного тигра, сжавшегося для решающего прыжка. И прежде, чем Деврез успел отдать новый приказ, зверь прыгнул прямо на нас. В непроглядном мраке раздался чей-то крик. Затем наступило мгновение беспредельного ужаса. Никто не решался стрелять! Новый крик! Лязганье зубов. Наконец, кто-то выстрелил!

При вспышке мы увидели, что двое уже лежат на земле, а тигр готовится прыгнуть на третьего. Но теперь-то мы видели, где находится хищник, и взяли его на прицел.

Прогремело четыре выстрела. Зверь издал ужасающий рев, затем наступила тишина.

— Она ранить, — прошептал наш проводник.

Едва он вымолвил это, как в ответ раздалось рычание. Я почувствовал, как что-то огромное налетело на меня, сбilo с ног, схватило так, что я не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться, потащило по земле, подбросило, поймало на лету, как кошка птицу, и помчалось дальше.

«Я погиб», — подумалось на мгновение.

Покорившись судьбе, я приготовился к смерти. Я не чувствовал боли и был в ясном сознании, машинально продолжая держать в руках карабин... Прошло какое-то время. Неожиданно зверь остановился, и я оказался на земле. Тяжелое зловонное дыхание коснулось моего лица... И вдруг вся моя покорность сменилась страхом, невероят-

ным желанием жить... Зверь вонзил когти. Сейчас он разорвет меня на куски.

— Прощайте! — слабо прокричал я.

Сам не знаю как, выстрелил. Вспышка, грохот! Зверь взвыл и отскочил назад. Я лежал на земле в ожидании смерти. В трех шагах от себя я слышал этот жуткий рев, в моей душе пробудилась слабая надежда. Суждено мне умереть или остаться в живых? Почему он меня не трогает? Почему хищник только рычит, не пытаюсь мстить? Вот он зашевелился, приподнялся. Моя смерть пришла. Но нет... Он снова упал и уже больше не хрипит... Тишина!... Мертвая тишина!... Сколько времени это продолжалось? Кажется, целую вечность. Я сам не заметил, как очутился на ногах. Послышались шаги и голос проводника:

— Она очень умирать!

В крошечной тьме он дотронулся до меня, и в ответ я крепко сжал его руку. Тревога не утихала: действительно ли зверь мертв... А вдруг он поднимется и прыгнет!

Но зверь не двинулся и даже не дышал. Слышался только монотонный шум дождя и осторожные шаги моих спутников. Раздался голос капитана:

— Робер, вы живы?

— Жив.

После нескольких неудачных попыток мне, наконец, удалось зажечь у себя под плащом спичку. При слабом свете моим глазам представало захватывающее зрелище: огромный зверь лежал на земле, все еще прекрасный в своей угрожающей позе, с разинутой пастью, обнажив громадные клыки, с когтями острыми, как кинжалы. В самом деле, он больше не шевелился, не дышал! Как все это произошло? Неужели я вновь среди людей, неужели я спасся от ужасной смерти? Ведь еще недавно мне казалось, что пробил мой последний час, и меня коснулось ледяное дыхание смерти.

Проводник повторял:

— Она мертвый совсем!

Кое-как мы добрались до того места, где находился капитан. Нежный дрожащий голосок заставил забиться мое сердце.

— Вы не ранены?

— Нет, мадемуазель, во всяком случае, ничего серьезного. Должно быть, тигр схватил меня за кожаный пояс. А что с другими?

— Он, кажется, здорово полоснул меня когтями по груди, — сказал Алкуэн, — но потом тут же бросил.

Другой голос звучал тише и жалобнее:

— У меня распорота нога, ну и страшный был удар...

Мы больше не думали ни об усталости, ни о ливне: избавление от смертельной опасности наполняло нас почти радостным возбуждением. На востоке небо чуть просветлело. Но еще долго свет был таким слабым, что мы с трудом различали друг друга. Наконец, стало светлее. Наступил день, еще один тоскливый день в этом печальном крае. Набухшие от дождя болота выступили из берегов. Стоило нам увидеть эту картину, как возбуждение стихло, сменилось глубокой тоской. Я не сводил глаз с несравненной Сабины, которая, как путеводная звезда древних мореплавателей, озарила мою жизнь. Наши раны были не настолько серьезны, чтобы задерживаться здесь дольше.

Прошел еще один день в этом проклятом месте, под непрерывным изматывающим дождем. Люди все чаще и чаще выказывали свое недовольство. Они держались в стороне, о чем-то шептались. Когда я подходил, смотрели на меня с недоверием. Нетрудно было догадаться — зрел разговор. И хотя сам я готов был следовать за капитаном хоть на край света, тем не менее я понимал, что у остальных были достаточные причины для недовольства, и сочувствовал им.

Около четырех часов дня Деврез решил, наконец, устроить привал: мы очень устали и должны были позаботиться о раненых, к тому же совершенно неожиданно мы набрали на великолепное укрытие.

Посреди равнины возвышалась скала высотой около тридцати метров, сложенная из гнейса. По каменному желобу, который казался делом рук человека, как по тропинке, мы поднялись наверх. На вершине скалы была площадка, откуда вел ход в пещеру. Наклонный пол пещеры был совсем сухим. Эта скальная полость оказалась довольно светлым просторным помещением.

После двух суток под проливным дождем прибежище показалось нам ниспосланным свыше. Все выказали желание остановиться тут на ночь, и командир согласился с этим разумным решением. Лошади легко взобрались на холм, и мы все устроились почти что с комфортом, так как, кроме самой пещеры, тут оказались еще боковые ходы, где члены экспедиции даже смогли привести себя в порядок. Поскольку на площадке имелась впадина, в которой образовался маленький пруд, чистой воды у нас оказалось предостаточно.

Не прошло и часа, как, перевязав раны и развесив су-

шиться одежду, мы сели пообедать — доели кусочки холодной вареной оленины — все, что у нас оставалось от последней охоты. Как было бы хорошо выпить горячего чая! Но, увы, мы сидели без огня.

— Надо бы принести хоть немного веток, — сказал Алкуэн.

— Не успеют высохнуть, — холодно возразил капитан.

— Это еще как сказать!

Меня поразило, каким тоном говорил Алкуэн. В тот момент я стоял рядом с Сабиной у входа в пещеру. Мы разглядывали местность сквозь пелену дождя. Но для меня это не умаляло очарования минуты. Какой властью над нами обладает красота! В своем сером пальто, с мокрыми, небрежно заколотыми в узел волосами, бледная, так что кожа даже казалась прозрачной, Сабина оставалась для меня символом юности, воплощением сокровенного смысла жизни. Рядом с ней я испытывал таинственное волнение, и все печали и тревоги исчезали при виде этих уст, этой загадочной улыбки...

Услышав дерзкий тон Алкуэна, я обернулся. Деврез, пораженный не меньше моего, резко переспросил:

— Что вы сказали?

Слегка смущенный, Алкуэн повторил с вежливой непреклонностью в голосе:

— А то, что мы очень устали, капитан... Нам необходимо несколько дней отдохнуть, и рана Лефорта требует лечения.

Его товарищи закивали головами в знак согласия; капитану следовало бы задуматься, прежде чем отдавать приказ, но он не выносил, когда ему противоречат:

— Завтра утром мы отправляемся дальше!

— Нет, мы не сможем!

И Алкуэн осмелился добавить:

— Мы хотим задержаться дней на пять... Здесь хоть сухо... Мы отдохнем и наберемся сил.

Тень сомнения мелькнула на бесстрастном лице Девреза. Но с этим человеком трудно было найти общий язык: он требовал полного повиновения, был суверен и доверял только своей интуиции. Убедив самого себя, что в юго-западном направлении должен быть проход, он хотел, не теряя ни дня, поскорее туда добраться.

— Завтра утром отправимся дальше!

— А что, если мы все-таки не можем? — тихо спросил Алкуэн.

Лицо Девреза посуровело.

— Вы отказываетесь мне повиноваться?

— Нет, капитан, мы не отказываемся, но у нас больше нет сил! Ведь экспедиция была рассчитана только на три месяца.

Деврез, хотя все в нем и кипело от ярости, не мог не признать правоту своего подчиненного, иначе он не стал бы медлить с ответом. Я надеялся, что здравый смысл возьмет верх, и капитан согласится на отсрочку. Но нет, он не был способен уступить.

— Ну, что же, — произнес путешественник, — значит, я пойду один.

Затем он повернулся ко мне:

— Вы подождете меня здесь десять дней?

— Зачем? — вскричал я. — Если они решили остаться, то не мне их судить. Клянусь, что я буду следовать за вами, пока мы не вернемся обратно в Европу!

Люди остались безучастны к моим словам. Сжатые губы Девреза выдавали несвойственное ему волнение:

— Спасибо, Робер! — воскликнул он и с презрением обратился к остальным:

— Я не заявлю о вашем поступке, принимая во внимание то, что вы устали и слишком долго находитесь в пути. Но я приказываю ждать нас на этом месте ровно две недели, если не случится ничего непредвиденного. В противном случае ваше неповиновение будет считаться настоящим предательством.

— Будем ждать вас до вечера четырнадцатого дня, — покорно ответил Алкуэн, — и поверьте, нам жаль...

Деврез перебил его, высокомерно махнув рукой. Мы долго сидели в тягостном молчании.

ПРИЗНАНИЕ

Я проснулся на рассвете. Все еще крепко спали. Я нервничал, тревожась за хрупкую Сабину, которую ждали новые испытания, и упрекал себя за свое решение: прими я сторону остальных, быть может, капитан не стал бы так упорствовать. Эта мысль не давала мне покоя. Однако, зная его характер, скорее можно было предположить обратное. А вдруг он ушел бы один, забрав с собой Сабину? Но разлука с ней была бы для меня страшнее смерти!

Так я размышлял, стоя у входа в пещеру. За стеной нескончаемого дождя поднимался новый унылый день. Вокруг — сплошная вода: и на земле, и на небе.

Внезапно за сжиной я услышал шорох, легкие осторож-

ные шаги. Я повернулся — то была она, Сабина. Закутанная в накидку, она приближалась с таинственным видом. С ее приходом всякие сомнения и грусть рассеялись. Даже дождик казался приятным, он словно скрывал нас ото всех. Застыв на месте, как загипнотизированный, я едва смог что-то вежливо пробормотать.

— Я хочу с вами поговорить, — сказала Сабина.

Эти простые слова в ее устах прозвучали загадочно и волнующе.

— Я очень тронута вашей преданностью, — продолжала она. — Мой отец будет вечно признателен вам, но он не умеет это выразить. Вы не возражаете, если вместо него это сделаю я?

Я глядел на выбившиеся пряди волос на ее прелестной шее, на скромную серую накидку, более прекрасную, чем одеяние феи. Прекрасен был и вход в пещеру, и нежный дождик, вторивший словам любимой... Меня переполняло чувство восторга, все во мне трепетало... Но в сердце закралась тревога. Уж слишком прекрасной была эта минута — как вспышка молнии, возвещающая грозу. Моя любовь словно прорвалась наружу. Конечно, все было к этому готово, уже давно в моей душе расцвело глубокое и нежное чувство. Но как часто даже сильная любовь угасает, если ее долго таят, и может совсем погаснуть, если о ней так и не решатся заговорить. Иногда какое-то слово или поступок — вроде этой милой выходки Сабины — вынуждают нас сделать выбор, и не знаешь, к чему он приведет: к счастью или к поражению, вознаградит или обрежет на безответную любовь. Сегодня утром я знал, что буду с ней говорить, я знал, что испытаю судьбу. Какими муками мне придется заплатить за эту минуту? Не буду ли я проклинать Сабину за то, что она пришла? Я пробормотал:

— Если сказанные мной тогда слова пришлись вам по душе, одно это для меня — высшая награда.

Сабина не сводила с меня своих ясных глаз, я же стоял, словно околдованный.

— Высшая награда? — переспросила она.

И тут она покраснела. Я задышался и долго не мог ничего ей ответить. Юная дева, как я осмелюсь сказать тебе об этом! Если я произнесу эти слова, а они упадут в пустоту? А если я получу отказ? Неужели наши руки, наши губы никогда не встретятся?.. Все во мне сжалось от тягостного сомнения. Наконец, я смог вымолвить:

— Да, высшая... Ваша признательность будет мне луч-

шей наградой за все превратности пути, за мою верность вам.

Сабина отвела от меня взгляд, боязливо поджала губы. Эта девушка была самой судьбой, весь вопрос жизни и смерти теперь таился для меня под ее опущенными густыми ресницами. Я сказал прерывающимся от волнения голосом:

— Вы сомневаетесь в моей преданности?

— Возможно, мне и следовало бы быть менее доверчивой, — ответила она с легкой иронией, но такой ласковой, доброжелательной!

Я все еще сомневался, меня мучил страх потерять ее: что мне выпадет — да или нет? Я рискнул и выпалил:

— А если я всегда буду рядом с вами?

— Всегда?

— Да, всю жизнь?

Ее лицо стало серьезным: я почувствовал, что силы покидают меня. Но незачем было прибегать к уловкам, жребий был брошен! Я продолжал:

— Вы не возражаете, если я поговорю с вашим отцом, согласен ли он назвать меня своим сыном?

По лицу Сабины промелькнула тень замешательства. Потом она сказала с милой решимостью:

— Да, поговорите с ним.

— Сабина, — вскричал я, испытывая радость и боль одновременно, — значит, я могу верить в то, что вы меня любите?

— А что же вам еще остается делать? — сказала она, и снова в ее голосе прозвучала ласковая и доброжелательная ирония.

В то раннее дождливое утро в болотном раю передо мною возник образ счастья. Я осторожно взял ее прелестную руку и поднес к губам.

Я чувствовал себя властелином мира.

ВОДЯНОЙ ЧЕЛОВЕК

Вот уже два дня, как капитан, Сабина и я шли дальше одни. Мы продвигались по равнине, которая становилась все мрачнее, хотя в ней была и своя величавая красота. Не знаю, может быть и существовал где-нибудь проход, но с каждым часом идти становилось все труднее. К счастью, мы взяли только маленькую лошадь Сабины: в этих условиях наши лошади стали бы скорее обузой.

К концу второго дня снова зарядил дождь. Со всех сто-

рон нас окружала вода. Мы медленно пробирались вперед по узкому гребню.

— Скоро `темнеет, — сказал капитан, — пройдем еще немного.

Действительно, приближалась ночь. Солнце гасло в горниле заката. Мы направились туда, где, как нам показалось, возвышался небольшой холмик. Не могу понять, что вдруг стряслось с лошадью Сабины, — она неожиданно понесла и молнией проскочила левее холма. Сабина испуганно закричала: ее лошадь провалилась в трясину. Не раздумывая ни минуты, я бросился к девушке на помощь, и тоже увяз в трясине. Несколько минут мы пытались выбраться.

— Лучше не двигаться, а то нас засосет еще больше, — заметила Сабина.

Именно так оно и было. Запутавшись среди растений, мы не могли ни двинуться вперед или назад, ни выбраться из трясины. То была одна из ловушек, в которые равнодушная природа словно заманивает человека с медленной и неумолимой жестокостью.

Однако, хладнокровие не изменило капитану. Он пробирался к нам окольным путем, по узкой косе, которая проходила чуть в стороне от нас. Размотав несколько метров веревки, которую Деврез всегда носил при себе, он хотел ее бросить нам. Вся надежда была только на него, и мы с волнением следили за его действиями. Внезапно он поскользнулся, оступился и подался назад. Наверное, почва там, где он находился, состояла из каких-то затвердевших растительных остатков, и она осела у него под ногами. Капитан попытался сохранить равновесие, протянул руку, пытаясь за что-то уцепиться, но, увы, не встретил опоры. Его положение стало не лучше нашего.

И вот наступила ночь. Теперь можно было различить смутные очертания предметов. В сумерках бескрайнего одиночества выли и скулили звери. Повсюду вспыхивали болотные огоньки... А мы были пленниками трясины! С каждым движением нас засасывало еще больше, каждая минута казалась вечностью в объятиях всепоглощающего болота. Огромная луна, подернутая дымкой, выплыла из-за густого слоя облаков и опустилась на далекую гряду тополей. Лошадь Сабины увязла уже по брюхо; во взгляде девушки появилось отчаяние:

— Робер, мы погибли!

Я пытался нащупать около себя хоть что-нибудь, за что

можно было бы ухватиться, но все напрасно, всякая попытка только приближала наш конец.

— Ну, что же, — воскликнул капитан, — если никто не придет к нам на помощь, а помощи, судя по всему, ждать неоткуда, значит, мы и впрямь погибли, дети мои!

В его твердом голосе я уловил нотки нежности, и от этого мне стало еще хуже. Глаза Сабины расширились от ужаса. Она поочередно смотрела то на меня, то на отца, и все втроем мы понимали, что проиграли сражение и должны смириться с ужасной стихией, цепко державшей нас в своих объятиях и отнимавшей последние силы.

— Боже мой! — чуть слышно прошептала Сабина.

Луна, выйдя из-за облаков, засияла еще ярче. В южной части неба зажглись звезды, одинокие, как островки в Океане. Ветер разносил над болотами тяжелый дурманящий запах.

Трясина уже доходила мне до плеч, еще полчаса — и я исчезну. Сабина протянула мне руку:

— Робер, милый, умрем вместе!

Милое создание, благослови тебя Бог в твой смертный час!

Внезапно где-то вдали над болотом зазвучала неясная мелодия. Не знаю, что это была за музыка, какой страны, какой эпохи — интервалы между звуками были почти неразличимы для нашего грубого слуха, но вместе с тем они ощущались. Я огляделся. Луна лежала в светлой воде, роняя тусклые блики. Я увидел, что на косе, похожей на удлинённый островок, стоит человек. В руках он держал небольшой предмет, форму которого разглядеть не удавалось. Мы стали свидетелями необыкновенной сцены.

На островок карабкались гигантские саламандры, тритоны, водяные змеи, протей¹ и собирались вокруг человека. Над его головой вились летучие мыши, у ног неуклюже передвигались гагары. Появились еще и другие неизвестные нам существа, затем водяные крысы, кулики, совы. Человек продолжал наигрывать свою странную мелодию, и от этой сцены вдруг повеяло удивительным теплом, ощущением пантеистического братства, которое я явственно почувствовал, несмотря на весь ужас нашего положения.

Мы отчаянно закричали. Человек повернулся к нам лицом и перестал играть. Когда он увидел, в каком поло-

¹ Протей — отряд хвостатых земноводных. Обитают в подземных пресных водоемах. (Прим. переводчика).

жении мы находимся, он прыгнул в воду и скрылся в водорослях. Мы оцепенели, тревога и надежда сплелись воедино. Внезапно этот человек вынырнул совсем близко от нас и, не говоря ни слова, бросился к нам на помощь. Мы не понимали, что он делает, но неожиданно нас с Сабиной подхватили и вытащили из трясины. Через несколько секунд мы уже шли по менее топкому месту и, наконец, ощутились на твердой земле. Очень скоро к нам присоединился и Деврез, а незнакомец принялся спокойно рассматривать нас. У него на голове росли редкие, но длинные, волнистые волосы, похожие на водоросли, а лицо и тело были полностью лишены растительности. Несмотря на то, что он погружался в болото, кожа его оставалась чистой, гладкой и даже слегка маслянистой. Из одежды на нем была лишь коротенькая набедренная повязка из растительных волокон.

Деврез принялся благодарить его на разных языках. Человек молча слушал и кивал головой. Ясно, что он ничего не понимал. В порыве благодарности за чудесное спасение мы с жаром стали пожимать ему руки. Он улыбнулся и робко заговорил. Его речь не походила на человеческую, скорее это было похоже на гортанные звуки, какие издают земноводные.

Заметив, что мы продрогли, он сделал знак следовать за ним. Мы прошли по узкой дорожке, сотворенной природой, но плотной и твердой, как мостовая. Постепенно дорожка становилась шире и пошла в гору. Вскоре мы ощутились на площадке, возвышавшейся среди воды. Человек жестом велел нам остановиться и вновь исчез.

— Неужели он нас бросил? — с тревогой спросила Сабина.

— Неважно, ведь мы спасены.

— Да, и таким необычным образом...

Луна стояла высоко, ослепительная, почти белая. Кругом, насколько хватало глаз, простирались болота, страна печальных вод. Какие-то видения закружились передо мной — что-то вроде галлюцинации, как вдруг показался силуэт незнакомца, — он возвращался, ведя за собой лошадь Сабины.

— Бедняжка Гео! — воскликнула девушка, растроганная до слез.

Кроме этого, человек принес топливо и еду. Он протянул нам яйца, несколько пригоршней съедобных орехов. Сложив в кучу дрова и сухие стебли травы, он разжег костер.

Покончив с этим, незнакомец улыбнулся нам и, прыг-

нув вниз с площадки, вновь скрылся под водой. Мы стали смотреть, куда он нырнул, но там было так глубоко, что мы ничего не увидели. Не зная, что и подумать, мы в оцепенении смотрели друг на друга.

— Что бы это значило? — спросил я.

Деврез задумчиво ответил:

— Без сомнения, это самое невероятное, что мне довелось увидеть за пятнадцать лет путешествий. Но чему быть, тому не миновать, давайте-ка лучше ужинать!

Мы с аппетитом поели и высушили одежду у костра. Вечер был теплый, приятный. Мы уснули.

Среди ночи я проснулся: вдалеке, над молчаливыми болотами вновь звучала странная музыка нашего спасителя. Но самого музыканта видно не было. И тогда мне показалось, что я вступаю в новую жизнь, в действительность, более сказочную, чем самые фантастические легенды.

Мы проснулись на рассвете, хорошо выспавшись.

— Капитан! — воскликнул я, указывая на нашу одежду, вычищенную и совершенно сухую.

— Это наш Водяной Человек, — сказала Сабина, — я начинаю думать, что он — добрый фавн.

Мы позавтракали оставшимися орехами и яйцами. Солнце медленно всходило, окруженное легкими облачками. Нас завораживала темная таинственность болот. Пролетели цапли. За ними — стайка уток-мандаринок. Мы чувствовали себя прекрасно и лишь немного беспокоились. Внезапно Сабина воскликнула:

— Глядите!

Что-то плыло по направлению к нашей площадке: вскоре мы увидели, что это плот. Казалось, он двигался среди водорослей сам по себе. И то, что он двигался как живой, смущало нас. Но вот над зеленой водой показались голова и плечи. Мы узнали нашего странного спасителя. На приветственные жесты Водяной Человек отвечал с неподдельной сердечностью. Его внешность удивила нас еще больше, чем тогда, при лунном свете. Кожа Водяного была светло-зеленого цвета, как первая весенняя травка, губы — сиреневые, глаза — странные, круглой формы, почти без белка, с радужной оболочкой темно-красного цвета, с огромными вогнутыми зрачками.

Кроме того, он отличался особой грациозностью, удивительной юношеской свежестью. Я долго его разглядывал, особенно странные глаза — ничего подобного я не встречал ни у одного человека. Знаком он велел нам сесть на плот

и привязал к нему Гео. Мы повиновались, испытывая легкое недоверие, которое еще больше усилилось, когда мы увидели, что незнакомец вновь скрылся под водой, а плот поплыл будто сам по себе, то есть, так же, как он приплыл сюда.

Сквозь толщу воды, между густыми водорослями был виден наш проводник, и за двадцать минут пути он ни разу не вынырнул на поверхность. Мы двигались с хорошей скоростью. Площадка, где мы провели ночь, осталась далеко позади. Пейзаж начал меняться. Вода становилась чище, мы проплывали мимо очаровательных островков.

Водяной Человек показался из воды. Он указал рукой на юг и снова исчез. Повеяло свежестью. Болото сделалось уже, мы проплыли по неглубокой протоке и очутились совсем в других водах. То было озеро, прекрасное и прозрачное. Во всем окружающем чувствовалось что-то неземное.

ОЗЕРО БЕЛЫХ ЛИЛИЙ

На много миль тянулось озеро, усеянное островами, чарующее своей красотой — повсюду в заводях, окаймленных травами, цветами, кустарником и высокими деревьями, росли крупные белые лилии. Мы направились к одному из островов. Наша недоверчивость рассеялась вместе с тяжелыми, дурманящими болотными испарениями. Мы полной грудью вдыхали свежий воздух, наслаждаясь красотой озера, в душе проснулась надежда.

Плот остановился у мыса. Водяной Человек вылез из воды и сделал знак следовать за ним. И вдруг нам открылось необыкновенное зрелище. На берегу собралось около тридцати человек: молодежь и старики, мужчины и женщины, девушки и дети. Все — с гладкой зеленоватой кожей, с глазами, блестящими, как карбункулы, и большими плоскими зрачками. Их волосы напоминали волнистые водоросли, а губы были сиреневыми.

При нашем появлении сбежались дети, подростки, подошел высокий старик. С радостным оживлением они столпились вокруг нас, издавая восклицания, похожие на гортанные звуки земноводных.

Так мы стояли, окруженные плотным кольцом, а из воды появились другие Люди Вод и тоже вышли на берег. Скоро вокруг нас собралась целая толпа озерных жителей, которые, несомненно, были людьми, причем из всех земных рас стояли ближе всего к белой. Их блестящая, чуть мас-

лянистая кожа зеленого цвета не выглядела отталкивающей. У молодых она была бледно-зеленой, словно свежая весенняя поросль, у стариков — темно-зеленой, как мох или листья лотоса. Стройные, длинноногие девушки с тонкими чертами лица были по-настоящему очаровательны.

Трудно передать словами наш восторг. То, что мы испытали тогда, может привидеться разве что в мечтах. Перед нами словно приоткрылась завеса, отделяющая нас от времен юности человечества, от прекрасного времени появления жизни на Земле. Что касается капитана и меня, то к нашему восторгу примешивалась еще и гордость исследователей: какое открытие может сравниться с нашим? Разве не воплотилась в жизнь одна из самых волнующих легенд всех народов, разве перед нами не предстали наяву люди, словно вышедшие из древних преданий, но только в их внешности не было ничего сказочного и уродливого, присущего полулюдям-полузверям или полурыбам из сказок и мифов. И лишний раз мы смогли убедиться, что каждая легенда таит в себе долю истины. Ведь повествования о Сатирах и Фавнах, заметки Ктезиаса¹ о калистрианах, рассказ Ганнона² о встрече во время его путешествия с волосатыми людьми, жившими по берегам Гвинейского залива, подтверждаются реальным существованием горилл, орангутангов, шимпанзе. Может быть то, что мы увидели — воплощение огромного цикла легенд о Людах Вод? И открытие наше тем более замечательно, что перед нами были настоящие люди, а не антропоиды.

Первое удивление сменилось сильным возбуждением, я дрожал, словно в лихорадке, Деврез и Сабина испытывали то же самое.

Наш друг повел нас к зарослям ясеня. Там мы обнаружили хижину. Вокруг бродили утки, лебеди, кулики — очевидно, прирученные. Нам принесли зажаренного окуня и свежие яйца. После еды мы вернулись на берег. Было тепло. Весь остаток дня мы наблюдали за передвижениями Людей Вод. Словно гигантские земноводные, они ныряли, исчезали под водой. Потом внезапно появлялась голова, и человек выпрыгивал на берег.

Меня восхищала их способность существовать в двух

¹ Ктезиас — греческий историк и врач V в. до н. э., автор трудов об Индии и Персии, в которых наряду с достоверными фактами встречаются многочисленные вымыслы (*Прим. переводчика*).

² Ганнон — карфагенский мореплаватель VI в. до н. э., совершивший путешествие вдоль западного берега Африки (*Прим. переводчика*).

стихиях, и я продолжал рассматривать их с огромным любопытством, пытаясь обнаружить какой-то особый орган, позволяющий им так долго находиться под водой. Но кроме сильно развитой грудной клетки, не заметил ничего, что могло бы объяснить этот феномен.

В тот день нас ни на минуту не оставляли одних. Мы постоянно были окружены кольцом Людей Вод, которые пытались нам что-то сказать и выказывали удивительную дружелюбность.

Несмотря на очарование и загадочность этих странных существ, мы предполагали уже послезавтра отправиться в путь, рассчитывая, впрочем, как можно быстрее вернуться обратно, после того как будут отданы необходимые распоряжения. Из-за научной ценности нашего открытия капитан отказался от своего прежнего намерения двигаться на юго-запад.

Судьба изменила наши планы. Посреди ночи меня разбудил Деврез:

— Сабина заболела!

Я рывком вскочил на ноги. При тусклом свете факела из ясеневоего дерева увидел, что она мечется в лихорадке. В волнении осмотрел и выслушал ее и только тогда слегка успокоился.

— Что-то серьезное? — спросил отец.

— Несколько дней полного покоя, и она выздоровеет.

— А сколько дней?

— Дней десять.

— Это самое меньшее?

— Да.

На его лице промелькнуло выражение досады от собственного бессилия, и он перевел на меня взгляд:

— Робер, я доверяю вам вашу невесту. Мне необходимо предупредить наших людей, чтобы они оставались в лагере еще несколько месяцев... К концу недели я вернусь.

Он взволнованно продолжал, шагая взад и вперед:

— Впрочем, если того срока, который я рассчитываю провести среди этих необычных существ, окажется недостаточно, мы непременно организуем новую экспедицию... У нас еще есть время. Если будет нужно, я выйду в отставку, чтобы иметь возможность пробыть здесь несколько лет... Именно поэтому мне нельзя бросить на произвол судьбы остальных членов экспедиции!

— Но лучше я сам отправлюсь их предупредить, — возразил я.

— Нет, вам нужно позаботиться о Сабине. А от меня что ей за польза, не больше, чем от пня.

Он обнял меня за плечи:

— Ведь я прав, Робер?

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — ответил я.

Хотя Сабина слегка бредила, она поняла, о чем идет речь, и приподнялась на локте:

— Я достаточно здорова, отец, чтобы идти с тобой!

— Дочь моя, — с уверенностью сказал Деврез, — нужно слушаться врача. Я вернусь через неделю, выполнив свои обязательства. Неужели ты собираешься мне помешать?

Сабина промолчала, не пытаясь возражать отцу. Некоторое время мы сидели молча. Вскоре у девушки снова начался жар, она впала в забытие. Я смотрел на нее при тусклом свете факела, охваченный неясными предчувствиями. Голос капитана вывел меня из задумчивости:

— Вы уверены, что это не опасно?

— В медицине ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

— И все же, как вы полагаете?

— Насколько я могу судить, недели через две мадемуазель Сабина будет на ногах.

— Тогда я отправлюсь сегодня же...

Я понял, что решение Девреза твердо и не пытался его переубедить. Он ушел утром, как и обещал.

Болезнь оказалась гораздо менее серьезной, чем я предполагал. Через три дня Сабина начала поправляться и даже на несколько часов в день вставала с постели. Стояла чудесная погода. От острова и всего озера веяло какой-то неизъяснимой красотой. Наши хозяева были доброжелательны, любезны и по-прежнему полны к нам симпатии.

Прошла неделя. Сабина почти совсем поправилась; но мы начинали не на шутку беспокоиться: капитан все еще не вернулся. Как-то днем, сидя на берегу озера, я утешал Сабину, пытаясь, насколько это возможно, рассеять ее тревогу.

— Мне страшно, — повторяла она.

Я не знал, что ей и сказать, как вдруг возле нас выросла чья-то тень. Обернувшись, я увидел Водяного Человека, который нас спас и с которым у нас установились особенно дружеские отношения. Улыбаясь, он показывал нам большую сизую ласточку, из тех, что водились в этих

краях, совсем ручную. Человек приблизился и протянул мне птицу.

Я сразу же заметил, что у нее под брюшком прикреплена короткая трубочка из птичьего пера и отцепил ее. В ней находился свернутый тоненький листочек папиросной бумаги.

— Что это значит? — удивилась Сабина.

— Письмо от вашего отца!

Вот что там было написано: «Добрался до лагеря. При падении вывихнул ногу. Ничего серьезного. Однако вынужден задержаться. Не беспокойтесь, а главное — ждите меня. Не покидайте остров».

Сабина расплакалась. Я же, признаться, недоумевал, как это капитан позаботился написать нам это послание. Увидев улыбку на лице Водяного Человека, я догадался, что эта идея исходила не от Девреза. Между тем девушка продолжала отчаиваться.

— Сабина, — нежно прошептал я, — вывих ноги вовсе не опасен, через несколько недель он об этой неприятности даже не вспомнит.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Водяной Человек исчез. Сабина больше не плакала. Вокруг царило безмолвие. Я обнял девушку. Ее белокурая головка склонилась ко мне на плечо, наши взгляды встретились. Ни в радостях, ни в невзгодах никогда еще я не был так счастлив. Сабина была усталая, ослабевшая. Ей так хотелось мне верить. Ясное небо, дрожащие тени придавали ее облику что-то божественное. О, таинственная сила Любви, побеждающей Смерть!

ОБИТАТЕЛИ ОЗЕРА

Шли дни. Мы все больше привыкали к чудесному озеру, гуляли по островам в сопровождении наших новых друзей. Юноши и девушки, резвясь, толкали наш плот, плавали вокруг него в прозрачной воде. На берегах, поросших свежей травой, мы отдыхали в тени трепетных ив и высоких тополей.

Но главным очарованием этой необыкновенной жизни были сами Люди Вод, которых мы узнавали все лучше и уже могли обмениваться с ними несколькими словами. Но не мы, а они учились нашему языку, так как наши уши оказались неспособными различать произносимые ими звуки.

Их нравы были просты и незатейливы. Понятие семьи для них вообще не существовало. Полагаю, что всего на озере жило около тысячи двухсот человек. Мужчины и женщины воспитывали сообща всех без исключения детей. Мы ни разу не видели, чтобы какой-нибудь ребенок остался без внимания.

Их жилища построены из бревен, покрыты мхом и ветками, в стенах проделаны окна. В теплую погоду жилища пустовали и использовались только зимой. Еду готовили под открытым небом, ели вареную рыбу, яйца, грибы и некоторые дикорастущие овощи. Они не употребляли в пищу ни мясо домашней птицы, ни других теплокровных животных. Мы сообразили, что они будут испытывать к нам отвращение, если увидят, что мы едим мясо, и потому ели то же, что и они. Чувствовали мы себя от этого прекрасно.

Их оружие представляло собой нечто вроде гарпуна, закрученного по спирали, который при броске летел по прямой, а также, описывая ряд последовательных кривых, мог возвращаться назад, подобно бумерангу австралийских аборигенов. Люди Вод им пользовались для добычи крупной рыбы. Кстати, рыбы в этом озере были самыми хитрыми из всех, что я когда-либо видел. Наверное, присутствие человека под водой заставило их на протяжении многих поколений выискивать более изощренные средства защиты. Наши хозяева очень ловко охотились лишь на щук и окуней, а многих рыб приручили: они их не трогали, а ели только икру.

Люди Вод владели простыми ремеслами. Так, они знали гончарное дело, немного столярничали и плотничали. Вместо металлов они использовали очень твердую разновидность нефрита, из которого изготавливали наконечники гарпунов, пилы, ножи и топоры.

В целом их простые потребности не способствовали развитию ремесел. Их жизнь была исполнена скорее поэтического начала, нежели практического смысла. Никогда прежде я не встречал людей, настолько лишенных чувства собственности, как Люди Вод. Казалось, они брали от жизни только то, что могло принести радость, счастье и отвергали то, что несет напрасные страдания. Нельзя сказать, чтобы они были бездеятельными. Люди Вод любили физические упражнения, подводные путешествия, плавали до изнеможения — подобно китам, они никогда не стояли на месте. В отличие от диких племен, у которых дни непрерывной охоты чередуются с днями полного отдыха, Люди Вод постоянно находились в движении.

Но эта невероятная активность не приносила никакой реальной пользы. То был всего лишь отдых. Они плавали и ныряли так, как другие отдыхают. Кроме охоты, причем только на хищных рыб, они двигались ради того, чтобы двигаться.

Я не раз видел, как они показывали чудеса ловкости, выполняя такие замысловатые движения и принимая такие сложные позы, словно для них не существовало никаких трудностей; они вычерчивали такие линии, по сравнению с которыми изящество ласточки или форели кажется просто неуклюжестью. Их плавание отличалось такой виртуозностью и продуманностью движений, что казалось танцем, настоящим балетом, который они исполняли с замечательным искусством. Видя, как они плывут навстречу друг другу, разворачиваются, описывают круги вокруг партнеров, группами по двадцать-тридцать человек проносятся вихрем, я почувствовал в них несвойственную обычному человеку способность мыслить динамически или мускульно.

Особенно очаровательны были они при лунном свете. Я присутствовал на их водных празднествах, таких прекрасных, исполненных мечтой и негой, таких разнообразных по движениям, что ничто в мире не могло с ними сравниться.

Во время этих праздников, особенно когда они были массовыми, я наблюдал странный и восхитительный феномен. Из-за ритмических движений пловцов от воды исходило все нарастающее мелодичное звучание. Вначале едва различимый монотонный звук, словно доверительный шепот, чудесным образом ширился, гармония звуков слышалась все отчетливее. Вода дрожала и пела торжественную Песню Вод. От этого проникновенного, дивного, невыразимо нежного голоса у нас на глазах наворачивались слезы.

Тогда я вспоминал легенду о всепобеждающем пении Сирен, которое, как казалось древним мореплавателям, они слышали в море. Не их ли пение слышали и мы лунными ночами, но только песня эта была доброй и дружественной! И насколько явь превосходила миф, потому что пела сама Вода, само Озеро — то был шум волн, который Люди Вод настолько подчинили своему ритму, насколько подчиняется ему шум лесного ветра.

Мысль, сказанная движением, была у наших хозяев не только поэтической и обобщенной. Часто она могла выражать и что-то особенное, индивидуальное: то есть, я хочу сказать, что движения служили для передачи конкретных понятий. Например, я мог наблюдать несколько

раз настоящие диалоги в движениях, общий смысл которых я в конце концов уловил. Мысли пловцов мне проследить не удалось, но в целом было ясно, что я наблюдал именно разговор. Я еще более утвердился в своем мнении, когда стал свидетелем занятий в воде с детьми: те, кто обучал детей, выражали свое одобрение или неодобрение особыми движениями; в конце концов я научился различать два из них: одно движение означало, что нужно закончить урок, другое — что нужно перейти к следующему заданию.

Разумеется, и чувство любви среди Людей Вод также передавалось движениями. Они умели выказать свою нежность, гордость, мольбу, причем у разных людей это выражалось по-своему, непредсказуемо, и в целом это было более тонкое, изысканное и куда более возвышенное искусство, чем наши словесные объяснения в любви.

Казалось, Люди Вод не имеют склонности к размышлениям, к абстрактным идеям. Я не заметил, чтобы у них существовала какая-то религия или вера в сверхъестественное, была только горячая любовь к природе. Я уже рассказывал об их любви к птицам и млекопитающим, а также к прирученным рыбам. Эта привязанность рождала между людьми и животными самое тесное общение. Меня восхищало, как прекрасно они понимали друг друга. Я видел, как Люди Вод отдавали приказания саламандрам, летучим мышам, птицам, карпам — приказания, сама мысль о которых показалась бы нам фантастической. Например, отправиться в указанное место на такой-то остров, в такой-то уголок озера. Лебеди, послушные приказаниям, плавали за десятки миль. Летучие мыши на несколько дней прекращали охоту, карпы на время покидали свои привычные места.

Сцена, которую мы наблюдали во время нашей первой встречи с Водяным Человеком, с тех пор часто повторялась у нас на глазах. С помощью тростниковой трубочки с вырезанными в ней желобками разной величины и маленького каменного крючка музыкант извлекал звуки, размер которых мы едва могли различить. На эти звуки собирались животные и застывали, словно очарованные: пресмыкающиеся, птицы, рыбы внимали им, хищные звери на время прекращали охоту.

Сколько раз это зрелище очаровывало нас, сколько дивных часов мы провели, наблюдая, как с помощью столь примитивного музыкального инструмента эти музыканты

возрождали древние легенды¹. Каким неизъяснимым блаженством веяло от игр, от всего образа жизни племени амфибий!

Я говорил уже об исключительной свободе их нравов. Обычно браки между ними длятся в течение лунного месяца. Время выбора совпадает с новолунием. Тогда юноши и девушки находят себе пару до следующего новолуния. Подобные нравы не вызывали никаких беспорядков, ибо сочетались с удивительной честностью. Мы не заметили ни ссор, ни драк между нашими хозяевами-мужчинами. Сделав выбор, каждый оставался ему верен до истечения лунного месяца, а затем — выбирал заново, на следующий период. Не запрещалось продлить свой союз, но такое встречалось редко. Чаще партнеры возвращались друг к другу несколько месяцев спустя. Дети некоторое время жили с матерью, но об их благополучии заботилась вся община.

Что же касается особого органа², благодаря которому Люди-амфибии приспособились так долго оставаться под водой, то решительно я не мог найти ни малейшего его следа. Водяной Человек в состоянии нырнуть и не появляться на поверхности в течение более получаса. Если добавить, что скорость его передвижения под водой — тридцать-сорок пять километров в час, то, очевидно, он может соперничать даже с китами. В действительности он превосходит последних благодаря своему зрению, которое замечательно приспособлено к тому, чтобы видеть под водой. Об этом можно было догадаться уже при беглом осмотре его глаз: огромные, лишенные выпуклости зрачки так же хорошо приспособлены видеть под водой, как глаза сокола — видеть в воздухе. Невероятная ловкость движений также свидетельствовала о превосходном развитии у них органа зрения: они демонстрировали чудеса ловкости, выполняя совместные движения, рассчитывали с точностью до дюйма свои прыжки, которые в противном случае могли бы закончиться ужасным падением. Во время подводной охоты они могли различать мелких рыб на расстоянии в несколько сотен метров.

На суше Водяной Человек видит окружающее неотчетливо, как все дальнзоркие: плохо различает предметы вблизи, и наоборот, прекрасно видит вдаль.

¹ Видимо, автор имеет в виду миф об Орфее, чья игра на кифаре укрощала диких зверей и завораживала все вокруг (*Прим. переводчика*).

² Поскольку я ни разу не мог исследовать труп Водяного Человека, мои выводы весьма умозрительны (*Прим. автора*).

Его слух тоже заметно отличается от нашего. Я говорил о музыке Людей Вод, прерываемой коммами¹, и об их странном произношении. Все это происходит потому, что, как мне кажется, их слух, зрение, да и весь организм приспособлены скорее к подводной, нежели наземной жизни. Известно, что под водой звук проходит в четыре раза быстрее, и в этом, по-видимому, главная причина отличия между высокоразвитым слухом амфибий в водной среде и обычным «земным» слухом. Мне могут возразить, что подлинное отличие состоит уже в том, что подводные существа, как правило, немые, и что слух стал развиваться лишь в разреженном воздухе. Я не стану здесь обсуждать эту проблему. Что же касается феномена Людей Вод, то на моей стороне научные опыты, которые выше любой теории. Замечу лишь следующее: однажды возникнув, слух мог измениться под влиянием среды, которая прежде препятствовала его возникновению. Таким образом, если чересчур плотная среда и могла бы противодействовать зарождению органа слуха, то это отнюдь не доказывает, что уже существующий орган не сможет развиваться, если животное снова будет вынуждено жить в плотной атмосфере. Да и сам факт, что слух зародился на земле в разреженной атмосфере, совсем не опровергает то, что он мог зародиться по-иному: просто для этого понадобилось бы еще несколько миллионов лет. И, наконец, самое главное — современные научные гипотезы, в том числе объясняющие феномен происхождения слуха, к сожалению, не более убедительны, чем прежние. Так, например, гипотеза (кстати, весьма ценная), авторы которой считали широкое распространение рептилий в палеозойскую эру следствием наличия большого количества углекислоты; известно, что в настоящее время этот факт объясняется иначе — повышением давления и избытком кислорода в воздухе.

НАПАДЕНИЕ

Однажды утром мы с Сабиной беззаботно плыли по озеру. Как и прежде, в этой неторопливой прогулке нас сопровождал наш друг. Он то уплывал вперед, то неожиданно прыжками возвращался обратно и какое-то время снова толкал наш плот. Мы сделали привал на чудесном островке в тени густых ясеней. Белые лилии нежились в

¹ Комма — в музыкальной акустике весьма малый (меньше $\frac{1}{8}$ целого тона), едва различимый слухом интервал (Прим. переводчика).

темных листьях. Между тонкими стеблями водорослей поднимали свои головки скромные лютики. Отливающий легкой белизной стрелолист тянулся навстречу своему едва заметному отражению — так ранним утром отражаются в воде облака. Целые стаи рыб внезапно всплывали на поверхность, неудержимые в своем движении. Все живое прославляло наступление дня. В дрожании теней, в складках ряби, в покачивании тростника чудился звон колоколов, отсчитывающих мгновения. Теплая, нежная ласка ощущалась в невесомой обнаженности пыльцы, в цветке, пробившемся из недр земли ради встречи с другим цветком. Водная стихия, плодovitая прародительница жизни на земле, являла все новые чудеса своего неиссякаемого могущества.

Взгляд Сабины был пронизан озерной свежестью, полон трепетного сияния. Взмолванный, я не сводил с нее глаз. Влюбленным всегда кажется, будто они в райских кущах!

Помню, как солнечный луч, пробившись сквозь листву, заиграл у нее в волосах. Сабина стояла, опустив глаза. Возле нее упал сучок, блестящая букашка ползла по воротнику ее платья. Казалось, все озеро, каждый лист, каждый лепесток дышали счастьем. Я обнял Сабину, мы были во власти нежного, пугавшего нас чувства.

— Навеки! — прошептал я.

Но тут же в смущении отстранился. Мы не решались сказать друг другу ни слова. Сладостное искушение витало в воздухе. Чуть слышно шелестела листва, щебетал неподалеку воробей, шуршали под ногами жуки — во всех этих звуках мне чудилось что-то потустороннее... Какой-то шум вывел нас из оцепенения. Он раздался слева, у острова, поросшего тополями: там появилось около тридцати человек. Вскоре, выйдя из озера, к ним еще присоединились и другие.

— Люди Вод, — сказал я.

— Но посмотри, они не такие, как наши друзья!

Действительно, пришельцы выглядели гораздо темнее, их кожа была темно-синего цвета. Сабина в испуге прижалась ко мне:

— Давай лучше вернемся!

— Я тоже так думаю.

Только я собрался отвязать плот, как вдруг вода вокруг сильно забурлила, плот закачался на волнах, и рядом с островком из воды показалось человек шесть. Как и у наших друзей, у них были непривычно круглые глаза, почти лишенные склеры, со слегка вдавленными внутрь зрачками. Но цветом кожи и волосами они сильно отличались от

первых, к тому же их поведение было совсем непонятным.

Они разглядывали нас на расстоянии; один из них, молодой человек атлетического сложения, не сводил глаз с Сабины. Вооруженные гарпунами, они выглядели очень воинственно. Когда они приблизились, мне стало не по себе, а Сабина заметно побледнела.

Внезапно тот, кто смотрел на Сабину, сказал что-то на булькающем языке Людей Вод. Я развел руками, показывая, что ничего не понимаю. В моем жесте им почудилось что-то враждебное, и они замахали оружием. Положение становилось критическим: я держал наготове карабин, заряженный двумя патронами, но если я начну стрелять, то как я смогу защищаться дальше, ведь эти существа в любую минуту могут спрятаться в своей родной стихии. Впрочем, даже если предположить, что я смог бы дать отпор, где гарантия, что в сотне метров отсюда не прячутся полчища их соплеменников, готовых прийти им на помощь?

Пока я раздумывал, насколько велика опасность, молодой атлет снова заговорил. Казалось, жестами он требовал ответа. Тогда я подал голос. Тот буквально застыл от изумления. Было похоже, что минуту пришельцы совещались, потом они вновь стали потрясать оружием, их крики сделались более угрожающими. Было ясно, что вот-вот они набросятся на меня. Я взвел курки: на минуту воцарилась ужасная тишина... Я решил, что мы погибли, и готовился достойно встретить смерть.

Неожиданно над озером раздались возгласы. Мои противники обернулись, — а я не смог сдержать радости. К островкуплыли наши друзья, впереди — наш спаситель, он подавал какие-то знаки пришельцам. Те опустили свои гарпуны. И скоро мы с Сабиной очутились в кругу друзей, избежав смерти, а Сабина, быть может, и худшей участи.

Потом мы стали свидетелями особой церемонии приема гостей зеленокожими Людью Вод. С тополиного острова приплыла целая толпа синеккожих. Состоялся обмен подарками, руки переплелись в странном пожатии; однако, в этих проявлениях вежливости мне почудилось что-то неискреннее, особенно со стороны синеккожих.

Молодой атлет неотрывно смотрел на Сабину, и это меня очень сердило.

Друзья проводили нас на остров. Мы с облегчением вздохнули, почувствовав себя в безопасности. И все же нас не покидала смутная тревога. Я заметил, что ее разделяли и наши друзья. Особенно был обеспокоен наш спа-

ситель. Он больше не отходил от нас ни на шаг, выказывая удивительную сердечность, и помимо признательности я начинал испытывать к нему самые братские чувства.

Остаток дня прошел без происшествий. Когда стало смеркаться, на остров прибыла делегация синекожих, среди которых я узнал молодого атлета. Он вел себя среди них как вождь. Хозяева встретили гостей с почестями, преподнесли подарки. Светлокожие и темнокожие закружились в танце, пытаясь превзойти друг друга.

Мы с Сабиной и нашим спасителем держались в стороне. Скрытые низко нависшими ветвями ясеня, мы тем не менее могли наблюдать за происходящим. Несмотря на тревогу, мы не потеряли интереса к празднику. В самый разгар танцев неподалеку от нашего укрытия внезапно показались двое мужчин. Заметили ли они нас? Возможно, они уже давно за нами следили. Вот они подошли ближе. Это снова был молодой вождь! Только на сей раз он дружелюбно улыбался, и его движения были мягкими.

Он сказал несколько слов нашему другу, а уходя, вновь посмотрел на Сабину. Я содрогнулся, увидев выражение его глаз, — жадных, двусмысленных.

Они вернулись к озеру. Тогда наш друг указал в их сторону, как бы давая понять, что от них можно ждать беды. Он знаком велел мне сторожить Сабину и дал понять, что сам тоже будет начеку.

Ночь оказалась беспокойной. На озере и на островах сквозь листву деревьев виднелись огни. Слышалась странная музыка, в воде видны были люди.

Лунный месяц был на исходе. Часам к одиннадцати на небе вошла ущербная луна, за ней вереницей плыли облака, их светлая процессия растянулась по всему небу. Временами луна появлялась в просветах между облаками, и тогда было видно, как в воде быстро движутся темные тела.

Около часу ночи толпа синекожих подплыла и остановилась в каких-нибудь ста метрах от нашего острова. Луна побледнела, она покоилась теперь на гряде облаков, и от нее по воде стелилась светлая дорожка. Тополя нежно серебрились. Туман вдаль рассеялся, сквозь жемчужно-белые полосы просачивался изменчивый свет, делая их похожими на горы со срезанными вершинами.

Люди Вод продолжали свой танец. От воды начало исходить тихое хрустальное пение. Призывно зазвучали голоса, и юноши с нашего острова присоединились к ночному празднеству.

Я наслаждался бы этим очаровательным и волнующим зрелищем, если бы не тревога за Сабину. Какая радость — изучать нравы существ, ведущих свой род от древней подводной цивилизации, которая некогда, возможно, господствовала над целыми континентами.

Иногда я забывался, упиваясь красотой происходящего. Но затем меня снова начинала мучить неясная тревога. Безусловно, между этими двумя племенами существовало какое-то недоверие, возникшее, вероятно, в результате давней вражды. Их союз был заключен скорее из тактических соображений.

Внезапно луна скрылась за плотными облаками. Стало совсем темно. Я забеспокоился, подошел к хижине Сабины и лег у самого входа.

Там, вдали, праздник уже завершился. Вернулись юноши нашего племени. Над водой нависла глубокая тишина.

Я не спал. Раза два-три мне послышались как будто шаги по траве. Заснул я только под утро.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

До конца недели все шло без происшествий. Ежедневно синекожие Люди Вод посылали группу своих соплеменников на наш остров, а наши друзья наносили ответные визиты на ближайший большой остров, где синекожие раскинули свой лагерь. Молодежь обоих племен устраивала праздники. Воодушевление все нарастало; ночи проходили в чудных танцах, пышных балетах при свете месяца. Погода стояла теплая. Эти редкие ощущения примешивались к чувству тревоги, которое неотступно меня мучило. Я плохо спал, часто просыпался от кошмаров, на лбу выступал пот, меня лихорадило.

Казалось бы, можно успокоиться. Во-первых, мы находились под надежной защитой, во-вторых, пришельцы словно вообще забыли о нашем существовании. Вполне возможно, что молодой вождь, даже если у него и были поначалу какие-то нехорошие намерения, забыл о них с непостоянством, присущим людям его племени.

Безуспешно я убеждал себя в этом, спокойнее мне не становилось. Меня преследовало предчувствие, более сильное, чем любые доводы. К тому же наши друзья по-прежнему выказывали недоверие к синекожим, и это немало способствовало тому, что мое беспокойство не утихало: у них-то наверняка есть веские причины не доверять пришельцам!

Однажды вечером, когда взошла луна, синекожие явились целой толпой, в сопровождении своих старейшин. Вновь совершили торжественную церемонию, обменялись еще более многочисленными подарками. Я догадывался, что речь шла об отъезде: незаметно для самого себя, я стал разбираться в их обычаях.

Небо было на три четверти чистым, особенно на востоке. Желтый свет скользил по воде. Водяные твари издавали какие-то звуки, сидя на листьях лилий, на длинных стеблях ириса. Все водное пространство излучало волнующую поэзию. Во всем угадывалась безмерная плодовитость, мягкие радостные порывы пробегали по верхушкам тростника, касались крыльев ночных бабочек и летучих мышей, листья задумчивых ив. То был один из дней, когда природа-созидательница поет гимн вечному обновлению жизни.

Люди Вод чувствовали это — их прощание вылилось в неповторимый праздник. Никогда еще я не видел в этом озерном краю более прекрасного балета, гармонии мечты и движений. Темные и светлые тела бесконечно сплетались в плавных арабесках, в божественной симфонии линий. Игра лунного света на их телах, то появляющихся на поверхности, то исчезающих в прозрачной глубине, сине-зеленые, отливающие перламутром волны, — все это было так прекрасно, что я забыл о своих тревогах.

Около часу ночи все стихло. Сцена расставания была величественной: словно плыла целая живая эскадра.

— Неужели они уходят? — сказал я Сабине, стоявшей рядом.

— Надеюсь, что да! — ответила она.

Она подняла на меня испуганные глаза, в которых отражался лунный свет. Я обнял ее со смешанным чувством волнения и нежности:

— Я так за тебя боюсь!

— Только бы мой отец поскорей вернулся, — со вздохом сказала она, — я очень беспокоюсь.

— Он обязательно вернется!

Но я не был до конца спокоен. Смутный, безотчетный страх по-прежнему терзал меня, и даже приход нашего друга, знаками показавшего, что те, другие, ушли, полностью не рассеял его.

Все-таки около двух часов ночи, усталый от волнения, я наконец уснул. Сначала погрузился в очень глубокий сон — в отличие от прошлых ночей, когда меня терзала бессонница. Под утро приснился кошмар, от которого я

внезапно проснулся. Сердце учащенно билось. Давящий ужас овладел мною:

— Сабина!

Я вскочил на ноги. Ко мне возвращалось обычное хладнокровие. Выглянул из хижины. Уже рассвело, на утреннем ветерке шелестели ясени. Луна была еще видна в зените. Все дышало покоем. Последние отголоски кошмарного сна развеялись, несколько минут я постоял, созерцая мягкие неопределенные краски неба.

— Как прекрасно было бы жить здесь!

Подошел к хижине Сабины и оцепенел от изумления и ужаса: хижина была пуста!

Часть II

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СИНЕКОЖИХ

От моего яростного крика проснулось все племя, и раньше всех — наш друг. Я бросился к нему и в отчаянии стал умолять о помощи, жестикулируя, как безумный, и показывая на пустую постель Сабины. При бледном свете зари мужчины и женщины окружили меня, их глаза, блестящие, как карбункулы, с большими неподвижными зрачками, смотрели на меня с явным состраданием.

С восходом солнца туман рассеялся, на севере и юге горизонт прояснился, и я увидел далеко на севере едва заметно движущуюся точку. Указал на нее другу. Тот определил направление, подбежал к озеру и нырнул... Я смотрел, как он плывет под водой, легкая рябь искажала очертания его тела. Я догадался, что его большие зрачки улавливают под водой медленно идущие лучи света, и к моему нетерпению примешивалось ощущение чуда. Наконец, он вынырнул, гортанным криком что-то возвестил своим братьям и с молниеносной быстротой исчез под водой, держа направление на север. Около сотни его товарищей, вооруженных гарпунами, устремились вслед за ним.

Плот, на котором совсем недавно мы с Сабиной катались по озеру, был спущен на воду. Взяв с собой нож и карабин, я сел на плот и поплыл с поразительной быстротой, но — увы! — не настолько быстро, чтобы догнать другой плот, который двигался там, вдали, унося мою невесту навстречу ужасной опасности.

Тем временем быстрое движение, безмятежная гладь вод, ясное небо немного рассеяли мою тревогу. Я более

хладнокровно оценил происходящее. Я уже немного знал Людей Вод, и потому мог с некоторой уверенностью предположить, что молодой похититель не сразу воспользуется своей силой. Разве сам я не был свидетелем их терпеливых ухаживаний, долгих любовных игр, грациозных уловок и нежной мольбы, обращенной к избраннице, чтобы добиться ее расположения? Вряд ли смуглый вождь станет вести себя иначе с Сабиной. И разве необычайность самого приключения не должна пробудить в нем лучшие качества, свойственные людям его племени: стремление скорее очаровать, нежели учинить насилие? К тому же первобытные люди не так-то легко нарушают законы племени. Даже если предположить, что племя согласится отдать Сабину в жены вождю, он, вероятно, будет вынужден подчиниться существующему обычаю. А ведь новолуние, время, единственно возможное для выбора жен, еще не наступило. До него оставалось около двух недель.

ПОДВОДНОЕ СРАЖЕНИЕ

Я не знал, сможем ли мы догнать плот. Черная точка по-прежнему виднелась на горизонте, но я боялся, что она исчезнет с появлением тумана. Именно так и произошло около полудня. Под лучами солнца озеро словно дымилось, в небе поплыли облака, и испарения стали сгущаться.

Плот все так же быстро двигался, и постепенно я предался мечтам, безуспешно пытаюсь придумать самые невероятные способы освобождения Сабины, как вдруг послышались гортанные крики. Плот находился в трехстах метрах от невысокого острова, где в серебристом кипении листвы вздымались к небу тополя. Сквозь редкие стволы деревьев я вновь увидел черную точку — плот Сабины. Теперь он находился, конечно, ближе, раз мне удалось различить его даже в тумане. Я не мог оторвать глаз от этой точки и не сразу услышал призывный плеск моего подводного экипажа. Все указывало на высокие заросли тростника справа от острова, возле которых с силой бурлила вода. Плот остановился. Я взял в руки карабин, заряженный двумя патронами, и стал ждать нападения. Видно было, как вода бурлит все ближе к нам.

Затем внезапно все замерло. Словно затонувший лес, в глубине показались высокие растения. На изгибы стволов и кружевную листву падал удивительный свет, который образовывал радужное сияние вокруг теней и превращал пузырьки воздуха на листьях в капли серебра. Ил был

какого-то неопределенного оттенка: нечто среднее между тускло-свинцовым цветом глины и золотистым цветом песка. При малейшем дуновении ветра на воде собирались серебристые складки; они разворачивались, становились голубыми с оранжевой каймой по краям, и, казалось, мяли затонувший лес, как мягкую ткань.

Ничто не обнаруживало присутствия людей — лишь легкие движения, похожие на скольжение рептилий. Люди, должно быть, зарылись в ил, выслеживая друг друга. Они вели странную, неподвижную войну: обе стороны хорошо знали, как ловки и быстры их противники. Между тем, облачко тины заколыхалось, и стало ясно, что кто-то движется под его прикрытием. Тотчас же был брошен гарпун, прочертив дугу, он попал в цель, и я увидел, как рядом с плотом всплыл труп. Теперь я знал расположение обеих сторон. Синекожие находились у тростниковых зарослей, а мои друзья — неподалеку от плота.

На удар, который поразил одного из наших воинов, ответили двадцатью ударами, и с какой-то жестокой радостью я увидел, как на поверхность всплыли два трупа синекожих. Соперники выжидали. Когда рассеялись облака тины, я увидел свинцово-золотистый ил в радужном обрамлении жидкого серебра, искрящееся зеркало вод. Тогда я понял, что нападать не менее опасно, чем защищаться, и что ни на минуту нельзя остаться без прикрытия. Но к чему приведет подобная тактика? И вдруг я догадался, что, прежде чем перейти к открытому бою, обе стороны оспаривали друг у друга выгодные позиции, и победит тот, кто сможет дольше оставаться под водой. Те, кому не хватит воздуха, будут вынуждены всплыть первыми, и, тем самым, обнаружат себя. С тревогой я ждал этой критической минуты, изредка поглядывая на плот Сабины, неподвижно застывший далеко у линии горизонта.

Хотя поле боя находилось в стороне от тростниковых зарослей, оно оставалось для меня невидимым: в гуще растений, среди ветвистых стволов и широких листьев я заметил лишь тысячи металлических отблесков, словно в воду падали золотые монеты, затем серебристые складки на поверхности воды задрожали, переливающиеся, как ртуть, пузырьки потускнели, и на поле боя ворвались огромные стаи рыб, послышалась музыка, а вскоре ей в ответ зазвучала другая мелодия.

Думаю, синекожие попытались воздвигнуть между собой и зеленокожими живой барьер из рыб, чтобы под его прикрытием всплыть и набрать в легкие воздух. Жизнь рыб,

по неизвестной мне причине, была священной для Людей Вод: может быть, на этот счет существовал какой-то договор, или это входило в правила ведения войны, или они просто почитали животных.

Это был захватывающий эпизод в сражении, зрелище, исполненное очарования и таинственности. Рыбы, округлые и продолговатые или плоские, как тарелки, с глазами, обведенными тонкой каймой, с приоткрытыми круглыми ртами, с темными полосками на спине, переходящими в россыпь светлых пятен на боку, бесшумно шевеля плавниками, то кружились под легкий звук свирелей, то разрезали гладь вод, словно лучи света, то трепетали, как листья на ветру. Они казались зримой музыкой, звучащей изумительно сыгранно, и я наслаждался ритмом и гармонией этих звуков.

Некоторое время шла упорная борьба за то, чтобы удержать или отпугнуть рыб. Наконец, один из наших воинов, с тростниковой флейтой в руках отважился вылезти на плот, и, когда он заиграл, рыбы поднялись вверх и уплыли.

Вскоре стало заметно, что синекожие устали. Те из них, кто пытался выбраться на поверхность под прикрытием рыб, сейчас покачивались на волнах, пронзенные гарпунами. Еще трое вынырнули, несмотря на опасность, и были тут же убиты. Тогда, словно стаи ласточек, взмыли сотни гарпунов синекожих. Они вонзались между растений, поднимая легкие облачка тины. Наши друзья не двигались, только всплыло двое раненых, и прежде чем мы смогли нанести ответный удар, синекожие подняли плотную завесу из ила и вынырнули на поверхность глотнуть свежего воздуха. Но зеленокожие уже пересекали эту полосу, занимая позицию под противником. Бросив оружие, признавая свое поражение, синекожие обратились в бегство. Большинству из них удалось скрыться, но многие также были убиты или захвачены в плен. Я чувствовал, что преследование бесполезно: огромные завесы ила отделяли преследователей от задних рядов бегущих. Убитые и пленные под надежной охраной были уже отправлены к хижинам, как вдруг всплыли несколько человек, держа на руках синекожего мальчика, которого они положили на мой плот. Они объяснили знаками, что я должен присмотреть за ним. Мальчик стонал, и они, явно жалея его, показали на его левую руку. Ощупав ее, я увидел, что рука вывихнута в плечевом суставе. Мне не удалось внимательно осмотреть мальчика,

ибо в ту самую минуту я увидел, как плот Сабины исчез в тумане.

Мы пристали к острову, где наши друзья решили отдохнуть. Чувствовалось, что победа не принесла им никакой радости, а скорее вызвала грусть и отвращение, сопровождаемые внезапными вспышками возмущения, взрывами клокочущей ярости. Пока они жарили рыбу, я отправился побродить по острову. Я обошел его на две трети. На острове росли гигантские злаки, и, помнится, я заметил, хотя и был погружен в свои мысли, нечто вроде борозды, из которой эти злаки произрастали. Это было одним из тех наблюдений, смысл которых не сразу доходит до сознания, однако позднее они оживают в памяти, как обрывки мыслей, которые пришли во сне. Пройдя еще несколько шагов, я увидел провал в земле; на дне ямы, ошестинившейся острыми камнями, зияла головокружительная, черная, как ночь, пустота.

Я склонился над этим склепом, который напомнил мне мою опустошенную и раздавленную отчаяньем душу, и вдруг мне почудилось, что из отверстия раздался стон, непохожий на тот, который мог бы вырваться из груди Человека Вод. Это был не влажный, булькающий звук, столь характерный для голоса амфибий, а человеческий голос, сухой и вибрирующий.

— Сабина!

Не сошел ли я с ума? Ведь Сабина плыла по волнам. Однако я прислушался. Я изо всех сил напрягал свой слух, который, казалось, мог бы сейчас уловить полет бабочки в лесу. Но слышал только тот шум, который бывает в каждой пещере от едва уловимого потрескивания породы, от едва слышного пощелкивания, отсчитывающего разрушительный бег времени.

В задумчивости я вернулся в лагерь. Стоянка была недолгой, и как только Люди Вод зажарили рыбу, они унесли ее под воду, где обычно ели. Я со своей порцией вернулся на плот, и предложил кусочек рыбы своему спутнику, но он отказался. Видимо потому, что сам я жил в постоянной тревоге, его страдания вначале не трогали меня. Однако отказ от пищи и стоны мальчика, наконец, пробудили во мне сочувствие, и, энергично взявшись за дело, я сумел вправить ему плечо.

Когда я склонился над ним, чтобы произвести операцию, то заметил одну его особенность. Без сомнения, глаза ребенка отличались от глаз других Людей Вод: был отчетливо виден белок, к тому же очень выпуклый, а радужная

оболочка, хотя и приближалась по цвету к красному, скорее была неопределенного оттенка. Впрочем, немало европейцев имеют подобные глаза. Удивленный, я осмотрел его тело и обнаружил, что ни цветом кожи, ни строением рук и ног, ни волосами он не походил на тот тип Людей Вод, среди которых жил.

Несмотря на все мои горести, во мне с новой силой вспыхнул научный интерес к Людям Вод. Я был полон сомнений и догадок. А может быть передо мной представитель племени, происходившего от смешения людей и амфибий? Или этот мальчик в результате какого-то феномена наследственности сохранил черты людей, живущих на суше? Можно ли предположить, что превращение человека в амфибию происходило так быстро, что для этого потребовалось лишь несколько столетий? По крохам собирая в уме все, что я когда-либо об этом читал, я вспомнил высказывания авторов прошлого о необычайной способности некоторых существ жить в жидкой среде. Разве опыт с котятками не показал, что если их сразу после рождения поместить в теплое молоко, они там остаются живыми в течение многих часов? Ведь и люди прежде чем появиться на свет, живут в водной среде, так разве не могут они, постепенно приспосабливаясь, стать амфибиями?

Похитители старались создать как можно больше препятствий, вызывая волнение на воде, и моим товарищам стоило большого труда не сбиться со следа. Представьте себе мою радость, когда около двух часов дня под лучами солнца туман рассеялся, и я увидел на горизонте плот Сабини. С этой минуты я сам указывал, куда грести, и мы заскользили по воде с удвоенной быстротой. Мы заметно нагоняли плот, и с каждой минутой я видел его все более отчетливо. И каково же было мое ликование, когда на фоне неба я смутно различил женский силуэт! Но в ту же минуту у меня тревожно сжалось сердце: не унесет ли молодой вождь Сабину в глубины озера, только чтобы не отдавать ее нам!

Мы подплыли еще ближе, теперь я уже ясно различал нарядку Сабини. Я вскочил на ноги. Казалось, сердце выскочило у меня из груди и разбилось на мелкие кусочки. Помню солнце над озером, легкий ветерок, крики моих спутников — и я один среди всего этого, как одинокое дерево посреди поля. Душа моя рвалась к Сабине, от которой меня отделяло еще примерно пятьсот метров. Расстояние непрерывно сокращалось.

Я стоял на плоту во весь рост. Ветер, блеск волн, в ко-

торых отражалось целое море света, неистовое пение амфибий — во всем этом было что-то головокружительное. Подобно тому, как в пылу сражения сталкиваются армии, в моей груди боролись нетерпение и надежда. Я видел Сабину, но она не могла видеть меня: ее лицо было обращено к просторам озера. К каким ухищрениям они прибегли, чтобы не дать ей обернуться? Почему любимые глаза не искали мой взор?

Когда до плота оставалось метров триста, мои друзья бросились к нему вплавь. В ту же минуту возле Сабины вырос человек. С ужасом я смотрел, как он схватил девушку. Она сопротивлялась, отбивалась. Он старался столкнуть ее в воду.

Те страшные минуты навсегда оставили во мне свой след: сердце заметно сдало, а в волосах появились седые пряди.

Злодеяние свершилось на моих глазах. Сабина исчезла в озере. От горя я лишился рассудка. Казалось, мир погрузился во мрак. Я бросился в воду и тяжело и медленно, беспомощный, как насекомое, увязшее в смоле, поплыл к своей возлюбленной. Когда же понял, что мои усилия тщетны, что все тщетно на этой земле, то прекратил борьбу и отдался на волю волн.

ВОДЯНОЙ МАЛЬЧИК

Я очнулся на плоту. Вокруг не было ни души: раненый и пловцы исчезли, плот не двигался. Жизнь кипела в прозрачных, пронизанных солнцем водах озера. Стаи рыб словно по мановению ветра то подплывали к плоту, то уносились вдаль. Тяжелые и плоские, как диски, или выпуклые, словно бутылочное стекло, закованные в чешуйчатый, как у ящера, панцирь, или столь прозрачные, что видны были переплетения голубоватых и розоватых сосудов, они исчезали под водой, оставляя за собой светящийся след. Мельчайшие складки ряби бежали по озеру, чередуясь с хрустальными колоколами волн; вода, словно затянутая шелком, искрилась и переливалась всеми цветами радуги.

В каком-то мрачном оцепении я созерцал все это. Недавняя трагедия отошла в прошлое, горе осело на самое дно души. Трудно сказать, сколько времени прошло, прежде чем я заметил в воде человека. Я видел его неотчетливо, так как он находился на большой глубине. Он двигался намного медленнее, чем его сородичи, и плыл очень осторожно.

Вот он поднялся на поверхность, и по его перевязанной и бездействующей руке я узнал мальчика, взятого нами в плен в тростниковых зарослях. В здоровой руке он держал что-то блестящее, как оказалось — мой нож, за которым он нырял на дно озера.

Я помог ему забраться на плот. Вид его пробудил во мне печальные воспоминания, и, уверенный в самом ужасном, я впал в безмолвное отчаяние.

От прикосновения его руки я пришел в себя. Мальчик с состраданием смотрел на меня и со странной настойчивостью делал отрицательные знаки, сопровождая их жестами, смысл которых от меня ускользал. Но через некоторое время, видя, что я не понимаю, он пришел в уныние, и стал, как мне показалось, о чем-то беспокойно размышлять. Потом он схватил нож и отрезал от плота пять кусочков дерева. На его лице появилось лукавое выражение, и, вот что он мне показал. Сначала, прижав к груди один из кусочков, он принялся выражать ему знаки самой горячей любви и нежности и заставил меня сделать то же самое, так что я даже подумал, не хочет ли он научить меня обряду поклонения какому-нибудь божеству; второй кусочек дерева, который обозначал плот, он положил на воду; затем рядом со мной он положил первую щепку, тут «прибежал» третий кусочек, «схватил» ее и «унес» на плот.

Во мне пробудился интерес, так как становилось очевидным, что ребенок рассказывал мне о происшествии с Сабиной. Его лицо выражало удовлетворение и надежду, когда он увидел, как внимательно я слежу за его действиями. Итак, он продолжал рассказ. Плот нес Сабину, потом причалил к острову. Сабина вместе с вождем сошла на берег ...и четвертая деревяшка заняла на плоту место Сабины.

Тут меня озарило. Ребенок засмеялся и продолжил рассказ, за которым я теперь следил с большим трепетом, чем за судьбой героев шекспировских драм. Сабина и вождь остались на острове, четвертый кусочек дерева продолжал плыть на плоту, но вот появился пятый, напал на четвертого и сбросил его в воду! Мальчик опять засмеялся, и на этот раз мне были понятны его смех и слова утешения.

Сабина была жива! В мою душу вливалась уверенность, более сладостная, чем луч солнца для путника во мраке африканского леса. Сабина была жива, но где же она? Не скажет ли мне и об этом сообразительный мальчик? Он поведал мне все так подробно, что я даже удивился. Мы нашли общий язык, и так как за первой удачей

последовали новые успехи, то вскоре мы научились выражать на нашем языке разные чувства и даже простейшие абстрактные понятия.

Таким образом, я узнал, что вначале Сабина находилась на острове у зарослей тростника. Мальчик сказал (впрочем, об этом я и сам догадывался), что на острове была пещера, куда и поместили Сабину. Стоны, которые донеслись до меня из черного отверстия, оказались отнюдь не галлюцинацией: это действительно стонала моя несчастная возлюбленная. Из пещеры ее увезли в страну синекожих Людей Вод, которая, как показал мальчик, находилась на западе.

РЕКА

Я неустанно искал способ отыскать Сабину. Отвязав от плота одно из тонких бревен и обстругав его ножом, сделал весло и принялся грести. Так как это занятие мне хорошо знакомо с детства, мне удавалось проплывать четырнадцать-пятнадцать метров в минуту. Конечно, предстояло еще долго грести, прежде чем мы доберемся до невидимого берега, но мне было легче что-то делать, чем пребывать в бездействии. Я бы с радостью отдал все силы ради спасения любимой, и то, что передо мной вновь забрезжила надежда, искупало все тяготы пути.

Остаток дня я без усталости греб.

Солнце уже клонилось к западу, когда я заметил вдали прибрежные холмы, поросшие деревьями. Не зная, где нам лучше причалить, я разбудил мальчика, и он указал на густой лес примерно в километре от нас. Вскоре мы очутились в устье широкой реки, и по настоянию ребенка я направил плот по ней. Течение здесь было очень медленное, очевидно, река вытекала из озера, а не спускалась с гор. Справа и слева, по обеим ее сторонам из воды поднимались высокие деревья, стволы которых, похожие на гигантские столбы, образовывали бесконечную колоннаду. От деревьев, широко раскинувших ветви, словно руки, веяло холодом. Лучи заходящего солнца освещали реку, и кровавые отблески складками ложились на волны. Стволы деревьев уходили под воду на глубину пятнадцати футов. Блуждали толстые слепые рыбы, ползали огромные, с позеленевшим панцирем, ракообразные. Особенно много было головоногих неизвестного вида с непомерно большими глазами. Все здесь говорило о тусклой, но лихорадочной жизни, проходящей в вечных сумерках. В неглубоких

местах дно было покрыто необычайно красивыми растениями длиной в несколько метров, распутившими по течению свои длинные пряди. Узорчатые водоросли расстились причудливым ковром, и повсюду ползали насекомые, своими овальными хитиновыми панцирями напоминавшие черепахи. Паук величиной с ладонь по нити, спускающейся с ветви дерева, скользил к воде за добычей; над бесцветными грибами вились толстые белые мухи. Я случайно задел веслом млекопитающее с клювом утконоса. В воздухе носилось множество летучих мышей.

По мере того, как река уводила нас в глубь леса, тени становились плотнее, деревья склонялись все ниже. Меня не покидало чувство тревоги, и я был охвачен страхом не меньше, чем желанием увидеть Сабину. Мальчик опять уснул. Последний кровавый блик упал на волну. Потом наступила темнота. Я перешел на нос плота и всю первую половину ночи греб в потемках.

СВЕТАЩИЙСЯ ЛЕС

Думаю, было около полуночи, когда мальчик проснулся. Он чувствовал себя гораздо лучше. Мы нашли в лесу съедобные орехи и подкрепились. Потом я задремал, а когда очнулся, где-то слева, должно быть, светила луна, потому что оттуда сквозь ветви деревьев лился призрачный свет. Все вокруг было неясным, словно подернутым дымкой. Дрожали расплывчатые пятна света, и было похоже, что на лес падали мерцающие белоснежные хлопья.

Под кронами деревьев царил непроглядный мрак, лишь иногда кое-где поблескивали светящиеся спинки рыб. Я продолжал грести, но из осторожности продвигался вперед крайне медленно, так что за три часа не проплыл и двух километров. Откуда-то слева по-прежнему лился странный свет. Быть может, уже взошло солнце, и сквозь ветви деревьев просачивались лучи зари? Я направил плот к свету. Река образовывала здесь излучину, и через несколько минут передо мной неожиданно открылась прекрасная картина: лес, сверкающий ярче, чем снег при лунном свете. Однако, на небе не было ни солнца, ни луны. Волны света плыли над рекой, широко разлившейся здесь, как озеро. Лес, видимо, был затоплен на большом расстоянии, но неглубоко, так что даже виднелись узловатые корневища. От корней деревьев и исходило широкими кругами странное свечение. Словно огненное покрывало, свет расстилался над водой, переливался, трепетал, то затухая,

то вновь разгораясь. Он стекал по кустам тоненькими струйками, а при порывах ветра рассеивался, как будто в воздух взлетали блестящие пчелки, и, отражаясь в воде, мерно покачивался на волнах. Царила глубокая, ошеломляющая тишина.

Я замер в преддверии этого сказочного мира. На минуту почувствовал себя ребенком. Во мне с детских лет сохранилось наивное восхищение, страх и непреодолимое любопытство ко всему таинственному. В воображении возник волшебный город, который Люди Вод сумели осветить в речной пучине. Я пытался представить себе этих новых существ, к которым я физически не смогу попасть. И у меня, представителя высокой цивилизации, возникло ощущение грустной покорности и страха перед их превосходством. Рухнули бывшие представления, порожденные лишь моей уверенностью в том, что я принадлежу к самой развитой части человечества, но я также понял, что прогресс наших бедных соперников клонится к закату: они предпочитали жить в мечтах и грезах, в беспечной самозащитности.

Тем временем, на островке рядом со мной появилось какое-то существо. В лучах света ясно вырисовывался человеческий силуэт гигантских размеров. Он был почти трехметрового роста и доставал головой до нижних ветвей ясеня. Скоро я понял, что столь высоким его делают непропорционально длинные ноги. Еще три-четыре таких же существа появились на островке, потом они вошли в воду, доходящую им до пояса, и быстрыми шагами направились к нам. Я разбудил мальчика.

Ослепленный чересчур ярким светом, он поднес руку к глазам, чтобы разглядеть пришельцев, а узнав их, издал восклицание, которое не выражало ни удивления, ни испуга. Тем временем люди были уже близко. В зависимости от глубины их торсы то выступали, то погружались в воду, а иногда вода не доходила им даже до колен. Я заметил, что руки у них такие же длинные, как ноги, сухие и тонкие, точно лианы, а покрыты желтоватыми чешуйками, без всяких признаков волос. Туловище у каждого было белого цвета, поросшее волосами, грудь узкая, голова маленькая, на лице выделялись большие холодные, непрестанно бегающие глаза.

Казалось, их присутствие доставляло мальчику радость, в которой явно сквозила насмешка. Он заговорил с ними первый. Я жадно вслушивался в ответные слова. Их речь была совсем не такой, как у Людей Вод. Существа изда-

вали низкие звуки, которые они артикулировали очень твердо, словно выковывая каждый слог сильным движением челюстей.

С важным видом они окружили наш плот. Все в них говорило о том, что они принадлежат к вымирающему племени, изгнанному в бесплодные земли. Таинственные создания словно вышли из-под земли: бледные, с волосами пепельного цвета, более темными на спине, чем на груди. Не знаю отчего, но своим видом они вызывали во мне жалость. Быть может потому, что мальчик относился к ним покровительственно, а может и потому, что я инстинктивно чувствовал в них париев.

Судя по всему, их развитие оказалось несовершенным. Можно предположить, что некогда они были оттеснены в эту заболоченную местность, недоступную для остальных людей, могущественными монгольскими племенами, и жизнь, постоянно связанная с опасностью, выработала в них осторожность и сдержанность. На протяжении столетий их конечности удлинялись от постоянного добывания пищи в болотах и озерах. А затем появились новые племена того же происхождения, которые то ли под натиском противников, то ли вследствие улучшения природных условий, переселились в район больших озер, сумели наилучшим образом приспособиться к условиям среды, превратившись в амфибий, и оставили далеко позади своих предшественников, вынужденных обитать в неглубоких водоемах.

Я понял, что мальчик просит, даже скорее приказывает им подтолкнуть плот. Глупые и послушные, они покорно подчинились, сознавая, как я думаю, свою слабость. И плот поплыл дальше через светящийся лес.

Это было прекрасней волшебного сна. За бортом разбегались в разные стороны светлые струи, отливающие перламутром, плот бесшумно разрезал серебристый покров вод, а справа и слева сияли полосы огней. Я внимательно всматривался в воду, затем погрузил в нее руку, а когда вынул — рука светилась. Я заметил в воде какие-то мельчайшие организмы, как показали дальнейшие исследования, это были зооспоры водорослей, очевидно, в период размножения они передвигались при помощи жгутиков и фосфоресцировали.

Мы плыли уже несколько часов, река начала сужаться. Теперь вода доходила нашим голенатым помощникам до плеч. Они стали захлебываться, проплыли еще несколько метров, затем оставили плот и вернулись на берег.

На нас опять надвигалась темнота, потому что дальше покрова зооспор в реке уже не было. Я прокричал слова благодарности нашим помощникам, мальчик тоже поблагодарил их. Они что-то ответили, глухо лязгая челюстями, и пустились по берегу в обратный путь. По мере того, как они удалялись, моя симпатия к ним все возрастала. Я никогда не видел ничего более смиренного и жалкого, чем печальные фигуры этих долговязых существ. Они двигались подобно кенгуру, и с их лиц не сходило грустное выражение, какое бывает у очень высоких и очень худых людей. В последний раз я смотрел, как они бежали друг за другом под деревьями, словно отделенные от туловища лапки паука-сенокосца, и казалось, что их смертельная бледность вызвана каким-то неведомым горем...

Я вновь взялся за весло. Река становилась глубже, деревья поределли. Мальчик опять заснул. Мне казалось, что я брежу: мне представлялось, как черное отверстие засасывает плот, и я лечу в бездну. Никогда больше я не смогу прикоснуться к своей любимой! Я очень устал и упал духом. Раньше, во время нашего путешествия, я всегда терпеливо переносил столь же суровые испытания, но тогда меня поддерживали энергия и сила Девреза, рядом со мной были Сабина и друзья-соотечественники, а главное, мы заранее знали, какие опасности могут подстергать нас в пути. А сейчас я был один среди этих безгранично могущественных и совершенно непохожих на нас людей, затерянный во мраке бесконечного леса. Я боялся, что мой ослабевший организм не выдержит нового испытания, и мой разум помутится.

Теперь я греб все медленнее и все слабее. Перед глазами дрожали тени. Временами я не сознавал: плывем ли мы, или стоим на месте. Иногда мне чудилось, что я брожу по городским улицам или сижу на верхней площадке маяка. Я отгонял это наваждение, и вновь передо мной вставали река, ночь, плот. Бормоча бессвязные слова, я почувствовал, что совсем теряю сознание. Помню, моей последней мыслью было, что я плохо гребу, и плот относит течение. Еще успел заметить, что вдали светлеет.

ГРОЗА

Когда я проснулся, плот быстро скользил по воде. Река кончилась, и мы снова плыли по озеру. Стояла сильная жара, солнце то появлялось, то исчезало за огромными тучами.

Я поискал глазами мальчика и увидел его в воде, здоровой рукой он подталкивал плот. Улыбнувшись, объяснил, что страна пещер уже совсем рядом.

— Там? — спросил я.

Его жест означал «да», и он прижал руку к груди, что на нашем языке означало Сабину.

Я предложил мальчику отдохнуть, но он отказался. Тогда я взял в руки весло и принялся грести. Пот лил с меня градом. Низко нависшие облака как будто давили на землю, а воздух был насыщен электричеством. Хотя ветра почти не было, по озеру шли частые и крутые волны. Лес справа от нас потемнел, сквозь просвет между холмами видно было, как песчаные вихри заволокли все небо в пустыне, лежащей по ту сторону гор. Меня тревожили эти признаки приближавшей бури, я чувствовал, что мне придется вступить в единоборство с природой. Мальчик с силой толкал плот, я уверенно греб веслом, и наши совместные усилия приближали нас к берегу. Нам оставалось проплыть еще метров сто, когда разразилась буря. В своей бессмысленной ярости она обрушилась на озеро и мгновенно покрыла его огромными волнами. Смерч подхватил плот, закружил на месте, поглотил, потом выбросил обратно на поверхность, мокрые плети дождя хлестали и ослепляли меня. Все вокруг заволокло серой мглой. Я судорожно цеплялся за перекладину плота, который начинал разваливаться, и чувствовал, что вот-вот лишусь последней опоры. Мальчик исчез. Наверное, он опустился на глубину двух-трех метров и оттуда, не боясь урагана, наблюдал за мной. Так оно и было. Когда от сильного удара плот разлетелся вдребезги, и я оказался в пучине, он подхватил меня и вынес на берег.

Первые раскаты грома очень испугали ребенка. Эти удары, вначале приглушенные беспорядочными, низко нависшими тучами, вскоре, когда облака поднялись выше, превратились в ужасающий грохот. Молнии то резкими зигзагами прорезали воду, то вспыхивали и долго горели мягким светом, как электрические луны. Волны рвались к небу, а тучи, казалось, были готовы упасть в воду. Все озеро покрылось пламенем и содрогалось от грохота. Видя, что ребенок испуганно дрожит, я велел ему спрятаться на дно и там переждать грозу. Он кивнул и исчез в бушующих волнах.

Меня же молнии и гром не пугали. Насквозь промокший, я разделся до пояса и решил тем временем осмотреть

местность. При вспышках света можно было различить окружающее на несколько метров вокруг, потом все снова потонуло во мраке. К счастью, молнии вспыхивали часто, потому что и небо, и озеро были перенасыщены электричеством.

Дважды удар молнии опрокидывал меня навзничь, и дважды я поднимался, дерзко смеясь. Я испил до дна чашу страданий и горя и сейчас наслаждался отчаянием. Буря грохотала, словно угрожая, струи дождя оскорбительно хлестали по телу — я казался себе фанатичным индусом, святым мучеником, терпящим пытки.

Сквозь пар, поднимавшийся от нагретой и мокрой земли, сквозь густую пелену дождя я разглядел пещеры и решил подойти поближе. Шагах в пятидесяти от них при яркой вспышке молнии я ничком упал на землю, но не от разряда электричества, а от того, что у входа в одну из пещер увидел Сабину. Она сидела на большом камне и смотрела на грозу. Рядом с ней никого не было.

Прижимаясь к земле, я осторожно пополз. Меня она еще не видела, так как при каждой вспышке молнии зажмуривала глаза. Продолжая ползти, я размышлял, стоит ли мне входить в пещеру. А вдруг там притаились Люди Вод? Но внезапно я понял: похитители Сабины, также как и мой спутник, боясь грома, прячутся под водой. Тогда я удивился, почему же Сабина не думает о побеге, но тут увидел, что руки и ноги у нее связаны.

Радость, что я нашел Сабину, была так велика, что на несколько минут у меня перехватило дыхание. Наконец, вне себя от счастья, я очутился у ног своей невесты. Узнав меня, она протянула руки в порыве счастья, но внезапно ее охватила слабость, и девушка упала без чувств. От моих поцелуев она быстро пришла в себя.

После того, как Сабина была освобождена от пут, мы двинулись под дождем к берегу озера. Мир казался мне прекрасным, и гром над нашими головами гремел победно и ликующе. Сабина улыбалась сквозь капли дождя, стекавшие по ее лицу. Когда мы вернулись на берег, туда, где я оставил свою одежду, мальчик вынырнул из воды и, хотя по-прежнему вздрагивал при каждой вспышке молнии, подошел к нам. Сабина приняла его вначале за одного из наших союзников, но увидев, что у него темная кожа, пришла в такой ужас, что мне стоило большого труда ее успокоить.

Однако время шло. Мы хотели бежать, но мешало то, что мальчик боялся грозы. Все же он пересилил свой страх

и согласился нас сопровождать. Я этому очень обрадовался, так как на время грозы мы могли не опасаться погони.

Я заметил, что мальчик чувствует себя гораздо спокойнее, когда держит меня за руку; интуитивно я понял, что чувство страха у него было скорее физического, нежели психического свойства, так как его нервная система активнее реагировала на состояние атмосферы. Так или иначе, от моего прикосновения он успокоился и даже смог указывать нам путь.

В течение получаса мы молча шли вслед за ним. И как же велико было мое удивление, когда он привел нас к пещере или, скорее, к просторному гроту.

— Куда же ты нас привел! — воскликнул я.

Ребенок посмотрел на Сабину, словно прося ее объяснить мне.

— Разве не через эту пещеру вы попали сюда? — спросила Сабина.

— Нет, — ответил я, — мы приплыли по реке.

— А меня вели по огромному подземному лабиринту!

— Мы не можем отважиться на подобное путешествие, дорогая Сабина!

И обратившись к мальчику, я объяснил, что мы хотим идти другой дорогой. Он ответил, что это невозможно, что путь назад один, через пещеры, и на его лице появилась уверенность, как будто этот путь был ему хорошо знаком. Но я боялся за Сабину. Заметив мои опасения, она сказала:

— Раз у нас нет другого выхода, лучше этот путь, чем риск быть снова схваченными.

Она протянула мне руку. Мальчик крепко сжал мою, и мы углубились в темноту.

ПЕРЕХОД ПОД ЗЕМЛЕЙ

Раскаты грома, отдаленные и приглушенные, перекатывались в пещере бесконечным эхом. И без того страшно идти по темным широким коридорам, а удары грома еще усиливали наш страх — теперь мы боялись обвала. И эти опасения были не напрасны. Один раз молния, как я предполагаю, ударила в скалу где-то прямо над нашими головами. Скала затряслась, а когда шум в глубине подземного лабиринта утих, нас охватил неописуемый ужас: каменная глыба с грохотом упала и рассыпалась, осколки полетели в разные стороны, и один из них ударил меня в плечо.

Мы снова тронулись в путь. Я чувствовал, как в моей руке дрожит маленькая рука Сабины. Шли молча, вокруг царил тишина, в которой надежда и тревога срослись так же крепко, как ветви омелы с дубом. Так прошло около часа. Мальчик уверенно вел нас вперед, и я готов был объяснить его уверенность тем, что у подземного коридора не было боковых ответвлений. Но мое заблуждение рассеялось, едва мы вышли к пересечению нескольких туннелей. В конце одного из них, по которому мы не пошли, блестела вода.

— Как это мальчику удается отыскать правильный путь в этом лабиринте? — спросил я Сабину.

— Я тоже думала об этом, когда меня несли по бесконечным пещерам, — ответила она. — И нахожу лишь одно объяснение: у Людей Вод, так же, как и у почтовых голубей, чувство пространства развито лучше, чем у нас.

— Да, дорогая Сабина, они владеют наукой движений, совершают долгие путешествия под водой, благодаря чему в них и могло развиться чувство, о котором вы говорите.

— Я думаю, что в темноте они видят лучше нас.

После двух часов ходьбы коридор расширился. Вдали заблестела вода. По мере того, как мы приближались к ней, блеск становился все ярче, мерцание приобретало зеленоватый оттенок. Потом показался свет, такой слабый и бледный, словно нарождающийся день не решался проникнуть в пещеру. Мы с трудом различали потолок этого подземного зала, в глубине которого находилось озеро. Воды его терялись вдали, в одной из боковых галерей. Это отсюда лился отраженный свет, падая на стены и снова на воду. Несколько больших птиц поднялось в воздух при нашем приближении, и мы видели, как они долго летели по огромному туннелю.

Внезапно появившийся свет заставил нас замереть на месте. Мы испытывали безмолвную радость людей, переживших кошмар. Мальчик, видя, как мы счастливы, тоже заулыбался, знаком предложил нам сесть и отдохнуть, что мы и сделали, а сам нырнул в подземное озеро, и скоро мы потеряли его из вида. Я обнял Сабину; и хотя мы падали от усталости, наши сердца пели гимн всепобеждающей любви.

— Сабина, — сказал я, — все эти опасности и невероятные приключения сделают нашу любовь еще более крепкой, навсегда оставят след в наших сердцах. Мы никогда не забудем это величественное подземелье, волшебную красоту скрытых от солнца глубоких вод.

Она уткнулась лицом в мое плечо, и наступили минуты счастья, когда я с нежностью и гордостью заключил ее в свои объятия.

ПОДЗЕМНЫЕ ОЗЕРА

Узкая тропинка привела нас к мрачному коридору, нависшему, должно быть, над рекой — сквозь трещины под ногами мерцали сонные воды. Около двух часов пробирались мы по этому коридору, насквозь пронизанному сыростью и холодом, но настроение наше заметно поднялось. Наконец, мы очутились в долине. Яркий свет на минуту ослепил нас. Гроза утихала, среди нагромождения ватных облаков виднелись бездонные синие просветы.

То, что мы приняли за долину, в действительности оказалось частью пещеры, потолок которой обрушился, вероятно, вследствие землетрясения. Почти отвесные боковые стены на высоте трех метров были покрыты буйной растительностью. Ползучие лианы соперничали здесь с крепкими ветвистыми кустиками. Внизу, словно застывший каменный поток, лежали обломки скал. От частых дождей они сильно разрушились и теперь походили на грубо выточенные фигуры животных или зубы чудовищ.

В течение некоторого времени мы шли по этой долине, потом вновь спустились под землю, но лишь для того, чтобы через несколько минут выйти к новой долине. Так прошло часа два. Мы то спускались во мрак пещер, то поднимались к свету, в красивые цветущие долины. В последний раз мы вышли к огромному водному бассейну. Вдали виднелась река, воды которой питали его, низвергаясь с двадцатиметровой высоты. Ширина водопада достигала около семидесяти метров.

Нас поразило радостное выражение, появившееся на лице ребенка. Он торопил нас, увлекал за собой. Когда мы обогнули высокий скалистый мыс, показались постройки, похожие на хижины Людей Вод. При нашем появлении раздались крики женщин, и все племя амфибий вышло из воды и устремилось нам навстречу.

Длинными шелковистыми волосами, сильно развитыми конечностями они походили на мальчика, а в целом были очень схожи с нами. Впоследствии я узнал, что это племя было более слабым по сравнению с другими, и поэтому оно было вынуждено обитать в подземных реках и озерах. Нужно также отметить, что их особое положение объяснялось еще и тем, что в своей эволюции они стояли гораздо

ближе к человеку, и это свидетельствовало в данных условиях о более замедленном их развитии. После новых исследований мне пришлось отбросить свою первую гипотезу, согласно которой это племя последним поселилось в здешних краях. Более вероятно, что оно обосновалось здесь спустя несколько столетий после переселения голенастых болотных людей. Эти последние энергично защищали болота и неглубокие водоемы, вынудив тем самым вновь пришедших уйти в подземные долины, и там, живя в глубоких озерах, они в конце концов стали амфибиями. Вероятно, синекотные Люди Вод являются более развитой и более приспособленной к жизни в воде ветвью племени из долин, а зеленокотные, кажется, пришли прямо с равнин запада и подобным же образом приспособились к новым условиям жизни.

Случаи смешения разных типов Людей Вод очень редки, тем не менее, если мы обнаружим следы смешения синекотных и зеленокотных, ничто не дает нам права предположить, что возможен брак и между амфибиями и голенастыми, так как эти последние представляли собой менее развитое, вымирающее племя.

Теперь, когда Сабина была снова рядом со мной, я перестал тревожиться и с воодушевлением принялся за новые научные изыскания. Я взглянул на человечество с точки зрения непосредственной приспособляемости, которую не хочет признавать наш чересчур самонадеянный разум. Я решил, что вернувшись сюда, останусь у Людей Вод на более долгий срок, и, надеюсь, мне удастся проникнуть в тайну их истории и этнографии. Особенно меня интересовало то, насколько их восприятие окружающей действительности отличалось от нашего.

Однако, мне стало грустно при мысли, что за нашей экспедицией последуют другие, и что, быть может, люди, которые придут и поселятся здесь, безжалостно разрушат прекрасное многовековое творение природы, уничтожат разные типы Людей Вод. С искренностью, достойной философов-позитивистов, я говорил себе, что для этих бедных племен было бы лучше, если бы все мы погибли в болотах. Я вздрогнул при мысли, что и Сабину постигла бы та же участь. Правда, вряд ли другие экспедиции смогут пересечь эти болота. По меньшей мере, я надеялся на то, что пройдут долгие годы, прежде чем немногочисленные народности, обитающие поблизости, пренебрегут всеми опасностями переселения и двинутся в этот край. Но и тогда сила и организованность Людей Вод позволят им не одно сто-

летие сопротивляться вторжению. Они будут стойко защищать свою землю, даже если им придется попасть под гнет высокоразвитой нации. Легкость, с какой они усваивали наш язык, служила также хорошим признаком. Наконец, эта местность все же так сильно заболочена, что вряд ли неприиспособленные к таким условиям люди захотят и смогут обитать здесь.

Нас встретили очень гостеприимно. Согласно обычаю Людей Вод, после отменного пиршества последовало праздничное представление на воде. Необычайно ловкие люди племени подолгу оставались под водой (хотя в этом они уступали зеленокожим), и мы с огромным любопытством наблюдали за ними. После стольких невзгод мы, как солдаты после битвы, радовались миру и покою. Наступил вечер, потом ночь укутала своим покрывалом долину, и усталая Сабина заснула у меня на плече. От прекрасной в сумерках глади вод, от ясного неба, где исчезали последние следы урагана, исходил такой покой, такое заманчивое обещание счастья, что я решил задержаться здесь на ночь.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Прежде чем над долиной угас последний луч солнца, Сабина уже устроилась на ночлег в одной из хижин. Я прилег у дверей, а мальчик — снаружи, под навесом из ивовых прутьев. Мы были под надежной охраной жителей деревни, и, успокоившись, я крепко заснул.

Думаю, мы проспали всего часов пять, когда внезапно нас разбудил сильный шум. Луна мирно озаряла землю, на берегу пылал костер. Я осторожно приоткрыл дверь. Вокруг костра собралось десятка два стариков и молодых людей, в которых я узнал наших врагов — синекожих.

Почти сразу же я заметил среди них черного атлета. Гнев и ревность охватили меня при воспоминании о его посягательстве на Сабину. Думаю, если бы я мог сразиться с ним, мне стало бы легче, но риск был слишком велик — ведь наградой за победу могли назначить Сабину. Я решил действовать со всей осторожностью, которую мне подсказывала дипломатия, и прибегнуть к оружию только в крайнем случае.

Собрание было, по-видимому, Советом старейшин этого гостеприимного племени, а шумели молодые люди, очевидно, пытаясь запугать Совет. В одно мгновение они прорвали круг старейшин у костра и устремились к нашей хижине.

не. Около сотни жителей деревни преградили им путь и вынудили отступить. Потом, как мне показалось, синекожие хотели продолжить совещание, но самый представительный старец ударом ноги разбросал поленья и произнес длинную и гневную речь. Затем наступило перемирие, жители деревни окружили нашу хижину, а пришельцы ушли на берег озера и там раскинули свой лагерь.

Я подошел к Сабине. Она крепко спала. Я не стал тревожить ее и вернулся к дверям. Ничто не изменилось. Там, внизу, на берегу озера сидели синекожие и, казалось, ждали наступления утра. Обеспокоенный их присутствием, я широко распахнул дверь. Жители молча смотрели на меня, как мне показалось, чем-то расстроенные. Мальчик, мой верный друг, безутешно плакал. Я подозревал его, но — увы — он не смог объяснить мне, что вызвало его слезы и растерянность толпы. Правда, мне все же удалось узнать, что ни я, ни Сабина не можем самовольно покинуть хижину, а синекожие ожидают подкрепления. Что предпринять? Совет старейшин, должно быть, отказался нас выдать, но он может уступить, когда к синекожим прибудет подкрепление. Почему черный атлет и его товарищи, ничуть не беспокоясь, расположились лагерем на берегу озера? Я с тревогой наблюдал за ними. Сон моей невесты казался мне последним сном осужденного на казнь. Я особенно остро чувствовал свою беспомощность, потому что даже пытаюсь защищаться с оружием в руках, скорее погубил бы себя, нежели спас нас обоих.

Мрачные мысли о новых грозивших нам бедах не давали мне покоя. Внезапно Сабина проснулась, как всегда мило улыбаясь. На моем лице было написано неподдельное отчаяние.

— Робер... Тебе плохо?.. Не болен ли ты?

Я рассказал ей о том, что произошло. Она подошла к двери и, увидев наших врагов, сказала:

— Итак, ты думаешь, Робер, что жители нас выдадут?

— Вполне возможно.

Лунный свет, проникавший сквозь крышу, был достаточно ярким. Я увидел расширенные от страха глаза Сабины. Она бросилась ко мне на шею. Я обнял ее и поцеловал. Наши души слились в едином порыве, и эти минуты остались самым прекрасным моим воспоминанием, несмотря на то, что вслед за ними произошли столь печальные события.

Так мы сидели, прижавшись друг к другу, когда шум толпы привлек наше внимание и заставил подойти к две-

рям хижины. Близилось утро, луна убывала, но светила еще ярко, тени полосами протянулись по озеру. В лунном свете по-прежнему четко вырисовывались высокие фигуры старейшин и еще один силуэт, в котором мы узнали нашего светлогожего друга, спасшего нас, когда мы тонули в болоте.

Тогда мы вышли из хижины и под доброжелательный гул толпы, с сердцами, окрыленными надеждой, подошли к нашему другу. На его лице появилось радостное и дружелюбное выражение, и лица всех просветлели от его улыбки. Всех, кроме синекожих на берегу озера, растрогала наша благодарность и его доброта; но взволнованность перешла в настоящий восторг, когда я взял на руки мальчика и представил его нашему светлогожему спасителю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕЛЕНОКОЖИХ

Все мы: старейшины, наш спаситель, мальчик, Сабина и я — сидели вместе в ожидании рассвета. Луна одним краем уже спряталась за вершины гор, звезды погасли. Вскоре на востоке появилось голубоватое сияние, и лучи зари, прозрачные, словно лепестки гиацинта, коснулись озера. Величественный лик солнца еще не появился из-за холмов, когда огромная волна прокатилась по реке, и тысячи человеческих тел в струях водопада упали в озеро.

Сабина в страхе прижалась ко мне, но по улыбкам нашего светлогожего друга и мальчика я понял, что нам нечего бояться. Тем временем Люди Вод вышли на берег и тотчас разделились на две группы — зеленокожих и синекожих. В стороне, на холме, собрался Совет племени Подземных Вод, а вокруг холма торжественно выстроилось все племя. Затем черный вождь с тремя старейшинами своего племени приблизился и сел слева перед Советом, а справа расположились наш спаситель и трое старейшин его племени.

Тогда-то у меня и возникло ясное представление о том, что же произошло этой ночью, и почему подавленность толпы и горе мальчика сменились радостью и восторгом. Я поделился своими догадками с Сабиной, и она согласилась со мной. Совет племени Подземных Вод, судивший этот спор, опасаясь могущественных соперников, отдал бы нас в руки черного атлета, не появившись здесь зеленокожие Люди Вод.

Это было торжественное событие. Как нам показалось, не только сами судьи были готовы удовлетворить требование нашего спасителя, но и все племя синекожих, вероятно, устав от войны, было на их стороне. Черный атлет, потерпев неудачу, скрылся. Никто из его товарищей не последовал за ним. Мы возвратились к нашим дорогим старым друзьям, и все население долины выказало нам самые трогательные знаки симпатии.

Словно в ответ на нашу ласку, мальчик ни на шаг не отходил от нас. Его лихорадочно блестящие глаза смотрели на нас с необыкновенной любовью. У него еще немного болело плечо, и из-за слабости он не мог принять участия в водном празднике всех трех племен, самом прекрасном из всех когда-либо виденных мною. Наш светлокожий спаситель одним из первых нырнул в озеро, но как мы с Сабиной ни пытались различить его среди других пловцов, время от времени поднимавшихся на поверхность, чтобы приветствовать нас, мы его не видели. В ту минуту это не слишком беспокоило нас. Мы были так счастливы, так верили в прекрасное будущее, полное славы и любви! Мы думали только о том, как разыскать Девреза с остальными членами экспедиции и вернуться в Европу.

Так прошло часа два. Держась за руки, мы продолжали беседовать. Вдруг неожиданно страшный удар сбил меня с ног, а Сабину, словно лист дерева, сорванный ураганным ветром, подхватила и унесла какая-то сила. Когда я поднялся на ноги, черный атлет уже бежал к реке, неся Сабину на руках. Он огибал озеро по тропинке, которая тянулась вдоль скалистой стены, а другим краем резко обрывалась в воду. Следом за ним бежал мальчик. Ожесточенный, непреклонный синекожий на секунду остановился, приказывая ребенку вернуться. Мальчик что-то громко кричал. Я бросился в погоню и был уже на тропинке. Когда атлет услышал шум голосов над озером, увидел нас обоих, он еще раз остановился. Наши взгляды встретились. В его плоских глазах, столь непохожих на наши, я прочел ревность, ненависть и страсть, на которую он был обречен судьбой, что-то печальное и неистовое одновременно.

Невысоко над тропинкой нависал узкий выступ, на который можно было взобраться по качающемуся камню, одному из тех камней, что случайно сохраняют равновесие, но падают под сильным нажимом. Как видно, похититель Сабины намеревался достичь этого выступа. Неся на руках девушку, он бежал не слишком быстро, и мальчику удалось его догнать. Я мчался за ними изо всех сил. Атлет

что-то крикнул, но я не понял смысла его слов, как не понял и того, что ответил мальчик, но его голос звучал гневно и бесстрашно. Затем между ними завязалась борьба, и через минуту от сильного удара мальчик потерял равновесие, полетел вниз с тропинки и разбился о скалистую стену. Страшный крик ненависти вырвался из моей груди; сердце замерло на мгновение, вскипев яростью при виде столь гнусного убийства, и я ринулся на жестокого врага, а за мной теснилась толпа, жаждущая мщения. Но синекожий прыгнул, вскарабкался на качающуюся глыбу, поставил Сабину на выступ и сильным ударом ноги толкнул камень под обрыв, тем самым отрываясь от преследователей по меньшей мере на четверть часа.

Узкий выступ тянулся вдоль берега к реке. Я уже различал пещеру, в которой похититель вот-вот должен был скрыться. В его отчаянном взгляде я прочел грозившие Сабине бесчестье и гибель. Я в кровь ободрал руки, но все было напрасно: камень упал, а без него забраться на выступ было невозможно, даже поднявшись на плечи друг другу.

Люди Вод, умевшие ловко орудовать гарпунами, сейчас не решались воспользоваться этим оружием, боясь сделать неловкое движение, которое могло бы стоить жизни Сабине.

Атлет продолжал бежать, он находился уже в шагах десяти от входа в пещеру. Неужели последний раз в жизни я вижу свою невесту!

Десяток рук схватили меня в тот момент, когда, обезумев от отчаяния, я едва не бросился в пропасть; и как случается при сильном потрясении, когда чувства опережают мысли, мой слух различил необычный шум со стороны озера, и почти тотчас же раздался выстрел, затем еще один. Там, наверху, мой соперник выпустил из рук Сабину, которая в страхе уцепилась за какой-то выступающий камень, и я увидел, как он рухнул вниз и, глухо ударившись о скалы, разбился. Я повернулся к озеру: Жан-Луи Деврез, командир нашей экспедиции, невозмутимо стоял на берегу, а Лашаль, лучший после меня стрелок в отряде, перезаряжал свой карабин.

Мы возвратились на озеро к нашим старым друзьям и мирно и беззаботно прожили там больше месяца. Ни синекожие, ни люди из пещер больше не появлялись. Деврез рассказал нам о том, как вторично наш друг спас нам

жизнь. Мы с Сабиной не могли забыть смерть доброго и отважного мальчика и оплакиваем его и поныне.

В начале мая 1892 года экспедиция под командованием Жана-Луи Девреза возвратилась в Париж с ценными сведениями, которые были положены в основу крупного научного исследования. В июле мы с Сабиной отпраздновали свадьбу.

Сейчас, когда мы так счастливы, когда благополучие и слава окружают нас, нередко в часы сумеречных мечтаний, тесно прижавшись друг к другу, мы с грустью вспоминаем о тех чудесных краях, где нам довелось пережить столько удивительных приключений.

УДИВИТЕЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
Гертона Айронкестля

Роман «Удивительное путешествие Гертона Айронкестля» («L'Etonnant voyage de Hareton Ironcastle», 1922) впервые опубликован на русском языке в 1924 году в Ленинграде, в издательстве «Путь к знанию». Публикуется по этому изданию в новой редакции перевода. Был переиздан в 1928 году. Роман переведен, собственно, даже пересказан на английский язык известным писателем-фантастом Филипом Жозе Фармером («Ironcastle», 1976), но этот пересказ имеет немного общего с оригиналом.

Пролог

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА

Ревекка Шторм ожидала духов. Слегка прикасаясь к золотой вставочке, она держала карандаш наготове на листке серовато-зеленой бумаги. Но духи не являлись.

— Я плохой медиум, — вздохнула она.

У Ревекки Шторм было лицо библейского дромадера и волосы, почти как его же песочного цвета шерсть. Глаза ее были мечтательны, но рот, вооруженный зубами гиены, способными раздробить до самого мозга кость, свидетельствовал о реалистическом противовесе.

— Или же я недостойна? Чем-нибудь провинилась?

Это опасение ее очень встревожило, но, услышав бой часов, она встала и направилась к столовой.

Там, у камина, стоял мужчина высокого роста, совершеннейшее олицетворение типа, созданного Гобино. При килеобразном лице, волосах цвета овсяной соломы, серо-зеленоватых глазах скандинавского пирата, Гертон Айронкестль в свои 43 года сохранял цвет лица светловолосой молодой девушки.

— Гертон, — спросила Ревекка скрипучим голосом, — что значит «эпифеномен»? Это, должно быть, что-нибудь кощунственное?

— Если это кощунство, то во всяком случае философическое, тетя Ревекка.

— А что это означает? — спросила молодая особа, доедавшая апельсин, в то время как официант подавал яйца с поджаренным салом и виргинскую ветчину.

Светлокудрые девы, когда-то вдохновлявшие скульпторов, создавших статуи богинь, должно быть выглядели так же. Гертон устремил взгляд на эти волосы цвета янтаря, меда и зрелого колоса пшеницы.

— Это означает, Мюриэль, что если б твоего сознания совсем не существовало... ты так же готовилась бы есть ветчину и точно так же обращалась бы ко мне с вопросом, как делаешь это сейчас... Только ты не сознавала бы, что ты ешь, как не отдавала бы себе отчета, что вопрошаешь меня. Иначе говоря, при «эпифеномене» сознание существует, но все происходит так, как если бы его не было...

— Но не философы же выдумали такую чушь? — воскликнула тетя Ревекка.

— Именно философы, тетушка.

— Тогда их нужно заключить в дом умалишенных.

Официант подал для тетки яичницу с копченым свиным салом, а для Гертона, не любившего яиц, жареное мясо и две небольшие сосиски. На сверкающей белизной скатерти были разбросаны, как островки: чайник, горячие мягкие булочки, свежее масло...

Три собеседника ели с религиозной сосредоточенностью. Гертон расправлялся с последним ломтиком жаркого, когда была подана корреспонденция, состоявшая из нескольких писем, телеграммы и газет. Тетка овладела двумя письмами и газетой под названием «The Church» («Церковь»), Гертон взял «New York Times», «Baltimor Mail», «Washington Post» и «New York Herald».

Но прежде он распечатал телеграмму и с легкой усмешкой, смысл которой трудно было понять, сказал:

— Нас готовятся навестить французские племянник и племянница.

— Они приводят меня в содрогание, — заметила тетка.

— Моника обворожительна! — заявила Мюриэль.

— Как оборотень, принявший вид молодой девушки, — возразила Ревекка. — Я не могу видеть ее, не испытывая какого-то порочного удовольствия. Это искушение.

— В ваших словах есть доля правды, тетушка, — согласился Айронкестль, — но поверьте, что если у Моники легковесен, как пробковый поплавок, добрая доза свинца — лояльности и чести — держит его в равновесии.

Из конверта с маркой Гондокоро он извлек второй конверт, грязный, весь в пятнах, со следами присохших лапок и крыльев раздавленных насекомых.

— А это, — сказал он с чем-то вроде благоговения, — это от нашего друга Самуэля... Я вдыхаю запах пустыни, леса и болота.

Бережно распечатал он пакет; лицо его потемнело. Чтение продолжалось. По временам Гертон начинал тяжело дышать, почти задышался.

— Вот, — наконец сказал он, — приключение, которое превосходит все то, что я считал возможным на этой гнусной планете.

— Гнусной? — возмутилась тетушка. — Божье творенье!

— Разве в Писании не сказано: «И пожалел Господь, что сотворил человека на земле, и опечалился Он в сердце своем?...»

Ревекка, подняв бесцветную бровь, занялась своим черным чаем. А охваченная любопытством Мюриэль спросила:

— Какое же приключение, отец?

— И будете вы, как Боги, знающие добро и зло!.. — лукаво подзадоривал Айронкестль. — Но я знаю, Мюриэль, что ты сохранишь секрет, если я возьму с тебя слово. Ты обещаешь?

— Беру Бога в свидетели! — произнесла Мюриэль.

— А вы, тетя?

— Я не призываю Его имени всуе. Я говорю: да!

— Ваше слово ценнее всех жемчужин океана.

Гертон, привыкший сдерживать волнение, был возбужден более, чем позволяло видеть его лицо.

— Вы знаете, что Самуэль Дарнлей отправился на поиски новых растений, в надежде пополнить данными свою теорию круговых превращений. Объехав много страшных мест, он достиг земли, не исследованной не только европейцами, но ни одним живым существом. Оттуда именно он и прислал мне вот это письмо.

— Кто же его доставил? — строго спросила Ревекка.

— Негр, по всей вероятности, добравшийся до какого-нибудь британского пункта. Неведомыми мне путями письмо дошло до Гондокоро, где сочли за благо, в виду потрепанности конверта, вложить его в новый конверт...

Гертон погрузился в себя, глаза его казались запавшими и пустыми.

— Но что же видел Дарнлей? — допытывалась Мюриэль.

— Ах, да, — очнулся Айронкестль. — Земля, которой он достиг, необычайно отличается своими растениями и животными от всех стран мира.

— Еще больше, чем Австралия?

— Гораздо больше. Австралия, в конце концов, только остаток древних веков. Страна же Самуэля в общем развитии так же шагнула вперед, как Европа или Азия, а может быть и больше. Но она пошла по другому пути. Следует предположить, что много веков, быть может, тысячелетий тому назад, катастрофы ограничили ее плодородные области, и они в настоящее время не превышают трети Ирландии. Они населены фантастическими млекопитающими и пресмыкающимися. Пресмыкающиеся эти с горячей кровью. Кроме того, есть высшее животное, похожее на человека по уму, но нисколько ни по строению тела, ни по форме речи. Но еще необычайнее растения, неверо-

ятно сложные и положительно держащие в подчинении людей.

— Да это совершенное колдовство! — ворчала тетушка.

— Но как же растения могут держать в подчинении людей? — допытывалась Мюриэль. — Значит, Дарнлей утверждает, что они разумны?

— Он этого не говорит. Он ограничивается указанием, что они обладают таинственными способностями, не похожими ни на одну из наших умственных способностей. Но факт, что, так или иначе, они умеют защищаться и побеждать.

— Так они передвигаются?

— Нет. Они не перемещаются, но они способны к быстрому временному подземному росту, что и является одним из способов их нападения и защиты.

Тетушка негодовала, Мюриэль была поражена, а Гертон охвачен сдержанным, как это свойственно янки, возбуждением.

— Или Самуэль сошел с ума, или же он попал в область Бегемота¹! — воскликнула тетка.

— Это я увижу собственными глазами, — машинально ответил Айронкестль.

— Иисусе Христе! — всполошилась тетушка, — не хочешь же ты сказать, что присоединишься к этому лунатику?

— Да, я это сделаю, тетушка, по крайней мере, попытаюсь это сделать. Он ждет меня и нисколько не сомневается в моем решении.

— Ты не оставишь свою дочь!

— Я поеду с отцом, — спокойно заявила Мюриэль.

Во взоре Айронкестля промелькнула тревога.

— Но не в пустыню же?

— Если б я была твоим сыном, ты не ставил бы мне препятствий. А я разве не тренирована, как мужчина? Разве я не сопровождала тебя в Аризоне, на Скалистых горах и на Аляске? Я могу переносить усталость, лишения и перемену климата не хуже тебя.

— Но все-таки ты — девушка, Мюриэль.

— Это возражение устарело. Я знаю, что ты совершишь это путешествие, что ничто не может тебя остановить... Знаю также, что не хочу два года томиться в разлуке. Я еду с тобой.

¹ Тетушка, видимо, примыкает к мнению отцов церкви, считающих бегемота эмблемой сатаны (*Прим. переводчика*).

— Мюриэль! — вздохнул он, растроганный и возмущенный.

Вошел слуга с карточкой на блестящем подносе.

Гертон прочел: «Филипп де Маранж».

Карандашом было прибавлено: «И Моника».

— Ну, вот!.. — почти радостно воскликнул Гертон.

В гостиной были молодой человек и молодая девушка.

В Севенских горах можно встретить таких мужчин, как Филипп Маранж, с скрытым пламенем в каждой черте лица, с глазами цвета скал. Роста он был почти такого же, как Айронкестль. Но все взоры притягивала Моника. Похожая на юных колдуний, появлявшихся при свете факелов и костров, она оправдывала тревогу Ревекки. Волосы, как ночная тьма, без всякого блеска, представляли для тетюшки нечто дьявольское, еще больше, чем глаза, окаймленные длинными загнутыми ресницами, еще более темные от того, что в них были белки ребенка.

«Такой, должно быть, была Далила!» — говорила себе Ревекка, смотря на нее с испуганным восхищением.

Непобедимые чары заставляли ее сидеть рядом с молодой девушкой, от которой исходил еле уловимый аромат амбры и ландыша.

Не задавая прямых вопросов, Гертон скоро навел Маранжа на интересующий того вопрос.

— Мне необходимо, — признался тот, — найти какое-нибудь дело.

— Почему? — с присущим ему небрежным видом осведомился Гертон.

— Главным образом, из-за Моника... Наш отец оставил нам наследство, обремененное слишком бесспорными долгами и очень сомнительными дивидендами!

— Боюсь, милый юноша, что вы не слишком сильны в делах. Вам пришлось бы слепо довериться какому-нибудь специалисту и платить ему проценты с капитала. В Балтиморе я не вижу ничего подходящего. Быть может, мой племянник Сидней Гютри сможет что-нибудь сделать? А лично я до смешного лишен способности к делам.

— Это правда, что и у меня нет призвания к этому, но что ж делать, если это необходимо! — вздохнул Филипп.

Гертон залюбовался юной колдуньей, представлявшей такой разительный контраст с очаровательной Мюриэль.

— Вот, — пробормотал он, — неопровержимое возражение против систем, превозносящих высшую расу: пелаги не уступали эллинам.

Маранж упивался близостью Мюриэль.

— Мне кажется, вы были хорошим стрелком? — сказал Гертон. — А война приучила вас выносить лишения. Так я мог предложить вам одно дело. Согласились бы вы подвергнуть себя испытаниям, какие вынес Ливингстон, Стэнли или ваш Маршан?

— Можете ли вы сомневаться, что я грезил о такой жизни?

— От большей части наших грез мы отказались бы с отвращением, если б они стали осуществимы. Человек отвлеченно любит ставить себя в положения, противные его природе. Представьте себе неудобные, опасные страны, угрожающие, а то и людоедствующие племена или народности, лишения, усталость и лихорадку... Согласится ли при таких условиях ваша мечта превратиться в действительность?

— А вы думаете, уютно было мерзнуть на трех, четырех, а то и пяти тысячах метров высоты, в летательной машине несовершенного устройства и капризной? Я готов с единственным условием, что это обещает приданое для Моники.

— Страна, куда я думаю отправиться, — так как экспедицию эту хочу снарядить я — содержит, наряду с живыми сокровищами, которые вас не интересуют, также великое множество драгоценных минералов: золото, платину, серебро, изумруды, алмазы, топазы. При удаче вы можете разбогатеть... При неудаче ваши кости высушит пустыня. Подумайте...

— Колебаться было бы глупо... Только заслужу ли я богатство?

— В пустыне хорошее оружие неизбежно оказывает громадные услуги... Мне нужны надежные люди моего круга, следовательно — товарищи. Я рассчитываю завербовать Сиднея Гютри, который теперь в Балтиморе и думает о подобного рода путешествии.

— Вы упомянули о живых сокровищах?

— Забудьте о них. Это вас не касается и не интересно для вас.

Гертон опять погрузился в себя, о чем свидетельствовал его взгляд, ставший пустым.

Тетя Ревекка зло улыбалась.

Молодые девушки распространяли вокруг себя страшное и сладкое очарование, сумевшее извлечь человеческую любовь из животного отбора, и волосы Мюриэль смешивались в воображении Филиппа с таинственными странами, где он собирался вкусить первобытную жизнь.

Часть первая

Глава 1

ЖУТКАЯ НОЧЬ

Сумрак охватывал тысячелетний лес, и страх, накопленный в бесчисленных поколениях, заставлял трепетать травоядных. Прошло столько тысячелетий, а лес еще почти не знал человека. В своем необъяснимом, но неустанном упорстве он продолжал порождать те формы жизни, которые существовали еще до кромлехов и пирамид. Деревья все еще продолжали царить на земле. В утренней и вечерней заре, днем и ночью, под красными солнечными лучами и в серебристом сиянии луны, непобедимые веками, побеждая пространство, воздвигали они свое безмолвное царство.

В страшной чаще леса затрещали сучья. Какое-то волосатое существо, отделившись от баобаба, растянулось на земле, вцепившись в нее своими черными лапами.

Оно напоминало то дикое, мрачное существо, которое когда-то высекло огонь, озарив вековую тьму, но туловищем и челюстями оно походило на льва.

После долгого оцепенения — сна, в котором пред ним проплывали смутные видения прошлого, о будущем же не грезилось совсем, раздался наконец его тихий, хриплый зов, на который прибежали четыре самки с такими же черными лицами, мускулистыми руками и загадочными желтыми глазами, горевшими во тьме. За ними, с веселой грацией, свойственной юным существам, следовали шесть детенышей.

И самец повел их на запад, туда, где в сплетениях ветвей умирало громадное красное солнце, уже не столь палящее, как днем.

Так гориллы дошли до просеки, проложенной огнем туч, среди которой еще торчали обгорелые древесные пни да кое-где оставались островки травы и папоротников. На другом конце просеки из-за лиан выставлялись головы четырех чудовищ, созерцавших невиданное зрелище...

Огони! Какие-то двуногие существа бросали в него ветви и сучья. По мере того как умирало солнце, ярче становилось пламя. Бледное сначала, оно стало красноватым, затем багряно-красным, и в внезапной тьме его дыхание становилось все более грозным.... На лвиный рев, упавший с силой метеора, самец-горилла ответил глухим ворчанием.

Львам огонь был неведом. Они никогда не видели, как он пожирает сухие травы и ветви. Им были знакомы только одни вспышки пламени — в докучную грозу. Но они инстинктивно страшились палящего жара и трепетного колебания огня.

Но самцу-горилле огонь был знаком. Трижды он встречался с ним, когда тот трещал и со страшной быстротой распространялся в девственном лесу, Смутно в его памяти проносились образы смятения и бегства: тысячи бегущих лап, мириады крыльев. На его руках и груди остались рубцы от мучительных ран...

И охваченный смутными, отрывочными воспоминаниями, он остановился, и теснее придвинулись к нему самки. Львы же, влекомые любопытством, нерешительно, тяжелыми и в то же время легкими стопами приближались к невиданному зрелищу.

Двуногие существа следили за приближающимися хищниками.

Пятнадцать человек, черных как гориллы, походивших на них мясистыми лицами, огромными челюстями и длинными руками, стояли в огненном кольце. Семеро белых мужчин и одна женщина имели с человекоподобными только одно сходство — в руках. Здесь же сгрудились верблюды, козы и ослы.

Как шквал, налетел первобытный страх.

— Не стреляйте! — крикнул высокий белокурый мужчина статного сложения.

Рыкание льва прозвучало как голос далеких времен. Массивные туловища самцов, их гривы и громадные плечи — все обнаруживало страшную силу.

— Не стрелять! — повторил белокурый. — Нельзя ожидать, чтоб львы могли напасть на нас, а гориллы и по-давно.

— Конечно, этого нельзя ожидать, — подтвердил один из мужчин, вооруженных карабинами. — Не думаю, чтоб они прыгнули через костры, а все-таки...

Он был почти такого же роста, как белокурый, но отличался от него сложением, янтарными глазами, черным цветом волос и чем-то неуловимым, изобличающим в нем человека другой расы и иной культуры.

— Два десятка ружей и «максим»! — вмешался в разговор исполин с гранитными скулами, зеленые малахитовые глаза которого горели янтарем и поблескивали медью, когда на них падал отблеск огня. Волосы его были цвета

львиной гривы. Звали его — Сидней Гютри. Родом он был из Балтимора.

Оба льва-самца издавали согласное рычание, стоя перед костром, пламя которого падало прямо на их головы. Человекоподобные смотрели на двуногие существа и, быть может, считали их пленниками огня.

Один из чернокожих выставил пулемет Максима. Сидней Гютри зарядил разрывными пулями свое ружье, годившееся для охоты на слонов. Уверенный в своей меткости, Филипп де Маранж намечал своей целью ближайшего льва. Ни один из этих людей в сущности не испытывал страха, но все трепетали от волнения.

— Когда у нас водились еще альпийские медведи, а во Франции и Германии встречались волки, — задумчиво промолвил Маранж, — они были лишь слабым отражением эры мамонтов, носорогов и бурых медведей. Здесь же еще пятьдесят или сто тысяч лет тому назад можно было встретить львов и человекоподобных вроде вот этих, наряду с хрупкими человеческими существами, вооруженных дубинами и огораждающих себя жалкими кострами.

Приближение львов заставило горилл медленно отступить.

— Жалкими! — возразил Айронкестль. — Они лучше нашего умели разводить костры. Мне представляются грубые самцы, мускулистые и ловкие, заставляющие своими громадными кострами трепетать львов... Быть может, им приходилось переживать жуткие ночи, но наряду с ними и другие, величественные... Мой инстинкт заставляет меня предпочитать ту эпоху нашей.

— Почему? — спросил четвертый собеседник, англичанин, лицо которого напоминало великого Шелли.

— Потому, что они уже испытывали людские радости, но еще не знали дьявольского предвидения, омрачающего каждый день.

— Мое предвидение не причиняет мне страданий, — возразил Сидней. — Это палка, на которую я опираюсь, а не меч, висящий над моей головой.

Его слова были прерваны восклицанием Гертона, указывавшего им на молодого самца-гориллу, незаметно приблизившегося ко львам. Он щипал траву вблизи папоротниковой заросли. Один из львов, самец, сделал трехскачковый скачок и, достигнув жертвы, одним ударом лапы свалил ее на землю, в то время как старый самец-горилла и две его самки подбегали, выпуская хриплый рев.

— О, спасем его, спасем его! — вне себя кричала моло-

дая девушка, белокурая и рослая, одна из тех, которые составляют гордость англо-саксонской расы.

Маранж пожал плечами. Слишком поздно: самец-горилла шел в атаку. Борьба была короткая, но дикая и страшная. Черные руки давили желтую шею хищника, в то время как последний, вытянув морду, рвал зубами грудь гориллы.

Чудовищные звери раскачивались из стороны в сторону, слышалось их прерывистое дыхание, хрип, хруст мускулов. Когти хищника вырывали клочья мяса из брюха гориллы; горилла, не выпуская добычу, всаживала зубы в шею льва, возле шейной артерии.

— Великолепно! — воскликнул Гютри.

— Ужасно! — вздохнула молодая девушка.

Загипнотизированные зрелищем, увлекаемые той же страстью, какая владела римлянами в цирке, Гертон, Филипп, Сидней и сэр Джордж Фарнгам, не отрываясь, смотрели на широкие кровавые раны и прыжки колоссов. Звери тоже оставались зрителями: три льва и четыре самки-гориллы, из которых одна прижимала к груди раненого детеныша.

Лев задыхался. Зубы его разжались, и пасть широко раскрылась, когтистая лапа била наугад. Из прокушенной гориллой артерии текла на траву красная струя.

В последний раз когти впились в брюхо гориллы; вслед за тем тела зверей рухнули на землю, черные руки выпустили окровавленную глотку, оба колосса были недвижны.

Охваченный яростью и страхом, Сидней Гютри выхватил горящую ветвь и бросил ее в направлении львов. Негры завывали. Смутный страх охватил душу хищников, потрясенных гибелью вожака, они побежали с прогалины и исчезли в глубине леса.

Удивленный сам тем, что он сделал, Гютри разразился смехом. Прочие оставались серьезными. Им казалось, что они только что были свидетелями борьбы не двух зверей, а льва с человеком. И как эхо того, что шевелилось в глубине сознания, прозвучали слова Гертон:

— Почему бы нашим предкам не иметь силы этого человекоподобного?

В это время молодая девушка воскликнула:

— Горилла как будто шевелится...

— Посмотрим? — сказал сэр Джордж Фарнгам.

Гютри оглядел свое ружье, годное для охоты на слонов.

— Идем!

— Не забудьте взять факелы! — спокойно прибавил Айронкестль. Они взяли факелы и вышли из кольца костров.

Самки человекоподобных стали отступать перед существами, вооруженными огнем, и остановились лишь у края просеки. Оттуда с смутной тоской обезьяны смотрели на распростертое тело самца. Оно было недвижимо. Голова лежала на брюхе льва, грива которого была вся в крови, а большие желтые глаза остекленели.

— Здесь больше нечего делать! — заметил Сидней. — Да и какая надобность в этом?

— Никакой, — ответил Маранж... — Но мне доставило бы удовольствие, если б он ожил.

— У меня такое чувство, точно это человек, — прошептала Мюриэль.

Гертон вынул из кармана зеркальце и приложил его ко рту гориллы.

— А ведь он еще жив, — решил он, указывая на чуть запотевшее стекло... — Но как бы он мог оправиться — ведь он потерял несколько пинт крови.

— А нельзя ли сделать попытку? — робко спросила молодая девушка.

— Мы ее сделаем, Мюриэль... Это зверье невероятно живуче.

Три негра перенесли гориллу в огненное кольцо, и Айронкестль принялся дезинфицировать и перевязывать раны.

Самки тоже вернулись за ними, и в мерцании звезд раздавался какой-то необычайный вой, точно стон.

— Бедные создания! — промолвила Мюриэль.

— В памяти их все так смутно, и они быстро забывают, — сказал Маранж. — Прошное так мало значит для них!

Айронкестль продолжал осматривать раны.

— Не исключена возможность, что он оправится, — заключил он, дивясь громадному торсу человекоподобного. — Это животное по меньшей мере дальний родич наших прапрадедов.

— Дальний родич! Я не верю, чтоб наши предки были обезьянами или человекоподобными.

Айронкестль продолжал перевязывать раны. Грудь гориллы слабо трепетала, но она оставалась в бессознательном состоянии.

— Если есть для него какие-либо шансы возвратиться к жизни среди деревьев, то только при нашем уходе. Если же покинуть его...

— Мы не покинем его! — воскликнула Мюриэль.

— Нет, милая, мы не покинем его, если только этого не потребует наша безопасность. Но все-таки, это — обуза.

Его прервал короткий, глухой вскрик. Старший из негров, человек с кожей цвета грязи, указывал рукой на север просеки. Рука его дрожала.

— В чем дело, Курам? — спросил Гютри.

— Коренастые! — простонал негр.

Просека казалась пустынной. Вой зверей доносился издали с разных сторон.

— Ничего не вижу! — сказал Маранж, смотря в зрительную трубу.

— Вон там Коренастые, — твердил старый африканец.

— А они страшные?

— Это люди, рожденные беспощадным лесом, хитрые и неуловимые!

— Вон они! — воскликнул сэр Джордж.

Он только что заметил двуногий силуэт среди папоротников, но тот уже ступал, и за освещенным пространством можно было разглядеть лишь черный лес да серебрищееся звездами небо.

— Бедняги должно быть еле вооружены, — сказал, пожимая плечами, Гютри...

— У них есть отравленные стрелы, каменные топоры, копья. Их много, они искусно расставляют ловушки и пожирают... — Старый негр не решался продолжать.

— Пожирают? — нетерпеливо спросил Гютри.

— Победенных, господин.

Костры шипели и трепетали, как живые существа; по временам слышался треск, как будто кто-то жаловался. Искры взвивались кверху, как рой светляков; лес испускал тихий вздох, полный тайной ласки и кровавой тайны.

Глава II

КОРЕНАСТЫЕ

Курам рассказал легенду о Коренастых, рожденных лесом, болотом и сошедшим с туч зверем.

Может быть, это и не люди. Они видят впотьмах, и глаза их во тьме горят зеленым огнем; у них широкая грудь и короткие конечности; волосы их походят на шерсть гиен; вместо носа две черные дыры над ртом; они живут кланами, по меньшей мере в сто воинов; они неумело обращаются с огнем, употребляют почти сырую пищу и не знако-

мы с употреблением металлов; оружие у них деревянное и каменное. Они не умеют ни обрабатывать землю, ни ткать, ни обжигать глину. Питаются они мясом, орехами, молодыми побегами и листьями, кореньями и грибами. Между кланами происходит ожесточенная война, причем они съедают раненых и пленных, даже женщин, и особенно детей. Коренастые Севера, рыжеволосые, питают непримиримую ненависть к Коренастым Юга, черноволосым, и к Коренастым Запада, гордящимся своей голубой грудью.

Численность их не растет, а уменьшается из поколения в поколение. Они мужественно презирают смерть и не сдаются перед пытками. Лицом они походят столько же на людей, как и на буйволов. От них пахнет горелым мясом.

— А ты их видел? — спросил Маранж, когда Курам кончил говорить.

— Да, господин. Едва возмужав, я попал к ним в плен. Они собирались меня сожрать. Уже готов был огонь, чтоб меня изжарить. Я попал к рыжим. Они радовались и смеялись, потому что у них были еще пленные и мертвые, раны которых еще сочились кровью. Нас связали лианами. Колдуны заунывно пели, размахивая топорами и цветущими ветками... Вдруг пронесся какой-то вой, полетели острые стрелы. Пришли голубогрудые Коренастые. Начался бой. Я высвободился из лиан и убежал на равнину.

Курам молчал, задумавшись. Воспоминания юности пронесли перед его мысленным взором. Во взгляде Гертона, устремленном на блестящие волосы Мюриэль, видна была тревога. Маранж глубоко вздыхал, глядя на молодую девушку. Только Сидней Гютри безбоязненно и беззаботно смотрел во тьму. Его молодость, физическая сила, свойственная ему жизнерадостность скрывали пред ним будущее. А сэр Джордж Фарнгем в своих путешествиях по Востоку позаимствовал от арабов и монголов небольшую дозу фатализма.

— Что могут сделать эти жалкие существа? — сказал великан. — Одного пулемета достаточно, чтоб истребить целое племя, да и слоновье ружье разнесет их на куски. Маранж и Фарнгем, не уступающие в ловкости Кожаному Чулку, имеют ружья, выпускающие по двадцати пуль в минуту; Мюриэль неплохо стреляет; все наши мужчины хорошо вооружены. Мы сможем их истребить на расстоянии, в двадцать раз превышающем пределы досягаемости стрел.

— Они умеют быть невидимками, — возразил Курам. — Когда стрела поразит людей или животных, мы не будем знать, откуда она пущена.

— Но вокруг наших костров голая земля... едва пробивается трава да папоротники...

Что-то засвистело во тьме: длинная тонкая стрела пролетела над огнем и вонзилась в черную козочку, затрепетавшую от удара.

Звездная ночь стала враждебной. Гертон, Гютри, Фарнгейм и Маранж всматривались во тьму, но никого не было видно кроме самок человекоподобных, смотрящих горящими глазами.

Старый Курам жалобно стонал.

— Ты ничего не видишь? — спросил Маранж.

— Я вижу только вон ту рощу папоротников, господин.

Филипп прицелился и выстрелил три раза; послышалось два хриплых вскрика. Чье-то тело подскочило и вновь упало, стало пробираться ползком в низкой траве... Пока Маранж колебался, прикончить ли раненого, тот исчез, точно провалился сквозь землю. Зловещие крики, протяжный вой волка и хихиканье гиены раздались в лесу и на просеке.

— Мы окружены, — сказал Гертон.

Затем сразу опять воцарилась тишина. Южный Крест показывал 8-й час вечера. Черная козочка, испустив жалобное блеяние, умерла. Курам, вытащив стрелу, подал ее Айронкестлю. Американец внимательно рассмотрел ее и сказал:

— Острые — гранитное... Поставь палатки, Курам.

Палатки были разбиты, из них одна была настолько просторна, что могла служить столовой или вообще для собраний всех членов экспедиции. Все палатки были из прочного, толстого, непромокаемого холста.

— Они не смогли бы защитить от пуль, но стрелы не пробьют их, — заметил Гертон.

Все белые собрались в большой палатке, и негры подали пареное мясо обезьяны с зернами проса. Ужин был не из веселых. Один только Гютри был настроен оптимистически. Он отведал жаркого с приправой из стручков красного перца и зерен проса и сказал:

— Нужно произвести расчистку.

— Расчистку? — воскликнул Маранж.

— Вокруг стана должно быть свободное пространство на расстоянии, превышающем пределы досягаемости их проклятых изделий. Главное, чтоб можно было спокойно выспаться.

Все остолбенели при этих словах.

— Но ведь выйти из лагеря — значит подвергнуть себя опасности пасть от стрел, — произнес Айронкестль.

— Почему? — спросил Гютри. — Это вовсе не обязательно.

— Ну, Сидней! Сейчас не до шуток.

— Но вы забыли, дядя Гертон, что я предвидел возможность отравленных стрел... И выписал из Нью-Йорка необходимые костюмы.

— А ведь и правда. Ты мне говорил об этом, но я совершенно забыл.

Гютри смеялся, продолжая доедать ломтик мяса жареной обезьяны.

— Курам! — крикнул он. — Подай-ка желтый чемодан.

Десять минут спустя два негра внесли довольно тощий чемодан из желтой кожи, на который устремились с жадным любопытством все взоры. Сидней не спеша отпер замок и показал стопку одеяний, наподобие макинтошей.

— Из нового материала, — сказал он, — металлического, но столь же мягкого, как резина. Вот перчатки, маска, обмотки, капюшоны.

— И вы уверены, что стрела не пробьет это?

— Смотрите...

Он развернул один из макинтошей, набросил на переборки палатки и сказал Айронкестлю:

— Не хотите ли пустить стрелу?

Гертон пустил. Стрела отскочила.

— Материя осталась неповрежденной! — констатировал Маранж.

— Гранитное острие только вдавилось в нее.

— В этом нельзя было сомневаться, — спокойно заметил американец. — Товар от Педдинга и Морлока... Единственный в своем роде торговый дом во всем мире. Коренастые только потеряют даром отраву... Но, к несчастью, остаются еще верблюды, ослы и козы... Их гибель была бы непоправимым злом. Вот почему я хочу вырубить вокруг костров все, что может служить прикрытием.

— Обрубок дерева и три-четыре папоротниковых рощицы... — заметил сэр Джордж.

Сидней надел самый широкий из плащей, закрыл лицо упругой маской, навернул обмотки от лодыжки до колена и сказал:

— Ну, идем улаживать дела!

Его примеру последовали Фарнгейм, Айронкестль, Маранж, Мюриэль, Курам и двое белых служителей по имени Патрик Джефферсон и Дик Найтингейл.

— Пойдем в противоположную сторону от зверей, — сказал Айронкестль.

Красная луна на ущербе плыла над просекой и обливала тысячелетний лес неуловимыми волнами света.

— Странно, что эти животные не пустили второй стрелы, — сказал Маранж.

— Коренастые умеют выжидать, — ответил Курам. — Они поняли, что у нас есть страшное оружие, и мы подвергнемся прямому нападению с их стороны только в том случае, если вынудим их к тому... Пока они прячутся, вокруг огня небезопасно...

— Так значит, ты думаешь, что они не оставят своего намерения?

— Они упрямее носорогов. Они пойдут за нами следом по всему лесу. Ничто их не обескуражит... И если мы станем убивать их воинов, то чем больше убьем, тем с большей злобой они обрушатся на нас.

Фарнгем, Гертон и Мюриэль, вооружившись подозрными трубами, осматривали окрестности.

— Никого не видно! — сказал Гертон.

— Никого! — подтвердил Фарнгем. — Мы можем двинуться.

Он взял с собой довольно длинный и очень острый топор, который мог заменить косу.

Мюриэль склонилась над гориллой.

Самец еще не вышел из своего оцепенения и походил на труп.

— Оправится! — прошептал Маранж.

Белокурая головка поднялась. Молодые люди взглянули друг на друга. Смутное, как ночные тени, волнение вздымало грудь Филиппа. Мюриэль была спокойна.

— Вы думаете? — несколько недоверчиво спросила она. — Сколько из него крови вытекло...

— Самое большее — половина...

Какое-то стелание заставило их обернуться. Самки были все еще здесь. Детеныши и одна мать уснули. Остальные бодрствовали.

— Они беспокоятся, — сказал Курам. — Они знают, что Коренастые окружили нас, и что среди нас находится их самец.

— А не нападут они на нас? — спросил Айронкестль.

— Не думаю, господин; вы не прикончили гориллу... Они это чувствуют!

— Ну, в путь! — скомандовал Гютри.

Маленькая группа вышла из круга. Гютри направился

сначала к ближайшей заросли папоротников и срубил ее в четыре маха. Затем он срезал высокую траву, срубил пенек и направился к кустарнику, по которому стрелял Маранж. После того, как они уничтожили и его, на всем пространстве, какое могла бы пролететь стрела, не оставалось ни одного укромного местечка, где могли бы спрятаться Коренастые.

— Но куда же мог деваться раненый? — спросил Филлип.

— В расщелину, — ответил Курам.

Он шел впереди Маранжа и Гютри.

— Вот он!

В два прыжка Гютри, Маранж и Фарнгем присоединились к нему.

Они увидели человека, лежащего без движения в расщелине.

Голова его обросла рыжей, как у лисы, шерстью; пучки такой же шерсти торчали на щеках. Голова была в форме усеченного куба, и челюсть казалась поставленной прямо на плечи. Лицо цвета торфа, плоские руки, оканчивающиеся необычайно короткой кистью, в общем напоминавшей клешню краба; ступни ног еще более короткие, с заточными большими пальцами и покрытые как бы роговидным веществом. Широкие плечи и грузный торс оправдывали кличку.

Лежащий был почти обнажен; на голове и на груди запеклась кровь; за пояс из невыделанной шкуры были заткнуты зеленый топор и каменный нож. Рядом лежали две стрелы.

— В него попали три пули, — заметил Курам... — Но он не убит. Прикончить его?

— Боже тебя сохрани! — испуганно воскликнул Маранж.

— Это заложник, — флегматично пояснил Гютри.

Он нагнулся и поднял Коренастого, как ребенка. Послышалось какое-то рычание и просвистели шесть или семь стрел, из которых две попали в Курама и Гютри. Гигант разразился смехом, а Курам жестами объяснял невидимым врагам, что их нападение бесплодно.

Зоркий глаз Фарнгема искал, где бы они могли укрыться. Приблизительно в расстоянии 50 метров виднелся кустарник, могущий укрыть двух-трех человек.

— Что же мы предпримем? — спросил сэр Джордж.

— Необходимо внушить им страх. Нападение не должно остаться безнаказанным. Стрелять!

Гютри, вскинув к плечу свой карабин, выстрелил в темную массу, мелькнувшую в кустарнике. Раздался взрыв и вслед за ним неистовый рев; тело подскочило и упало бездыханным.

— Бедняга! — вздохнул Филипп.

— Не будем расточать сострадание, — возразил Сидней, — эти бедняги — убийцы по призванию и людоеды по принципу. Другого способа показать им нашу силу нет...

Он взял в охапку находящегося без чувств раненого и направился к стоянке. Белые слуги уничтожили все укрытия, еще не снесенные Маранжем и Гютри. Теперь на расстоянии ста метров ни один человек не мог бы укрыться, несмотря на всю свою хитрость.

Сидней положил раненого рядом с гориллой. Гертон сделал перевязку, во время которой раненый, не приходя в сознание, несколько раз простонал.

— Он не так опасно ранен, как эта горилла, — сказал Гертон.

Курам смотрел на Коренастого со страхом и ненавистью.

— Лучше бы его убить, — сказал он. — А то все время придется его караулить.

— У нас есть веревки, — сказал Гютри, зажигая трубки. — Ночь пройдет спокойно, а там посмотрим.

Сняв маску и металлический плащ, Мюриэль задумалась, смотря на яркий Орион, созвездие родной земли, и на Южный Крест, символ неведомой страны. Филиппа очаровывала эта девушка, подобная феям, лесным нимфам или ундинам, выплывающим из омута в ночной час. Среди зловещей тишины все его помыслы сосредоточивались на ней. И от этого становилось еще более жутко. Филипп бледнел при мысли, что ей угрожала еще большая опасность, чем мужчинам.

— Не можем ли мы что-нибудь сделать для этих бедняжек? — спросила она, указывая на самок-горилл.

— Они в нас не нуждаются, — ответил он улыбаясь. — Их царство — целый лес, где произрастает в изобилии все, что составляет благополучие горилл.

— Но смотрите, ведь они не уходят. Они проявляют явную тревогу. Должно быть, они боятся рыжих Коренастых. Но ведь те на них не нападали?

В шепоте Мюриэль было что-то таинственное, и то, что она была затеряна в первобытном лесу среди тех засад, которые на заре человечества угрожали и ее прародителям, от которых сильнее, чем самые тысячелетия, отделяли ее

изящество и красота, придавало девушке еще большее очарование.

— Они не напали на горилл, — ответил Филипп, — потому что должны беречь оружие.

— Для нас, — произнесла она со вздохом, повернувшись в сторону Айронкестля, оканчивающего перевязку.

С сердцем, исполненным трагического покоя, впитывал в себя Филипп звездное пространство, подернутый пеплом жар костра и эту гибкую девушку-американку, подобную девам бледного острова, где когда-то жили языческие божества, увлекавшие своими чарами св. Григория.

Глава III

ВОДОПОЙ

Гертону выпало сторожить последним. С ним вместе держали стражу трое черных, с помощью которых было установлено наблюдение за всей просекой.

Это была ночь, как две капли воды похожая на все ночи, проходящие в этом лесу: ночь засады и убийства, торжества и бед, урагана, рева, визга, воя, хрипа, предсмертных воплей, ночь хищников и заживо пожираемых, ночь ужаса, смертельной тоски, звериной лютой, жадности, праздник для одних, кошмар для других, муки, служащие для улады, смерть, питающая жизнь...

«Сколькомышленых и очаровательных тварей, — думал Гертон, — без пощады и передышки гибнут каждую ночь в течение тысячелетий в силу какой-то непонятной необходимости... и будут гибнуть. Как непостижима твоя воля, Судьба!»

Беловатой дымкой висел небесный свод над черным пространством леса, носились запахи, — свежие, как источник, сладкие, как музыка, опьяняющие, как молодые женщины, дикие, как львы, ускользящие, как пресмыкающиеся...

Тяжелая грусть овладела американцем. Его грызло раскаяние, что он взял с собой Мюриэль, и Гертон не мог понять своей слабости.

«Нужно думать, — сказал он себе, — что для каждого человека наступает свой час, если не целый период безумия». Будучи человеком действия, решительно проводящим свои планы, он не понимал своей нерешительности перед Мюриэль. Мюриэль никогда его не покидала. Она осталась последней в его роде, после того как Гертон потерял своих

двух сыновей на взорвавшемся от мины у берегов Испании корабле «Thunder». С тех пор он не мог противостоять желаниям и прихотям своей дочери...

Поднявшийся к рассвету туман уничтожил четкость очертаний; свет луны, преломляясь в парах тумана, искажил облик деревьев; звезды заволоклись бледной дымкой и мерцали, как гаснущие лампадки.

И без всякого повода Айронкестль представил себе Мюриэль, похищенную Коренастыми, его стали преследовать кошмарные видения...

Три шакала остановились у костра, повернувшись в сторону огня. Гертон с какой-то симпатией смотрел на их собачьи морды, острые уши, зоркие глаза. Но они убежали и скрылись в перелеске. Все снова погрузилось в молчание.

«А все-таки враг не ушел!» — сказал себе путешественник. Однако ничто не обличало его присутствия. Лес, казалось, был населен только хищными зверями, и десятки тысяч травоядных бились у них в когтях и зубах при последнем издыхании.

Вопреки всему, на Гертон действовали смутные чары ночи — это безмолвие, прерываемое легкими шумами, треском огня, трепетным бегом животных, вздохом листьев. Туман победил и поднялся до звезд предрассветной мглой. Капли росы шипели, падая в костер; трое негров внимательно следили за светом нарождавшегося дня, как будто исходившим не только от неба, но и от деревьев. Пугающие предрассветные миражи рассеялись в один миг. Наступил день. В неведомой чаще воспрянули миллионы живых существ, не боящихся теперь жить. Гертон вынул карманную Библию и с сосредоточенностью людей своей нации стал читать:

33. «И превратит Он реки в пустыни, и иссякнут источники;

34. И бесплодной станет земля, носящая злых.

35. А пустыни превратит Он в водное пространство и иссохшую землю в источники.

36. И поселит Он там тех, кто алкал и жаждал».

Гертон сложил руки для молитвы, ибо его жизнь была разделена на две не соприкасающиеся меж собой части: в одной была его вера в Науку, в другой — вера в Откровение.

— Дело в том, — вымолвил он про себя, — чтоб сделать животных неуязвимыми... Можно было бы спасти козочку, прижегши ей рану.

Мелькнула чья-то тень. Еще не повернув головы, он знал, что это была Мюриэль.

— Милая, — шепнул он, — я плохо сделал, исполнив твое желание.

— А ты уверен, что у себя на родине мы не подверглись бы какой-нибудь еще большей опасности?

Взяв Библию из рук отца, она открыла наугад и прочла: «...и освободит тебя из охотничьих капканов и от злой смерти избавит тебя».

— Кто знает, — со вздохом вымолвила она, — что происходит теперь в Америке!

Юношеский смех прервал ее слова, и рослая фигура Гютри выросла пред потухающим костром.

— А что там такое может случиться, чего бы не было до нашего отъезда? Полагаю, что тысячи кораблей наводняют гавани Соединенных Штатов, что железные дороги перевозят граждан, возвращающихся с купаний в города, что заводские гудки режут, что земледельцы думают об озимых посевах, что добрые люди ужинают, так как теперь у них вечер, что автобусы, трамваи и кэбы шныряют по улицам Балтимора...

— Не подлежит сомнению, — серьезным тоном сказал Филипп, — но могут быть и крупные перевороты.

— Землетрясение? — спросил Фарнгем.

— А почему бы и нет? Разве землетрясения безусловно невозможны в Англии и Франции? Во всяком случае, Соединенным Штатам они известны. Но я разумел другое...

Яркий свет, творящий жизнь и несущий гибель, овладел лесом. Последние костры угасли. Среди ветвей леса замелькали крылья.

— Что же мы теперь собираемся делать? — спросил Гертон.

— Завтракать, — ответил Сидней. — А после завтрака будем держать военный совет.

Курам передал приказание; два негра принесли чай, кофе; консервы, варенье, сухари, копченую буйволятину, колбасу. Гютри принялся за завтрак весело и энергично, как всегда.

— Как поживает самец-горилла? — спросил он Курама.

— Он все еще не пришел в себя, господин, а Коренастый начинает просыпаться.

Филипп ухаживал за Мюриэль. Молодая девушка, грызя сухарики и запивая их чаем, озиралась кругом.

— Они все еще здесь, — прошептала она, указывая на группу человекоподобных, спавших у огня.

— Странно, — ответил Филипп. — Я думаю, Курам прав: они боятся Коренастых, но тем, конечно, не до них, когда приходится выславивать таких врагов, как мы.

Большие бирюзовые глаза Мюриэль заволоклись грезой. Филипп тихо декламировал про себя:

Et comme elle, craindront de voir finir leurs jours
Ceux, qui les passeront près d'elle!

(Как и она, бояться будут смерти,
Кто жизнь проводит близ нее!)

Гютри, справившись с копченым мясом и консервированным кофе, сказал:

— Ну, теперь начертим план действий. Пока мы на этой стоянке, нам нечего бояться Коренастых. Чтобы напасть на нас, они должны стать у нас на виду. Но мы не можем оставаться без дров и воды. До воды целая миля пути. И топливо необходимо.

— Что мы выигрываем, сохраняя стоянку? — спросил Маранж.

— Мы выиграем в том отношении, что постараемся сделать насколько возможно неуязвимыми тех из наших негров, которым не хватает металлических макинтошей, и как можно лучше защитить наш скот, гибель которого была бы бедствием для нас.

— А если эти проклятые каннибалы получат подкрепление?

Гертон с тревогой взглянул на Курама.

— Может ли это быть? — с тревогой спросил он.

— Может, господин... Но рыжие Коренастые редко действуют сообща... разве что против голубогрудых. Их племена живут далеко друг от друга.

— В таком случае столько же и даже более шансов, что в походе наши враги встретятся со своими сородичами.

— Значит, лагерь сохраняем? — беззаботным тоном спросил Сидней.

— Таково мое мнение.

— И мое, — поддакнул сэр Джордж.

— Как обстоит дело с запасом воды, Курам?

— Нам нечем поить верблюдов, ослов и коз. Мы считывали на водопой...

— Вылазка неизбежна!

За кольцом погасших костров и голым пространством виднелись лишь бледные островки папоротников, трав и кустарников. А за ними тянулась таинственная чаща. Водопоя не было видно.

— Лагерь нужно оставить в надежных руках, — сказал Гютри. — Пулеметом лучше всего орудуете вы, дядя Гертон. Вы и останетесь с Мюриэль, Патриком Джефферсоном и большинством негров. Фарнем, Маранж, Курам, Дик Найтингейл, два негра и я — мы сделаем вылазку, чтобы поискать водопой. Жаль, что нельзя взять с собой верблюда.

Айронкестль отрицательно покачал головой. Его томило смутное беспокойство. Он попытался оспорить необходимость вылазки.

— Можно ведь подождать!

— Нет, — возразил Гютри. — Если мы станем ждать, то только подвергнем себя большому риску. На вылазку нужно решаться именно теперь.

— Сидней прав, — подтвердил Филипп.

Все члены отряда надели макинтоши и металлические маски. Гютри взял свое слоновье ружье, топор и два револьвера. Таким же, за вычетом карабина, было вооружение Маранжа и Фарнгема. Дик Найтингейл прихватил еще тяжелый, толстый кортик.

— Идем! — прозвучало как звонкий удар колокола. Легкая дрожь пробежала по телу молодой девушки. Лес казался еще более жестоким, огромным, подстерегающим. Филипп в последний раз запечатлел в сердце образ дочери Балтиморы.

Впереди пошли негры. Курам, десяток раз подвергавшийся смертельной опасности, приобрел большой опыт. У других тоже был изощренный нюх. Втроем они составляли треугольник с широким основанием. Филипп, обладавший необычайно тонким слухом, шел за Курамом. Сидней шагал широким шагом, и его страшная сила действовала на негров еще более успокаивающе, чем слоновье ружье или не дающие промаха карабины Фарнгема и Маранжа. Остальные составляли арьергард. Они направились на восток. Антилопы разбегались перед ними, промчался вепрь. Коренастые не показывались. У края просеки Курам насто-рожился.

— Слушайте! — сказал Филипп.

Среди легкого треска и еле уловимых шорохов, казавшихся дыханием леса, ему почудилось какое-то организованное движение, удалявшееся от них и вновь начинавшееся уже позади. Показались тропинки, протоптанные с давних времен животными и людьми, испокон веков проходившими здесь на водопой. Отряд сдвинулся теснее. Во главе

его продолжал оставаться Курам, за ним вплотную оба негра.

— Быть может, они ушли? — шепнул Гютри.

— Я явственно слышал шорох тел, прокрадывавшихся между деревьями.

— У вас волчий слух!

Курам остановился; один из негров припал к земле. Но Филипп уже услышал.

— Вон там слышны шаги, — заявил он, показывая на чашу вправо от баобаба.

— Это они, — сказал Курам, — но они и впереди нас, и слева. Они окружают нас кольцом. Они знают, что мы идем к водопою.

Незримое присутствие врага нервировало. Они попали в ловушку, гибкую, подвижную и крепкую живую ловушку, которая размыкалась лишь затем, чтоб лучше сомкнуться...

Среди зелени засеребрилась вода — мать всего живого. При приближении это оказалось небольшим озером. Исполинские кувшинки раскидали свои чашечки по воде; стая птиц вспорхнула, шелестя крыльями; встревоженный гну перестал пить.

Протянувшись меж берегами, еще более капризными, чем норвежские фиорды, покрытыми лихорадочной, зло-вредной растительностью, озеро не имело определенных очертаний.

Глава IV

СХВАТКА

Экспедиция остановилась у мыса, на котором растительность была вырвана слонами, носорогами, львами, буйволами, вепрями и антилопами. Чистая и прохладная вода, должно быть, питалась подземным ключом.

Негры пили с жадностью. Не столь привычные к болотным бактериям белые, зачерпнув воду флягами, влили в нее по несколько капель желтоватой влаги.

— Теперь наполним бурдюки!

Вдруг поднялся фантастический, страшный гомон, в котором тем не менее соблюдался какой-то ритм: вой чередовался с хрипом. Показались и вновь исчезли силуэты людей. Наступившая тишина была затишьем перед грозой.

— Их целая сотня, — пролепетал Курам.

Лица негров стали пепельно-свинцовыми. Фарнгем и Маранж не спускали глаз с опушки леса. Гютри, подоб-

ный Аяксу, сыну Телемона, взмахнул своим тяжелым слоновьим ружьем...

Вокруг летали стрелы, отскакивавшие от металлических плащей и шлепавшиеся в озеро.

— Мы все погибли бы! — невозмутимо констатировал Сидней.

— Эти стрелы могут пригодиться, — заметил сэр Джордж, подобрав стрелу, отпрянувшую от его груди. — Для них они опаснее, чем для нас.

— Да, эти выродки снабдят нас оружием.

Бурдюки поставили у воды. Отряд ждал, расположившись полукругом, имея за собой озеро. Звери все разбежались, берега были пустынные; зловещая птица пролетала, задевая воду крылом.

— Чего же они ждут? — нетерпеливо воскликнул Гютри.

— Они хотят удостовериться, пал ли кто от стрел, — ответил Курам. — Яд действует не раньше, чем они успеют отойти на тысячу шагов.

Где-то вдали перекликались попугаи, да обезьяна улюлюкала на другом берегу озера. Тишина казалась бесконечной, но вот опять раздался вой, хрип, и выскочили две группы Коренастых. Их было по крайней мере шестьдесят человек, размаленных красным, вооруженных копьями, дубинами или топорами из нефрита.

— Стреляй! — скомандовал Фарнгем.

Он и Маранж выстрелили и без промаха уложили четверых, когда загрохотало слоновье ружье. Эффект получился чудовищный: руки, ноги, окровавленные кости полетели во все стороны. Одна голова повисла на волосах в ветвях баобаба. Выпавшие кишки извивались подобно змеям. С ревом ужаса Коренастые отступили и рассеялись, за исключением одной шайки, пробравшейся под прикрытием кустов и теперь ринувшейся на путешественников. Удар дубины свалил Курама. Осажденный двумя Коренастыми, пал еще один негр, и пред Филиппом предстали два врага. Раскрашенные суриком лица их казались кровавыми масками, глаза горели фосфорическим огнем, толстые короткие руки взмахивали зелеными топорами.

Маранж, парируя удары, поверг наземь одного из противников, в то время как другой, нападая сбоку, старался выбить его ружье. Но Филипп отскочил в сторону. Не рассчитав разбега, Коренастый оказался на самом берегу, тогда ударом ноги Маранж сбросил его в воду.

Гютри справлялся с троими. Они не решались нападать, приведенные в смущение его гигантским ростом. Сидней вышиб копьё у одного из нападавших, схватил его за загривок, размахнулся им как дубиной и метнул на его товарищей, а подбежавший на помощь сэр Джордж оглушил ударом приклада самого кряжистого из нападавших.

Поражение было полное. Уцелевшие Коренастые бежали под защиту кустарника; раненые ползком добирались до леса, и Гютри, согласно уговору, дал три свистка, один протяжный и два отрывистых, извещая Айронкестля о миновавшей опасности.

— Надо захватить пленных, — заметил Фарнгем, поймав одного беглеца.

Гютри и Дик последовали его примеру, и четверо раненых осталось в руках победителей.

— А где Курам? — с тревогой осведомился Маранж.

Курам ответил стоном, сопровождаемым ругательством. Густота его гривы и могучие кости черепа ослабили силу удара. Второй негр тоже уже был на ногах, отделавшись вывихнутой ключицей.

Двадцать минут спустя экспедиция повернула обратно. Она построилась в каре, в центре которого плелись пленники. Дважды раздавался под сводами леса военный клич Коренастых, но нападения не последовало.

Услышав ружейную пальбу, Айронкестль выставил пулемет, готовясь к бою, но поданные Гютри сигналы успокоили его. Однако с тех пор прошло столько времени, что он снова стал беспокоиться и хотел уже, вопреки условию, идти на разведку, когда увидел на восточном краю просеки возвращавшуюся экспедицию.

Караван из-за пленных двигался медленно.

— Потерь нет? — крикнул Гертон, когда Филипп и Гютри были уже на близком расстоянии.

— Нет... У одного негра только что-то повреждено в плече.

Мюриэль бессознательно обратилась к Маранжу, которого она выделяла за его характер и добросердечность.

— Много их было? — осведомилась она.

Но ответ дал Гютри.

— Штук шестьдесят напали с фронта... Десяток подобрались с тыла, обойдя кустарником. Если это всё племя, наша победа почти обеспечена.

— Это не все, — объявил Курам.

— Он прав, — подтвердил Филипп. — Голоса были

слышны и за ними. Но когда атака оказался неудачной, резерв решил не выступать.

— Сколько же, как ты полагаешь, у них воинов? — спросил Айронкестль старого негра.

— По крайней мере десять столько раз, сколько пальцев на руке, да два раза столько, — ответил Курам.

— Сто пятьдесят.... Они не смогут овладеть нашим станом силой.

— Они и пытаться не будут, — заметил Курам, — и не станут нападать гуртом, пока не заманят нас в ловушку... Теперь они знакомы с вашим оружием. И знают также, что стрелы бессильны против желтых плащей.

— А ты не думаешь, что они откажутся от преследования?

— Как свет над лесом, так они будут вокруг нас.

Айронкестль опустил голову и задумался.

— Мы не сможем приготовиться к отъезду в один день, — вмешался Маранж, беспокоившийся за Мюриэль.

— Наверняка, — подтвердил Гертон. — Только и для нас, и для скота требуется вода и припасы.

— Не думаю, что они нападут на нас опять по дороге к водопою, — заметил Сидней.

— Нет, господин, — подтвердил Курам... — Ни сегодня, ни завтра они не нападут. Они подождут, когда мы тронемся в путь... Скот может спокойно пастись под защитой ружей.

Путешественники почувствовали, как над ними нависла грозная неизвестность. Леса, пустыни, океаны пролегли между ними и их родиной; а здесь, под боком, — неведомый враг, человек-зверь, несколько не изменившийся за сотни веков. Могущество этого врага, такого забавного, плохо вооруженного и тем не менее наводящего страх, в его численности, изворотливости и упорстве. Несмотря на ружья, доспехи, пулемет, путешественники были в их власти.

— Как раненые? — осведомился Маранж.

Гертон указал на небольшую палатку:

— Вон там они... Человек пришел в себя, но чрезвычайно слаб. Горилла все еще без сознания.

Внимание устремилось на пленных. Ни один не был ранен опасно. С широкими лицами, размалеванными суриком, свирепыми глазами, они производили двойственное и жуткое впечатление.

— Я нахожу, что они безобразнее горилл, — сказал Гютри. — Это какая-то помесь гиены и носорога!

— А меня не столько поражает их безобразие, как выражение лица, — заметил Гертон. — Как будто людское, но такое, как у отбросов рода человеческого. Что-то порочное, что встречается только у обезьян и людей, но у них это в крайней степени.

— А у пантер, у тигров? — спросила Мюриэль.

— Те не злы, — возразил Гертон, — они простодушно кровожадны. Злоба — это преимущество, совершенно чуждое лютейшим хищникам. Это преимущество достигает полного своего развития только у нам подобных. Судя по лицу, этих Коренастых следует отнести к злейшим из людей.

— И то превосходно, — проворчал Фарнгем.

Курам, не понявший ничего из сказанного, горячо произнес:

— Не надо оставлять в живых пленных! Они опаснее змей! Они будут подавать сигналы своим. Почему не отрубить им головы?

Глава V ПИФОН И ВЕПРЬ

В продолжение трех дней путешественники готовились к пути. Сделав опыт над пойманной неграми антилопой, Айронкестль нашел, что немедленно произведенное прижигание уничтожает действие ядовитых стрел.

— Прекрасно! — сказал Гютри, присутствовавший при опытах. — Теперь нужно проделать опыт над одним из пленных.

— На это я не имею права, — возразил дядя.

— А для меня это обязанность, — заявил племянник, — колебаться в выборе между сохранением жизни добрых малых или одного из этих бандитов — да это просто безумие!

Взяв стрелу, он направился к одному из пленников, сохранившихся в крепкой палатке. Это был самый кряжистый из всех: ширина его достигала половины высоты. Круглые глаза устремились на гиганта со злобой и суеверным страхом. После минутного колебания, Сидней уколол Коренастого в плечо. Тот съежился, лицо его выразило ненависть и презрение.

— Ну, дядя Гертон, грех я беру на себя, а вы будьте милосердным целителем!

Айронкестль живо прижег рану. В течение получаса никаких симптомов отравления не появилось.

— Ну, вот видите, что я правильно поступил, — сказал колосс, вновь завладевая Коренастым. — Теперь мы уверены, что прижиганием можем спасти людей также, как и животных.

Как и предсказывал Курам, нового нападения не последовало. Каждое утро экспедиция отправлялась к озеру. Водили двух верблюдов, покрытых попоной из толстого холста, предназначавшегося для ремонта палаток. Негры приносили корм для скота вдобавок к траве и молодым побегам, которые верблюды, ослы и козы щипали на просеке.

Коренастые не появлялись и не подавали никаких знаков своего присутствия.

— Можно подумать, что они совсем ушли, — заметил Маранж на исходе четвертого дня, после того как долго прислушивался к окружающим шумам и легким шорохам и не уловил ничего подозрительного своим тонким, более изощренным, чем у шакала, слухом.

— Они уйдут только тогда, когда их принудят к этому, — возразил Курам. — Они всюду вокруг, но на таком расстоянии, чтобы их не могли ни услышать, ни почуять.

Пленники уже почти оправились от своих ран, кроме того, который был взят в первый вечер. Сохраняя бесстрастную позу, все время настороже, они не отвечали на знаки, с помощью которых Айронкестль и его товарищи пытались объяснить с ними. Неподвижные, точно каменные, лица казались столь тупыми, как морды гиппопотама или носорога. Но все же на их темных душах медленно сказывались два влияния: при виде Гютри их глаза расширялись от ярости, при взгляде на Мюриэль в них отражалось что-то молитвенное.

— Нужно попытаться приручить их с помощью вас обоих, — сказал Гертон. Но этот план не понравился Маранжу: что-то во взгляде этих животных оскорбляло его чувство.

Произошло еще событие, к которому путешественники отнеслись с интересом: самец-горилла, наконец, пришел в себя. Он был до крайности слаб, его била лихорадка. Заметив присутствие людей, он обнаружил легкое волнение, по-видимому, испытав боязнь. Веки его задрожали, он сделал попытку поднять голову, но, чувствуя свое бессилие, смирился. Так как ему не делали никакого зла, и так как привычка действует на животное еще сильнее, чем на человека, он быстро свыкся с их обществом и спокойно выносил визиты исследователей, если не считать нескольких

приступов страха или отвращения. Приход же Айронкестля, лечившего и кормившего его, он встречал с удовольствием.

— Он, видимо, не столь необуздан, как эти скоты — Коренастые, — говорил естествоиспытатель. — Мы его приручим...

Наконец экспедиция тронулась в путь.

Дремучий лес не был непроходимым. Деревья, хотя зачастую и чудовищных размеров, в особенности баобабы и фиговые пальмы, редко образовывали чащу. Лес не изолировал ни лианами, ни колючим кустарником.

— В этом лесу уютно, — заметил Сидней, шагавший во главе отряда вместе с сэром Джорджем и Курамом. — Удивляюсь, отчего здесь встречается мало людей.

— Не так мало! — возразил Фарнгем. — В первой полосе мы насчитали по меньшей мере три разновидности черных, что заставляет предполагать о существовании довольно многочисленных кланов. Кроме того, нас преследуют Коренастые, которыми тоже нельзя пренебрегать.

— Они-то и мешают другим людям селиться дальше, — заметил Курам.

Хотя Фарнгем и Гютри оба воплощали тип англо-саксонской расы, с примесью кельтской у американца, между ними была резкая противоположность. У сэра Джорджа была такая же богатая внутренняя жизнь, как у Айронкестля, тогда как Сидней жил порывами. В часы опасности Фарнгем уходил в себя до такой степени, что казался безучастным или погруженным в грезы. Он гнал тогда всякое волнение в тайники подсознания, и на первом плане оставались лишь бдительность чувств и тонкий расчет чисто объективной мысли.

Гютри опасность, наоборот, сильно возбуждала, и во время боя его охватывало какое-то радостное безумие; это ощущение он очень любил, и оно мешало ему сохранять власть над своими решениями и управлять своими поступками.

Словом, Фарнгем был спокойно храбр, Гютри же — радостно храбр.

Так же, как характеры, были различны и их воззрения. Сидней, подобно тете Ревекке, примешивал к своей вере спиритизм и оккультизм. Сэр Джордж всецело подчинялся обрядам английской церкви. И тот, и другой допускали

многообразие исповеданий, лишь бы они соблюдали основные заповеди Евангелия.

Два дня прошло без приключений. В молчаливом, глухом лесу только изредка пробегало какое-нибудь животное. Даже птиц не было слышно, кроме попугаев, время от времени испускавших резкий крик.

Ни одного человеческого следа. Фарнгейм и Гютри стали думать, что Коренастые отстали. Даже Курам перестал подозревать их присутствие.

На третий день к полудню деревья расступились, образуя что-то вроде лесо-саванны, в которой островки деревьев чередовались с покрытыми травой пространствами и с пустынными местами.

Местность разделилась на два, замечно отличающихся пояса: на востоке преобладала саванна; на западе продолжался лес, пересекаемый просеками. Исследователи держались на грани обоих поясов, желая выяснить преимущества того и другого. Выходя за опушку леса, по саванне пролегало болото, поросшее высоким папирусом, зонтики которого трепетали при слабом ветре, беспрестанно рождавшемся и умиравшем. Все кругом было влажно, хаотично, потрескавшаяся земля представляла убежища для пресмыкающихся. Гигантские кувшинки разбрасывали свои листья, подобные водоемам, опутанные водорослями, дающими приют болотным тварям; птицы точно из берилла, плюща и серы скрывались при приближении человека.

— Сделаем привал, позавтракаем, отдохнем, — предложил Гертон.

Пока черные устраивали стан под баобабами, Мюриэль, сэр Джордж, Сидней и Филипп исследовали болотистые берега. Мюриэль остановилась у залива. Вокруг священных цветов водили легкие хороводы огромные бабочки, горя как огонь, и цветы жонкиля, и зеленовато-серые, огненно-красные и бирюзовые мушки; жаба длиной с крысу прыгнула в недвижную воду. Из воды показались мягкие, дряблые формы, раскрытые пасти, тут и там шарахались перепуганные черные рыбы — все говорило о чудовищной жизни.

Сказочное видение вывело Мюриэль из ее созерцания. Более чем какое-либо из встреченных в тысячелетнем лесу существ, представшее теперь пред ее глазами чудовище напоминало о жутком хаосе мира, о его темных силах. Это была длинная и толстая, как древесный ствол, змея с чешуйчатой шкурой. Туловище скользило с отвратительным

преворством вслед за маленькой головкой со стеклянными глазами. Все, что есть отвратительного в дождевом черве, пиявке или гусенице, здесь было в колоссальных размерах... Змея остановилась. Нельзя было понять, видит ли она молодую девушку; ее глаза из блестящего камня не смотрели.

Дикое отвращение, зловещее головокружение сковали Мюриэль, и крик застыл у нее в горле. Страх перед могуществом этой гадины, вышедшей из низших областей жизни и казавшейся чудовищной нечистью, а также отвращение к ней были сильнее страха, испытываемого перед лютостью тигра или льва.

Явной угрозы еще не было. Смутный инстинкт пифона еще не освоился с вертикальными формами — двуногими существами. Но ноги Мюриэль подкосились, она споткнулась о сухую ветвь, упала на колени и казалась меньше. Возбужденный падением, пифон быстро скользнул, обвился огромным телом вокруг молодой девушки, и прелестное существо стало добычей гада... Снова она хотела крикнуть, но страх сжимал горло; голова пифона поднялась над бледным лицом и прекрасными, угасающими глазами; мускулы гигантского червя сдавливали кости, останавливали дыхание. Сознание меркло; смерть витала над ней; дух погрузился во тьму...

Сэр Джордж и Филипп шагали вместе по краю болота. Травы, вода, тростник, кустарник — все кишело жизнью.

— Здесь страшная плодovitость! — заметил сэр Джордж, — особенно насекомые...

— Насекомые — бич мира! — подхватил Филипп. — Взгляните на эту мошкарку... ни одного уголка, куда бы они ни проникли. Они всюду, все готовы уничтожить и пожрать. Они нас съедят, сэр Джордж.

Не успел он произнести этих слов, как сэр Джордж, обогнувший островок папируса, испустил хриплый крик; глаза его расширились от страха.

— Какой ужас! — вскрикнул он.

В ту же секунду страх объял и Филиппа.

На выдавшейся полоске земли пифон продолжал обвинять Мюриэль, сжимая ее своими страшными кольцами. Голова с сверкающими глазами склонилась на плечо, страшные чары исходили от обволакивающей грации чудовища.

Филипп инстинктивно схватился за карабин, но сэр Джордж воскликнул:

— Револьвер и нож!

В один прыжок они были на мысу... Нельзя было угадать, видит ли их чудовище. Оно трепетало, извивалось, готовое пожрать свою добычу. Сэр Джордж и Филипп одновременно выстрелили из револьверов, изрешетив голову животного, и принялись кромсать громадное тело. Кольца подались и распались. Филипп выхватил молодую девушку и опустил ее на траву... Она уже приходила в себя, с блуждающей улыбкой на своем лице нимфы.

— Не нужно говорить моему отцу!

— Не скажем ничего, — пообещал сэр Джордж.

Она поднялась, тихо смеясь; к радости жизни примешивались еще страх и отвращение.

— Такая смерть была бы слишком чудовищной... Вы мне вдвойне спасли жизнь!

Глаза ее упали на жуткий труп пифона, она отвратила взор.

Гютри тоже шел по берегу болота. Этот пугающий мир, неустанно претворяющий мертвую материю в живую, по-своему приводил его в восхищение. Насколько мог видеть глаз, простирались болотные растения, питаемые водой, и сказочная жизнь кишела на глубине.

— Если б всюду была вода и земля, вся планета стала бы живой, — пробурчал Гютри, — да для нее одной воды почти бы хватило... Одно Саргассовое море — какая пропра!.. — Я думал, нашему пароходу никогда не выбраться. И какой неведомый мир живет на глубине — все эти кашалоты, зоофиты, акулы и аргонавты!.. А животные дна морской бездны, живущие на глубине 5-10 тысяч метров!.. Поистине, если б, как говорит Библия, воды вверху и воды внизу наполняли пространство, — все пространство ожило бы. Великолепно и отвратительно!

Его разглагольствования были прерваны каким-то хрюканьем. Он достиг фантазмагорической бухты, заполненной растениями, кочками и твердой землей, в которой могли укрыться десятка два стад. Ярдах в ста вырисовывалось фантастическое животное, вроде кабана, на длинных ногах, с огромной головой, толстой мордой, усеянной бородавками, темным хоботком, вооруженным выгнутыми клыками, острыми и массивными, голой кожей и длинной гривой на спине.

«Клянусь старым Ником¹, это вебрь, и адски красивый в своем роде», — подумал молодой человек.

¹ Горный дух в скандинавской мифологии (*Прим. переводчика*).

Хрюканье продолжалось. Тупое, свирепое и воинственное животное привыкло отступать лишь перед носорогом, слоном и львом. Но когда выхода не было, оно и с ними вступало в бой, и сколько львов пало в сумраке тысячелетнего леса под ударами искривленных клыков!.. Однако, всегда готовый принять бой, вепрь сам не нападает. Это бывает лишь в часы безумья, часы дикого упоения любви, или когда им овладевает бешенство, порождаемое страхом, или же для того, чтоб расчистить себе путь.

Этот выпускал враждебное хрюканье, потому что опасался нападения. Маленькие глазки меж волосатых пучков сверкали, покрытые бородавками щеки дрожали.

— У нас как раз недостает провизии, — пробурчал Гютри.

Но он еще колебался, привыкши щадить хорошо сложенных животных. Этот самец в расцвете сил мог бы породить еще сотни грозных вепрей. А Гютри, как Теодор Рузвельт, был за сохранение на долгие времена породистых животных, будь они красивы или чудовищны, если только они обладали большой силой, живостью и хитростью.

Пока он размышлял, второй вепрь выскочил из болота и вслед за ним еще десяток великолепных, страшных животных.

Охваченные беспокойством, все они издавали тревожное хрюканье и вдруг, разбежавшись, устремились на Гютри. Он отскочил влево, стадо промчалось, но первый самец слепо лез на него. Гютри не имел времени ни прицелиться, ни вытащить нож. Длинные клыки готовились его растерзать, когда страшный удар кулака со всего маха обрушился на голову животного за ушами. Вепрь покачнулся и отступил, издавая хриплый рев; глаза его метали искры... Сидней дико и весело хохотал, гордясь тем, что от его удара зашатался столь мощный зверь.

— Алло! Пора! Подходи! — кричал он.

Вепрь снова бросился на него, но янки отскочил влево, и его кулаки, как молотом, застучали по затылку, бокам и рылу зверя. Животное вертелось, извивалось, устремлялось вперед, задыхалось. Противники очутились у рва. Тогда Сидней внезапно схватил лапу вепря руками и, толкая его в плечо, свалил его в ил... Животное забилося, затем перевернулось и пошло на другую сторону. А Сидней в большем ликовании, чем Геркулес, победивший эриманфского кабана, кричал ему вслед:

— Дарю тебе пощаду, болотное чудище!

Глава VI

ПЕЩЕРА ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

Лес становился гуще, листва — чаще, кустарники — непроходимее. Стало трудно идти. Пришлось податься на саванну. Здесь на красноземе росли тощие травы, чередуясь с голым скалистым пространством, лиловые змеи ускользали в расселины, голубые ящерицы грелись на скалах; там-сям всполошенный страус шагал по пустыне... И опять ничего кроме скал да лишаев, из века в век пожирающих камень... Наконец показалась цепь холмов, выставляющих свои ребра и зубцы.

Гютри, забравшись на одну из вершин, закричал от восторга. Затерянное меж тысячелетним лесом, степью и пустыней, озеро простирало за ней свои неиссякающие волны.

Лес, заполняющий восточную часть различными породами деревьев, отделялся от степи красными и бесплодными песками, в которых чахли даже лишаи. За кустарниками западной частью всецело овладевала степь.

В силу смежности столь разнообразных областей озеро видело на своих берегах всех диковинных зверей пустыни, степных хищников и бесчисленных гостей леса. Сюда приходили страусы и жирафы, и уродливый вепрь, и колоссальный носорог, гиппопотам и кабан, леопард и пантера, шакал, гиена, волк, антилопа, зебра, дромадер, павиан, горилла, генон и резвун, слон и буйвол, пифон и крокодил, орлы и коршуны, цапли, ибисы, журавли, фламинго, макаки и дрозды-рыболовы...

— Восхитительное убежище, созданное для всех животных Ноева ковчега! — воскликнул Гютри. — Сколько тысячелетий существовало это озеро? Сколько поколений кишящих здесь зверей, которых люди истребят или покорят себе еще до исхода двадцатого века, видело оно?!

— Вы думаете, что истребят? — возразил Фарнгейм... — Если Богу будет угодно. Я же думаю, что Он этого не допустит!

— Почему? Разве не оказывает Он явного покровительства цивилизации в течение последних трех веков — в особенности англо-саксонской? Не сказано ли в Писании: «...наполняйте землю и владейте над птицами небесными и рыбами морскими, и над всякими зверями и гадами, ползающими по земле».

— Но там не написано: «Истребляйте!» А мы все истребляли без пощады, без милосердия, Сидней. Творение

Божества оказывается в бранных руках человека. Нам кажется, что нужно сделать только жест. Мы сделаем этот жест, и он послужит нашей гибели, а свободные создания вновь будут процветать. Я не могу допустить мысли, чтоб все виды, до австралийских двуутробок и утконосов, могли сохраняться долгие века для того только, чтобы погибнуть от руки человека. Я ясно вижу разверзающуюся бездну, вижу, как народы вновь растворяются в народности, народности в племена, племена в кланы... Не подлежит сомнению, Сидней, что цивилизация умрет и возродится дикая жизнь!

Гютри разразился смехом.

— А я говорю, что заводы Америки и Европы задымят по всем саваннам, сожгут на топливо все леса. Но если б это оказалось не так, я не из тех, кто исходит слезами. Я примирился бы и с реваншем зверей.

— И я с этим примиряюсь, — мистически ответил Фарн-гем, — ибо такова воля Божия.

С дикой грацией выскочили на мыс стая обезьян и уродливые гну, а три высоких страуса шагали по бесплодной равнине, удовлетворяя свойственный им инстинкт открытого пространства. Появились также буйволы, резвуны, прячущиеся в кустарнике, старый носорог, защищенный своим бороздчатым панцирем, тяжелый, страшный, неповоротливый, в полной безопасности благодаря своей силе, которой страшатся львы, и которая не уступает силе слона.

Робкие, проворные, возвышаясь над всеми животными длинной шеей и головой с тонкими рожками, промчались жирафы.

— Какая загадка, — недоумевал сэр Джордж. — Зачем эти странные формы? Зачем безобразие этого носорога и нелепая голова страуса?

— Все они красавцы в сравнении вот с этим, — вымолвил Гютри, указывая на безобразного гиппопотама. — Каково может быть назначение этих чудовищных челюстей, этих противных глаз, этого туловища гигантской свиньи!

— Будьте уверены, что все это имеет глубокий смысл, Сидней.

— Пусть будет так! — беззаботно вымолвил колосс. — Где нам разбить лагерь?

Осматривая пейзаж, они увидели нечто, приковавшее их внимание. На опушке леса показались колоссы. Они шли важно, страшно и миролюбиво. Их лапы казались

стволами деревьев, туловища — скалами, а кожа — движущейся корой. Хоботы были подобны пифонам, а клыки — громадным кривым пикам... Земля дрожала под ними. Буйволы, вепри, антилопы и обезьяны сторонились с дороги; два черных льва укрылись в кустах; жирафы боязливо вытягивали шеи.

— Вы не находите, что слоны напоминают гигантских насекомых? — спросил Гютри.

— Правильно, — ответил сэр Джордж. — Я сравнил бы их с навозными жуками... Некоторые самки должны весить до десяти тысяч фунтов... Великолепное зрелище!

Громадное стадо слонов завладело озером. Вода забурлила; рев слонов огласил пространство; матери следили за слонятами, которые были величиной с диких ослов и шаловливы, как щенки.

— Если б не было на земле человека, не было бы никого могущественнее слона... и это могущество не было бы зловредным, — произнес задумчиво Фарнгем.

— Но оно было бы признано не всеми. Взгляните вон на того носорога, стоящего особняком на мысу. Он-то не отступил бы пред самым грозным хоботным властителем!.. Но не следует забывать о нашем лагере...

— Вон там, в саванне, у леса, я вижу голое пространство земли между тремя утесами, не очень близко, но и не слишком далеко от озера, — сказал сэр Джордж, протягивая в названном направлении руку, а другой держа у глаз бинокль. — Там будет легко разводить и поддерживать огонь.

Гютри взглянул в ту сторону и нашел место удобным. Но после некоторого молчания добавил:

— Я бы остановился еще на одном месте, вон там, оно образует в чаще кустарника полукруг. Если вы согласны, один из нас исследует это место, а другой пойдет к трем утесам.

— Не лучше ли пойти вместе?

— Я полагаю, каждый из нас соберет достаточно данных, чтобы принять решение. Издали оба места хороши. Если, в конце концов, окажется, что и то, и другое годятся во всех отношениях, метнем жребий. Так мы выиграем время.

— Я не совсем уверен, что мы от этого выиграем, но, вероятно, ничего не потеряем. Идем! — заключил Фарнгем, — хотя я и не люблю разделяться.

— Меньше чем на час!

— Идет! И что вы берете на себя?..

— Я полагал бы Три Утеса.

Гютри, сопровождаемый Курамом и другим негром, хотя и шагал быстро, но на то, чтоб дойти до леса, ушло добрых полчаса. Место оказалось просторнее, чем он думал, и он нашел его удобным. Две скалы были голые, с красными каменистыми склонами. Третья, гораздо большая, — покрыта неровностями и расселинами. В одной из расселин росли фиговые пальмы. В одном месте был черный провал, служивший входом в пещеру.

— Ты, Курам, — приказал колосс, — осмотришь местность отсюда до острого утеса, а твой товарищ — до круглой скалы. Сойдемся опять на этом месте.

— Остерегайся пещеры, господин! — заметил Курам.

Гютри в ответ засвистел и направился к изрытому утесу.

Он представлял поразительную смесь архитектурных форм: зубчатая башня, одна сторона пирамиды, зачатки обелисков, какие-то своды, овалы, фронтоны, готические стрелки... На всем следы неустанной работы лишаев, стенниц и метеоров...

Это дикое место могло быть хорошим убежищем. Пещера и большие углубления намечали жилье; их можно было устроить так, чтобы они стали недоступны для диких зверей или же обратить их в неприступную для людей крепость.

— Лагерь придется разбить здесь, — подумал Гютри, но ему пришли на память слова Курама: «Остерегайся пещеры!»

Храбрость и осторожность смешивались в Гютри в неравных дозах. Столь же рассудительный, как Айронкестль, но более пылкий, он внезапно бросался на риск, случайно, ловушки, головокружительные приключения. Громадный запас энергии, требовавшей выхода, мешал ему в таких случаях обуздать себя, а спортивный опыт внушал ему чрезмерную уверенность в себе. В боксе ни один противник не мог устоять против него. Он справился бы с самим Дэмпси. Он мог поднять коня вместе с всадником и делал прыжки, как ягуар...

Пещера была обширнее, чем он предполагал. Чьи-то крылья задели его: ночная птица тарасила во тьме глаза, блестящие фосфорическим светом; извивались ползучие гады... Пришлось зажечь электрический фонарь... Вокруг янки кишели подземные твари, которых свет заставил искать убежища в щелях. Неправильный свод был усеян летучими мышами. Многие из них, растерянные, с тонким

писком, оторвались от свода и принялись кружиться, судорожно взмахивая беззвучными крыльями.

Затем начались внушающие опасения галереи, а в конце пещеры в расселины стал просачиваться мутный свет.

Путешественник вошел в одну из расселин, которая скоро стала слишком узкой. Когда он направил внутрь свет фонаря, пред ним открылось волнующее зрелище. В конце расселины, в отдалении сбоку, два отверстия с отломанными краями, одно с наклоном вправо, другое — влево, позволяли видеть новые пещеры. Они, должно быть, открывались на западной стене утеса, которой Гютри еще не осматривал. Сюда пробивался смутный свет, на фоне которого электрические лучи чертили лиловатые конусы. В правой пещере три льва и две львицы вскочили, испуганные необычным светом. Львята лежали в темном углу. Дикая поэзия была в этих странно связанных семьях диких зверей. Самцы не уступали вымершим львам Атласских гор, а самки заставляли вспомнить о светлошерстных тиграцах.

— Как прекрасна жизнь! — подумал Гютри.

Он засмеялся. Эти страшные звери были в его власти. Два-три удара из слоновьего ружья, и цари зверей вступили бы в вечную ночь. В нем воспрянула душа древних охотников. Гютри вскинул свое ружье на плечо. Но его взяло раздумье, вмешалась осторожность, потом вдруг его охватила сильная дрожь: обернувшись, он увидел вторую пещеру, с еще более страшными обитателями. Ни в одном из обширных американских зверинцев Сидней не видел львов, подобных тем, которые стояли здесь в полутьме. Казалось, они пришли из глубины доисторических времен, эти гиганты, подобные тигро-льву или *felti spelaea* шелльских раскопок.

Молния сверкнула по красному граниту. Все львы испустили согласный рев. Гютри слушал их, задыхаясь от восторга. Он прицелился еще раз, но, уступая какому-то невыразимому чувству, покачал головой и стал отступать. «Лагерь здесь не удастся разбить!» — подумал он.

Очутившись наружи, он быстро направился к Кураму и другому негру, шагавшим по направлению к скалам, и сделал знак не ходить дальше. Они остановились, дожидаясь гиганта, который спешил, так как с минуты на минуту львы могли выйти из своего логова. Рев зверей замирал. Обладая неважным чутьем и ленивым умом, они, вероятно, продолжали еще оставаться как бы в гипнозе перед щелью, в которую брызнули лучи таинственного света.

Вдруг рев рассек пространство, и появились лев с львицей. Это не были те громадные хищники, которых он видел во второй дещере, но и их рост поразил Курама. В их позах сквозила беспечность. Еще не наступил час, в который эти властелины царства животных разворачивают свою страшную силу. Больше чем тигр вне ночной тьмы лев как бы вянет. Для войны, так же как и для любви, ему требуется бледное мерцание звезд, черный хрусталь ночей.

Лев ступал рядом с львицей, которая шла, крадучись, чуть не ползком. Сидней зарядил ружье и щелкнул затвором. В магазине было шесть зарядов.

Новый рев прорезал пространство, и лев-великан, в свою очередь, вынырнул в тени скал.

— Черт возьми! — выругался Гютри... — Мы играем со смертью.

Первый лев бросился и в шесть прыжков был уже на полпути от янки, второй оставался неподвижным, во власти звериных грез, не стряхнув еще с себя пещерных теней.

Теперь о бегстве нечего было и думать. Сидней повернулся к зверю и выстрелил одновременно с Курамом и его товарищем. Пуля слоновьего ружья задела череп льва и взорвалась в двухстах шагах; пули негров не причинили зверю никакого вреда.

Три громадных прыжка — и рыжее тело льва, как скала, грохнулось на то самое место, где стоял человек, но тот отскочил в сторону, и когти и зубы льва ударились об острое лезвие охотничьего ножа. Слоновые ружья грохнуло вторично — и не попад, так как прыжки зверя и человека не давали возможности прицелиться... Одного из них ждал вечный мрак.

Негры взяли опять на прицел, но Гютри был перед самым зверем, и они боялись выстрелить, не доверяя своей ловкости.

Чтоб напугать льва, Гютри испустил дикий крик; лев ответил ревом. Две силы столкнулись. Лев стал на задние лапы, выпустив когти, раскрыв пасть, откуда торчали гранитные клыки... Но у человека было оружие: он нагнулся и до рукоятки воткнул длинный охотничий нож в грудь зверя.

Но тот не упал. Он взмахнул лапой и всадил когти в бок янки, стараясь ухватить громадной пастью его голову... Сидней понял, что охотничий нож не задел сердца льва и кулаком левой руки ударил его по ноздрям, заставив льва поднять морду.

Тогда человек, вытащив оружие, вторично нанес удар, не имея возможности прицелиться из ружья.

Задыхаясь и хрипя, два гиганта — человек и хищник — с остервенением набросились друг на друга. Поверженным оказался зверь...

В глазах у Гютри потемнело. В последнем напряжении он ударился головой о скалу и почти потерял сознание. А львица была от него в каких-нибудь трех прыжках, и за ней следовал черный лев. Сидней понял опасность положения и напрягся для смертельной борьбы, но прежде чем он овладел бы своими мышцами, звери растерзали бы его...

В этот критический момент появился сэр Джордж, в одно время с Филиппом, показавшимся на вершине холма...

Оба прицелились и одновременно выстрелили в львицу. Едва прозвучали выстрелы, животное завертелось и рухнуло с дважды пробитым черепом. Падая, львица ударила о черного льва, который, остановившись, стал обнюхивать издыхающего зверя. Но прозвучали новые выстрелы, и черный лев, в свою очередь, распростился с лесом, степью и опьяняющими ночами.

Сбежались все. Негры были от радости, Гютри высоко поднимал голову в сознании своей силы... Опасность миновала. Лев-великан исчез за скалами; какой-то бесформенный страх заставил прочих хищников отступить...

— Еще немного, и мне привелось бы узнать, что делается на том свете, — сказал Гютри, несколько бледный, с нескрываемой радостью пожимая руки сэра Джорджа и Филиппа. — Таких стрелков, как вы, немного найдется, хотя бы и в Капштадте.

— Ну, решительно не следует больше разбредаться по одиночке, — сказал Гертон, прибежавший вместе с Мюриэль.

— Господин правду говорит, — подтвердил Курам. — И не следует забывать о Коренастых... Курам заметил следы; Курам не удивится, если они расставят ловушку.

Глава VII

ТАЙНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Жизнь умело заживляла раны гориллы, над которыми поработала смерть. В глубине помертвевших орбит, под жесткими дугами бровей глаза вновь начинали всматриваться в мир. Горечь и недоверие упорно держались в душе животного. Он видел себя пленником каких-то подозри-

тельных существ, чуть ли не себе подобных. По временам его лоб странно морщился: в голове мелькали образы забытых пейзажей, силуэты подруг... При приближении людей он ошетинивался, инстинктивно уклоняясь от смертельной опасности, которой можно ожидать от всякого существа.

Но присутствие одного он выносил с кротостью. При появлении Гертона лесной житель поднимал свою тяжелую голову, и в зрачках его вспыхивал огонек. Он миролюбиво смотрел на это бледное лицо, на светлые волосы, на эти руки, утишавшие его боль и кормившие его. Несмотря на постоянные вспышки страха и недоверия, жесты Айронкестля от повторения становились привычными, и эта спасительная привычка внушала в его присутствии чувство безопасности. Горилла верила ему, и каждый жест этого человека действовал успокаивающим образом. Животное знало, что на свете жил кто-то, от кого оно ежедневно получало пищу, источник жизни. Постоянно возобновляясь, эти впечатления становились глубже, сознательнее. Между несходными духовными мирами происходило смутное взаимодействие.

Вскоре приход Айронкестля стал встречаться с радостью. В его присутствии животное, чувствуя себя в безопасности, подпускало к себе и других. Но как только он удалялся, оно начинало дико ворчать...

Коренастых приручить оказалось невозможно. Необузданная вражда светилась в глубине их зрачков. Их непроницаемые лица или оставались странно неподвижными, или в них, как молния, сверкало убийственное отвращение. Они принимали уход и пищу без тени благодарности. Их недоверие сказывалось в бесконечных обнюхиваниях и ошупываниях, которым они подвергали всякую приносимую им пищу. Одна только Мюриэль, казалось, не возбуждала их ненависти. Они смотрели на нее неотрывно, и по временам какое-то загадочное выражение пробегало по их отвисшим губам.

Чувствовалось, что они постоянно настороже. Глаза их впивались в себя все образы, слух улавливал малейшее колебание.

После приключения со львами их бдительность еще более усилилась. Однажды утром Курам сказал:

— Их племя очень близко. Оно с ними говорит.

— Разве ты слышал голоса? — спросил Айронкестль.

— Нет, господин, не голоса, а знаки — на траве, на земле, на листьях и на воде...

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, господин, потому что трава срезана с промежутками или же сплелась; потому что на земле проведены борозды, потому что листья подняты или сорваны так, как не делают животные, а на воде плавают перевитые ветки. Я все вижу, господин!

— А ты не знаешь, что это значит?

— Нет, господин! Я не знаю их знаков, но они думают только о том, как бы сделать нам зло. И те, кого мы взяли, становятся опасными для нас. Нужно их убить или пытаться.

— Зачем их пытаться?

— Чтобы они раскрыли свои тайны.

Айронкестль и его товарищи слушали с изумлением.

— Но что они могут сделать?

— Они могут помочь расставить для нас ловушки.

— Нужно только лучше следить за ними и связать их.

— Не знаю, господин. Даже связанные, они сумеют помочь своим.

— А если их пытаться, они заговорят?

— Может быть, и заговорят... Один из них не так мужествен, как другие. Почему не попробовать? — просто-дущо спросил Курам. — А потом убить.

Белые не ответили, сознавая всю разность мирозерцаний.

— Следует прислушиваться к мнению Курама, — задумчиво вымолвил Айронкестль, когда их проводник замолчал и удалился. — Это очень смысленный в своем роде человек.

— Несомненно! — процедил Гютри. — Но что же нам делать? Его совет, в сущности, единственный разумный. Нужно бы их попытать, а затем убить.

— Вы не сделаете этого, Гютри! — с ужасом воскликнула Мюриэль.

— Нет, я этого не сделаю, но это следовало бы сделать, хотя бы только ради вас, Мюриэль. Это дьявольские гады, готовые на всякое злодеяние, преступный сброд, и вы можете быть уверены, что они-то не замедлили бы изжарить и скушать нас.

— Напрасная трата слов. Убивать их мы не станем, пытать тоже, — вмешался Айронкестль. — Кроме того, они и не смогли бы нам ничего рассказать... Как бы мы их поняли?

— Курам, может быть, понимает.

— Нет, он может только угадывать. А этого недостаточно.

— Вы правы, — сказал Филипп. — Мы их не уничтожим. Но что же с ними делать? Оставлять их здесь опасно.

— Ответ в вашем же вопросе. Освободить их, что ли?

— А нельзя ли, соединив нашу хитрость с хитростью негров, перехитрить их?

Айронкестль поднял брови и пристально посмотрел на Филиппа.

— Если говорят земля и вода, трава и листья, разве нельзя исказить эти знаки?

— Об этом я и сам думал, — сказал Айронкестль. — Вероятно, это можно бы сделать. Притом так просто завязывать им глаза во время перехода, или же обертывать голову. Ночью их можно держать в палатке...

— Нужно бы еще заткнуть им глотку и уши.

— Им будет очень тяжело! — вздохнула Мюриэль.

— Это ненадолго. Курам утверждает, что они не покидают леса дальше, чем на день пути. Ведь этот лес не бесконечен.

— Позовем Курама, — сказал сэр Джордж.

Курам выслушал молча план белых.

— Хорошо! — ответил он, — Курам будет зорко смотреть, и товарищи тоже... Но хитрость Коренастых неисчерпаема. И всегда нужно опасаться побега. Вот что я только что нашел.

Он показал пучок фиговых листьев, связанных стебельками травы; у некоторых были оторваны края, другие продырявлены симметрично.

— Один из пленников уронил этот знак у кустарника... И это заставляет призадуматься. Почему бы их не убить? — вздыхал Курам, поднимая руки к лицу.

Надзор усилился. Весь день пленных держали с закрытыми лицами. Ночью в их палатке ставили стражу, а выпуская погулять, спутывали ноги. Но, невзирая на все предосторожности, они были предметом постоянного беспокойства.

Сквозь маску бесстрастия Айронкестль, Филипп и Мюриэль стали улавливать мелькавшее в глазах коварство, в легком содрогании рта или ресниц читать их ненависть и их надежды. Когда их лишили возможности шпионить в продолжение целого дня, они стали проявлять бешеную злобу. Вся их поза выражала скрытую угрозу, а самый

несдержанный из них бормотал какие-то слова, в которых легко было угадать ругательства...

Но затем, казалось, они покорились своей участи. При свете костров, на бивуаке, они сидели неподвижно, погруженные в тайные думы.

— Ну, — спросил однажды вечером Филипп Курама, — они все еще говорят со своими?

— Говорят, — серьезно ответил Курам. — Они слушают и отвечают.

— Но каким образом?

— Они слушают в вое шакалов, леопардов, гиен, в крике ворон... А отвечают посредством земли.

— А разве вы не стираете их знаков?

— Стираем, господин, но не все, так как мы не все знаем. Коренастые хитрее нас!

Была очаровательная ночь. Легкий ветерок дул с земли к озеру. Костры пылали ярким пламенем. Из чащи леса доносился ропот жизни. Филипп смотрел на созвездие Южного Креста, трепетно отражающееся в воде... На минуту рядом с ним очутилась Мюриэль. Окутанная красным светом и голубым сумраком, она скользнула, как видение. Он сладостно и по временам мучительно вдыхал ее присутствие; она пробуждала в нем все, что есть таинственного в сердце мужчины. Вскоре ночь стала такой волшебной, что Филипп почувствовал, что никогда ее не забудет.

— Нет ничего менее похожего на ночь в Турене, — сказал он. — И, однако, эта ночь напоминает мне именно одну туренскую ночь, ночь на берегу Лауры, у замка Шамбор. Только та была успокаивающая, а эта страшная.

— Почему страшная? — спросила Мюриэль.

— Здесь все ночи страшные. В этом — мрачное обаяние природы.

— Это правда! — прошептала молодая девушка, содрогнувшись при воспоминании о кольцах пифона. — Но я думаю, мы еще пожалеем об этих ночах.

— Глубоко пожалеем! Здесь пред нами раскрылась новая жизнь! И какая могучая!

— Мы видели Начало, о котором говорит Библия.

Он склонил голову, зная, что ни одним словом нельзя оскорбить верований Мюриэль, впитанных ею от поколения веровавших женщин и мужчин. Как и Гертон, она жила двумя разными жизнями: в одной была ее вера, никогда не затрагиваемая разумом, в другой — свершался зем-

ной жребий, и здесь она думала свободно, применяясь к обстоятельствам.

— А кроме того, — с некоторой робостью продолжал он, — здесь сияла вокруг нас ваша красота. А большей сладости не может быть! С вами, Мюриэль, мы всегда оставались в том мире, где господствуют люди... с вами наши палатки — человеческие жилища, наши вечерние огни — домашний очаг. Вы — символ самого прекрасного и радостного в человеке! Вы — наша лучшая надежда и предмет нежнейшей нашей тревоги.

Она слушала его с любопытством и легким вниманием, чувствуя себя любимой. Но хотя сердце ее было смущено, она еще не знала, предпочла ли бы она Филиппа всем другим мужчинам, и она осторожно выбирала слова.

— Не нужно преувеличивать, — сказала она. — Я не такое сокровище... И чаще всего я не утешение, а обуза.

— Я не преувеличиваю, Мюриэль. Даже если б вы не были столь прекрасной, и тогда было бы несравненной милостью видеть вас в нашей среде, так далеко от нашей светлой родины!

— Ну, для одного вечера довольно много обо мне сказано, — прошептала она. — Лучше взгляните, как очаровательно дрожат звезды на ряби озера.

Она стала напевать:

Twinkle, twinkle, little star,
Oh, I wonder, what — you are!

(Мигай, мигай, маленькая звездочка,
О, что ты такое!)

— Я вижу себя маленькой девочкой, тоже у озера, вечером, в родной стране, и кто-то около меня напевает эту песенку...

Вдруг она остановилась, обернулась, и оба увидели пробирающегося ползком мимо костров и бросившегося в озеро Коренастого.

— Это один из наших пленников! — воскликнул Филипп.

Курам, два негра и сэр Джордж уже бежали вдогонку. Они остановились, устремив глаза на водную равнину. Там копошились пресмыкающиеся, гады, рыбы, но ни одной человеческой фигуры не было видно.

— Лодки! — приказал Гертон.

В одну минуту разборные лодки были готовы, и два отряда, одетые в свои доспехи, двинулись по озеру. Но все поиски были напрасны: пленник или скрылся, или утонул.

Было непонятно, каким путем Коренастый бежал, так как он был связан, и палатка с пленными бдительно охранялась двумя часовыми.

— Видите, господин! — сказал Курам по возвращении лодок.

— Вижу, — печально ответил Айронкестль, — что ты был прав: этот Коренастый оказался хитрее нас.

— Не только он, господин. Его освободило их племя.

— Племя? — насмешливо воскликнул Гютри.

— Племя, господин. Оно доставило оружие, чтоб разрезать веревки... и, может быть, жгучую воду.

— Что это за жгучая вода? — спросил с тревогой Гер-тон.

— Это вода, которая выходит из земли, господин... Она жжет траву, деревья, шерсть и кожу. Если Коренастые на-лили этой воды в углубление какого-нибудь камня, она могла помочь пленному.

— Посмотрим!..

Но пол палатки не обнаружил никаких следов какого-либо едкого вещества.

— Курам любит рассказывать басни! — проворчал Гютри.

— Нет, — сказал сэр Джордж, — вот здесь обрывок ве-ревки, явно обгорелый.

— Нет! — отрицательно покачал головой Гертон, про-должавший осматривать кусок веревки. — Это сожжено не огнем.

— Тогда почему же они так медлили воспользоваться этой проклятой жидкостью?

— Потому что жгучую воду нелегко достать, госпо-дин, — ответил Курам, слышавший вопрос. — Можно идти целые недели и даже месяцы, и не встретить ее.

— Напрасно мы не взяли с собой собак, — заметил Фи-липп.

— Тогда нужно было бы ждать, пока их доставят с Антильских островов или из Вера-Крус, а у нас не было времени.

— Выдрессируем шакалов, — полушутя-полусерьезно предложил Гютри.

— Я предпочел бы довериться горилле, — возразил Айронкестль. — Коренастых она особенно ненавидит.

— Это правда, господин, — вмешался Курам. — Бес-словесный человек — враг Коренастых.

- А ты считаешь, что его можно выдрессировать?
— Тебе можно, господин, но только одному тебе!..

Гертон принялся за дрессировку гориллы. В первые дни, казалось, ничто не могло пробить гранитный череп. Когда гориллу сводили с Коренастыми, ее охватывало сильное возбуждение, от которого она вся дрожала; расширившиеся зеленоватые глаза метали молнии и выражали свирепую ярость. Но несколько дней спустя что-то как бы вспыхнуло в сознании животного, подобно внезапно распускающимся тропическим цветам. А еще некоторое время спустя животное, казалось, окончательно поняло, что оно должно следить за пленными.

Оно садилось на корточки перед их палаткой, обнюхивало, осматривалось кругом. И вот однажды Курам подошел к сидящему у огня Гертону и сказал:

— Господин, бессловесный человек почуял Коренастых. Они близко.

— Все на местах?

— Да, господин. Но нападения нечего бояться.

— Так чего же еще?

— Не знаю. Нужно следить за припасами, за пленными и за землей.

— За землей? Почему?

— Коренастые знают пещеры, вырытые их предками...

Гертон понял, что хотел сказать негр, и, погрузившись в свои мысли, направился к горилле. Та была страшно возбуждена, прислушивалась и принималась, шерсть на макушке ее черепа вздымалась.

— Ну, как дела, Сильвиус?

Гертон приласкал животное. Сильвиус ответил неопределенным движением, намеком на ласку, и глухо зарычал.

— Ступай, Сильвиус!

Животное направилось к западному концу лагеря. Здесь его возбуждение достигло высшей степени и, присев на корточки, оно принялось рыть землю.

— Вы видите, господин, — сказал подошедший Курам. — Коренастые в земле.

— Так, значит, наш лагерь расположен над пещерой?

— Да, господин.

Гертон оставался в нерешительности и тревоге. Курам лег, приложив ухо к земле.

— Они там! — сказал он.

Ворчание Сильвиуса, казалось, подтверждало эти слова.

Крик ужаса вдруг прорезал тьму. Кричала женщина, и этот крик заставил затрепетать Гертона.

— Это Мюриэль! — воскликнул он.

Он бросился к палатке молодой девушки... Карауливший ее черный страж неподвижно лежал на земле. Гертон поднял полотняный занавес, закрывавший вход, и направил внутрь свет электрического фонарика.

Мюриэль не было.

Глава VIII МЮРИЭЛЬ ВО ТЬМЕ

Среди палатки виднелось овальное отверстие, в которое могли пройти двое мужчин. Рядом лежала глыба зеленого порфира.

Гертон бросился туда, призывая на помощь. Неправильные ступени уходили во тьму. Айронкестль стал спускаться, не ожидая подмоги. Дойдя до последней ступени, он увидел подземный коридор, но сажен через двенадцать дорога оказалась загражденной грудой земли и булыжника.

Прибежали Филипп, Сидней и сэр Джордж.

— Проклятье! — воскликнул Гютри, охваченный дикой яростью.

— Нужно договориться, как действовать! — заметил сэр Джордж.

Голова шла кругом у Филиппа, сердце его било тревогу. Все принялись ощупывать землю, в надежде найти выход.

— Курам, — приказал сэр Джордж, — вели принести лопаты и заступы.

К Гютри после минутной растерянности вернулись его разум и хладнокровие.

— И мой бурав! — добавил он.

Готовясь к отъезду, он предусмотрел, что им может встретиться каменная или деревянная преграда, которую понадобится преодолеть. В сопровождении Дика и Патрика он отправился за снарядами. Это была хитроумная машина, смотря по обстоятельствам, могущая действовать механически или ручным способом. При сравнительной легкости ее, для переноса достаточно было двух человек.

Десять минут спустя, машина была на месте. Сидней наполнил резервуар, пустил ее, и проход был проложен в пятьдесят раз быстрее, чем это сделали бы заступы и лопаты.

Айронкестль первым устремился в освобожденный коридор. Путь освещался электрическими лампами, но никакого следа Мюриэль и Коренастых не было видно. Скоро пришлось нагибаться, затем стенки коридора так сблизились, что стало невозможно идти вдвоем.

— Я пойду вперед! — объявил решительным, почти повелительным тоном Гютри... — Нет, дядя, нет! — добавил он, оттаскивая упиравшегося Гертон. — Моя сила будет нам лучшей защитой. Я легче, чем кто другой, сломаю препятствия и восторжествую над тем, кто осмелится вступить с нами в бой!

— Но, — возражал Гертон, — коридор может оказаться слишком узким для тебя.

— Тогда я лягу, и вы пройдете по мне.

Гютри спорил, продвигаясь вперед. Логика вещей действительно требовала, чтоб он шел впереди, тем более, что только он да сэр Джордж и Патрик успели надеть непролицаемые для стрел костюмы.

Коридор не становился уже, хотя нагибаться приходилось все сильнее, и еще немного — пришлось бы пробираться ползком. Но своды вдруг стали выше, проход расширился, и сэр Джордж вдруг издал хриплое восклицание: он нашел платок, принадлежавший Мюриэль.

Гертон взял его и прижал к губам.

— По крайней мере теперь мы уверены, что она проходила здесь! — заметил Гютри.

Слабый свет стал проникать в подземный коридор, и почти внезапно показалось озеро, освещенное луной.

В продолжении нескольких минут все стояли, устремив взгляд на воду, в которой трепетно мерцали созвездия Сириуса, Ориона, Девы и Южного Креста. Шакалы завывали в саванне, громадные лягушки квакали так, точно мычали буйволы...

— Ничего!.. — прошептал сэр Джордж.

На озере виднелись три островка, покрытые деревьями. Они-то и приковали внимание путешественников.

— Должно быть они переправили ее туда! — жалобно воскликнул Гертон.

По еще щекам текли крупные слезы. Все его обычно бесстрастное лицо перекосилось от боли; он рыдал:

— Я сделал непростительную вещь... и тысячу раз заслужил пытки и смерть...

Отчаяние Филиппа было не меньше отчаяния отца. Безграничный ужас окутал его душу, а чувство бессилия еще более усугубляло его тоску.

Гютри, с сверкающими фосфорическим блеском глазами, протягивал кулаки по направлению к островам.

— Мы ничего не можем сделать! — властно сказал сэр Джордж. — Продолжая бесполезно рисковать жизнью, мы потеряем все шансы к ее спасению.

Он осмотрел берег. Это был почти отвесный утес. Нечего было думать о том, чтоб вскарабкаться на него: почти наверняка можно было нарваться на Коренастых, и в один миг они уложили бы всех, на ком не было непроницаемых плащей. Здесь, под отвесной скалой, у открытого до самых островов озера, никакой неожиданности не могло быть.

— Что же нам делать? — печально спросил Гертон.

В своей скорби он почувствовал потребность передать руководство более спокойному.

— Можно сделать только одно: вернуться к стоянке тем же путем, как пришли... Потом снарядить лодки и исследовать острова...

— Правильно! — сказал Гютри, возбуждение которого стало уступать спокойному инстинкту охотника. — Не будем действовать опрометчиво. Скорей за дело. Я заключаю шествие...

— Нет! — возразил сэр Джордж. — При отступлении первым с конца буду я: мне легче обернуться лицом к неприятелю, если враг нас настигнет.

Сидней уступил. Отряд быстро возвращался тем же подземным коридором.

Дойдя до сверлильной машины, англичанин прошептал:

— Еще наше счастье!.. Ведь выход, наверняка, мог быть завален...

Потребовалось больше получаса, чтобы наладить разборную лодку. Гертон и Филипп переживали состояние осужденных на смерть, но напряжением воли принуждали себя действовать последовательно. Как и Гютри, они находили, что нельзя упускать ни одного шанса. Сэр Джордж с Патриком, Диком Найтингейлом и большей частью негров должны были остаться охранять лагерь. В погоню же должны были выйти Айронкестль, Гютри, Филипп, четверо негров, включая Курама, и горилла. Последняя должна была заменить собаку.

Негров облекли в одеяние из просмоленного холста, с трудом проницаемого для стрел, только горилла отбивалась от всякой одежды.

Прежде чем сесть в лодки, проделали опыт: отпустили Сильвиуса, и он сейчас же направился к подземелью. Сле-

довательно, нельзя было предположить, чтоб Коренастые показывались на поверхности земли, по крайней мере близ лагеря. С другой стороны, и подъем Мюриэль на скалу казался неосуществимым. Все предположения сводились к одному — к бегству через озеро.

— Плыдем! — заключил Гютри, — нужно же, наконец, решиться на что-нибудь!

Мотор задрожал, и лодка поплыла по как бы застывшему в оцепенении озеру. Она причалила к первому острову.

Айронкестль, Гютри и Филипп сошли, взяв с собой самца-гориллу, проявлявшего явные признаки раздражения.

— Они здесь проходили! — сделал заключение Айронкестль.

Ящерица прыгнула в озеро; быстро проскальзывали в тумане какие-то животные; лесная малиновка порхала между ветвями.

Лесной житель, обнюхав землю, бросился бежать по острову. Он снова стал диким и страшным. Его прежняя душа возродилась, а вместе с ней ожили все инстинкты, влекущие его к тайнам леса.

— Он на свободе! — пробурчал Гютри. — Если ему придет фантазия взобраться на дерево — только мы его и видели!

Горилла, пересекши остров по диагонали, подбежала к маленькой бухте. Филипп наклонился и поднял какой-то блестящий предмет, лежавший в кустах: это была черепаховая шпилька.

— Мюриэль! — простонал отец.

Горилла хрипло ворчала, но дальше не двигалась. Когда Гертон положил обезьяне руку на плечо, она ответила почти человеческим жестом.

— Нет никакого сомнения, — заявил Гютри, — они отплыли отсюда. Едем на другие острова...

Их было три и несколько маленьких островков. Исследователи не нашли больше никакого следа прохождения Коренастых.

— Создатель! — молил Гертон, воздев руки к звездам, — смилуйся над Мюриэль! Возьми мою жизнь взамен ее!..

Часть вторая

Глава I

ЛЮДИ, ЖИВУЩИЕ В ВОЗДУХЕ

Уамма, Голубой Орел, влез на баобаб. В ветвях дерева были три шалаша, в которых помещались его жены, дочери и сыновья. Снежные пряди серебрились в темной шерсти его волос, но в членах его жила мощь, в груди — мужество, а под черепом из гранита — хитрость.

Янтарный взгляд скользил по делебам, масленичным пальмам, думам, панданусам, драконникам, перемежающимся с фиговыми пальмами и нардами. Среди них баобабы выделялись, как громадные острова. Из века в век в их ветвях строили шалаша Гура-Занка, Звездные люди. Построенные конусом, наподобие громадных муравейников, эти шалаша были непроницаемы для солнца и могли устоять против дождей.

Уамма был военачальником пяти кланов, составляющих род. В них входило до пятисот воинов, вооруженных нефритовыми топорами, дубинами и стрелами. Были и еще племена на Востоке, и еще другие — в долине Мертвых. Они вели войны между собой, так как люди сильно плодились. Пленников и пленниц пожирали. Но иногда они вступали в союз, чтоб отразить нападения Коренастых, зарившихся на эту плодородную землю.

В этом году война только что окончилась. Люди Уамма, одержав победу над сыновьями Красного Носорога и Черного Льва, взяли в плен пятьдесят воинов и шестьдесят женщин. Теперь победители готовились к пиршествам, которые продлятся до новолуния. Пленных держали погруженными в озеро до шеи. Там они будут мариноваться до того, как их заколют: от этого их тело станет нежнее и вкуснее.

На Большой Просеке развели костры. Уамма знал, какие надо произнести слова и какие проделать жесты, чтоб умиловить всемогущие вещи, которые есть и в воде, и в земле, и в ветре, и в солнце.

Гура-Занка были хорошо осведомлены о всей иерархии этих сил. Есть такие, которые, будучи невидимы, ходят на людей или животных: это самые малые и наименее страшные. Другие подобны громадным растениям: их власть непостижима. Есть и такие, которые не имеют определенной формы и границ: они текут, меняются, вырастают и уменьшаются. Голос их — это гроза, молния, пожар

и наводнение. Это не существа, а вещи: существа пред ними ничто.

Поднявшись на баобаб, Уамма крикнул зычным голосом, и на его клич собрались его сыновья и зятья.

Тогда Уамма стал держать речь:

— Сыновья избранных кланов... первых в воздухе... ваш вождь Уамма приказывает вам: пусть по одному войну с каждого десятка соберутся в путь и двинутся на Восток и на Запад, на Север и на озеро... Там ходят неведомые люди, с верблюдами, ослами и козами. Некоторые из них странного вида и не походят ни на Сыновей Звезд, ни на сыновей Красного Носорога, Черного Льва или Болота, ни даже на Коренастых. Лица у них бесцветные, волосы, как солома, и невозможно понять, какое у них оружие... Пусть наши воины окружают их караван. В этот вечер он остановится у наших пределов. Мы их истребим или войдем с ними в союз! Балюама поведет воинов, а завтра Уамма пойдет следом с тремя сотнями человек. Я кончил.

И Балюама собрал по одному воину с каждого десятка, сначала под баобабом Голубого Орла, затем по всему лесу, и отправился в путь, чтоб окружить людей с бесцветными лицами.

— Ладно! — сказал Голубой Орел, когда экспедиция двинулась в путь. — Да будет священна победа!

Хегум, Человек Звучного Рога, затрубил ко всем четырем небесам; все кланы сошлись на Большой Просеке, и Голубой Орел произнес зычным голосом:

— Гура-Занка — властители леса и озера. Когда сыновья Красного Носорога и Черного Льва восстали на нас, мы раскроили им череп, вспороли живот и пронзили сердце. Их кишки валялись по земле, и кровь их текла, как красная река. Мы взяли в плен много воинов, женщин и детей. Двадцать воинов, которые вымачивались в озере целую ночь и весь день, готовы для великого жертвоприношения...

Кланы испустили громкий и протяжный клик, подобный львиному рыканию. Однако, они не были свирепы. В те времена, когда воинственная стрела отдыхала, они были благожелательны и без ярости встречались с людьми соседних племен. Но будучи освящена, война вменяет в обязанность поедать пленных.

— Пусть зажгут костры! — приказал Голубой Орел.

Костры зажглись. Их огни вступили в борьбу с уходящим светом надвигающихся сумерек и покрыли свет на-

растающей луны, наполовину серебряной, наполовину точно покрытой пеплом.

Потрясая факелами, кланы спустились к берегу озера. Военнопленные мокли в нем со вчерашнего дня. Видны были только их головы, так как тела их были привязаны к гранитным глыбам. Уготованная им судьба была им известна, и они нисколько не удивились при виде факелов.

— Сыны Красного Носорога и Черного Льва! — возгласил Уамма, — в день своего рождения человек уже близок ко дню своей смерти. Где все бесчисленные предки? И где скоро будут те, кто теперь обрекает вас в жертву! Ваша смерть славна, сыновья Носорога и Льва... Вы сражались за свои кланы, а мы за свои... Многие из сыновей Орла пали под вашими стрелами. Мы не питаем к вам злобы, но нужно повиноваться вещам, ибо вещи — все, а люди — ничто...

Пленников уже вынули из ила. Они не держались на ногах, и их нужно было нести к кострам на руках. Увидев женщин, которые несли им, в силу освященного тысячелетиями обычая, пироги с просом, они стали смеяться: трапеза побежденных священна так же, как пир победителей. Сыновья Черного Льва и Красного Носорога забыли о смерти и стали поедать пироги.

Уамма тем временем дал сигнал и начал обрядовые танцы. Один воин, с лицом, окрашенным в красную краску, как бы вымоченным в крови, бил в коробок из драконника, а двое других играли на флейтах, сделанных из тростника. Выбиваемая дробь нестройно и глухо аккомпанировала монотонному напеву флейт; несколько воинов с потухшими лицами очень медленно изгибались в такт. Но вот флейты заиграли быстрее, дробь посыпала чаще, зрочки загорелись пока еще неясным огнем, тела в такт музыки стали извиваться сильнее, и к мужчинам присоединились женщины. Затем дробь яростно застучала, флейты завыли, как шакалы, и Гура-Занка свились в дикий хоровод. Они сплетались, резко вскрикивая, образовывали волнуемую массу или же катались по земле с ревом и воем. Дикое опьянение зажглось в глазах. Мужчины и женщины кусали друг друга, текла кровь.

Недвижно, с бесстрастным лицом, стоя на холме, Уамма созерцал это зрелище. Но в момент, когда остервенение грозило перейти в убийство, он испустил три грозных клика, и почти мгновенно воцарилась тишина. Луна — из ртути и перламутра, казалось, спустилась на вершину баоба-

бов, свет костров затмевал звезды, и пленники, съев свое месиво, ожидали смерти.

Голубой Орел подал знак. Вооружившись зелеными жертвенными ножами, воины бросились на них. Пленные, охваченные внезапным страхом, испускали глухие стоны, пытались встать и умоляюще протягивали руки.

Схватив каждый свою добычу, воины устремили глаза на Уамму. Вождь поднял руку, и нефритовые ножи вонзились в горло, и красные ручьи потекли в чаши. Затем глаза побежденных перестали двигаться в орбитах, вздрагивающие тела застыли. От бедер, рук, голов, торсов распространился во тьме запах жареного мяса, и Гура-Занка познали восхитительную радость пожирать врага.

Затем Голубой Орел отдал приказ: чтобы в час, когда звезды погаснут в четырех небосводах, Гура-Занка встали и приготовились сразиться с небывалыми воинами.

Глава II

ВОИНСТВЕННАЯ ЗАРЯ

Прошло приблизительно две трети ночи. Курам сторожил у огней, по временам прохаживаясь, чтоб разогнать сон и понюхать пространство. Он знал, что Коренастые уже не бродили вокруг лагеря с тех пор, как похитили Мюриэль. Он радовался этому в глубине своей дикой души, так как молодая девушка была ему безразлична, и смутно желал, чтоб ее след оказался потерян. Но он угадывал иную опасность, так как Гумра, самый тонкий из черных разведчиков, донес, что как будто какие-то люди появились неподалеку от каравана.

Послав Гумру и двух других негров на разведку, Курам спрашивал себя, следует ли разбудить господина. Из белых только один Патрик был на ногах, но Курам ничего ему не сказал, так как, полагаясь на него в битвах, он считал его лишенным нюха и предвидения.

Расположенный на берегу озера, в выемке, окруженной кострами, лагерь был готов к бою. При первом сигнале белые и черные были бы на своих местах. Курам питал религиозное доверие к мудрости господина, к многозарядным карабинам, к слоновьему ружью и, в особенности, к страшному пулемету. Но не следовало позволять застигнуть себя врасплох. Берег озера мешал прямому нападению, а за кострами расстилалась степь, на которой не мог

скрыться от глаз ни один человек. Самое близкое прикрытие было в пятистах шагах. Таким образом, как бы ни был хитер враг, подойти незаметно он не мог.

Звезды двигались по небу, и Южный Крест передвинулся на полюс, когда, наконец, показались силуэты, и Гумра появился у костра. У него было легкое, как у шакалов, тело и желтые орлиные глаза. Он сказал:

— Гумра видал людей с той стороны, где садится солнце, и с той, где блещут Семь Звезд.

— Много ли их?

— Больше чем нас. Гумра не мог их сосчитать. Гумра не думает, что они нападут на нас раньше, чем звезды побегут от дневного света.

— Почему так думает Гумра?

— Потому что большая часть спит. Если б они не ждали других воинов, они постарались бы напасть на нас врасплох, ночью.

Курам склонил голову, так как эти слова были справедливы, и посмотрел на восток. Восток еще не бледнел. Звезды, яркие на черном небе, были в таком положении, какое они принимают, пока еще ни один человек и ни одно животное не проснулись на земле. Но Курам знал, что не пройдет и часа, как день осыплет их пеплом, и они угаснут одна за другой.

Была глубокая, сладостная тишина. Звери, которым суждено было погибнуть и своими телами подкрепить тела других зверей, уже не существовали. Умолк даже шакал.

Опросив других разведчиков, Курам поправил огонь и пошел к часовым.

— Ничего нового? — спросил Патрик, стороживший у южного края лагеря.

— Нас подстерегают люди, — отвечал черный.

— Коренастые?

— Нет, люди, пришедшие из леса.

Патрик засмеялся про себя. Это непредусмотрительное и исполненное храбрости создание жаждало битвы.

— Ты не думаешь, что они нападут? — спросил он.

При свете огней можно было разглядеть его голову с каштановыми волосами, голубые глаза и длинное лицо с острым подбородком.

— Нападут, если будут чувствовать себя достаточно сильными.

— Тем хуже для них! — пробурчал ирландец.

Курам оставил этот ответ без внимания и отошел. Ему

вдруг показалось, что нужно уведомить Айронкестля, и, подойдя к палатке начальника, он поднял полог и позвал.

Гертон со времени исчезновения Мюриэль плохо спал. Он встал и оделся.

— Что тебе, добрый Курам?

В этом вопросе была смутная надежда: всякое событие, всякое слово и всякая мысль моментально приводили к мысли о молодой девушке. Скорбь снедала его, как болезнь. В несколько дней он похудел. Страшное раскаяние разъедало душу: он так винил себя за то, что взял с собой Мюриэль, как если бы был ее убийцей.

— Господин, лагерь окружен, — сказал Курам.

— Коренастыми? — воскликнул Айронкестль, содрогаюсь от гнева.

— Нет, господин, черными. Гумра думает, что они пришли из леса.

— Их много?

— Гумра не мог их сосчитать. Они прячутся...

Гертон опустил голову в грустном раздумьи. Затем сказал:

— Я хотел бы вступить с ними в союз!

— Это было бы хорошо... Но как с ними говорить?

Негр не хотел этим сказать, что считает невозможным с ними объясниться, так как он умел общаться с помощью знаков и делал это бесчисленное количество раз.

— Они пустят стрелы в тех, кто захочет приблизиться к ним, — сказал он. — Все-таки я попытаюсь, господин, когда рассветет.

Звезды продолжали ярко гореть, но заря была уже близка; она должна была быть короткой. Солнце покажется быстро после того, как забрезжит первый рассеянный свет.

— Я не хочу, чтобы ты подвергал свою жизнь опасности, — сказал Айронкестль.

Слегка ироническая улыбка скривила фиолетовые губы.

— Курам не подвергнет себя опасности.

И он прибавил наивно:

— Курам не любит умирать.

Гертон обошел лагерь и проверил пулемет.

«Мне бы надо не один захватить с собой!» — подумал он.

Затем он глянул на пейзаж: озеро, в котором искривились звезды, степь, кустарник, в отдалении лес. Это был час покоя. Коварная природа обещала счастье и, вдыхая

бархатистый воздух, Гертон почувствовал страшное биение сердца. Он повернулся к Южному Кресту и стал молиться:

O lorn Good of my salvation, I have cried
day and night before thee...¹

Отчаяние его сменилось надеждой, вера — удрученностью. Лихорадка сверкала в впалых глазах. Пылкое раскаяние продолжало терзать сердце.

Тропическая заря появилась и мгновенно пронеслась. На минуту алая полоска разделила свет, но над водами озера уже вставало солнце, медное и кровавое.

— Позвать их теперь? — спросил подошедший Курам.

— Позови.

Курам взял старинную флейту, вырезанную из ствола молодого папируса, вроде тех, которые в ходу у некоторых народностей Великих Сильвасов. Она давала приятный однообразный звук, слышимый на большое расстояние...

Затем, сделав знак Гумре следовать за собой, он вышел из лагеря в промежуток между двумя кострами.

Они прошли шагов двести по саванне и остановились. Никто не мог приблизиться на расстояние полета копья так, чтоб они не заметили его. Курам вынул свою флейту, и стал играть на ней монотонно и заунывно, затем закричал громким голосом:

— Люди этого лагеря хотят заключить союз со своими скрывающимися братьями. Пусть те покажутся, как показываемся мы!

Говоря таким образом, он не надеялся, что его поймут люди, говорившие на неведомом языке, но подобно бесчисленным поколениям дикарей и людей просвещенных, он верил в добродетель глагола и приписывал ему силу заклипающую, повелевающую и создающую свет. Кустарник и саванна не выказывали ни малейшего следа присутствия человека. Быстро промчался какой-то зверь, утренние птицы славил созидающий свет...

— Отчего же вы не отвечаете? — вопил Курам. — Мы хорошо знаем, что ваши воины осаждают лагерь. Гумра с орлиными глазами видел вас со стороны Семи Звезд и в стороне, где садится солнце.

Ответа все не было, но в глубине кустарника поднялся

¹ Боже спасения моего, день и ночь взывал я к тебе... (англ.)
(Прим. переводчика).

какой-то шум. Гумра, обладавший таким же тонким слухом, как зрением, сказал:

— Я думаю, мудрый вождь, что идут другие воины...

Тогда Курам, охваченный беспокойством и гневом, закричал тоном угрозы:

— Пусть прячущиеся люди не очень полагаются на то, что их много. У белых людей есть оружие, такое страшное, как землетрясение или пожар, пожирающий лес!

Слова его сопровождались мимикой; но вдруг поняв свою неосторожность, он продолжал кроко

— Мы пришли не как враги. Если ваши вожди захотят вступить в союз, вы будете желанными гостями в нашем лагере!

Внезапно один черный вскочил с ревом, подобным реву буйволов. В одной руке он держал стрелу, в другой дубину. Сила жила в его груди, челюсти его выдавались, как у волка; желтые глаза блестели пылом, мужеством, алчностью.

Он выкрикивал незнакомые слова, но жесты его выражали, что он хочет быть победителем и господином.

— Люди лагеря непобедимы! — отвечал Курам словами и знаками.

Уамма, Голубой Орел, стал высокомерно смеяться. Он испустил два повелительных клика, и воины Гура-Занка воспрянули в кустарниках, папоротниках и в высокой траве. Все это были сильные, мужественные молодцы; они окружили лагерь. Хагун, Человек с Рогом, затрубил к восходящему солнцу. Сыновья Звезды страшно заревели, все они были вооружены дубинами и стрелами.

Тогда Уамма сказал словами и жестами:

— Сыны Звезды имеют по десяти воинов на одного вашего. Мы возьмем лагерь со всеми животными и всеми сокровищами. А людей съедим!

Курам, поняв, что черный военачальник хочет войны, распростер руки, вытянул их перед собой, затем показал на землю и согнулся:

— Люди леса умрут, как насекомые, рои которых носятся вечером над водами озера..

Зычный голос Голубого Орла перемежался с рогом Хагуна. Тем временем Гура-Занка построились в колонны: их было четыре, каждая около пятидесяти человек.

Курам сделал последнюю попытку. Его голос и жесты одновременно заявили

— Еще есть время заключить союз!

Но Голубой Орел, видя построенные к битве колонны,

горячо почувствовал свою мощь и дал сигнал к наступлению...

Лагерь был готов принять его. На холме Айронкестль и один негр управляли пулеметом. Сидней проверял слоновье ружье. Филипп и сэр Джордж охраняли бивак с юга и запада. Остальные хозяева лагеря, готовые дать залп по первому сигналу, образовывали длинную кривую.

— Вождя не убивать! — крикнул Айронкестль, так как он надеялся после битвы заключить с ним союз.

Рог завыл, и Гура-Занка рассыпались по озеру; Курам отступил и двести свирепых дикарей ринулись к лагерю.

— Огонь! — приказал Айронкестль.

Пулемет, поворачиваясь, сеял пули так густо, что казалось, что это струя жидкости. Слоновье ружье грохотало подобно грому. Сэр Джордж и Филипп методически прицеливались, поддерживаемые огнем стрелков.

Результат был ужасный. Прежде, чем авангард Гура-Занка прошел половину расстояния, отделяющего их от лагеря, более шести десятков воинов уже лежали на земле. Пулемет разил их цепью; слоновье ружье разбрасывало снопы крови, тела, костей и внутренностей, каждый выстрел Филиппа или сэра Джорджа укладывал на месте по человеку.

Слоновье ружье вызвало первое отступление колонна черных, огибающая озеро, при виде искромсанных воинов, при виде оторванных голов и членов, разбросанных по всему пространству, была охвачена паникой и бросилась врассыпную в кусты папируса; затем пулемет остановил отряд, идущий с юга, в то время как обстрел Филиппа и сэра Джорджа, которым помогали Дик, Патрик и черные стрелки, рассеял третью колонну.

Но на западе отряд, предводительствуемый Голубым Орлом, приближался угрожающе быстро.

Впереди шел вождь, потрясая топором и стрелой; отряд был уже в двухстах метрах...

Гертон смотрел, как он приближался. Здесь были отборные воины: молодые, сильные, высокого роста, с широкой грудью... Если б они овладели лагерем, то истребили бы путешественников... Они двигались быстро. У Айронкестля оставалось не больше двух минут, чтоб избежать катастрофы.

— Жаль! — проворчал он.

С сожалением повернул пулемет к западу и методично стал поливать свинцом. Как будто огненные клинки или удары молнии врезались в осаждающих. Люди кру-

жились, как пчелы от дыма, качались, падали с криком бешенства или предсмертной тоски, или же бежали, куда попало, охваченные безумием. Вскоре вокруг Уаммы осталось не больше десятка воинов. Айронкестль рассеял их одним мановением руки.

Один Голубой Орел остался перед лагерем. Смерть была в его душе. Громадная сила его племени в один миг оказалась слабостью шакалов перед львом. Все, что его воспаляло, все действительные и легендарные подвиги, все это рассеялось пред какой-то таинственной силой. Его гордость потонула в безграничном унижении; его славные воспоминания полегли в нем изувеченные, презренные, обезображенные.

Он поднял свою стрелу, поднял дубину. И крикнул:

— Убейте Уамму... Но пусть рука воина пронзит ему грудь... Кто хочет сразиться с Уаммой?

Это была последняя вспышка его гордости, и голос его жалобно звенел. Курам, стоявший рядом с Гютри, понял жесты черного вождя.

— Он хочет биться!

Гютри засмеялся. Он осмотрелся. Кругом были только обращенные в бегство, убитые или раненные.

— Я доставлю ему это утешение! — сказал он.

Великан, вооруженный топором, перешагнул через кучу золы и жара и бросился навстречу Голубому Орлу. Вождь Гура-Занка смотрел на него ошеломленный. Хотя кланы Звезд насчитывали много воинов большого роста, но ни один из них не шел в сравнение с этим бледнолицым, сила которого, казалось, уподоблялась силе носорога. Суеверная печаль сдавила душу вождя, Гютри же крикнул:

— Ты хочешь сразиться? Вот я!

Инстинктивно Уамма метнул свое копьё, угодившее в плечо Сиднея, но оно даже не разорвало плаща. В несколько прыжков янки очутился пред чернокожим. Голубой Орел испустил зловеющий крик и размахнулся дубиной... Гютри засмеялся.

Дубина опустилась и одновременно с ней ударил страшный топор Сиднея, который вонзился в твердое дерево и вырвал оружие из рук вождя.

— Ну вот, ты посражался! — насмехался Гютри. — Пойдем...

Схватив неожиданно Уамму, он взвалил его себе на плечо и понес, как ребенка. Чернокожие лагеря встретили его страшным ревом. Обращенные в бегство Гура-Занка остановились, охваченные ужасом, а многие из попрятав-

шихся в кустарнике стонали и вздыхали, остолбенев от чуда.

— Нате вам! — сказал Гютри, ставя своего пленника на землю.

Уамма трепетал. Тысячу раз рисковал он жизнью; никто не мог лучше его выдержать пытки и бесстрашнее ожидать часа, когда он будет съеден врагом. Обуревавший его страх не был страхом воина, боящегося смерти, а был страхом человека перед непостижимым. На плече Гютри он чувствовал себя слабым, как малый ребенок, а вон там полегло до сотни Гура-Занка, тогда как ни один из защитников лагеря не получил и царапины. Как будто стрелы и дубины, испокон веков убивавшие бесчисленное множество людей, буйволов, вепрей и даже иногда разившие львов, внезапно превратились в соломинки...

Уамма распростерся на земле и оставался так безмолвный, с лицом цвета золы. Звук голоса вывел его из оцепенения.

Он медленно поднял голову и увидел Курама, который говорил, сопровождая слова жестами... И так как Курам был чернокожим, он почувствовал себя не столь подавленным.

Словами и знаками Курам говорил:

— А теперь хотят ли люди леса стать друзьями людей, пришедших с севера и с востока?

По мере того, как он повторял знаки и придумывал все новые, Уамма стал понимать. Глубокое удивление охватило его. Он не постигал, как, будучи пленником, он не был обречен на съедение во время победного пиршества...

Он смотрел на Курама, на Айронкестля и особенно на противника-великана, несшего его, как ребенка. Обладая воображением, он перешагнул пределы своих воззрений. Люди, столь отличающиеся от Гура-Занка, так странно и страшно вооруженные, могли иметь бесконечное множество своих привычек. Кроме того, хитрость подсказывала, что пришельцы были заинтересованы в том, чтобы оставить позади себя меньше врагов. И любопытство, острое, сильное, страстное любопытство мучило Голубого Орла. Чем он рисковал? Разве его жизнь не была в руках победителей? А Уамма считал, что его жизнь стоила жизни сотни воинов.

Его колебания внезапно прошли. Он обернулся к великану и сделал знак согласия... Союз был заключен.

Глава III

КОРЕНАСТЫЕ И ГУРА-ЗАНКА

В течение нескольких дней путешественники проявляли большую настороженность. Белые и черные как бы готовились к бою. Стоянка была устроена возле деревьев, где жили Люди Звезды, на открытом пространстве у реки. Клань бродили вокруг. Мужчины, женщины, дети жадно следили за сказочными существами, которые одержали над ними верх, причем ни одному из них самих ни стрелы, ни дубины не причинили никакого вреда... Злобы они не питали. Эти существа внушали им какое-то религиозное чувство, смешанное со страхом. В особенности поражал и ослеплял Гура-Занка своим видом Гютри. Они говорили друг другу:

— Это самый сильный из всех людей. Он обладает могуществом вещей...

В скором времени отчасти таким же восхищением стал пользоваться Гертон. Обладая способностью к языкам, он после некоторых усилий усвоил некоторые из наиболее употребительных слов гура-занковского диалекта.

Тогда с помощью Курама и его жестов ему удалось побеседовать с Голубым Орлом. Он узнал, что Люди Звезд и Коренастые испокон веков были непримиримыми врагами. Из рода в род передавались рассказы и легенды о битвах, поражениях и победах, о коварстве Коренастых, о хитроумии кланов... Но новое поколение уже не видало, чтоб в этих местах показывались рыжие, голубые или черные Коренастые. Когда же Уамма понял, что одно из их племен было поблизости, ярость сотрясла его мускулы, а глаза загорелись фосфорическим огнем, как глаза леопарда в темноте... В нем жила буйная и свирепая ненависть к ним, ненависть, бывшая выше его сил, поистине сверхъестественная.

Гертон это понял, и понял, что этот первичный, неистребимый инстинкт послужит фундаментом их союза...

— Голубой Орел найдет Коренастых! — гремел вождь. — Он отыщет их на воде, в земле и меж скалами. Гура-Занка хитрее шакалов.

Американец решил показать ему двух пленных. При виде их Уамма прыгнул и занес дубину, чтобы раздробить им черепа. Но Курам остановил его.

— Сумеешь ты говорить с ними? — спросил Айрон-кестль.

Ненависть, бушевавшая в Голубом Орле, отразилась на

широких лицах пленных. Тысячелетний инстинкт проявлялся и в них.

Уамма осыпал их ругательствами. В течение веков битв обе расы научились понимать друг друга, по крайней мере в существенном.

— Умеешь ли ты говорить с ними? — повторил Айронкестль.

— Орел умеет говорить с ними.

Гертон сказал умирающим голосом:

— Спроси, что сделали с молодой девушкой, которую похитили его сородичи?

Айронкестль и Курам несколько раз повторили этот вопрос, первый отрывочными словами, второй жестами.

Наконец Уамма понял и спросил пленных. Коварная, скрытая усмешка свела чудовищные рты. Затем один из пленных заговорил:

— Люди-Привидения никогда больше не увидят девушку с волосами, сотканными из света... Она живет с Коренастыми на земле и под землею... Она рабыня вождя.

— Где Коренастые? — заревел Голубой Орел.

Холодное, злобное, насмешливое презрение промелькнуло в глазах Коренастого.

— Они везде, — ответил он, делая кругообразное движение.

Уамма стал угрожать ему дубиной. Тот оставался бесстрастным.

Когда Голубой Орел перевел ответ, воцарилось трагическое молчание. Образ плененной Мюриэль среди этих скотов настолько ясно предстал перед глазами несчастного отца, что из груди его вырвался крик отчаяния.

— Пленные скажут мне, где их орда! — дал понять вождь Гура-Занка.

— Никогда!

— Нужно жечь им ноги! — крикнул Курам. — Тогда они заговорят.

Когда Голубой Орел понял, что негр говорит, он отрицательно покачал головой и дал понять, что никакая пытка на них не подействует.

— Тогда нужно их убить! — с горячностью сказал Курам. — Без них дочь господина не была бы похищена. Если б не они, может быть, Коренастые прекратили бы преследование.

Возможно, что это было так. Но что сделано, того не воротишь. О прошлом теперь нечего было думать.

— Хочешь помочь нам отыскать Коренастых? — спросил Гертон.

Бурно вздымалась грудь чернокожего вождя.

— Уамма хочет их истребить! — зарычал он, размахивая дубиной над головами пленных.

Желтые глаза Коренастых полузакрылись, и так же, как Курам, Орел заревел:

— Нужно их убить!

— Если они останутся в живых, — говорил Курам, — так завяжите вы им глаза, зашейте рот, свяжите руки и ноги веревками, посадите в мешок — все равно они сумеют сноситься со своими.

— Мы не можем убивать безоружных! — грустно ответил Гертон.

Курам и Уамма переглянулись. В их взглядах сказалось тайное единомыслие.

— Что же сделает Уамма, чтоб найти Коренастых? — спросил Гертон.

— Воины обшарят лес, землю и воды. Волшебники обратятся к облакам, ветрам и звездам... И Гура-Занка знают все пещеры.

— Если Орел найдет их, он получит оружие, которое убивает на три тысячи шагов, — пообещал Айронкестль, показывая ружье.

Желтые глаза засверкали, как звезда Альдебарана.

Десять минут спустя Человек Звучный Рог собирал воинов.

Еще до вечера Гура-Занка узнали, что Коренастые бродили вокруг лагеря. Они преимущественно держались под землей. В земле были естественные галереи, соединенные между собой предками Коренастых, еще в те времена, когда Сыновья Звезд не овладели Трехлесьем и Западом озера.

Это открытие теснее сблизило кланы с исследователями. Черные отыскивали следы врага со страстностью дикарей и готовились к бою. Когда вокруг лагеря зажглись костры, явился Уамма. Он остановился в созерцании Гютри, который не переставал поражать его своим ростом, затем сказал:

— Этой ночью Гура-Занка идут в бой. Они победят... Но дело будет вернее, если Люди-Привидения придут со своим громовым оружием.

Его прервали клики: показался отряд Гура-Занка, влекущий двух пленных. Даже в темноте в них можно было узнать отвратительную породу Коренастых по их низкому росту, широкой груди и буйволиным мордам.

Свирепая радость раздвинула скулы Голубого Орла.

— Теперь битва близка!.. Мы заполучим сердца вот этих!..

Гертон содрогнулся.

— Ведь они пленники! — воскликнул он.

— Пленники должны быть съедены! Такова воля земли, воды и предков.

Айронкестль перевел слова черного вождя.

— Это их дело. Нужно уважать законы своих союзников! — сказал Гютри.

Сэр Джордж и Филипп хранили молчание.

Тогда Уамма холодно отдал приказ; дубины взвились, Коренастые упали с разбитыми черепами.

— Лучше бы их сначала вымочить в священных водах! — сказал Уамма тоном сожаления, и видя, что Гертон не понял его, пояснил:

— Я велел их убить, чтоб тебе не было жалко...

— Этот дикарь проявляет трогательное внимание, — заметил Сидней, когда Айронкестль перевел слова Орла.

Уамма дружески засмеялся. Глаза его были прикованы к Гютри, и он спросил:

— Помогут ли нам вожди Людей-Привидений со своим громовым оружием, чтоб победить Коренастых?

Айронкестль перевел вопрос своим товарищам.

— Мы должны избежать этого риска! — сказал сэр Джордж.

— Какого риска? Риска сражения? — вмешался Гютри. — Мы не можем и не должны его избегать.

— Риска измены, — сказал Гертон. — Но я не думаю, чтоб они нам изменили.

— Я уверен, что нет! — воскликнул Филипп.

— Нет, — серьезно подтвердил Курам. — Они останутся нам верными. А если мы поможем им победить Коренастых, союз укрепитя.

Гертон задумался на минуту, затем сказал:

— Часть наших останется охранять лагерь; остальные пойдут с Гура-Занка. Все согласны?

— Согласны.

— Тогда нужно только выбрать.

— Пусть решит жребий, — сказал Гютри, громко смеясь, — кроме меня: я-то непременно должен с ними идти!

— Почему?

— Потому, что они этого хотят.

— Это правда! — подтвердил Гертон.

Горящий взгляд Голубого Орла был устремлен на Гютри.

Идти досталось Филиппу, Дику Найтингейлу и Патрику Джефферсону. К ним прибавили шесть чернокожих, в том числе Курама.

Когда Орел узнал, что Гютри примет участие в экспедиции, он взревел от радости. И обернувшись к людям, убившим пленных Коренастых, он крикнул:

— Великан-Привидение с нами!

Бурные возгласы приветствовали это сообщение, и Человек Звучный Рог затрубил во все стороны горизонта.

Глава IV БИТВА НА ОЗЕРЕ

Филипп с Диком Найтингейлом, двумя чернокожими из лагеря и сотней Гура-Занка должен был обследовать северо-западный берег и острова. В числе двух черных был и Гумра, разведчик со слухом шакала. Никто не мог лучше его распознавать шумы и угадывать, чем они грозили. Когда он ложился, приложив ухо к земле, пространство открывало ему свои тайны. Он различал на расстоянии тяжелый шаг вепря или еще более тяжелую поступь носорога; он не смешивал крадущихся шагов пантеры и шакала; он распознавал приближение страуса, жирафа, даже пифона, гораздо раньше их появления, и по крикам, шепотам, шумам безошибочно определял природу существ и вещей.

Один из сыновей Орла командовал воинами Гура-Занка. Его звали Варцмао-Пифон, потому что он умел ползать подобно пресмыкающемуся и долго мог оставаться в воде.

Выйдя до восхода луны, под бледным мерцанием звезд воины следовали вдоль берега, огибая его. При слабом свете звезд черные тела казались еще чернее. По временам Гумра ложился на землю, или Варцмао безмолвно исчезал в чаще. Прошел час, а никакого следа присутствия Коренастых не было видно. Они без сомнения знали о преследовании. Быть может, они отступили в пустыню, быть может, расставляли ловушки.

Филипп прислушивался и всматривался. У него был такой же тонкий, даже еще более тонкий слух, как у Гумры, но он едва начинал разбираться в загадках африканской ночи.

— Гнусная штука! — ворчал Дик Найтингейл. — Как

они хотят драться вплотьмах? Они ни за что не найдут сразу больше одного-двух этих гадин, да и те предпочтут скорее умереть, чем говорить.

Дик был добрый малый, честный и храбрый, но он любил крылатое словцо. Хотя он говорил шепотом, Филипп остановил его:

— Лучше помолчать!

— Черт бы их побрал! — выругался тот. — В расстоянии шести ярдов волк и тот меня не услышит... К тому же мы окружены неграми.

Это было довольно верно. Пифон поддерживал вокруг белых и черных союзников подвижный кордон Гура-Занка. Он не хотел подвергать их неожиданности, не столько из-за них самих, сколько из-за их оружия, которое должно было привести к быстрой победе.

— Все-таки будем молчать! — настаивал Филипп. — И успокойтесь, Дик. Я не думаю, что Гура-Занка рассчитывают сражаться вплотьмах... как и Коренастые, конечно. Будьте уверены, что если они идут, так не без основания!

Дик замолчал, и экспедиция продолжала свои однообразные вылазки. Земля всюду тщательно просматривалась. Гумра, угадывавший, что руководило союзниками, часто слушал, нет ли какого шума в глубине земли... Пустыня не была безмолвной. По временам слышался вой шакала, какой-то рев, крик отчаяния загнанного травоядного, стон лягушек в тростниках и водяных кувшинках. Все было таинственно, опьяняюще и страшно. Сомнительный победитель, человек, овладел только малой частью дикой земли, и среди ночной тьмы он был во чреве непобедимой силы.

Сердце Филиппа билось с невыносимой быстротой не от страха: все его мысли были только о Мюриэль. Она мерещилась ему в сиянии озера, в туманностях звезд.

— Луна восходит! — пробурчал Дик Найтингейл.

Ущербная, красная, как цветок мака, еще полутемная, но с каждой минутой становящаяся все более яркой, она начертила на озере светлую реку, и лягушки приветствовали хозяйку ночи заунывным хором.

Авангард Гура-Занка остановился. К нему примкнули разведчики. Из сотни глоток вдруг раздался неистовый военный клич. В продолжение четверти часа смутно виделись только летящие камни. Те, что были пущены из чащи папируса и трав, метили в Гура-Занка, которые отвечали, бомбардируя прикрытие острыми камнями.

— Так значит, Коренастые там? — спросил Дик, потрясая кулаками.

Это была еще не настоящая битва. В силу дальности расстояния, метанье оставалось безрезультатным.. Засада Коренастых не удалась. Они рассчитывали напасть на Сыновей Звезд врасплох, но разведчики раскрыли их козни. Теперь противники медлили начинать бой: острия стрел у тех и других были отравлены ядом; прежде чем произвести опустошение у неприятеля, нападающий сам понес бы ослабляющие его потери.

Хорошо знавший это Варцмао не спускал глаза с папируса. Коренастые оставались невидимыми, одни скрывшись за кустиками, другие — под прикрытием скалистых изгибов. Время от времени военачальник испускал рев, повторяемый воинами с такой силой, что удивленные обезьяны переставали кричать.

У тех и других было одинаковое терпение, как и ненависть, безграничная ненависть, начало которой терялось во тьме рас... Если Гура-Занка, более горячие, не начинали массового нападения, так это потому, что они знали численное превосходство врага и преимущество его позиции. Сверх того, у Коренастых были лодки, как донесли разведчики, и это обеспечивало им отступление по озеру.

— Так может месяц продолжаться! — ворчал Дик Найтингейл. — Проклятые трусы эти дикие!

— Не думаю, — почти строго ответил Филипп. — Это очень мужественные расы.

В глубине души ему так же не терпелось, как Дику. Он расположил свой маленький отряд под прикрытием холма. Но если бы Коренастые отважились на массовую атаку, черные стрелки, вероятно, ответили бы нерешительными залпами. Это были очень неважные вояки, да и у самого Дика был неуверенный прицел.

— Двинутся ли когда-нибудь наши обезьяны? — воскликнул Дик.

Десятка три Гура-Занка двинулись тесными рядами к берегу. Они испускали страшные крики и не переставая ругали Коренастых... Можно было подумать, что они бросятся на приступ. Туча камней взметнулась из папируса. Но отряд уже остановился, все еще вне пределов досягаемости. Маневр был ясен: Варцмао искушал противника приманкой легкой победы... Чтобы усилить искушение, остальным воинам он велел отступить.

— Слушай! — скомандовал Филипп. — Ружья на прицел!

— Они не выйдут! Куда там! Это кролики, а не вояки. Но Филипп давал точные инструкции своим стрелкам. Гура-Занка продолжали держать себя вызывающе. Авангард был теперь очень узким. По меньшей мере семьсот шагов отделяли его от главного отряда, а извилистый берег позволял Коренастым сделать фланговую атаку, комбинированную с нападением с фронта. И так как вдобавок на их стороне было численное превосходство над Гура-Занка, у них были большие шансы победить.

Сердце Филиппа неистово билось. Ему казалось, что от того, какое решение примут Коренастые, зависела судьба Мюриэль. Охваченный лихорадкой, забыв о чудовищной опасности и неведомых ужасах, он видел ее как живую. Как во сне, воображение рисовало картины... Среди папируса, трав и утесов не обнаруживалось никакого движения, но грубые голоса Коренастых отвечали на вопли Сыновей Звезды. Затем наступила короткая тишина. Вдали на озере двигалась флотилия челноков. Она приближалась. Цепь скал скрыла ее из виду.

— Подкрепление! — заметил Дик... — Дело может разыграться горячее!

Варцмао поднялся на холм. Несомненно он колебался: позиция авангарда становилась трагичной. Но у него уже не было времени дать приказ к отступлению. Страшный рев возвестил атаку. Она была неистовой. Два отряда, по меньшей мере по восемьдесят человек каждый, наступали плотной массой. Наступавшие сбоку, очевидно, хотели отрезать отступление Гура-Занка.

— Стреляй! — приказал Филипп.

Туча пуль осыпала фланговый отряд, в который Филипп целил в первую очередь: в один момент пало 7—8 человек.

По какой-то оплошности их разведчиков, Коренастые не подозревали присутствия белых: принятые Варцмао меры предосторожности обманули их. Храбрые, как бульдоги, перед привычным, хотя бы и отравленным оружием, они были смущены вмешательством гроыхающих машин. Многие помнили битву в лесу, когда в одно мгновение Коренастые потерпели непостижимое поражение. Случайно у стрелков оказалась чудесная позиция, и Коренастые валились гроздьями.

Из левого отряда неслись жалобные стоны. Авангард Гура-Занка обрушился на правую колонну, гораздо менее левой подверженную огню. Варцмао и его люди бежали быстрым аллюром. Коренастые бросались из стороны в сторону. Объяввший их мистический ужас лишал сил По-

добно афинянам в Хиронее, они обезумели от паники и позволяли убивать себя, не сопротивляясь. Дубины Гура-Занка разили их дюжинами, в то время как пальба Филиппа и его людей продолжала наполнять ужасом темные души...

Вскоре повсюду победа была на стороне Гура-Занка, и можно было прекратить стрельбу. Один Филипп продолжал методически стрелять. Несколько Коренастых сделали последнюю попытку сопротивления, но были раздавлены яростной атакой. Это была беспорядочная, страшная бойня, примитивное избивание, в котором побежденный уступает таинственному жребию битв и, ожидая смерти, даже не пытается возмущаться против нее.

Если на берегу Тразименского озера погибло тридцать тысяч римлян, то на берегу озера Дикого погибло более сотни Коренастых. Из уцелевших одни забились в чащу кустарника, другие бросились в дюжину челноков, причаленных к берегу, и отплыли вдаль.

Победители захватили другие челноки, на каждом из которых могли поместиться десять человек... Варцмао решил очистить видневшиеся вдали острова, на которых, очевидно, думали укрыться бежавшие.

В один из челноков сели Филипп, Дик Найтингейл и лагерные стрелки.

Глава V В ГЛУБИНЕ ЗЕМЛИ

Коренастые высадились на северном острове. Филипп причалил к нему вместе со своими людьми и с баркой, нагруженной Гура-Занка. Челноки Коренастых, укрытые в бухте, указывали на то, что враги еще оставались на острове. Он не был покрыт густой растительностью. На каменистой почве еле пробивалась трава вперемежку с лишайниками; по берегу озера раскинулось несколько папирусов... Взяв с собой Дика и шесть чернокожих, одетых в непроницаемые для стрел плащи, Филипп обследовал остров, но присутствия людей нигде не было обнаружено.

Когда отряд вернулся в гавань, самый пожилой из Гура-Занка стал что-то объяснять жестами Кураму. Три раза показал он ему на середину острова.

— Они скрылись там! — произнес Курам.

Филипп взглянул в указанном направлении и увидел утес из красного гранита, покрытый лишь бородчатым лишайником, а вокруг низкая трава.

— Там никто не может спрятаться, — возразил он. — Ты это видел так же, как я, Курам. Если действительно они там скрылись, они не могут быть на земле.

— Они под землей, господин.

Курам сделал вопросительный знак Гура-Занка, тот важно кивнул головой.

Смутная волна ощущений закружилась в голове Филиппа. Человеческий ум питается аналогиями: Мюриэль тоже спрятана под землей, и странным образом ему вдруг представилось, что только под землей ее следует искать.

— Откуда он это знает? — спросил Филипп.

Курам тщетно пытался перевести вопрос. Но старый воин понял, что Человек-Привидение хотел убедиться. Он отдал короткий приказ, так как был начальником экспедиции, Гура-Занка направились к утесу, зорко всматриваясь вокруг. Филипп с Диком и своими стрелками шли за ними.

Подойдя к утесу, вождь Гура-Занка подозвал одного из своих людей. Они с силой навалились вдвоем на один из выступов в форме полумесяца. Глыба раздвинулась, и Филипп увидел черную дыру, уходящую в землю. Старый воин протянул руки и произнес какие-то слова: по-видимому, он сообщал о присутствии Коренастых.

Филипп, Курам и Дик переглянулись:

— Что будут делать Гура-Занка? — спросил Филипп.

Казалось, что вождь понял вопрос. Он указал на Филиппа, Дика, Курама и на стрелков, одетых в непроницаемые плащи, затем на своих воинов. В то время он показывал жестами порядок следования.

— Он хочет, чтоб мы шли впереди, господин, — пояснил Курам... — Он как будто считает нас неуязвимыми.

— Это почти что так! — усмехнулся Найтингейл.

— Или же очень верит в наше оружие.

— Хорошо, мы пойдем первыми, — сказал Филипп, — мы должны подавать пример.

Дик беззаботно пожал плечами: он был фаталист и беззаветно храбр.

— Готовы ли наши стрелки? — спросил Филипп Курама.

— Они пойдут за вами, — ответил Курам, отдав приказ.

Филипп взглянул на них. Стрелки были тверды: они верили. Видя, что белые постоянно одерживали победы, они считали их непобедимыми.

— Вперед! — скомандовал Филипп, удостоверившись,

что охотничий нож свободно входит в ножны, и ружья заряжены.

Спуск был крутой, но очень удобный. Электрический фонарь Филиппа отбрасывал во тьме фиолетовый конус. Минуты через три спуск окончился, и начался почти горизонтально идущий коридор с трещинами в земле. Метнулись какие-то животные. Была глубокая тишина.

Обернувшись, Филипп увидел в полутьме смутные очертания голов и сверкающие глаза. Некоторые из воинов Гура-Занка пригibались и прикладывали ухо к стене, другие просто ложились.

— Ну, — спросил Маранж.

— Они здесь проходили, — ответил Курам, участвовавший в разведке. — Но ничего не слышно. Может быть они убежали, а может быть ждут нас... И кто знает, не засели ли они в какой-нибудь другой пещере, входа в которую нам не видно!

Филипп всматривался в таинственный сумрак, в котором поблескивал кварц, а быть может и драгоценные камни. Ничто не обнаруживало присутствия живых существ.

— Идем дальше!

Варцмао отдал своим такой же приказ. Два Сына Звезды, опытные в распознавании следов людей и животных, стали во главе экспедиции. Они шли медленно, прислушиваясь, но слышали лишь глухой звук шагов воинов и видели одни каменные своды.

Но вот внезапно в своде как бы загорелись огни. Они вошли в обширный, устроенный природою, почти шестиугольный зал; сноп света, брызнувший на пол, оказался отражением электрических лучей, ударяющихся о широкие хрустальные глыбы.

— Можно подумать, что эти глыбы полированные! — заметил Дик Найтингейл.

При ближайшем рассмотрении путешественники увидели ряд щелей, каждая из которых являлась входным отверстием более или менее узкого коридора. Филипп насчитал с десяток таких входов и с беспокойством взглянул на Гура-Занка.

Вождь покачал головой, но, казалось, не был удивлен. Он дал понять Кураму, что ожидал чего-нибудь подобного, вероятно, по рассказам предков. По-видимому, ни сам он и никто из его воинов здесь никогда не были. Люди света, обитатели деревьев, они питали отвращение к недрам земли.

— Что же делать? — прошептал в нерешительности Филипп.

— Это похуже лабиринта! — ругался Дик. — Прежде, чем мы осмотрим хотя бы три из этих проклятых дыр, Коренастые будут далеко... Не считая ловушек и засад.

Филипп упал духом. Все, на что он надеялся, разлетелось, как химера. Где же следы того, что Мюриэль была в этих пещерах?.. И почему он думает, что она еще жива?.. Но все равно — дело было начато.

— Если Гура-Занка постерегут этот зал, мы обследуем входы.

— Это очень опасно, господин!

— Не более опасно, чем то, что мы уже сделали!

— Гораздо более опасно... Коренастые расставят нам всяческие ловушки... Коренастые — господа земной глупины.

Но что-то властно толкало молодого человека вперед.

— Так надо! — сказал он.

Курам склонил голову.

— Как пожелает господин.

— Половина наших стрелков пойдет с нами. Остальные останутся, чтоб внушить спокойствие Гура-Занка. Вы будете командовать ими, Дик.

— Я предпочел бы идти с вами! — сказал Найтингейл.

— Здесь нужен начальник. Если останутся одни черные, у них не хватит смелости... Они уйдут.

Кураму легко было объяснить Гура-Занка план Филиппа, потому что у черного вождя была та же мысль. Он предложил в помощь двух искусных и отважных разведчиков.

Не имея никаких данных для руководства при выборе пути, Филипп направился наугад в одну из галерей, сопровождаемый Курамом и его маленьким отрядом. Эта короткая и низкая галерея скоро оказалась непроходимой.

— Коренастые здесь не проходили... Или же в камнях есть потайной ход, — сделал предположение Курам.

— Вернемся! — сказал Филипп, исследовав стенки.

Второй ход в конце упирался в стену. Третий оканчивался замкнутым гротом, сталактиты и сталагмиты которого делали его отдаленно похожим на какой-то дикий храм. Наконец, четвертый привел в обширную галерею, в которой после десятиминутной ходьбы не было еще видно конца.

— Коренастые прошли здесь! — объявил Курам.

Один из разведчиков Гура-Занка тронул его за плечо. Курам обернулся. Человек показал ему свою руку: ладонь была мокрая и красная.

— Кровь!.. Это кровь, господин! — воскликнул Курам.

Гура-Занка сделал ему знак следовать за ним. Возле стенки тянулся красный след.

Глава VI ПОДЗЕМНАЯ ВОДА

Черный разведчик быстро шел вперед, обретя уверенность, что именно здесь проходили враги его племени. Маленький отряд двигался во мраке, следуя за лиловатыми лучами электрического фонаря.

Через несколько минут коридор сделал поворот. В то же время свод сделался ниже и проход уже. Скоро послышалось восклицание шедшего впереди Гура-Занка. Следовавший за ним по пятам Курам всплеснул руками. Не было надобности тратить слов на объяснение: электрические лучи отражались от блестящей поверхности...

— Вода! — с отчаянием воскликнул Филипп.

Курам тронул его за руку:

— Челнок, господин.

Расстилавшаяся за маленькой гаванью, примыкавшей к галерее, водная гладь казалась обширной. Кристаллический свод отражал свет фонаря, и подземная вода сверкала алмазами, сапфирами, рубинами и топазами...

Филипп смотрел на челнок с тревогой. Зачем оставили его Коренастые? Не была ли это ловушка? Челнок, довольно длинный и очень узкий, казался неустойчивым. В нем было два весла. Места было самое большее для шести человек. Можно ли отважиться пуститься по этим таинственным водам, в подземной тьме, среди врагов, привыкших к жизни кротов? Это было бы безумием, почти наверняка привело бы к гибели. Но жажда приключений и какое-то странное возбуждение владели Филиппом. Он сказал:

— Найдутся ли пять человек следовать за мной?

— Это смерть, господин, — возразил Курам.

Филипп с минуту еще колебался, но его охватило безумие.

— Мы возьмем четверых стрелков, Курам. Остальные пусть вернутся к Гура-Занка.

Курам больше не возражал. То, что нужно было сказать, он сказал.

— Хорошо!

Он выбрал четверых стрелков, которые, впрочем, даже не поморщились, исполненные фанатической веры в белого, быть может, уверенные в большей безопасности, с Филиппом, чем с воинами Варцмао.

Филипп быстро осмотрел челнок и не нашел в нем никаких повреждений.

— Вперед!

Несколько минут спустя челнок плыл по озеру. Курам греб, как житель Океании. Филипп, когда-то управлявший душегубками, тоже сносно работал примитивным веслом.

Переезд длился около часа, затем показался плоский сероватый берег с нависшим низким сводом. Что-то зловещее было в этой воде и камне. Вся экспедиция показалась жалкой и напрасной. Но все же сошли на берег и наугад стали подвигаться вперед. Берег, в сущности, был в некотором роде мысом: направо и налево, как и на другом берегу, была только гранитная стена. Так дошли до нового коридора. Прежде чем войти в него, Филипп остановился. Никакой логики не было в его поступках, наоборот, это подземное вторжение противоречило здравому смыслу. Следовало бы быстро догнать Коренастых, когда они бежали, с достаточными силами, чтоб можно было с ними справиться. Теперь преимущество было на их стороне, численный перевес, без сомнения, был разительный, и это давало им возможность выбрать момент, когда лучше истребить отряд...

Но сила инерции толкала Филиппа идти до конца. Минут с десять он продвигался с трудом. По временам коридор становился очень узким, настолько узким, что невозможно было бы пройти рядом двоим.

Вдруг Курам, опередивший Филиппа, остановился. Это было на повороте. В гранитной стене, казалось, пробивался свет.

— Смотри, господин!

Но Филипп уже устремился вперед. Оба одновременно достигли места, откуда лился свет.

Через овальное отверстие, изрезанное по краям, род естественной отдушины, он увидел слабо освещенный грот и среди грота сидящую женскую фигуру. Не негритянку и не женщину расы Коренастых, а белую с золотыми волосами сказочной принцессы... Буйная радость охватила Филиппа.

— Мюриэль!

Он не мог сдержать этого крика... Молодая девушка

вздрогнула и подняла голову. Ее большие бирюзовые глаза устремились на овальный глазок.

— Кто зовет меня? — спросила она тихо, но отчетливо.

— Я, Филипп!

В два прыжка она была у оконца.

— Вы, вы! — простонала она.

Бледная, похудевшая, несколько одичавшая, Мюриэль являла следы долгих страданий.

— Как отец? — спросила она. — И все вы?

— Целы и невредимы. А вы, Мюриэль?

— Ах, берегитесь. Они вас подстерегают... Они следят за вами... Они только ждут часа, когда смогут заманить вас в западню. Нет более упорных существ.

— Ну, а вы? — повторил он.

При голубоватом свете он заметил ее грустную улыбку.

— Они пока еще не сделали мне зла... Их поступки для меня непонятны. Я в руках их волшебников. По временам можно подумать, что они поклоняются мне... В другой же раз они мне угрожают... Не знаю... Я жду чего-то ужасного.

Она провела рукой по лбу; зрачки ее расширились.

— Бегите! — прошептала она. — Они властители подземелий... Они наверное знают, что вы здесь. Бегите!

— Я должен вас освободить!

— Как сможете вы это сделать? Этот грот не сообщается ни с каким другим.

— Откуда свет?

— Сверху... с неба... Грот — в вулканическом островке, среди озера. Ах, стойте!

Она снова провела рукой по лбу, тоскливо и со страхом.

— Говорите! — жадно просил Филипп.

— Я не должна... Вернитесь, откуда пришли. Это единственный шанс вашего спасения.

— Мюриэль, умоляю вас, скажите.

— Не надо бесполезно подвергать вашу жизнь опасности.

— Мы не вернемся назад. Я хочу освободить вас или умереть. Скажите, Мюриэль!

— Я не должна!..

— Клянусь вам, что мы не уйдем отсюда.

— Боже мой! — вздохнула она. — Ну, слушайте: я думаю, что ваше подземелье сообщается с островком, но вы не должны до него доходить... Там они!

Ее слова были прерваны рычанием: ворвались трое Коренастых.

Первым движением Филиппа было взяться за ружье. Но Коренастые уже окружили Мюриэль и увлекли ее. Маранж колебался; в эту движущуюся группу целиться было невозможно.

— Не стреляйте! — жалобным голосом крикнула Мюриэль.

Он понял, что вмешиваться бесполезно и опасно... Минуту спустя грот опустел, Мюриэль исчезла. Осталась только надежда добраться до скалистого острова, указанного молодой девушкой.

— В путь! — крикнул Филипп, устремляясь в галерею.

Курам и стрелки последовали за ним.

После десятиминутной ходьбы к свету электрической лампы примешался другой. Дорога стала подниматься довольно круто ввысь. Они быстро карабкались по ней и скоро очутились под открытым небом, в круглом колодце с изрезанными стенками, в который луна бросала свой меланхолический свет... В щель виднелось озеро, и в нем вздрагивали звезды.

— Смотрите, смотрите! — крикнул Курам.

От берега отплывал челнок, а в нем Мюриэль, увозимая пятью Коренастыми. На этот раз Филипп не выдержал. Убежденный, что молодая девушка будет потеряна навсегда, если он ее теперь не освободит, он прицелился. Раздался выстрел. Один Коренастый закрутился и выронил весло. Четверо других испускали яростные крики, но ружье снова загрохотало и поразило второго... Оставшиеся в живых начали отчаянно грести, но с необычайной меткостью Филипп сразил еще двоих. Последний бросился на Мюриэль...

Минута была до крайности опасна. Голова дикаря была так близка к голове молодой девушки, что малейшее отклонение пули оказалось бы роковым. Моментами обе головы были на линии прицела.

Филипп, с расширенными глазами, с дрожащими руками, улучал момент.

Коренастый схватил Мюриэль и, казалось, хотел бросить ее в озеро.

Девушка отбивалась. На одно мгновение она отбросила Коренастого. Расстояние в два фута разделяло их головы. Диким усилием воли Маранж остановил дрожание руки... Последний Коренастый свалился в озеро.

Черные завывали от восторга.

Мюриэль схватила весло и повернула к островку... От безмерного волнения Филипп дрожал с головы до ног. Когда молодая девушка причалила, слезы текли по его щекам. Она увидела эти слезы, и легкая краска покрыла ее бледное лицо.

— О, — прошептал он, — мир как будто родился заново!

Он склонился и припал губами к руке молодой девушки. Она смотрела на него серьезным взглядом, охваченная такой глубокой радостью, что ее трудно было вынести. Воздев руки к небу, она произнесла:

— Из пучины бед я воззвала к тебе, и ты услышал меня!

Затем она сказала Филиппу:

— После отца, вы дали мне жизнь...

— О, Мюриэль, — прошептал он, — мне кажется, я умер бы, если б они увезли вас...

С минуту они оставались в блаженном молчании. Беспорядочно возникали образы, окруженные ослепительным сиянием, в которое они облакаются в юных существах. Затем Мюриэль произнесла:

— Нужно уходить. Каждую минуту они могут выйти из земли. Не понимаю, каким чудом вы могли проникнуть в подземелье, и почему меня плохо охраняли.

Она посмотрела на место, куда причалила свою лодку.

— Вчера здесь было свыше тридцати челноков... Где они? Должно быть, произошли какие-то необычайные события...

— Мы напали на них и разбили с помощью Гура-Занка! — ответил Филипп.

— Гура-Занка?

— Это чернокожие, с которыми мы заключили союз. Но, быть может, много Коренастых спаслось бегством. Может быть, еще где-нибудь идет сражение?

— А мой отец? — тревожно спросила Мюриэль.

— Он в лагере.

— Нам нужно торопиться, Филипп.

— Мы оставили Дика Найтингейла с небольшим отрядом в подземелье. Они ждут нас.

— Возвращаться той же дорогой не следует.

— А как же быть?

— Пристать к берегу озера и оттуда дать знать нашим друзьям.

— Только бы они не было застигнуты Коренастыми!

— Откуда вошли вы в подземелье?

— С одного острова на севере. Вход был заложен камнем.

— Я знаю остров... Оттуда им и надо дать знать. Они все в подземелье?

Челнок оказался настолько вместительным, что в нем могли усесться Мюриэль, Филипп и чернокожие. С четверть часа плыли молча. Озеро жило своей дикой жизнью, то в одном, то в другом месте мелькала чья-то чешуйчатая спина, показывалась безобразная пасть, свидетельствуя о непрестанном истреблении одного существа другим...

После недолгого колебания Филипп направил челнок к северному острову. Если бы застать там Гура-Занка с лодками, это дало бы немедленное подкрепление. Быть может, после всего случившегося Коренастые временно оставили борьбу. Они потерпели подавляющий разгром, и, как большей частью бывает с дикарями, пройдет, вероятно, некоторое время, прежде чем они попытаются взять реванш...

Но вот один из черных испустил восклицание, показывая на северо-восток: там кишели челноки Коренастых.

Мрачная тревога сжала сердце Филиппа. Северный остров был больше чем в двух милях. Успеют ли Коренастые, находящиеся ближе к острову, чем Филипп и его спутники, преградить им путь?

— Живей! — скомандовал молодой человек.

Приказ был не нужен: гребцы поняли опасность и работали изо всех сил. Минуты две невозможно было учесть шансы противника. Челноки Коренастых подвигались вперед так быстро, как только было возможно при их несовершенном устройстве и гребле. Нужно было достигнуть южной части острова прежде, чем Коренастые преградят путь... Два челнока их быстро опережали прочие.

— Никому не стрелять! — приказал Филипп.

Зарядов оставалось немного. Уверенный в своей меткости, Филипп хотел сохранить их для одного себя.

— Твое ружье заряжено? — спросил он Курама.

Тот утвердительно кивнул головой.

Оба челнока приближались к опасному месту, один в особенности шел с угрожающей быстротой. Тогда Филипп медленно взвел курок.

— Одним будет меньше, — проворчал Курам.

Он не ошибся: раздался выстрел, и один из гребцов свалился.

Черные захохотали, Филипп же наметил вторую жертву. Снова прозвучал выстрел, и второй Коренастый выпу-

стил из рук весло. И почти в тот же момент на острове раздались неистовые радостные клики: на красном утесе показался высокий силуэт Варцмао.

Приведенные в замешательство, Коренастые отказались от дальнейшей борьбы. Два передовых челнока присоединились к другим, и все скрылись по освещенным звездами волнам.

На острове нашли воинов, численность которых возросла на отряд, приведенный Варцмао. Часть отправили за оставшимися в подземелье.

— На этот раз, я думаю, мы спасены — сказал Курам.

Филипп думал точно так же. Лишь бы удалось достигнуть берега, где ожидала часть сил Гура-Занка, и вернулся бы оставшийся в пещерах отряд, тогда Коренастые почти наверняка должны будут пока отказаться от преследования.

— Только бы ничего не случилось с Диком, — думал Филипп.

Но и эта тревога быстро рассеялась. Дик и оставшиеся с ним спускались с красного утеса.

Тогда победа предстала во всей своей ослепительности. Варцмао и его воины с мистическим восторгом взирали на светозарное видение, выведенное Вождем-Привидением из недр земли. Их вера в непобедимость белых приняла характер догмата. Они знали о множестве западней, понаделанных в подземных областях Коренастыми в течение веков, и не могли постичь, каким образом маленькая кучка людей сумела избежать их и вдобавок освободить чудное создание с золотыми волосами.

Главные силы Гура-Занка были на берегу. Без всякой помехи они занимались тем, что подбирали раненых и забирали пленных для торжественного пиршества. Собралось уже свыше пятидесяти.

— Хороший праздник будет! — заметил Курам, которого людоедство несколько не смущало.

— Эта ужасно! — вздохнула Мюриэль.

— Клянусь Юпитером! — проворчал Дик, — в этом нет ничего особенного.

Воины Варцмао отправились в путь по направлению к родному лесу. Одних из раненных и пленных скрученными вели в арьергарде. Других несли на щитах или на переkreшивающихся ветвях. Так должны были делать предки Гура-Занка в те времена, когда цари ассирийские сдирали

с побежденных врагов кожу, как с деревьев кору, еще тогда, когда Египтом владели гиксы...

Ничто не изменилось с тех отдаленных времен и, вероятно, с еще более отдаленных. То же оружие было у Гура-Занка, те же снаряды, те же обряды и те же враги. Сколько раз во тьме воинственных веков так же, как эти, шли другие Коренастые, чтоб послужить пищей победителю. И сколько пыток и увечий вынесли побежденные Гура-Занка от победителей Коренастых!

— Да, — прошептал Филипп, думавший обо всем этом, — это сцена из древних веков.

Он шел, задумавшись, рядом с Мюриэль. Временами их взгляды встречались, и в них была глубокая нежность.

— Когда-нибудь все это кончится! — сказала она.

Да, конечно, но кончится, быть может, исчезновением Коренастых и Гура-Занка. От пуль, бомб или бичей белых... Ибо наша цивилизация, Мюриэль, самая смертоносная, какая только когда-либо появлялась на земле. За три века мы стерли с лица земли больше народов и народностей, чем все народы-победители за все древние и средние века. Разрушительная сила римлян была детской игрой рядом с нашей. Разве, вы, Мюриэль, не живете на столь же обширном, как Европа, материке, на котором вы предвительно истребили краснокожих?

— Увы!.. — вздохнула молодая девушка.

Образ ее отца предстал перед ней так отчетливо и ясно, что она жадно протянула руки, как для объятия.

— Мы еще далеко от лагеря? — спросила она.

— Часа два пути, быть может.

— А если он подвергся нападению за время вашего отсутствия?

— Это почти невозможно... Не так ли, Курам?

— Да, господин. Коренастых, которые напали на нас на берегу озера, было так много, как из двух кланов. Этого почти никогда не бывает. При лагере остался Голубой Орел и с ним больше воинов, чем их было у Варцмао. И что могут поделать Коренастые против карабинов, и ружей, и пулемета?

Эти слова несколько успокоили Мюриэль, и она стала говорить о своем плене.

Жизнь Коренастых почти походила на жизнь животных. Они много спали, даже днем, но в возбужденном состоянии могли ходить без усталости, и тьма не останавливала их. Они никогда не прекращали преследования каравана. Их жрецы делали таинственные жертвоприношения, для кото-

рых закалывали воинов по жребию. Их усыпляли с помощью растений, затем вскрывали у них шейные вены. Кровь их собиралась вождам. Если жертва не умирала, ей даровали жизнь.

— Я еще не совсем понимаю, почему они пощадили меня, — сказала Мюриэль. — Мне казалось, что я для них что-то вроде фетиша, присутствие которого должно было принести им победу над врагом.

Кроваво-красная луна, близкая к закату, стояла над западным горизонтом. Шакалы выслеживали двуногих; на минуту мелькали их острые морды, торчащие уши, и снова они испарялись во мраке; коренастый силуэт льва вырисовывался на вершине холма; рев его наполнял пространство, затем он стушевывался, удивленный.

— Мы приближаемся! — сообщил Филипп.

Мюриэль падала от усталости, но уже виднелся лес, где на деревьях жили люди...

Внезапно колонна остановилась. Авангард сомкнулся с центром. Один за другим бежали разведчики.

— Что, опять эти гады? — воскликнул Найтингейл.

Курам обменялся знаками с Варцмао. Молодой вождь влез на холм; желтые глаза его сверкали во тьме.

— Что там такое? — спросил Филипп.

— Это не Коренастые! — ответил Курам. — Это воины клана, разбитого Голубым Орлом. Они узнали, что Варцмао ведет только часть Сыновей Звезды, а Голубой Орел ушел в другом направлении. Должно быть, они хотят отомстить.

— Я думал, что половина этого клана погибла.

— Варцмао не повел половины Сыновей Звезды, а приводит назад и того меньше.

— Дорога преграждена?

— Да, господин, до озера.

Филипп в свою очередь взобрался на холм. Луна закатилась на запад. Виднелись лишь смутные очертания земли и растений. Сами Гура-Занка скрывались в высокой траве или в ложбинах.

— Будь они прокляты! — ругался Найтингейл. — Несносная страна! Я хочу спать!

— Может быть, вы и сможете поспать! — заметил Курам. — Варцмао не двинется до рассвета.

— А если эти собачьи сыны сделают нападение?

— Тогда вас разбудят.

То там, то сям черная тень скользила в траве. Варцмао

расставил часовых. Глубокое безмолвие царило над пустыней. Крупные хищники прекратили охоту.

Мюриэль и Филипп присели на землю. Легкий ветерок, казалось, исходил от звезд, и эта плотоядная ночь, в которой звери и люди истребляли себе подобных, эта ночь, полная ужаса и угрозы, дышала таким сладким покоем, что молодые люди почти забыли о варварском законе мира.

— О, Мюриэль, — вздохнул он, — посмотрите, как хороша кажется жизнь.

— Она действительно хороша! Нужно принять испытания, которые посылает Создатель своим творениям. Я чувствую, что мы будем спасены.

Она склонила голову, вознося к Бесконечному смиренную мольбу человека, а растроганный Филипп, потрясенный любовью, дивился этой сказочной былинке...

— Что, нападают? — спросонья пробормотал Дик Найтингейл, внезапно просыпаясь.

Наступал рассвет. Короткая тропическая заря едва поманила своими чарами озеро, и уже красное горнило солнца показалось меж двух холмов.

— Нет! — ответил Курам. — Но они немного придвинулись и совсем преградили нам путь. Мы должны их рассеять или отступить.

— А сколько их?

— Не знаю, господин. Варцмао показал дважды десять раз пальцы на обеих руках.

— Значит, их двести человек?

— Как он мог их сосчитать? — угрюмо вмешался Дик.

— Он и не считал, думается мне, — сказал Филипп, — а просто подсчитал, сколько должно остаться за вычетом мертвых, раненых и пленных.

— Разумеется, и мертвых, — издевался Найтингейл, — потому что они их сожрали.

— У Варцмао должно еще быть человек 70—75 крепких воинов. А ты, господин, вместе с господином Найтингейлом и стрелками вполне замените сто человек.

— О, гораздо больше! — энергично воскликнул Дик.

— Но вопрос, как дать им бой, — продолжал черный. — Они отступят под прикрытием к реке и будут нас тревожить. Когда нам придется проходить там, они, оставаясь в кустарнике, могут причинить нам много зла!

Угроза была загадочна и пугала. Красное, еще ущербное солнце быстро поднималось над озером и лило волнами свою благодетельную и грозную силу. Филипп, Варцмао, Дик и Курам старались открыть, где находятся враги,

которых было совершенно не видно. Наконец, на гребне одного бугра мелькнули две курчавых головы. Успокоенные дальностью расстояния — более 300 метров — оба воина поднялись на ноги. Оба были высокого роста. Тот, что повыше, потрясал стрелой и произносил слова, почти понятные белым вследствие сопровождающих их жестов.

— Он угрожает Гура-Занка! — перевел Дик.

— Это вождь, — сказал Курам, обменявшись знаками с Варцмао. — Если ты попадешь в него, господин, это устранил воинов.

Филипп прицелился. Он колебался. У него не было оснований ненавидеть этого неведомого чернокожего, как Коренастых.

Он решил только ранить его, но понимая, что следует поддержать свой престиж, он сказал Кураму:

— Сейчас я нанесу ему рану в плечо. Постарайся объяснить Варцмао, что я хочу только поугадать неприятеля.

Разочарованный Курам долго жестикулировал. Варцмао удивился. Затем прорычал зычным голосом, подобным рычанию льва:

— Жизнь Красных Носорогов в руках наших союзников... Их вождь сейчас будет ранен!

При этих словах, смысл которых был понят белыми и Курамом, вождь неприятелей разразился смехом... Но его смех еще не отзвучал, как Филипп выстрелил, и рослый негр, которому пуля попала в плечо, выронил стрелу.

— Союзники Гура-Занка стреляют без промаха, и оружие их разит, как молния! — закричал Варцмао. — Если Гу-Анда удалятся, их жизнь будет пощажена.

Неприятельский вождь и его товарищи скрылись. Наступило долгое молчание. То в одном, то в другом месте появлялось ползущее в высокой траве темное тело. Затем раздался свист, перекинувшийся от озера до первых баобабов, которыми начинался лес.

Наконец трое разведчиков предстали перед Варцмао, который стал смеяться, сообщив знаками Кураму, что враг отступил. Авангард Гура-Занка уже тронулся в путь.

— А если это ловушка? — спросил Филипп, поглядывая на Мюриэль.

— Впереди нас тайные разведчики, — отвечал Курам. — При малейшей тревоге воины остановятся.

Филипп дал сигнал к походу. Но угроза еще не исчезла. Отступление Гу-Анда могло закончиться какой-нибудь западней.

Двигались медленно. Несколько раз колонна останавливалась.

— Воины все еще там, — сказал Дик.

После часового пути началась тревога. Воины держали свои стрелы наготове, и было такое чувство, что враги перебросились назад; скоро в этом явилась уверенность. Гура-Занка были окружены.

Дело принимало плохой оборот. Сильный страх сдавил сердце Филиппа из-за Мюриэль. Тем не менее продолжали идти, но медленно, с бесконечными предосторожностями, окруженные кольцом разведчиков.

Вдруг поднялись дикие крики.

— Атака! — воскликнул Дик Найтингейл, готовясь стрелять.

Крики смолкли. Атмосфера грозы объяла людей... Вдали затрубила труба.

Тогда поднялись неистовые клики. Разведчики стали подниматься с земли вокруг всей колонны.

— Что такое? — воскликнул Филипп.

Варцмао выпускал победные клики.

— Это труба Гура-Занка! — сказал Курам. — Мы спасены.

Филипп побледнел и обратил к Мюриэль взгляд, в котором сверкала радость освобождения. Уже виднелись Гу-Анда, выбегающие из прикритий и стремглав мчащиеся прочь. Гура-Занка пускали им стрелы вдогонку. Показался авангард Голубого Орла.

Мюриэль громко вскрикнула и протянула руки: с запада шли Айронкестль с сэром Джорджем и великаном Гютри.

Глава VII СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

В час, когда удлиняются тени: *Majoresque cadunt altis de montibus umbrae*¹ — Гура-Занка собрались на священной просеке для ночного пира. Костры были уже готовы. Два десятка Коренастых и столько же Гу-Анда еще вымачивались в озере, чтоб их тела стали более нежными и более вкусными.

Это был день высочайшего торжества. Меньше чем в месяц Гура-Занка победили Сыновей Красного Носорога,

¹ Латинский гекзаметр: «Большие падают тени от высоких гор.» (Прим. переводчика).

Черного Льва и тысячелетних врагов Коренастых, властителей пещер и подземелий.

Голубой Орел подошел к лагерю бледнолицых вождей. И здесь горели костры, зажженные для ночи, полной ловушек. Голубой Орел, полюбовавшись на громадный рост Гютри, обратился к Айронкестлю и, подкрепляя свои слова жестами, дружески заговорил:

— Эта ночь будет самой славной ночью Гура-Занка с тех пор, как Заума овладел лесом... Двадцать Коренастых и двадцать Гу-Анда отдадут свою силу и свое мужество Гура-Занка. Уамма был бы рад разделить тело побежденных с великими Вождями-Призраками. Ибо он их друг. И он хорошо знает, что они властвуют над смертью. Не хотят ли вождь Мудрости, вождь Великан и вожди, бьющие дальше, чем долетает голос Звучного Рога, принять участие в празднестве?

Гергон понял его слова и отвечал голосом и жестами:

— Наши кланы не едят человеческого мяса, и нам запрещено смотреть, как его едят.

Голубой Орел выказал безграничное удивление. Он сказал:

— Как это может быть? Что же делаете вы с пленными? Ваша жизнь, должно быть, печальна.

Он понял, что от этого у них такие бесцветные лица. Но так как силу следует уважать, и так как он был полон благодарности, воинственный вождь чернокожих удалцов ограничился тем, что сказал, быть может с тайной иронией:

— Уамма пришлет своим друзьям антилоп и вепрей.

В тени зелени, в дрожащих отблесках реки Филипп созерцал ясную грацию Мюриэль. Дочь англов, с сотканными из лучей солнца и луны волосами, напоминала светло-волосых богинь, нимф или же ундин, vyplывающих из таинственных озер севера. На ней сосредоточивались пылкие желания мужчины и те священные представления, которые делали из скромной первобытной самки волшебное существо.

Взоры их встретились. Он пролепетал:

— Мюриэль, вы уже знаете, быть может... Без вас моя жизнь превратится в темную ночь.

— Я ничтожное маленькое создание, — прошептала она, — и обязана вам жизнью...

— Так если бы, — с тревогой подхватил он, — я не оказался там...

— О нет, Филипп, что вы спасли мне жизнь — это вовсе не необходимое условие...

Дух творения пронесся над пространством: река, казалось, течет из того сказочного сада, где протекали первые реки, и деревья только что родились на земле, возникшей из вод.

Чьи-то шаги зашуршали в траве. Гертон Айронкестль появился на берегу и заметил их волнение. Положив руку на плечо Филиппа, он сказал:

— Ты можешь на нее положиться, сын мой! У нее чистое сердце, в ее душе живет постоянство, и она боится Предвечного!..

Часть третья

Глава I

ЦАРСТВО РАСТЕНИЙ

— Какой странный мир! — воскликнул Гютри.

Экспедиция медленно двигалась по саванне, травы которой были голубого и фиолетового цвета. Высокие и густые, эти травы при проходе каравана издавали сладкозвучный шум, смутно напоминавший звук скрипок. Временами попадались кущи пальм с индигового цвета листвой или финиковых — с листвою, как аметист. Желтые испарения закрывали солнце, гармонируя с цветом листвы и трав.

— Мы вступили в царство растений, — повторял Гертон, жадно вглядывавшийся в эту фантастическую равнину.

Он приказал не давать животным пастись здесь. Но этот приказ был излишен: верблюды, козы, а еще более ослы принюхивались к голубым злакам и фиолетовому клеверу с недоверием. Горилла проявляла неистовое беспокойство, круглые глаза обезьяны смотрели вокруг не отрываясь.

— Животные подохнут от голода! — ворчал сэр Джордж.

— Еще не так скоро! — ответил Гертон, указывая на корм, которым снабдили верблюдов и ослов.

— Да, вы предусмотрительны, — заметил Гютри, — но этого запаса хватит самое большее на вечернюю и утреннюю кормежку.

— Но это животные пустыни: раз их накормишь, и они в состоянии терпеть несколько дней.

Гютри беззаботно пожал плечами. Подул медленный и тихий ветерок. По всей равнине зазвенели слабые голоса: тонкие звуки скрипок, наивных арф, короткозвучных мандолин сливались в какую-то чарующую, смутную симфонию.

— Можно подумать, что мы на концерте Трильби! — заметила Мюриэль.

— Домовых! — прибавил Маранж.

Когда они приближались к фиговым и пальмовым островам, звуки делались громче, как приглушенный орган.

Желтый туман, сгущаясь на западе, казалось, продолжал аметистовую и сапфировую равнину — топазовой. Там-сям мелькала голая полоска земли красного цвета с металлическим отливом, на которой не росли даже лишай.

Пролетали громадные мухи, самые крупные из которых были величиной с синиц. Их рыжеватые рои неслись за караваном и вились над животными, жужжа, как жуки. Многие садились на ослов и бегали по ним с фантастической быстротой, но скоро было замечено, что они безвредны. Маленькие птички, едва больше жужелицы, выпархивали из кустов и резко чирикали, покачиваясь на стебельках. Мухи преследовали их. Они были не столь ловки, но все-таки иногда овладевали пичужками и скрывались с своей добычей в чаще высоких трав.

— Это ужасно! — воскликнула Мюриэль, увидавшая, как одна муха схватила пичужку.

Гютри захохотал:

— Настал их черед! Сколько времени птицы глотают мух! А для нас это лучше, чем если бы они были ядовиты. Равнина все тянулась, блистающая и страшная.

— Мы долго можем терпеть голод и жажду? — спросил сэр Джордж.

— С востока на запад протекает река, — ответил Гертон, — и мы должны встретить ее... Мы дойдем до нее этой ночью или завтра. К тому же в наших мехах воды больше чем наполовину.

Среди дня караван остановился на одной из этих каменистых красных полосок, где растительность отсутствовала.

— Здесь мы можем быть уверены в том, что не нарушим ни одного из таинственных законов — заметил Гертон в то время, как черные приготавливали завтрак.

Благодаря закрывавшей солнце туче, можно было расположиться вне палатки. Нависала тревога. Эта земля казалась страннее всего, что они могли вообразить.

— Дядя Гертон, — сказал Гютри, когда подали завтрак, — что же с нами будет, если окоту нельзя есть растения? У меня такое ощущение, что мы подвергаемся большей опасности, чем с Коренастыми.

Но проглотив большой кусок копченого мяса, он стал смеяться, так как ничто не могло лишить его доли радости.

— Успокойся! — ответил Гертон. — Мы найдем зеленые растения или растения частично красные и зеленые... И наш скот сможет их есть. Если б все растения или части растений были запретными, «табу», как же бы жили здесь животные?

— Но пока наши верблюды, ослы и козы не могут сорвать ни одного стебелька с этого громадного пастбища.

— О! — воскликнула Мюриэль, указывая на странное существо, видимо, наблюдавшее за собеседниками. Это была жаба величиной с кошку. Глаза цвета золотистого аквамарины были устремлены на путешественников. Тело ее было покрыто волосами. Но больше, чем размерами и волосатостью ее, путешественники были поражены ее третьим глазом, помещавшимся на маковке и вращающимся во всех направлениях...

— Вот чудо-то! — воскликнул Филипп.

— Почему? — возразил Гертон. — Разве не имеется такого глаза, правда, в зародыше и скрытого, у большей части земноводных? По всей вероятности, этот атрофированный глаз функционировал у предков наших земноводных.

Жаба сделала прыжок, какой сделал бы заяц, и исчезла в расселине камня.

— Очевидно, под землей вода, — заметил сэр Джордж, — чем и объясняется процветание фиолетовых и голубых трав...

С писком пролетали мимо маленькие птички. Одна из них села неподалеку от Мюриэль. Загипнотизированная видом людей, она не слышала, как подлетела гигантская муха, внезапно бросившаяся на нее, готовясь ее проглотить.

— О, нет, нет! — в ужасе воскликнула молодая девушка.

Она вспугнула насекомое. Но птичка, раненная в месте соединения крыла, откуда брызнули капельки крови, слабо попискивала, Мюриэль осторожно взяла ее в руки.

В своем крошечном тельце пичужка вмещала красоту заката, золотистый блеск берилловых облаков, пурпур, сверкание аметиста и топаза. Ни у одной ванессы не могло

быть крыльев нежнее оттенком, а красная головка, усеянная малахитовыми точками, казалась созданной из какого-то неведомого, драгоценного вещества.

— Какие вышивальщики, акварелисты или ювелиры смогли бы на таком крошечном пространстве создать такой шедевр!..

— А жестокая природа допускает, чтоб этот шедевр поглощали мухи!.. — сказал Филипп.

Весь этот день караван двигался на юго-запад. Бесконечная равнина со своими голубыми и фиолетовыми травами, со странной музыкой, которую издавали растения, когда в них пробегал ветерок, все тянулась под золотистыми и янтарными облаками.

— Страшное однообразие! — объявил Гютри. — Мне опротивел голубой и фиолетовый цвет. Меня от него тошнит.

— Утомительные цвета! — поддакнул сэр Джордж. — Нам нужно было бы иметь желтые или оранжевые очки.

— А ведь у меня есть, а я о них забыл! — сказал Гертон. — Забыл с самого начала пути. Но это извинительно, когда у всех нас такое великолепное зрение. Ни одного близорукого, ни одного дальнзоркого.

— Ни одного с гиперметропией, ни одного астигматика, — пошутил Сидней.

Приближался вечер. Снова раскинули палатки на острове красной земли.

— На этом глаз отдыхает! — сказал Филипп.

— Да, но река? — спросил сэр Джордж. — Конца этой равнины не видать. Завтра вечером наши меха будут пусты.

— И животным мы не сможем дать пить больше одного раза, и то в полпорции! — поддакнул Гютри.

— Бог милостив! — ответил Гертон. — Наверное под почвой есть вода, — и он указал на двух колоссальных жаб, юркнувших в расселину почвы.

— Добро! Строго говоря, шакал может еще здесь пролезть, но не человек! — сказал Филипп.

— В особенности не я! — зубоскалил гигант.

Это были люди с крепкими жилами и неунывающими душами. Несмотря на угрожающую местность, они наслаждались ужином. Черные были задумчивы: тайный страх мучил их воображение.

Филипп и Мюриэль уединились на краю лагеря. В янтарном тумане всходила сказочная луна, похожая на медную, позолоченную медаль. Филиппа опьяняло присутствие

его гибкой подруги. В ее бледном лице проглядывали цвета лилии, перламутра; сапфировые глаза с отблесками нефрита мерцали задумчиво и кротко. А волосы блестели, как спелые колосья.

— Мы будем счастливы сознанием, что перенесли испытания и видели эти странные земли! — сказала она. — Будущее не так страшно, как то время, когда вы преследовали тех чудовищ.

— Как бы я хотел скорее видеть вас среди людей нашей расы!.. Мне необходимо, чтобы вы были в безопасности, Мюриэль.

— Кто знает! — задумчиво ответила она. — Безопасности не существует. Эта дикая земля, быть может, избавила нас от более серьезных испытаний. Мы — жалкие, беззащитные существа, Филипп. Один неверный шаг может сгубить человека, спасшегося от львов. Бог всюду и всюду Он управляет нашей судьбой.

— Уж не мусульманка ли вы? — спросил он с легкой насмешкой.

— Нет, я верю в активность: она нам заповедана... Но все-таки нас охраняет Всемогуший.

И она запела невыразимо трогательно:

For thou hast always been my rock,
A fortress and defence to me!¹

С душой, насыщенной любовью, он забыл все смутные опасности и вкушал сладость волшебных минут во всей их полноте.

Глава II ВОДА, ТВОРЯЩАЯ ЖИЗНЬ

— Животных мучит жажда! — сказал Гютри. — Меня тоже.

Воды больше не было. Путешественники разделили между собой последние глотки и продолжали идти все по той же безграничной равнине среди фиолетовых злаков, голубых деревьев и ярко-красных полос земли.

Пустыня не выпускала их, как свою добычу, и солнце, одолев облака, бросало жгучие лучи, иссушавшие кровь в жилах людей. И все-таки нужно было идти. Колоссальные мухи аккомпанировали своим жужжанием музыке

¹ Ибо ты прибежище мое, моя крепость и защита! (англ.) (Прим. переводчика).

трав, становящейся зловещей. Она все более и более походила на перезвон дальних колоколов. А когда дул ветер, слышался как бы звон набата.

— Я думал, что река ближе, — признался Гертон.

— Так вы думаете, что в самом деле есть река? — спросил сэр Джордж.

— Да, я уверен в этом. Мне описывали ее.

Сэр Джордж посмотрел в подзорную трубу.

— Ничего! — сказал он.

Деревьев больше не было. Росли одни травы, густые и крепкие.

— Вода под землей, может быть, там только и следует ее искать? — заметил Филипп.

— Мы потеряли бы слишком много времени, — отвечал Айронкестль. — Прошу потерпеть еще несколько часов.

— Хорошо, дядя Гертон. Но скажите, сколько дней можно выдержать без питья? — спросил Гютри.

— Разное время: верблюды выдерживают три, четыре, пять дней, даже, говорят, больше. Люди — два-три дня... Смотря по темпераменту и состоянию атмосферы.

— А сейчас страшная сушь! У меня кожа становится жесткой! — ворчал Гютри. — Боюсь, что я из тех, кто всех меньше может устоять...

Ужас и уныние объяли караван. Солнце на закате приняло цвет чистого золота, затем выросло и стало оранжевым. День склонялся к вечеру.

Животные подвигались с трудом, козы жалобно блеяли. Черных охватывала боязнь и недоверие, предвестники мятежа, глухо нараставшего. Та глубокая вера, которую внедрили в них победы белых, улетучивалась в этом странном мире. В особенности их тревожило отсутствие воды, и не потому, что это было страшное зло, но и потому, что в этом сказывалось для них бессилие господина.

Гертон позвал Курама.

— Что говорят люди? — спросил он.

— Они боятся, господин... Это страна Смерти. Трава здесь враг животных.

— Скажи им, Курам, что бояться нечего. Мы знаем, куда идем.

Глаза Курама, несколько походившие на глаза буйвола, склонились долу.

— Мы еще далеко пойдем? — спросил он дрожащим голосом.

— Все изменится, когда мы достигнем реки.

Фаталистическая душа приняла слова господина, и Курам отправился говорить с черными.

Солнце готово было закатиться, когда караван достиг островка красной земли. Пока готовились к стоянке, несколько раз видели выскакивающих гигантских жаб, сейчас же прятавшихся в расселине земли.

— Этим тварям нужна вода! — заметила Мюриэль,

— Значит, под землей вода! — вывел заключение сэр Джордж.

— Поищем! — предложил Гютри. — Моя жажда становится невыносимой.

Козы жалобно блеяли. Ослы нетерпеливо обнюхивали землю.

Филипп, сэр Джордж и Сидней осмотрели трещины. Они были узкие, и в них не было следов влаги.

— Нужно начать рыть, — произнес Филипп.

— Что мы и сделаем, — объявил Гютри. — Поищем места, где земля рыхлая.

Скоро они нашли такое место. Гютри пошел за землерпалкой. Через час была вырыта глубокая яма. Очень скоро обнаружилось присутствие влаги в земле, но количество этой влаги не возрастало, а скоро она начала даже иссякать.

— Очень странно! — воскликнул Филипп. — Очевидно, влага эта просачивается откуда-то. Присутствие поблизости водной поверхности вполне вероятно.

— Поблизости... — ворчал Гютри. — Если эта поверхность хотя бы в ста метрах, она недоступна для наших слабых сил...

Попытались сделать несколько горизонтальных раскопок, но они не дали никаких результатов.

— Печальная будет ночь! — заключил Сидней. — Мы добились только того, что увеличили нашу жажду.

Путешественники спали плохо и поднялись до зари. Над ними нависла одна из тех угроз, которых не в силах одолеть никакая доблесть. В каждой их жилке таилась гибель. Как громадная пиявка, атмосфера капля по капле высасывала из них кровь. Мать жизни — вода — покидала их и терялась в пространстве.

— Не будем медлить! — стонал Гютри, — ночью и ранним утром легче идти.

— Желательно, чтоб двое из нас пошли на разведку! — подал мысль сэр Джордж.

— Я уже думал об этом! — поддакнул Гертон.

— Сэр Джордж и я! — воскликнул Гютри.

— Лучше сэр Джордж и Филипп, — сказал Гертон.

— Почему так?

— По причине вашего веса! — с слабой улыбкой сказал Гертон. — Караван может выделить для разведчиков двух верблюдов, но они ослабели.

— Ну, ладно! — неохотно согласился Гютри.

Груз с двух верблюдов переложили на других; Курам выбрал для разведчиков самых проворных.

— Эти будут хорошими проводниками! — утверждал чернокожий. — Они издали чуют воду.

Спустя десять минут сэр Джордж и Филипп покинули стан. Верблюды бежали рысцой, как бы понимая, что идут на поиски воды.

По мере того, как луна двигалась к закату, она все желтела и становилась огромной, но свет ее слабел, между тем как звезды горели ярче. Легкая фосфоресценция исходила от земли. В воздухе было тихо, перезвон растительности, казалось, возвещал какую-то мистическую церемонию в глубине саванны...

— Мы точно на другой планете! — прошептал сэр Джордж. — Здесь как-то не ощущается ни наше прошлое, ни наше будущее.

— Нет, — задумчиво ответил Филипп. — Мы далеки от Обетованной земли!

Луна приняла медный оттенок, забрезжила почти не приметная заря, и солнечный костер запылал над равниной.

Путники жадно разглядывали горизонт. Ничего. Ничего, кроме того же безграничного океана трав — голубых, фиолетовых, синих.

— Ужасно! — сказал сэр Джордж. — Травяная могила!..

Жажда мучила обоих, все увеличиваясь по мере того, как всходило светило. Они выдерживали направление на юго-запад, как советовал Гертон.

Это были до странности непохожие натуры. Сэр Джордж был из тех англичан, которые могут, если понадобится, жить в одиночку, с собакой, хоть в пустыне. Он был замкнут, проявляясь всегда неожиданно, тогда как Филипп обладал живым, действенным воображением.

Жажда! От жажды у них ссыхалась глотка. Филипп в полубреду видел всевозможные, сулящие прохладу образы: бьющие из земли с живым журчанием источники, алькарацы в тени пастбищ, графины с освежительными напитками, покрытые влажной дымкой...

Он даже шептал, как в бреду:

— Родники, реки... Озера...

— Ох, — с грустной усмешкой вздохнул сэр Джордж, — а я больше всего мечтаю о хорошем кабачке!

Верблюды томились и никли.

— Только бы они выдержали! — сказал Филипп.

— Выдержат! — утверждал сэр Джордж. — Они знают, что мы ищем воду... Они понимают, что останавливаться опасно.

Солнце жгло невыносимо; колоссальные мухи яростно жужжали вокруг людей и животных.

— Еще счастье, что они нас не жалят! — заметил Филипп.

— Я подозреваю, что мы отравы для них, — соображал его спутник, — и верблюды тоже.

— Так зачем же они кружатся над нами?

— Они повинуются своему мушиному инстинкту.

Опять наступило молчание, и перезвон трав придавал этому безмолвию что-то фантастическое. Ничего. Только все те же травы, голубые и фиолетовые с редкими кущами деревьев по временам.

— Что-то там с нашими? — прошептал Филипп, несмотря на жажду думавший о Мюриэль.

Сэр Джордж покачал головой. Он казался невозмутимым, но как уроженец страны с влажным климатом он страдал еще больше, чем Филипп.

— Если понадобится, они выпьют двух-трех коз, — ответил он наконец... — или даже верблюда. У верблюда вообще имеется запас воды... Более двадцати галлонов крови! — И англичанин с вождением посмотрел на своего верблюда.

— А мы не можем этого сделать, — вздохнул он... — нам нужно добраться до воды.

Долгое молчание. Мысли еле копошились, сухие, тугие и жалкие, в мозгу обоих мужчин. А солнце продолжало их пить...

Внезапно один из верблюдов, подняв усталую голову, как-то странно, нелепо рывкнул. Его товарищ протяжно зафыркал. Оба ускорили ход.

— Что с ними? — проворчал Филипп.

— Я не решаюсь высказать свою надежду, — ответил сэр Джордж.

Дорога стала подниматься. На низком холме они увидели зеленые травы и кустарники. Они переглянулись, ослепленные; испокон века присущий растениям цвет вос-

хищал их сердце. Им казалось, что они вступили в истинную жизнь, в ту жизнь, которой жили бесчисленные поколения их предков.

Теперь верблюды неслись вскачь. Они избежали на холм. Хриплый крик, крик избавленья, вырвался из груди Филиппа.

— Вода! Вода!

Это была она, мать-владычица, мать всего живущего; она, вода бытия, вода начала мира!..

Река!.. Она течет, широкая, медлительная, окруженная деревьями, кустарниками и травами. И рассеивает в пространстве неиссякаемое плодородие.

Безумие овладело верблюдами. Они летели, как чистокровные скакуны; в пять минут они были уже на берегу и жадно пили, склонившись к реке. Люди спрыгнули на берег и, погрузив в поток свои кружки, утоляли убийственную жажду.

— Это неосторожно! — спохватился, наконец, сэр Джордж.

— Зато как вкусно! — возразил Филипп.

Сэр Джордж предложил ему сероватую облатку:

— От микробов!.. А — о!..

Испуганный англичанин вскочил, протягивая указательный палец по направлению к островку, находящемуся в двадцати метрах от берега, на котором показалось необычайное чудовище. Оно походило на крупных крокодилов древнего Египта: у него были громадные длинные челюсти, чудовищные зубы, короткие лапы и мускулистый хвост, но вместо чешуи все тело и голова были покрыты шерстью, и глаза, сверкающие, как глаза пантеры, не имели ничего общего со стекловидными глазами пресмыкающегося. На макушке головы горел фосфорическим светом третий глаз.

— Что за чудовище! — воскликнул Филипп. — Даже в доисторические времена не было подобного ему ящера.

— По меньшей мере нет оснований утверждать это. Но ведь наша наука так отрывочна...

Чудовище следило за верблюдами и людьми. Инстинктивно последние схватились за ружья. Вдруг крик, похожий на лай, заставил их обернуться. Запрокинув голову, к реке изо всех сил неслась голубая антилопа. Преследовавший ее гибкий хищник с желтоватого цвета шерстью, усеянной мелкими розовыми пятнами, делал тридцатифутовые прыжки. Ростом он был с крупных манчжурских тигров.

— Ведь это леопард! — пробурчал сэр Джордж.

Отвлеченные страшным хищником, они не заметили, что волосатый крокодил нырнул в реку.

— Берегись! — крикнул сэр Джордж.

Антилопа и вслед за ней леопард бежали к мысу, на котором стояли оба мужчины. Они отступили вверх по течению. Легкие звери уже достигали берега. Леопард ускорил бег, антилопа готовилась броситься в воду, но вдруг остановилась, пораженная ужасом.

На самом краю мыса волосатый ящер выставился из воды, устремив желтые глаза на беглянку. Парализованная страхом, она оглянулась, посмотрела вдаль. В ее смутном сознании закишели образы — там вдали высокие травы, сладость движения и жизни... Здесь — вечная ночь...

Леопард прыгнул и одним ударом мускулистой лапы сразил антилопу. Но волосатый ящер вылезал...

Несмотря на опасность, сэр Джордж и Филипп испытывали дикое любопытство, собиравшее когда-то римлян в цирк.

— Великолепные бестии! — заметил сэр Джордж и посмотрел на свой карабин.

Леопард, держа лапой трепещущую жертву, следил за пресмыкающимся, которое колебалось лишь миг. Открыв громадную пасть, крепко опершись на короткие лапы, оно готовилось к борьбе. Тело его было втрое массивнее, чем у леопарда. Три глаза чудища сверкали. Леопард испустил глухой крик, похожий на рев. Он подкрался сбоку, пытаясь внезапно напасть на противника и вскочить ему на спину... Но от неповоротливости чешуйчатых предков у крокодила не осталось и следа. Он обернулся, стремительно бросился. Громадная кошка свалилась наземь. Две тяжелые лапы придавили ее, но слишком короткие, они затрудняли движения длинной пасти... Тогда леопард, съежившись, скользя по траве, кое-как высвободился. Испуганный превосходством противника зверь бросился бежать. Ящер, не удостоив его вниманием, принялся пожирать антилопу заживо, и крики агонии жертвы мешались с радостным хрипом победителя...

Отступая, леопард увидел вдруг Филиппа и сэра Джорджа. Его янтарные глаза с жадностью устремились на обоих мужчин.

— Я целю в голову! — холодно сказал англичанин.

— Это всего лучше! — подтвердил Маранж. — Я поступлю так же.

Леопард колебался. В нем боролись страх, ярость, голод. Но, видя эти странные силуэты, устремленные на не-

го глаза, карабины, казавшиеся продолжением их рук, он уступил и отправился на поиски другой добычи, более робкой и лучше ему известной.

Глава III

ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ

Смерть витала над караваном. Время от времени к странному перезвону растений примешивалось то блеяние козы, то хрипение ослов, то дикий рев верблюда. Громадные мухи продолжали донимать животных... И черные, несмотря на свою веру в главу каравана, бросали вокруг тусклые взгляды, в которых читались нарастающее возмущение и вспышки безумия.

— Плохо дело! — сказал Курам, только что державший речь к черным. — Некоторые совсем сошли с ума, господин.

Гертон взглянул на сумрачных людей. У него самого горло жгло, как в огне, а гигант Гютри страдал невыразимо... Лучше всех боролась с жаждой Мюриэль.

— Скажи им, чтоб подождали еще час! — сказал Айронкестль. — Если ничего не случится, мы пожертвуем верблюдом.

Курам понес черным обещание господина, и так как надежда принимала определенную форму, люди воспрянули...

Гертон всматривался в горизонт... Где они? Достигли ли они реки или же бродили, как караван, по пустыне, еще более ужасной от этих в изобилии растущих кустов.

— Отвратительная вещь! — ругался Гютри. — Я решительно не знаю, смогу ли я выдержать еще час. Я галлюцинирую, дядя Гертон. Моя голова полна источников, ручьев, водопадов... Гнусная пытка! Еще час!..

Он вытащил свой хронометр и стал смотреть на него блуждающим взглядом.

Гертон обернулся к молодой девушке.

— За меня не бойтесь, — сказала Мюриэль. — Я и больше часа могу ждать, если понадобится.

Но отсутствие Филиппа пугало и огорчало ее. Не попал ли он в какую-нибудь ловушку в этой таинственной и враждебной земле? Забывая о своих страданиях, она думала о человеке, которого ее верное сердце полюбило так, что эта любовь никогда не пройдет.

Прошел еще час. Жестокий свет ослеплял людей и жи-

вотных. У Гютри было такое ощущение, что он шел через огромную раскаленную печь...

Один чернокожий повалился на землю, испуская жалобные крики. Другой размахивал ножом... Все начали роптать.

И снова Гертон бросал отчаянные взгляды на горизонт... Ничего! Одни только голубые и фиолетовые травы, да гигантские мухи, да нестерпимый перезвон колоколов.

— Неужели же пришла гибель?

И, повернувшись к Мюриэль, с сердцем, разрываемым угрызениями, он простонал:

— Какое безумие заставило меня подвергать опасности эту молодую жизнь?

Чтоб выиграть время, он разрешил устроить привал и велел расставить палатки, говоря:

— Через десять минут мы зарежем верблюда.

Под наскоро поставленными палатками белые и черные искали хотя бы слабой прохлады. Гертон, скрепя сердце, назначил двух черных для выполнения жертвоприношения... Они выступили вперед, вооруженные острыми ножами.

— Стойте! — крикнул Курам.

Припав к земле ухом, он внимательно слушал.

— Я слышу топот, — промолвил он, — топот крупных животных...

Все слушали, затаив дыханье.

Гертон сказал жертвоприносителям:

— Не двигайтесь, пока я не подам знака.

Они стояли подле обреченного животного. Лезвия сверкали, как серебро. Курам продолжал слушать, наклонившись к земле. Еще двое черных последовали его примеру.

— Ну, Курам? — спросил Айронкестль.

— Топот приближается, господин, и я думаю, что это верблюды...

Один из черных подтвердил:

— Да, это верблюды!

Но другой проворчал:

— А может быть, вебри.

— С какой стороны слышится топот, Курам?

Курам указал на тянувшийся с юго-западной стороны прогорок, хотя и невысокий, метров 20 в высоту, но все же суживающий горизонт.

— Вперед! — сказал Гютри, оседлавший наиболее крупного из верблюдов. — Если это они, я подниму обе руки.

Несмотря на усталость и жажду, животное не отказа-

лось идти. Оно медленно зашагало. Несколько черных, охваченные нетерпением, следовали за колоссом.

Гертон, наведший было бинокль, в тревоге опустил его...

— Только бы не потерпеть разочарования!.. — беспокоился он, видя, как взоры всех обратились на юго-запад.

Тем временем Гютри достиг подошвы холма. Склон был не крут, верблюды взбирались на него без особых усилий. Черные шли впереди.

Гертон и Мюриэль ждали. С каждым биением пульса отчаяние сменялось надеждой, надежда — снова отчаянием.

Еще несколько шагов. Черные уже наверху. Вот они беснуются, кричат, но нельзя разобрать, радость ли то или разочарование.

Но вот Гютри поднимает, наконец, обе руки.

— Это они! — кричит Гертон прерывающимся голосом.

Теперь он снова схватился за бинокль. Гютри смеялся!

— Вода!.. Они нашли воду!

Весь караван прыгал от радости, даже животные. Через несколько минут Гертон был у холма и поднимался по легкой покатости.

Вдали, по пустыне с звенящими растениями, бежали рысью два верблюда. Уже ясно можно было различить Филиппа и сэра Джорджа. Полные мехи подпрыгивали на боках горбатых животных...

Гютри неистово горланил победную песнь, черные иступленно кричали, и все продолжали бежать.

— Это, наконец, вода? — зарычал Сидней, когда был уже близко.

— Вода! — невозмутимо ответил сэр Джордж, протягивая ему флягу. — Там в пустыне течет большая река, как говорил Айронкестль.

Гютри продолжал неистово пить жизненную влагу... Черные выли и прыгали, и смеялись, как дети. Спокойная радость наполняла грудь Гертона.

— Обратил Господь взоры свои на мольбу смиренных и не презрел моления их...

Когда порции были розданы, эти люди ожили, как оживают и зеленеют сухие травы после дождя; даже животные получили хотя и малые дозы, но все же достаточные для того, чтоб дать им силы достигнуть реки.

Утолив жажду, Гертон выслушал без особого удивления рассказ Филиппа и сэра Джорджа.

— Самуэль писал мне об этом! — сказал он. — Этой ночью караван сделает привал на берегу большой реки.

Отчаяния не было и следа. В радости возрождения к жизни первобытное сознание черных, лишь смутно рисующее будущее, уже забыло об испытании, и так как господа снова восторжествовали над коварной природой, их вера стала непоколебимой.

Глава IV

У БЕРЕГА РЕКИ

Караван сделал привал в тысяче шагов от реки. Наступила ночь. Звездный свет отражался от растений и неуловимо струился по пустыне.

Шесть скалистых массивов окружали лагерь, расположенный на полосе красной земли, где росли лишь лишай, мхи да дикие травы. Огонь бросал сверкающий свет, и шмыгающие во тьме звери останавливались в отдалении и следили за странными существами, двигавшимися среди огней.

Появлялись и исчезали то жабы и громадные ящеры, то медянистые шакалы и приплясывающие гиены, то ошетилившиеся вепри, розовые гиппопотамы и быстроногие антилопы; иногда во тьме вспархивала хищная птица с пушистыми крыльями и, наконец, у самого берега показался лев. Несколько минут он стоял, пристально рассматривая лагерь, затем принялся бродить.

— У него шерсть, как у лисы! — заметил Сидней в то время, как сэр Джордж проверял ружье.

— И какая-то странная походка! — прибавил Филипп. Верблюды, ослы и козы тревожно принюхивались.

— Он не так велик, как давешний леопард.

— Да, — подтвердил Филипп, — и верно не так страшен...

— Какой проворный! — воскликнул Гютри.

Лев скрылся, появилось три громадных чудовища.

— Ящеры! — сказал Гертон со смесью страха и любопытства.

— Волосатые ящеры! — внес поправку Филипп. — Такие же, какого мы встретили утром... Самый крупный — поистине... поистине апокалиптический зверь!

И в самом деле, один из ящеров был по крайней мере двенадцати метров в длину и грузностью не уступал носорогу. Его три глаза цвета изумруда, подернутого янтарем, наблюдали окружающее.

— Должно быть, он страшно силен! — сказал Филипп.

— В добрый час! — буркнул Гютри, придвигая слоновье ружье. — Природа добросовестно поработала.

Исполинский зверь испустил странный рев, подобный рокоту водопада. Он направлял свое внимание не в сторону людей, а принимался к резкому запаху верблюдов и коз.

— Мы — богатый склад провизии, — сказал Филипп. — Отважится ли он пробраться сюда?

Караван не смог собрать достаточно топлива, чтоб образовать непрерывное кольцо огней, и между кострами были промежутки... Смелый зверь мог таким образом проникнуть в лагерь, но ни лев, ни тигр не покусилась на это, вероятно, испуганные трепетным мерцанием огней.

Фантазмагорическая фауна нарастала у лагеря: медянистые шакалы, гиены, гепарды, пантеры, ночные птицы, зеленые обезьяны, рукокрылые с подсакивающим летом, гигантские жабы и ящерицы, берилловые и сапфировые змеи. На косогоре показались два леопарда; снова появился крадущийся лев, вылезали из воды новые ящеры... В темноте кишели тела, сверкали лампы глаз — желтых, зеленых, красных, лиловатых, и все они уставились на костры.

Один из леопардов, подняв голову, испустил рев, равный по силе рыканию львов.

Смутный страх рос в душе путников. Какими жалкими чувствовали бы они себя пред этим адом хищных зверей, не будь у них их страшного вооружения! Но не знающий промаха пришел сэра Джорджа и Филиппа, скорострельные винтовки, слоновье ружье Гютри и, в особенности, пулемет придавали двуногим значительную силу.

— Видение святого Иоанна Богослова на острове Патмосе! — воскликнул Гютри.

Исполинский ящер зевнул; его отверстая пасть напомнила пещеру; зубам, казалось, не было числа, и весь этот зверь заставлял мысль обращаться к эре сказочных рептилий. Теперь он был у самого широкого прохода. Верблюды храпели от ужаса; ослы и козы искали прибежища у людей... Устремив глаза на одного верблюда, ящер вытянулся. Быть может, он еще колебался. Но это было недолго. Он смело проник в проход. Тогда безумный ужас овладел спутанными животными, ужас, подобный панике, заставляющей носиться по саванне стада животных. Некоторые порвали путы; три обезумевших верблюда понеслись вскачь к группе людей... Черные бросились им навстречу.

— Вот кто мог бы нас обессилить! — проворчал Гертон.

— Не зевать! — крикнул Гютри.

Ящер был уже в лагере и направился к высмотренному им верблюду, которого он облюбовал по каким-то таинственным причинам. Это была страшная минута, так как и другие ящеры приблизились к лагерю.

— Так как я справа, я целюсь в правый глаз, — сказал Филипп сэру Джорджу.

— Ладно, а я в левый, — флегматично согласился британец.

Раздалось два выстрела. Ящер испустил отчаянный рев и закрутился. Третья пуля, попав в верхний глаз, окончательно ослепила его.

Черные удерживали рвущихся животных, и неистовые вопли раненого ящера останавливали хищников от вторжения... На голубом небосводе тихо мерцали в вечном величии звезды...

— Страшный зверь — человек! — сделал вывод Гютри.

Глава V

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА В ГОЛУБОЙ НОЧИ

В продолжение двух дней караван продвигался вперед без помех. Каждое утро Гертон тщательно определял положение каравана и направлял дальнейший путь, руководствуясь компасом. Местность оставалась все столь же плодородной, населенной многочисленными необычайными животными: лиловато-розовыми гиппопотамами, непомерно высокими жирафами, волосатыми ящерами, пауками величиной с птиц, внушающими тревогу насекомыми (некоторые из жесткокрылых достигали величины горлиц), слонами, вооруженными четверными клыками, ползучими рыбами, огненноцветными змеями... Но особенно поражали растения. Встречались все те же голубые и фиолетовые травы, разбросанные островками, а по мере продвижения к юго-западу стала преобладать флора мимоз. Они были непостижимо разнообразны. Одни были величиной с европейскую стыдливую мимозу, другие достигали высоты берез, ясеней, буков, а некоторые были так колоссальны, что превосходили высотой и коренастостью калифорнийские секвойи.

Гертон предупредил своих спутников:

— Нужно соблюдать самую строгую осторожность. Это страшные растения.

Слова эти разожгли в Гютри любопытство. Если б он был один, он, без сомненья, уступил бы своей привычке

пренебрегать опасностью, но руководителю экспедиции он охотно повиновался. Когда задевали мимозу, все равно исполинскую или низкорослую, листья сжимались, как руки, и издавали, в зависимости от роста ее, звуки, подобные звукам цитры, лиры или арфы.

— Чем же они страшны? — нетерпеливо допытывался Гютри. — Своими иглами?

— Достаточно было бы и игл. Укол их болезнен и производит своего рода помешательство... Обратите внимание, что наш скот избегает малейшего соприкосновения.

— Но что же делать, если их будет так много, что они преградят нам проход?

— По-видимому, они этого не хотят. Всюду они оставляют свободное пространство... Почему?

И он погрузился в рассматривание записок Самуэля Дарнлея.

Небо потемнело. Громадные тучи восстали из бездн. Атмосфера грозы обволокла караван.

— Будет славная гроза! — заметил сэр Джордж.

В медном и нефритовом освещении закружились вихри. Стихии неистово разыгрались, и когда необъятная молния прорезала пространство, казалось, что это какая-то неведомая мировая воля, устрашавшая животных и давившая людей. Как будто там, в тучах, внезапно зарождалась жизнь, в мертвой бессознательной материи вспыхивало сознание...

Затем потоком полилась вода, трепетная и плодоносная, прародительница всего, что растет и умирает.

Расставили палатки; плохо укрытый скот топтал ногами и подпрыгивал при порывах ветра и раскатах грома, в которых слышался как бы рев бесчисленного множества львов.

— Ах, как я люблю грозу! — воскликнул Гютри, сладострастно вдыхая влажный воздух. — Она дает мне удесятельную жизнь.

— Но она, должно быть, несет и много смертей! — заметил сэр Джордж.

— Все несет смерть. Нужно выбирать, мой друг.

— Мы не выбираем. Нас выбирают.

Вокруг лагеря в панике неслись дикие звери. Стая жирафов промчалась, как молния, на мгновение мелькнули утесообразные спины слонов, гигантские ящерицы искали расселины, носорог катился, как грозный валун, тяжело топтали вепри, а легкие антилопы бежали подле растерянного льва, не замечая его.

— Сейчас нет ни дичи, ни охотника! — сказал Филипп, стоявший рядом с Мюриэль.

Но гроза уже ослабевала. Грозовую тучу поглотила бездна; дождь лил уже не столь буйным потоком. И, наконец, древнее горнило снова показалось в небе.

— Вот чудовище! — проворчал Гютри.

— Истинный отец жизни! — возразил сэр Джордж.

Драма быстро подходила к концу. Земля пила воду и сохла на глазах.

— Мы можем отправиться в путь! — сказал Гертон.

Он говорил томным голосом и поступь его стала тяжелой.

— Как-то смутно все кругом! — сказал Гютри. — Чувствуется какая-то усталость!

— Сильная усталость! — подтвердил сэр Джордж.

Филипп ничего не прибавил, но ему казалось, что вес тела удвоился.

Тем не менее Гертон дал приказ трогаться в путь, но приказ этот выполнялся с большим трудом. Люди еле волочили ноги, животные задыхались, и все подвигались вперед с крайней медленностью.

— В чем дело? — спросил Гютри.

Он говорил нечленораздельно, замирающим голосом и был как бы в оцепенении. Никто не отозвался. Караван с трудом двигался уже полчаса и не прошел еще километра. Островки мимозовых деревьев вокруг все умножались, и, наконец, стало трудно пройти. Когда человек по оплошности касался растения, листья начинали странно волноваться, ледяной ток распространялся по телу. Это явление сказывалось резче, когда задевали дерево: ветви извивались, как змеи.

— Дольше я не в силах выдержать! — воскликнул, наконец, Гютри сердито, но вяло. — Точно свинцовые гири у меня на ногах... Дядя Гертон, в ваших заметках на этот счет ничего нет? Что это, оцепенение?.. Опять эти проклятые растения, что ли, виноваты?

— Я не испытываю ощущения оцепенения, — отвечал Гертон, таким же заплетающимся голосом, как Сидней. — Нет, это не оцепенение!.. Мысли мои ясны... мои ощущения нормальны... Только вот эта невыносимая тяжесть. Как будто увеличилось давление.

— Да, — согласился сэр Джордж, — именно так. Все остается нормальным... Кроме этой тяжести.

— Я вешу пятьсот фунтов! — ворчал Гютри. — Вы не ответили, дядя Гертон: растения это, что ли? И почему?

— Думаю, что растения, — с дрожью вымолвил Гер-тон. — Впрочем, ты сам это хорошо знаешь... Здесь все за-висит от них. Я хотел бы только понять, чего они хотят, или чем мы их стесняем?

— Здесь больше не видно ни одного животного, — за-метил Филипп.

Это было верно. Не видно было ни одного млекопитаю-щего, ни птицы, ни гада; даже насекомые исчезли. С каждым шагом тяжесть увеличивалась.

Прежде всех встали верблюды. Они начали испускать нестройные крики, постепенно угасавшие; затем они легли и больше не двигались. Ослы не преминули последовать их примеру, тогда как козы продолжали с трудом идти.

— Что с нами будет? — прошептал Гертон.

Его речь была замедленна, как и жесты, но нервы сохра-няли свою чувствительность, и мысль не была омрачена... Гигант не двигался, Филипп и сэр Джордж, хотя и менее, но все же были парализованы.

Лучше всех противилась этому влиянию Мюриэль, но и она не могла ступить шагу без необычайных усилий.

— Да, чего они хотят? — с трудом проговорил Фи-липп. — Что мы им сделали, или чего они боятся?

Таинственный страх витал вокруг них. Впереди начинал-ся лес гигантских мимоз: они жили должно быть еще во времена царей ассирийских и халдейских пастухов. Десять цивилизаций сменились с тех пор, как их стебельки впер-вые возникли из плоти кормилицы-планеты.

— Не они ли нас останавливают? — спросил себя Гер-тон... — Тогда, быть может, вернуться назад...

Но вернуться они уже не могли. Их ноги почти не двигались. Когда путешественники пытались говорить, получались нечленораздельные звуки... Весь скот их уже лежал на земле. Только глаза животных были еще живы, они выражали несказанный ужас...

Близился вечер, красный и зловещий. С неслыханными усилиями Мюриэль добралась до провизии и достала коп-ченого мяса и сухарей. Но никто не хотел есть. Все следили за уходящим солнцем. Настала ночь. Розовый полумесяц слабо освещал пространство... Вдали, очень далеко, завыв-вали шакалы.

Тогда людям пришло в голову, что они беззащитны; дикие звери могли растерзать их живьем. Но вокруг была совершенная пустыня; ни в траве, ни на берегу, ни на опушке леса не появлялось ни одного животного.

Постепенно усталость взяла верх над всеми ощущения-

ми и всякой мыслью. И когда луна склонилась к горизонту, люди и животные все спали под мерцающим покровом звезд .

К полночи Мюриэль проснулась. Луна скрылась; звезды трепетали в снежно-белом мерцании; молодая девушка поднялась, обуреваемая лихорадкой и невероятным возбуждением. Она глянула на своих спутников, распростертых на земле в пепельном сиянии, и внезапно ее пронизало тоскливое и пламенное: нужно их спасти... Это чувство исключало всякую логику; это было импульсивное движение существа, живущего лишь инстинктом; она даже не пыталась рассуждать ..

Как бы охваченная галлюцинацией, несмотря на все еще удручающую усталость, она пустилась в путь в направлении Южного Креста, движимая интуицией, питаемой вскользь брошенными словами Айронкестля. Временами она вынуждена была останавливаться, ее голова была тяжела, как гранитная глыба... Часто она пробиралась ползком. Но сколь усталой ни чувствовала себя девушка, экзальтация не оставляла ее. Время от времени она шептала:

— Нужно их спасти!

В глубине души теплилась надежда, что через некоторое время она выйдет из опасных пределов; при этом Мюриэль забывала, что тогда она очутится одна в мире хищников.. Здесь же по-прежнему было пустынно. Ни одно живое существо не оживляло безграничную равнину.

Постепенно Мюриэль удалялась от леса гигантских мимоз

Прошло несколько часов, тяжелых и тягучих. Молодая девушка прошла не более мили. Внезапно она почувствовала сладостную отраду. Тягостное ощущение исчезло.. Мюриэль снова обрела легкость движений, радостное чувство, что может распоряжаться своим телом. Инстинктивно она заторопилась скорее удалиться от зловещих пределов .

Но теперь возникла новая тревога. Вернулся мир животных. Проскальзывали, как призраки, шакалы; в полутьме промелькнула, припадая на ногу, гиена; гигантские жабы прыгали во влажной траве; ночные хищные птицы пролетали, махая пушистыми крыльями...

Всюду кишела неуловимая, тревожная жизнь, всюду было то беспокойное движение, которое испокон веков неустанно примешивает к упорному размножению яростное истребление.

Вздохи, приглушенные вопли, шуршание травы, преры-

вистый хохот гиен, пронзительный визг шакалов, жалобный крик совы... Мюриэль была вооружена только револьвером, но она не думала об отступлении. Увлечшее ее возбуждение продолжалось, превратившись в какое-то смутное опьянение, обязанное своим происхождением, по всей вероятности, вновь обретенной легкости движений.

По временам грудь ее вздымалась от содроганья. Шакалы, с осторожной дерзостью следовавшие за ней по пятам, были символом всего того, что в дикой стране подстерегает все живое, чтоб истребить его и пожрать. Их вечный голод, и каждое создание манило их обещанием утолить его

Приближалась заря, когда резкий крик прорезал пространство. И Мюриэль увидела, как чья-то длинная тень скользила, прячась в траве. Глаза сверкали, как два изумруда... Молодая девушка смотрела, как близилась эта страшная фигура, это тело, искавшее ее тела... Шакалы остановились, напрягая слух, исполненные боязни, алчности и надежды... Мюриэль чувствовала, что на нее обрушивается безмерная пустыня, жестокость всей вселенной...

Держа револьвер в руке, она прошептала:

— Ты сила моя и мой щит, Создатель.

Между тем хищник, стесненный устремленным на него взглядом Мюриэль и ее вертикальным сложением, медлил нападать. Кошачий инстинкт подсказывал ему кидаться врасплох на всякую добычу, способную защищаться.

В голубой ночи глаза человека сдерживали глаза хищника. Мюриэль была готова к битве... Зверь с длинным телом скользил по траве, как что-то текучее.

Глава VI ЧЕШУЙЧАТЫЕ ЛЮДИ

Когда на заре Гертон открыл глаза, им долго владело какое-то оцепенение, смешанное с галлюцинациями. Над его глазами веял туман. Спутники его еще спали, горилла тоже.

В палатке бродили какие-то смутные тени. Скоро они стали явственнее, и Гертон, окончательно проснувшись, как от внезапного толчка, различил необыкновенные существа. Были ли это животные или люди? Они были вертикальны, как люди, хотя ноги их походили на кабаниьи, а ступни — на лапы ящериц. Их тела были покрыты прозрачными пластинками вперемежку с зеленоватой шерстью, а головы не походили ни на головы людей, ни на го-

ловы животных: цилиндрической формы, с чем-то вроде мшистого конуса на верхушке, они были малахитового цвета. Рот в форме треугольника, казалось, имел три губы, вместо носа были три круглых сплюснутых дыры, а глаза уходили во впадины с зазубренными, как пилы, краями. Глаза эти метали разноцветные искры — красные, желтые, оранжевые. Кисти рук с четырьмя когтями не имели ладоней...

Гертон тщетно старался встать. Бесчисленные, тонкие, как шнурки, лианы опутывали его члены. Они были упруги, и когда американец делал усилие, слегка растягивались. Удивление Айронкестля длилось недолго. По мере того, как память его проявлялась, он мысленно пробежал заметки Самуэля Дарнлея и понял, что эти фантастические существа были именно те, которые в этой стране заменяли людей.

Инстинктивно он сделал попытку с ними поговорить.

— Чего вы от нас хотите? — спросил путешественник.

Запавшие глаза повернулись в его сторону, и послышался глухой свист, напоминавший в то же время щебет дрозда и звуки больших походных флейт.

Лица существ были подвижны, но только в одном направлении, так что морщины образовывались только по вертикали...

От шума проснулся Филипп, затем сэр Джордж и Гютри. Все трое были опутаны так же, как Айронкестль. Из соседних палаток доносились вопли черных.

— Что случилось? — пробормотал Гютри, охваченный ужасом. Его мощная мускулатура так растянула лианы, что можно было подумать, что вот-вот он высвободится... Десять чешуйчатых людей бросились к нему. Но путы не порвались.

— Откуда взялись эти лемуры? — рычал он. — По сравнению с ними Коренастые были небесные создания.

— Это люди или почти что люди, — уныло ответил Гертон, — и мы в их власти.

Черные испускали жалобные вопли. Временами слышался рев гориллы.

— Они тоже пленники?

Вдруг он издал крик отчаяния, почти сейчас же повторенный Филиппом: Мюриэль в палатке не было... Мрачный ужас объял их...

— Чего же хотят эти лемуры? — после некоторого молчания воскликнул Гютри.

Филипп плакал: рыдания сотрясали грудь Айронкестля...

— Я искушал Господа! — стонал он. — О, Создатель, пусть моя вина падет на мою только голову!

Скоро убедились, что «лемуры» были псевдо-люди. Путешественников, гориллу и большинство черных методичек и ловко погрузили на верблюдов. При этом в когтях обнаруживалась необыкновенная сила и способность производить очень сложные движения. Гютри сыпал ругательствами. Невозмутимый сэр Джордж брюзжал:

— Куда они нас везут? И умеют ли они обращаться с животными?

Тогда произошло нечто поразительное. Они развязали пятерых чернокожих и указали им на палатки, затем на животных.

Курам понял и спросил Гертона:

— Нужно ли им повиноваться, господин?

Айронкестль почти не колебался. Жизнь пленников явно была в руках чешуйчатых людей, и сопротивление могло бы только разъярить их... Предпочтительнее было выиграть время.

— Повинуйся! — ответил он.

Курам, верующий, что от судьбы не уйдешь, велел черным снять палатки, и когда все было готово к отъезду, он повел караван по указаниям похитителей.

Один из них, с большим количеством чешуй и зеленее прочих, казалось, был начальником. Десятков пять этих псевдо-людей шли сбоку каравана, десятка два впереди и четыре десятка позади.

Обезумевшие от тревоги, которую им внушала судьба Мюриэль, Гертон и Маранж плохо видели, что происходило вокруг. Гютри только что стал овладевать собой. Один сэр Джордж следил за всем с глубоким вниманием. Лемуры явно обладали разумом, хорошей дисциплиной и развитой речью: отдавая им приказ, начальник не делал никакого жеста. Для того, чтоб быть понятным, ему достаточно было свиста, которому он придавал различные оттенки. К жесту он прибегал только когда обращался к Кураму, в котором он быстро распознал человека более авторитетного, чем прочие чернокожие.

«Кроме того, — думал англичанин, — он позаботился о том, чтоб ни один белый не был освобожден от пут. Значит, он чувствует инстинктом или как-нибудь иначе знает, что они отличаются от черных и опаснее их»...

В продолжение нескольких часов путники шли па-

раллельно лесу. Затем мимозы расступились, показалась как бы степь, в которой росли сосны, папоротники и ярко-зеленые длинные мхи.

Чешуйчатые решительно направились к ней.

— Куда, к дьяволу, они нас ведут? — воскликнул Гютри, следивший теперь столь же внимательно, как сэр Джордж.

Волнение Филиппа и Гертонa несколько стихло.

— Полагаю, что они ведут нас к себе, — ответил англичанин. — Обратите внимание, что здесь они не церемонятся с растениями, тогда как раньше они остерегались задевать деревья и даже кусты...

— В этой местности нет ни одной мимозы, — заметил Гертон... — И растения большей частью примитивные — тайнобрачные или голосемянные.

— Все это мало проясняет, какая судьба нас ждет! — ворчал Сидней.

— Они нас не убили, — спокойно возразил сэр Джордж, — и везут нас и наш скот.

— И наши запасы!

— Отсюда, не боюсь быть излишне смелым, можно заключить, что они думают оставить нам жизнь.

— Но какой ценой? — и громадное тело Гютри сотрясалось от ярости.

— Я думаю, что мы останемся в плену, и что они рассчитывают использовать нас...

— Проклятые! — ругался колосс. — И кто может поручиться, что мы не явимся угощением на их пиру? Почему бы этим молодчикам не быть каннибалами, как наши приятели Гура-Занка... В таком случае мы ничего не потеряли от ожидания...

Степь расширялась. Мох становился столь длинным, что ветром его трепало, как косматую шевелюру, сосны превратились в низкорослый кустарник, зато папоротники стали древовидными и образовали рощи, в которых укрывались странные двуутробки, голенастые волосатые птицы, ростом со стрепета, похожие на ржавую проволоку черви. Караван обогнул заросли папоротников. Порядок следования оставался тот же. Гертон следил теперь за чешуйчатыми так же внимательно, как сэр Джордж. Вооружение их было необычно: каждый имел винтообразный багор, вытесанный из красного камня, полулунную дощечку и в кожаном мешке метательные камни, тоже красные, круглые и щетинистые, похожие по форме на морского ежа. Со способом употребления этих снарядов исследователи ознако-

мились наглядно, когда мимо проходило стадо вепрей. Три вепря, раненные «ежами», повалились на землю и скончались в конвульсиях: по-видимому, это оружие было отравлено.

— Вы видите, что это люди и даже люди смышленные? — сказал сэр Джордж Сиднею.

— А почему бы не быть животным таким же смышленным, как люди? — брезгливо возражал гигант. — Это все, что хотите, но не люди!

К полудню руководивший экспедицией дал сигнал остановиться. Остановились в тени высоких, как платаны, папоротников. Под сенью их густой листвы было почти прохладно. Курам получил возможность общаться с белыми и связанными чернокожими.

— Ты их понимаешь, Курам? — спросил Айронкестль.

— Часто понимаю, господин... Так, я знаю, что они хотят, чтоб я дал вам есть и пить.

Черный говорил усталым и грустным голосом. Он чувствовал висящую над ним угрозу, которая была страшнее самой смерти. Обаяние белых исчезло. Его место заступила другая неведомая власть, подавлявшая суеверную душу проводника.

С помощью свободных товарищей он накормил и напоил белых, после чего занялся связанными чернокожими.

Остановка была недолгой. Экспедиция снова пустилась в путь, и пейзаж еще раз переменялся: потянулись цепи скал. Двигались по темному, угрюмому ущелью, красному, как свежая кровь.

Когда день клонился к вечеру, даң был приказ к новой остановке. Пленники уныло осматривали огромную красную поляну, окруженную высокими скалами, имеющую единственный выход — ущелье, из которого они сейчас вышли.

— Здесь, что ли, живут эти лемуры? — воскликнул Гютри. — Я не вижу следов жилья.

— Я думаю, что они живут в скале, — ответил сэр Джордж.

Его прервал свист начальника. После этого Чешуйчатые конвоиры оцепили караван со всех сторон и, как бы действительно выходя из скал, у подножия красных утесов появились другие чудовища.

На свист начальника конвоиров ответил сильный свист. Верблюды были разгружены от своей одушевленной и неодушевленной поклажи; Гертон, сэр Джордж, Филипп,

Сидней, Дик Найтингейл и Патрик Джефферсон были положены в одну кучу с связанными черными.

После этого полдюжины Чешуйчатых принесли сухих дров и сложили костер, поливая дрова желтой жидкостью.

— Дело принимает плохой оборот! — сказал печально Гертон при виде вспыхнувшего пламени... — Дружья мои, прощаемся на всякий случай!

Лемуры удалились и отогнали выючных животных на другой конец поляны.

— Я виноват по отношению ко всем вам! — снова начал Айронкестль. — Простите меня.

— Ну, дядя Гертон, — воскликнул Гютри, — мы мужчины и умеем нести ответственность за свои поступки.

Пламя разгорелось сильнее; в воздухе распространялся приятный аромат. Филипп с отчаянием думал о Мюриэль и о своей сестре Монике.

— К смерти не мешает приготовиться, — сказал сэр Джордж. — Но ничто еще не потеряно.

— Помолимся! — предложил Гертон.

Разгорающееся пламя бросало оранжевый свет в тени утесов; запах стал пронзительнее. Странная истома овладела белыми и черными. Вдали Чешуйчатые предавались причудливым ритмическим движениям, прерываемым долгим свистом...

Один за другим пленники опустились на землю и замерли в неподвижности.

Глава VII

МЮРИЭЛЬ В НЕВЕДОМОМ МИРЕ

Зверю оставалось сделать один только прыжок, чтобы достигнуть Мюриэль, и стая шакалов, подвигаясь ближе, с жадным нетерпением ждала развязки... Добыча была слишком велика, чтоб не осталось мяса, кишок и крови, после того как насытится главный хищник: тогда настанет и их черед.

В этом трагическом положении Мюриэль испытывала не столько страх, сколько неизмеримую печаль и какую-то горькую покорность. Дочь господствующих рас, приручивших животных и культивировавших растения, теперь она превратится в бессильную жертву, побежденную плоть, к которой с вожделием рвутся хищники из породы кошек, гиены и шакалы... Весь смысл жизни был опрокинут, как если бы вернулись древние времена, когда судьба людей и других животных была одна и та же. Незнакомый зверь

пригнулся, и Мюриэль, готовая и бороться, и покориться своей участи, не теряла из виду ни одного из его движений. Делая опять попытку застигнуть жертву врасплох, хищник обошел кругом и подошел так близко, что молодая девушка подумала, что он уже нападает и решила стрелять...

Раздалось два выстрела, раненый зверь, придя в бешенство, прыгнул на Мюриэль и опрокинул ее. Пасть с острыми клыками раскрылась над белой шеей...

В это мгновение над равниной пролетел какой-то хриплый, невероятный рев, похожий и на шум потока, и на волчий вой, и на холме показались два странных животных. Их туловища, покрытые чешуей, несколько походили на туловище ньюфаундленда, а кубообразные головы были почти такой же величины, как у льва.

Нападавший хищник отступил так же, как шакалы и гиены, а чудовища стали подходить. Когда они были уже на расстоянии нескольких локтей, хищник бросился бежать без оглядки, и Мюриэль встала... Теперь ей угрожала другая, еще более таинственная опасность. Она смотрела, оцепенев, на этих чудовищ, не менее сказочных, чем крылатые быки, единороги, фавны и сирены; всякое сопротивление казалось бесплодным, Мюриэль сложила руки и ждала нападения.

Но нападения не последовало.

В двух шагах от молодой девушки чудовища остановились. И почти в ту же минуту появились новые существа... Но на этот раз они принадлежали к миру известному: это были трое чернокожих высокого роста, вооруженные карабинами, настолько похожие на чернокожих ее каравана, что одно мгновение Мюриэль подумала, что негры искали ее. И только по их необычайному наряду она увидела, что ошиблась. Можно было подумать, что они были облечены в матовое стекло, только это стекло было мягко, как лен или пенька. Род полукафтання, короткая драпировка, падающая от талии до половины бедер, шляпы с плоскими полями, пояс, к которому были пристегнуты нож и топор — таково было их одеяние и амуниция.

Они махали руками, и один из них воскликнул:

— No fear! Friends! (Не бойтесь! Друзья!)

Она ждала, вне себя от удивления, пока они спускались с холма.

Когда они подошли ближе, говоривший перед тем, в общем похожий на Курама, спросил:

— Amerikan?

— Да, — в смятении ответила она.

У человека были спокойные и даже кроткие глаза.

— Me too! (И я тоже!) — сказал он.

Наступило молчание. Чешуйчатые звери бродили вокруг молодой девушки; черные внимательно рассматривали Мюриэль. Вдруг ее осенило, она прошептала:

— Не знаете ли вы Самуэля Дарнлея?

— Это мой господин.

— Мы его отыскиваем.

— Я так и думал, — воскликнул негр, смеясь и хлопая в ладоши. — Так вот, мисс... или миссис?..

— Мисс Айронкестль.

— Пойдемте... Он там.

— Далеко?

— Два часа ходьбы.

Это была одна из тех минут, когда жизнь ставится на карту. Она, не задумываясь, пошла за черными.

Они повели ее саванной, затем с бесконечными предосторожностями пересекли лес, в котором баобабы и финиковые пальмы чередовались с мимозами. Впрочем, идти было легко, так как деревья росли в одиночку, на расстоянии, или же образовывали островки, и в таком случае их можно было обогнуть.

Так они дошли до реки и пошли по берегу, пока не достигли места, где громадные камни, лежащие на небольшом расстоянии один от другого, позволили им перейти на другую сторону.

— Мы подходим! — сказал черный, первым подошедший к Мюриэль.

Растения поредели, впереди лежала красная земля, окаймленная скалистой стеной.

В этот миг раздался чудовищный рев Чешуйчатых зверей.

В тени скал показался человек высокого роста. Смуглый, почти черный цвет лица составлял резкий контраст с белокурой бородой и волосами на голове, такими же светлыми, как волосы Мюриэль. Устремив лазоревые глаза на молодую девушку, вне себя от изумления, он воскликнул:

— Мисс Айронкестль!

— Мистер Дарнлей! — крикнула она.

Ее охватило такое волнение, что она чуть не потеряла сознания. Подойдя к ней, Самуэль Дарнлей взял ее руки и с нежностью пожал их. Потом складка тревоги появилась на загорелом лице исследователя:

— А Гертон? — спросил он.

— Он там... с экспедицией... — простонала она... — Они

погружены в летаргический сон. Со вчерашнего дня мы не могли двигаться...

Дарнлей покачал головой. Брови его сдвинулись.

— Это они! — проворчал он. — Вы проникли в местность, временно находящуюся под запретом. Они наложили этот запрет.

— Кто? — спросила Мюриэль.

— Мимозы... Их нужно признавать и подчиняться им...

Мюриэль слушала со страхом, но без удивления. Внезапно глаза ее расширились...

Появились еще два черных и одновременно с ними какие-то неопишуемые существа. Своей вертикальностью они суммарно напоминали людей, но их ступни толстокожих животных, их ноги ящеров, чешуи, которыми было покрыто их тело попеременно с жесткой щетиной, цилиндрическая корявая голова, увенчанная мшистым конусом, треугольный рот, ушедшие во впадины глаза, метавшие разноцветные искры, — все это делало их непохожими ни на одну из разновидностей людей или животных... Несмотря на столько переживаний, несмотря на то, что она видела уже много необычайного, Мюриэль на минуту остолбенела.

— Это люди! — сказал Дарнлей в ответ на взгляд молодой девушки. — Или они скорее играют на этой земле роль людей. Говоря точнее, их организм отличается от нашего более, чем организм павиана, а также, быть может, и собаки... Но не бойтесь... Это мои союзники, вполне надежные, не способные ни на малейшую измену. Бояться следует только тех, с кем я еще не мог заключить союз.

Он прервал себя, сдвинув брови.

— Но подумаем об Айронкестле и его друзьях. Раз вы могли, вопреки всему, выйти из запрещенной зоны, значит, оцепенение уже стало проходить. Вот почему я думаю, что наши друзья теперь уже проснулись и на ногах... Идем на поиски.

Он быстро отдал приказание четверым неграм, после чего обратился к Чешуйчатым, объясняясь с ними отчасти знаками, отчасти странным свистом, на который они отвечали свистом же.

Через четверть часа экспедиция была готова, черные были вооружены ружьями, а Чешуйчатые чем-то вроде красных багров и дощечек в форме полукруга. У пояса у каждого висел кожаный мешок.

— В путь! — скомандовал Дарнлей.

В то время как отряд покидал красную землю, он сказал молодой девушке:

— Бояться нечего... Они не убивают. Даже если б оцепенение или сон продлились, беда не велика. Я видел отяжелевших животных, сон которых длился три-четыре дня без всяких вредных последствий...

— Но,—возразила Мюриэль,—если во время их сна на лагерь нападут хищные звери? Ваши ящеры и гигантские леопарды ужасны!..

— Не бойтесь! Наши друзья автоматически проснутся прежде, чем какой-либо зверь проникнет в лагерь. Сон прекращается спустя около часа по окончании оцепенения, и в течение этого часа никто не может проникнуть в местность, подверженную этому явлению... Кроме тех, кто здесь выполняет роль людей: на них инстинкт не так действует... Но почти все окрестные племена мои союзники.

Люди и псевдо-люди шли по следу. Им отлично помогали чешуйчатые животные.

— Что ж бы сделали они? — дрожа спросила Мюриэль. — Я хочу сказать те, кто не в союзе с вами.

— В точности не могу сказать вам. Нравы у различных племен не одни и те же. К тому же у них две расы. Та, что малочисленнее, наиболее опасна.

Он покачал головой, тень прошла по его глазам, но он сказал, улыбаясь:

— Наверняка мы найдем караван целым и невредимым. Идем!

Мюриэль не узнавала пейзажей, по которым она проходила. Она рассказала Дарнлею о лесе гигантских мимоз.

— В них опасно проникать? — спросила она.

— В этой местности несколько таких лесов. Если ничего не рвать и быть осторожным... И не переступать запрещенной зоны, по ним можно ходить.

— А как узнать запрещенные зоны?

— Это видно, дитя мое... Признак — оцепенение. Как только оно начинается, нужно остановиться и переждать или обойти препятствие. Другой признак — непонятный страх — задыхаешься и чувствуешь себя охваченным ужасом. Иногда предупреждает лихорадка, которая все усиливается по мере того, как продвигаешься по запрещенному району. Случается также, что вас просто отбрасывает назад.

— А есть ли границы, которых никогда нельзя переступать?

— Нет. Но есть поступки, которых всегда надо избегать. Вы скоро узнаете, в чем они состоят.

Уже прошли тот пригорок, где голубой хищник напал на Мюриэль. Дальше нужно было идти наобум, так как молодая девушка только приблизительно могла осведомлять своих спутников. Но Чешуйчатые люди и псевдособаки проявляли поразительный нюх.

Наконец, все остановились и стали исследовать землю во всех направлениях.

— Караван останавливался здесь! — сказал Дарнлей. — Впрочем, вот доказательства.

И он указал на следы, оставленные кольями палаток, валявшуюся на земле банку консервов и обрывок веревки.

Один из черных издал восклицание, сейчас же повторенное остальными. Чешуйчатые люди шарили по земле.

— Господин, — сказал говоривший по-английски негр. — Они и здесь были... взгляните, вот след ног.

Тревога отразилась на лице Дарнлея.

— Следов борьбы нет? — спросил он.

— Ни одного, господин.

Черный переводил глаза с Дарнлея на Мюриэль.

— Говорите, умоляю вас! — сказала молодая девушка.

Дарнлей сделал безнадежный жест; хитрить ни к чему, молодая девушка предположила бы самое худшее.

— Да, говорите, — сказал он, в свою очередь.

— Они делать караван пленник...

— Кто они?

— Те, кто, как люди...

Мрачный страх оковал Мюриэль; видения смерти стали осаждать ее мозг. Самуэль видел, как она побледнела.

— Не думаю, что они их убьют! — сказал он. — По крайней мере — не скоро.

Но он, казалось, уже пожалел, что обронил последнее замечание.

— Не будем терять времени! — прибавил он. — В путь!

Черные, Чешуйчатые и животные шли теперь по следу так же уверенно, словно похитители и пленники были перед их глазами. Прошли ту степь, где росли сосны, папоротники и косматые мхи. Последние разрослись до гигантских размеров, а высокие древовидные папоротники шумели при дуновении ветерка, укрывая в своей чаще стаи двуутробок.

Дарнлей ничего не говорил.

Так добрались до красного ущелья. Преследователи двигались осторожно; часто то один, то другой негр прикладывали ухо к земле. Чешуйчатые люди по временам

останавливались. Дарнлей знал, что они вопрошали пространство, будучи одарены чувством, подобным тому, каким обладают рукокрылые.

— Вы думаете, что мы подходим? — робко осведомилась Мюриэль.

— Нет еще, — сказал Дарнлей. — Они опередили нас на несколько часов. Мы не должны рассчитывать догнать их до сумерек, если они остановятся.

— А если не остановятся?

Дарнлей поднял брови, выражая сомнение.

— Но, — опять с трепетом начала Мюриэль, — вы надеетесь освободить наших друзей?

— Твердо надеюсь.

Видя заплаканное лицо молодой девушки, он решил объяснить некоторые подробности.

— По всей видимости это племя Красной Поляны. В него входит около ста пятидесяти воинов... Нас только сорок, но я послал за подкреплением. Итак, не беспокойтесь.

Один из черных указывал на место первой стоянки похитителей. Местность была обследована во всех направлениях, но так как ничего примечательного не нашли, преследование продолжалось. В красном ущелье остановились. Черные и Дарнлей закусили. Мюриэль с трудом проглотила сухарь. Что касается Чешуйчатых, то они питались папоротниковыми корнями и слизистым месивом, приготовленным из лишая.

В этот момент Чешуйчатый словно вырос из камня и тихо свистнул.

— Подкрепление подходит, — сказал Дарнлей.

— Боже мой! — прошептала девушка. — Так значит, будет бой?

— Может быть и нет... Те, из Красной Поляны, нас знают, и знают, что мы лучше их вооружены.

— Но ведь у них оружие пленных.

— Они не могут с ним обращаться.

Экспедиция подвигалась вперед с возрастающей предосторожностью.

Впереди шел отряд разведчиков, состоящий из черных, чешуйчатых животных и нескольких Чешуйчатых людей. Часа за два до сумерек разведчики вернулись. Дарнлей, переговорив с ними, вернулся к Мюриэль. Он был очень серьезен.

— Так и есгь: это с Красной Поляны, — сказал он. — Наши разведчики думают, что остались незамеченными.

Впрочем, как бы ни было, дело решится на месте. Они не могут покинуть своего жилья из-за жен и детей; к тому же дома они чувствуют себя всего сильнее. Приготовимся!

Он вынул из кармана флакон, налил несколько капель в крошечный стаканчик и сказал мисс Айронкестль:

— Примите. Это противоядие.

Мюриэль, не колеблясь, глотнула жидкость; то же сделал Дарнлей. Она видела, что их примеру последовали черные и Чешуйчатые. Черные употребляли для этой цели такие же стаканчики, как Дарнлей, прочие — что-то вроде трубочек, содержащих жидкость.

— Ну, вот мы и предохранены! В путь! — сказал Дарнлей.

Теперь стали подвигаться вперед быстро, не упуская все же из виду необходимых предосторожностей.

Дарнлей сообщил:

— Все эти племена обладают искусством наводить сон, путем сжигания или испарения некоторых веществ; но им известно также и противоядие, и мы сейчас его приняли. Принять его следует по меньшей мере за полчаса, чтоб оно успело подействовать.

— Когда мы доедем? — переспросила Мюриэль.

— И трех километров не осталось. Разрешите дать последние указания.

Он позвал двоих черных и союзников.

В продолжение нескольких минут речь чередовалась со свистом.

— Ну, мы готовы! — сказал исследователь, возвращаясь к Мюриэль. — Теперь остается только положиться на счастье.

...Мюриэль была поражена, когда увидела десятка полтора Чешуйчатых людей, взбирающихся на скалы. Достигнув вершины, они исчезали.

— Это настоящие техники Камня, — объяснил Дарнлей. — Им знакомы все выходы.

Снова замедлили ход. Люди и животные двигались в глубоком молчании. Дарнлей пошел за авангардом, приказав Мюриэль следовать за ним на расстоянии.

Прошло с полчаса, затем раздался свист; Дарнлей и его люди бросились бежать. Мюриэль не могла удержаться, чтоб не последовать их примеру.

Они достигли Красной Поляны. Поднимался дымок, распространявший ароматный запах. Несколько сот обэзумевших созданий кружились в бешеной пляске, а на земле лежала кучка людей, белых и черных.

— Отец! — воскликнула Мюриэль. И тише добавила: — Филипп!..

Дарнлей, черные и союзники его загородили выход. Чешуйчатые, казалось, выросли из скал; они метали воспламененные ядра, которые быстро сгорали, производя зеленый дым... Среди отряда, теснившегося у выхода из ущелья, десятка два Чешуйчатых выполняли тот же маневр.

Тем временем неистово вертящаяся толпа замедлила движение. Можно было различить существ двоякого рода: одни, похожие на спутников Дарнлея, вероятно, были мужчинами; другие, более коренастые и малорослые, со странными мешками обвислой кожи на груди, должно быть были женщинами. Наконец, более хрупкие создания, из них иные совсем маленькие, могли быть только детьми.

На минуту мужчины сбились в кучу, и Дарнлей наблюдал за ними с некоторой тревогой.

— Они побеждены! — сказал он Мюриэль, только что к нему подошедшей, — через несколько минут они будут обессилены, но возможен момент отпора, который стоил бы напрасных жертв.

Никакого нападения не последовало. Сначала свалились дети, затем упало несколько женщин и зашатались мужчины.

— Слава богу! — прошептал Дарнлей. — Они у нас в руках, мы пришли вовремя.

— А отец и его друзья? — простонала Мюриэль.

— Бояться нечего. Если б даже у меня не нашлось чем их разбудить, осталось бы только подождать, пока наркотическое средство потеряет свою силу. Но я давно во всеоружии.

Мужчины Красной Поляны падали теперь один за другим так быстро, что через каких-нибудь десять минут не осталось на ногах ни одного.

— Ну, это на несколько часов, — сказал Дарнлей.

Мюриэль была уже около отца, которого она конвульсивно сжимала в своих объятиях. Дарнлей извлек из кармана флакон прозрачной жидкости, открыл его и погрузил в него тонкий шприц.

Затем он сделал в последовательном порядке уколы Айронкестлю, Маранжу, Фарнгему, Гютри, Дику и Патрику, после чего всем черным, а спутники его тем временем развязывали их путы.

Мюриэль ждала с замиранием сердца.

Прежде всех проснулся Айронкестль, затем Маранж и

сэр Джордж. Несколько минут они были, как в тумане. Наконец, глаза Гертона вспыхнули: он увидел свою дочь и радостно вскрикнул. Затем он увидел Дарнлея и начал вспоминать.

— Что случилось? — прошептал он. — Ведь мы попали в плен.

— Вы освобождены! — сказал Дарнлей, пожимая ему руку.

Филипп и сэр Джордж в свою очередь пришли в себя. При виде Мюриэль Филипп пришел в радостное неистовство:

— Спасена! Вы спасены!

Последним проснулся Гютри. Стряхнув с себя туман, он испустил крик ярости. Вид валявшихся на земле Чешуйчатых гипнотизировал его. Он бросился к ним и швырнул двоих в воздух с яростным гиканьем.

— Остановитесь! — закричал Гертон. — Ведь это побежденные.

Сконфуженный Гютри опустил бесчувственные тела на землю.

— Вот мой друг Дарнлей, — представил Айронкестль. — Благодаря именно ему мы избегли...

Он остановился, а сэр Джордж спросил:

— От какой же опасности нас избавили? От смерти? Дарнлей улыбнулся:

— Я не знаю. Во всяком случае не от немедленной смерти. В момент, когда мы подросли, вы должны были удовлетворить их аппетит... особенным образом. Они не едят мяса, но пьют кровь. Когда дело касается им подобных или местных животных, от этого редко происходит смерть. Но, быть может, вы слишком бы ослабели... И, следовательно, не могли бы оправиться. В этих местах живые существа приспособились к очень длительным постам и к значительным потерям крови.

— Так эти скоты — вампиры! — с отвращением брюзжал Сидней.

— Только не в легендарном смысле, — смеялся Дарнлей.

Эпилог

ЛЕГЕНДА О РАСТЕНИЯХ

— Эта рыба удивительно напоминает лаксфорель! — заметил Гютри, евший с наслаждением.

— Да, — ответил Дарнлей, — вкусом — бесспорно, но что касается рода и вида — дело совсем другое: здесь ее скорее можно сравнить с чебаком... На самом же деле ни в одной из известных классификаций ей не отводится места.

— Во всяком случае в моем желудке я ей отведу почетное место! — пошутил Гютри.

Собеседники завтракали в гранитном зале, обязанном своей обстановкой изобретательности негров и Чешуйчатых и работе Дарнлея. Его нельзя было упрекнуть даже в отсутствии комфорта: здесь были мягкие сиденья. Что касается ножей, вилок, тарелок и блюд, караван, вернувшийся целым и невредимым, привез их полный комплект.

В просветы виден был пейзаж, состоящий из красного камня, чередующегося с соснами, папоротниками, гигантскими мхами и чудовищными лишаями.

Путешественники, вернувшиеся за три-четыре часа до зари страшно усталыми, заснули и спали, как медведи.

— Здесь нет мимоз? — спросил Гертон.

— Нет, здесь мы у себя, — ответил Дарнлей, — так как все эти сосны, папоротники, мхи и лишай так же безоружны, как на нашей старой родине. Засилье царства растений начинается у сосудосеменных и достигает полного расцвета у мимоз.

Черные подали жаркое из антилопы, которому Сидней воздал должное внимание.

— Разве животные и тот сорт людей, к которым мы попали в плен, не имеют никакого средства защиты против растений? — спросил сэр Джордж.

— Против высших, или тех, которые, по крайней мере, здесь являются высшими, у них одно средство — держаться вдали или же беспрекословно повиноваться законам и декретам. Полная свобода, как я уже говорил, в отношении голосеменных и, аfortiori, тайнобрачных, но с односеменодольных уже начинается опасность и далее все возрастает, хотя несколько ненормально. Неизвестно, почему всемогуществом облечены мимозы, а не те или другие из сростнолепестных. *Apriori* хотелось бы думать, что низшие растения должны бы погибнуть. А между тем они процветают, они занимают почти такое же пространство, как и другие. Мне кажется, я открыл причину. Высшие растения истощают землю; поэтому они нуждаются в растениях низших. Последние, то постепенно вытесняя господствующие растения, то произрастая вместе с ними, возрождают почву. Взамен господствующие расте-

ния завладевают землей, удобренной другими. И в особенности примитивные растения разрастаются вокруг высоких, долговечных деревьев. В этом случае их присутствие служит для поддержания непрерывной деятельности почвы.

— Это могло бы вдохновить писателей на восхваление гармонии, существующей в природе, — заметил Филипп.

— Да, — ответил Дарнлей, — и на этот раз они были бы правы.

— Меня всего больше интересуют, — заметил Гютри, забирая изрядную порцию антилопы, — отношения между растениями и животными... В частности, теми чудовищами, которые чуть было не выпили нашу кровь... В конце концов, животные могли существовать...

— По многим причинам, из них главные две. Прежде всего, там, где растут голосеменные и тайнобрачные, люди и животные живут, как у нас: они употребляют растения, как им заблагорассудится. Те, кто выполняет здесь роль людей, могли бы даже заняться возделыванием растений, с тем ограничением, что их земли всегда под угрозой захвата со стороны некультивируемых растений, борьба с которыми невозможна.

Вторая причина, это то, что им не воспрещается, если они подчиняются законам, передвижение среди высших растений, они могут даже заимствовать у них кое-какую пищу... Периодически травоядные могут пастись на их территории, безнаказанно поедая злаки, мхи, лишай, папоротники, сосновые побеги. Когда такой период истекает, они предупреждаются о том самым вкусом растений, начинающим внушать им непобедимое отвращение, и, кроме того, отравой, выделяемой ими *in tempore opportuno*. Наконец, есть плоды, неизвестно, по какой причине, разрешенные, их узнают по прикосновению и по запаху. Семена и плоды запрещенные сейчас же причиняют чувство недомогания и издают резкий запах. Ни одно животное не ошибется. В итоге, жизнь животных здесь менее подвержена опасности, чем под ферулой человека. Она подчинена только другим ограничениям, вознаграждаемым реальными выгодами.

— Мы убедились, — сказал сэр Джордж, — что законы имеют тем более шансов на выполнение, что некоторые ненарушимы под страхом смерти.

— В известной среде все они ненарушимы, — сказал Дарнлей. — Всюду, где разрастаются мимозы, правила не терпят никаких изъятий. Да и в других местах нарушение

влечет наказание, достаточно быстрое и суровое, чтоб заставить животных и Чешуйчатых повиноваться. Прикосновение к мимозе причиняет недомогание или боль; а если мимоза крупная, она сумеет держать вас на расстоянии при помощи какой-то силы отталкивания, природа которой мне неизвестна. Вы видели, что при помощи другой силы, силы давления, они могли остановить всякое движение. И, наконец, как вы тоже могли убедиться, они располагают властью усыплять. И они великолепно умеют координировать свои силы: ни одно растение в отдельности, будь то гигантских размеров мимоза, не смогло бы парализовать ваш караван на расстоянии. Наконец, мимозы, находясь по соседству от сосудосеменных, которым угрожает опасность, могут помочь им, заражая их под землей лучеиспусканием или снабжая защитной жидкостью.

— В присланных вами заметках, — сказал Айрэнкестль, — вы пишете, что не знаете, являются ли поступки ваших растений следствием интеллекта. Однако мне кажется, они тесно с ним связаны.

— Может быть да, а может быть — нет. В поступках растений есть известная логика, но эта логика так безусловно отвечает обстоятельствам, так идентична количественно и качественно, во всех случаях защиты от одинаковой опасности, словом, так лишена капризности, что я не могу сравнить ее с человеческим разумом.

— Так, значит, это род инстинкта!

— Тоже нет. Инстинкт — это нечто застывшее; его предусмотрительность касается только повторных явлений; поступки же господствующих растений проявляются во всем разнообразии отдельных явлений. Они отвечают на мгновенность, какова бы она ни была, лишь бы она содержала опасность. В этом смысле, растительная реакция походит на явление природы, с той разницей, что она самопроизвольна и разнообразна, что делает ее похожей на интеллект... Это явление, не поддающееся классификации.

— Вы считаете безусловным, что растениям отводится неминуемо доминирующая роль над животными и людьми?

— Я в этом уверен. Здесь все приспособлено к потребности господствующих растений. Соппротивление животных было бы тщетным. Я, например, не нашел способа избежать их закона...

— Однако, если б здесь основалась энергичная, способная к творчеству раса, как, например, англо-саксонская?

— Я убежден, что она должна бы была покориться.

Впрочем, как вы могли почувствовать, даже отчасти наблюдать, царство высших растений не имеет разрушительной тенденции по отношению к царству людей. Животное не третировается грубо; соблюдая законы, оно может существовать и не принуждается к работе.

— А его развитие?..

— Вы видели, что здесь оно совсем иное, чем в другом месте. Рептилии, например, не стоят на низшей ступени, чем млекопитающие. Это почти живородящие животные, часто покрытые шерстью, и смысленные. Что касается псевдо-людей, они представляют некоторое сходство с двуутробными. Женщины снабжены сумками, в которых развиваются детеныши. Но происхождение их иное, чем у сумчатых. Как вы имели возможность констатировать, тело их покрыто одновременно чешуей и волосами. Они обладают чувством, которого мы не имеем и которое я называл бы чувством пространства. Оно служит дополнением к зрению. У них нет членораздельной речи, но они великолепно объясняются посредством свистящих модуляций, в которые входит повышение и понижение тона, созвучность, известные переходы, повторения, а также короткие и длинные ноты. Число комбинаций, которыми они располагают, по правде сказать, бесконечно и, если бы понадобилось, превзошло бы все сочетания наших слогов. По-видимому, у них совершенно отсутствует чувство пластической красоты: мужчины и женщины, если можно их так назвать, привлекают друг друга единственно звучностью голоса.

— Значит, при выборе первое место отводится музыке?

— Странной музыке, не имеющей для наших ушей никакого смысла, да и для слуха птиц то же самое. Тем не менее в ней должна быть красота, которой мы не подозреваем, и ритм, не в нашем, конечно, смысле. Я пытался составить себе об этом какое-нибудь представление, хотя бы самое смутное... и должен был от этого отказаться. Для меня было невозможно открыть в ней что-либо, что походило бы на мелодию, гармонию или меру. Что касается степени их общественного развития, оно остановилось на стадии племени, делящегося на различные кланы. Я не мог открыть ни малейшего следа религиозности. Они умеют выделывать орудия и оружие, очень сложные яды, сильные снотворные, минеральные материи, похожие более на мягкий фетр, чем на ткани; живут они в скалах, где роют целые города пещер, с многочисленными разветвлениями...

— Вы разговариваете с ними?

— Жестами. У них слишком притупленные чувства, чтоб мы могли приспособиться к их языку. Я внес усовершенствования в словарь знаков, и с его помощью мы можем обмениваться всеми мыслями практического характера; но мне не удалось перейти пределов предабстракции, я хочу сказать, абстракции, относящейся к повседневности. В области «идейной» абстракции — ничего.

— Вы в безопасности среди них?

— В полнейшей. Им неведомо преступление, то есть нарушение обычаев расы или принятых условий, отсюда редкая честность, столь же твердая и непоколебимая, как закон притяжения. Союз с ними имеет непреложную силу.

— В таком случае, они лучше нас! — провозгласил Гютри.

— Морально, — вне всякого сомнения. Впрочем, моральность земли вообще выше моральности мира людей... ибо ведь есть особого рода автоматическая мораль в гегемонии мимоз, благодаря которой всякое истребление ограничено строго необходимым. Даже среди плотоядных животных вы нигде не встретите бесцельных расточителей жизни своих жертв. Впрочем, многие из плотоядных просто кровоядные: они пьют кровь жертв, не убивая их и не обессиливая окончательно.

Наступило молчание. Черные подали какие-то неведомые плоды, напоминавшие землянику, только крупную, величиной с апельсин.

— В итоге, вы не чувствовали себя здесь несчастными? — спросил Филипп.

— Я не думал ни о счастье, ни о несчастье. Любопытство держит постоянно в напряжении мою мысль, чувства и впечатления. Не думаю, чтоб я когда-нибудь имел мужество покинуть эту землю.

Гертон вздохнул. В нем тоже пробуждалось жадное любопытство, но его взгляд упал на Мюриэль и Филиппа; судьба влекла эти юные сердца в иное место.

— Волей-неволей в продолжение четырех месяцев вы будете моими товарищами, — сказал Дарнлей, — через несколько недель начинается период дождей, во время которого путешествие невозможно.

Наполовину утешенный, Гертон думал о том, что в четыре месяца он сможет собрать много ценных наблюдений и проделать бесподобные опыты.

— Впрочем, — опять заговорил Дарнлей, обращаясь больше к Сиднею, сэру Джорджу и Филиппу, чем к Герто-

ну, бескорыстие которого было ему известно, — вы не уйдете отсюда нищими! В этой красной земле столько золота и драгоценных камней, что можно обогатить тысячи людей.

Гютри любил слишком много вещей в этом бешеном мире, чтоб остаться равнодушным к богатству. Сэр Джордж уже давно мечтал реставрировать свои Горнфельдские и Гаутауэрские замки, которым угрожало близкое разрушение; Филипп подумал разом о Мюриэль и о Монике, созданных для блестящей жизни.

— Сейчас я покажу вам, — сказал хозяин, — бренные сокровища, собранные геологическими конвульсиями в этой почве.

Он позвал одного из черных и отдал распоряжение:

— Принеси голубые сундучки, Дарни.

— Не подвергаете ли вы искушению этого честного малого? — спросил Гютри.

— Если б вы его знали, вы не спросили бы этого. Дарни — это верный пес и добрый негр в одном лице. Кроме того, он знает, что если я отвезу его когда-нибудь в Америку — так как он из Флориды, — он будет так богат, как только захочет. У него и тени сомнения в этом нет. А пока он вполне доволен своей судьбой. Вот образчики!

Дарни вернулся с тремя довольно объемистыми шкапулками, которые он поставил на стол.

Дарнлей небрежно отпер их, и Гютри, Фарингем и Маранж вздрогнули. В шкапулках были бесчисленные алмазы, сапфиры, изумруды и чистое золото. Эти сокровища не ослепляли глаз: необработанные камни казались какими-то минералами, но Сидней и сэр Джордж знали в этом толк, а Филипп не сомневался в компетентности Дарнлея...

Когда первый момент ошеломления прошел и ослепительные мечты зароились в воображении, Гютри стал смеяться.

— К нам, волшебная палочка! — крикнул он.

Герстон и Самуэль Дарнлей смотрели на эти камни с искренним равнодушием.

ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ

*Бин-Вальмерову и моему другу и соратнику
Ж. Рони-старший*

Роман «Звездоплаватели» («Les Navigateurs de l'infini», 1925) был опубликован на украинском языке в Харькове в 1930 году. На русский язык ранее не переводился, хотя, возможно, именно он был анонсирован в издательстве «Пучина» в 1927 году под названием «На загадочной планете». Переведен в последние годы на венгерский и немецкий языки. Продолжением романа является книга «Астронавты» («Les Astronautes»), вышедшая уже после смерти писателя, в 1960 году. Оба романа публиковались в виде комиксов в «Юманите» в 1974 году.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Все готово. Полностью прозрачная, изготовленная из лучшего алюминита оболочка звездолета крепка и упруга. Она практически неуязвима, до недавнего времени нельзя было и мечтать о подобном. В центре аппарата имеется механизм, создающий собственное поле тяготения, — с его помощью людям и вещам обеспечивается нормальный вес.

Вместимость звездолета равна почти тремстам кубическим метрам. В течение десяти месяцев мы будем получать кислород из воды. Участники экспедиции, облаченные в герметичные алюминитовые скафандры, смогут путешествовать по Марсу при земном атмосферном давлении. Для дыхания в нашем защитном снаряжении предусмотрены преобразователи сжатого воздуха. Кстати, мы можем и совсем не дышать в течение нескольких часов, — аппараты Сивероля, непосредственно насыщающие кровь кислородом и заменяющие легкие, помогут нам в этом. На звездолете имеется запас консервированного и сжатого продовольствия на девять месяцев. Эта пища не теряет своих качеств, ей при необходимости может быть возвращен природный, первоначальный объем.

Лаборатория поможет странникам эфира сделать любые анализы: физические, химические, биологические. Мы хорошо вооружены и готовы к самым невероятнымключениям. Еще бы, ведь у нас есть практически все необходимое: энергия для полета протяженностью в три года, постоянное поле тяготения, нормальный воздух, питье и еда.

По расчетам мы будем три месяца лететь до Марса, и еще три месяца уйдет на возвращение. Следовательно, у нас есть целых три месяца на то, чтобы исследовать планету.

ЛЕТИМ

8 апреля. Наш корабль плывет среди вечной ночи. Солнечные лучи, проходящие через алюминит, были бы небезопасны, если бы у нас не было устройства, которым

мы можем по своему желанию ослаблять и рассеивать свет, а то и совсем не пропускать его.

Жизнь наша идет пуритански, почти как в тюрьме. В мертвых просторах звезды кажутся однообразными блестящими точками, наша работа — управление и наблюдение. Заранее было намечено все то, что должны делать приборы и механизмы до прилета. Неисправностей нет, мы живем, будто связанные с машинами. Но для досуга у нас есть книги, музыкальные инструменты, игры.

Нас подбадривают авантюристский задор, надежда на приключения, хотя она и приглушена долгим ожиданием.

Мы летим с огромной скоростью, но без вибрации: наши двигатели-преобразователи и генераторы работают бесшумно. Точно так же и пуля, пущенная в межзвездном пространстве, ни единым звуком не выдает себя...

21 апреля. Мои часы показывают 7 часов 33 минуты. Только что поели: жидкий шоколад, хлеб и сахар — все химически синтезировано. Увеличение содержания кислорода придало нам аппетит и, можно сказать, развеселило. Смотрю на обоих своих товарищей с каким-то новым чувством: в этой бескрайней пустоте они для меня дороже, чем родные братья.

Вот Антуан Лург, он с детства был таким же насупленным. Но в этой суровости скрывается веселый нрав. У него бывают взрывы радости, подобные взбрыкиваниям молодого жеребенка. Голова Лурга грубо высечена. Это продолговатая голова скандинава. А волосы совсем не скандинавские: черные, как смоль. И глаза точно два уголька. Подбородок, как пеньковая почерневшая трубка. Роста он высокого, а походка у Антуана плавная. Его слова точны, как теорема, и это подчеркивает его математические наклонности.

У Жана Кавалья волосы рыжие и напоминают лисью шерсть. Точно звезды, сияют серо-зеленые глаза. Лицо у него белое, как деревенский сыр, покрытый розовой пленкой. Широкий рот с какой-то веселой ухмылкой придает жизнерадостность всему его облику. Это доброе существо с наклонностями художника ненавидит математику и физику и, вместе с тем, это волшебник, который умеет разбираться и видеть безмерно большие и малые величины. Этот враг дифференциального и интегрального исчислений со скоростью молнии производит в уме сложнейшие расчеты, и цифры встают перед ним огненными символами.

И я, Жак Лаверанд, обыкновенный человек, интересую-

щийся всем, кавалер Единорога, с холодным темпераментом под внешностью южанина. Кудри, глаза и борода у меня черные, как антрацит, точно ваш покорный слуга вырос где-то в Мавритании, лицо, как корица, нос заправского пирата.

Хулиганы группами задирали нас еще в школе, и с того времени мы друзья не столько пылкие, сколько верные.

Наверное, в сотый раз Антуан бурчит:

— Кто его знает, может, только Земля породила жизнь... И тогда...

— И тогда Солнце, Луна и звезды сотворены исключительно для нее! — кипятится Жан. — Вранье! И там есть жизнь!

— Так оно и есть, — говорю я, делая утвердительный взмах рукой.

Антуан изрекает с хмурой усмешкой:

— Конечно, я тебя понимаю. Сейчас ты скажешь про общность всех элементов Вселенной. Но разве это доказывает наличие жизни?

— Я верю в нее, как в собственное существование!

— А разве это доказательство наличия мыслящих?

— И мыслящих и немыслящих... Все формы жизни должны быть там, причем, возможно, есть и такие, перед которыми наше мышление будет подобно мышлению краба.

— Благодарю за краба, — поклонился Жан. — Я их очень уважал и любил в детстве.

— Пятьдесят полетов на Луну и никаких результатов, — сказал Антуан.

— Может быть, плохо искали, а может, жизнь там не похожа на нашу.

— Да она и не может быть похожей! — вскричал Антуан с укоризной. — На Луне имеются те же самые основные элементы, что и на Земле, ее развитие шло быстрее, чем у нас, — меньшие растут, живут и умирают скорее, чем большие...

— Если бы на Луне были моря, озера и реки, тогда бы ее покрывала атмосфера... Разве мы не убедились в ее отсутствии?

— А если это было миллиарды лет назад? За такое время и ископаемые остатки мира, подобного нашему, пропали бесследно.

— Да, пропали кости. Но некоторые следы должны были остаться!

— Бесполезно пререкаться. Что же касается Марса, то его развитие должно более походить на наше.

— А разве кто сомневается в этом? — спросил Антуан. — Потому-то я и направляюсь туда.

— Врете! — отрезал Жан. — Вы направляетесь туда из спортивного интереса и жажды славы. Вам очень хочется быть первыми людьми, которые побывают на Марсе! Ну и что ж? И хорошо, что мы одержимы и авантюры, как те бедолаги на каравеллах!..

Тянулись дни, еще длиннее и однообразнее в черной бездне Вселенной, среди вечного неведомого. Пространство, что конкретно скрывает оно в себе? Этого не знали мы, так же как не знали те, кто верил в безжизненность его, и те, кто предполагал миры четырех, пяти, шести измерений, как не знали Зенон и Декарт, Лейбниц и наш Арно — завоеватель межпланетных просторов.

Однажды утром Антуан, а он очень дальнзоркий, воскликнул:

— А Марс уже не похож на звезду!

В нашей однообразной жизни это прозвучало, как какое-то великое событие.

С того дня каждое утро мы измеряли жадными глазами величину Марса. Чем дальше, тем больше планета принимала отчетливую форму.

Если посмотреть невооруженным глазом, она походила на маленькую Луну, сначала такую маленькую, что казалась точкой по сравнению с нашей, но уже явно шарообразной. После трех или четырех дней мы заметили, что эта точка увеличилась и, наконец, диаметр Марса достиг уже пятой части диаметра нашей Луны. Теперь это был маленький красный месяц.

— Так и хочется сравнить, — сказал Жан. — Марс — точно маленькие женские часики, а наша Луна — как большой хронометр.

Далее, постоянно увеличиваясь в размерах, красная планета уже превышала размерами и Луну, и Солнце. В телескоп мы отчетливо видели поверхность Марса: горные кряжи, просторные равнины, гладкие плоскости, может быть, вода или лед, какие-то белые поверхности, — возможно, покров снега.

А если смотреть невооруженным глазом, то виден величественный диск в 20, 50 и, наконец, в 100 раз больше Луны.

Вблизи он кажется менее ярким. Сначала он блестел, как медный таз, потом побледнел, стал темноватым, теперь кажется, что он состоит из металла, смешанного с глиной, причем в окраске преобладают красный тон и раз-

ноцветные пятна. А вокруг в шальном вихре танцуют два спутника Марса.

1 июня. Звезды мы уже не видим. Марс теперь — это целый мир, хотя еще и далекий. Глаза дразнят неясные очертания гор, равнины, большие долины, которые приближаются все быстрее, так как наша скорость увеличивается.

Вот и опасный момент спуска. Мы готовы. Начали торможение звездолета. Жан следит за спуском. Мы падаем, регулируя скорость снижения собственным полем тяготения. Наши приборы показывают время и расстояние. Нужно подлететь к Марсу со скоростью, равной нулю.

Если не будет неожиданностей, то это совсем простая вещь. Больше всего нужно опасаться легкого толчка при достижении поверхности. Однако опасность невелика. Мы точно управляем снижением.

Плавно опустили. Наше тормозное поле выключено. Мы на Марсе!

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мы находимся возле экватора на просторной равнине, окаймленной высокими холмами, вернее — горами. Кажется, воды нам тут не найти: в бинокль не видно и следа какой-нибудь речки или озера, нигде ни болота, ни ручейка.

При подлете на полюсах что-то блесло, но мы были уверены, что там лютый холод, потому и сели здесь. Достаточно одного часа и наш корабль может сделать оборот вокруг планеты.

— Как я легко себя чувствую! — промолвил Жан после некоторого молчания.

— Я тоже, — согласился Антуан.

— И я, — добавил ваш покорный слуга. — Кажется, что легко можно перепрыгнуть десятиметровую яму.

— Но не могу сказать, чтоб это чувство было приятно. Мы должны привыкать постепенно. А пока нужно увеличить поле притяжения внутри корабля.

Через наши смотровые люки мы оглядывали местность и в бинокль, и без него. Грунт сухой, твердый, как камень, красно-бурого цвета, производит неприятное впечатление.

— Мы видели, — сказал Антуан, — что эта долина находится между высокими и средними горами, и что к ней сходятся каналы. Кроме того, температура тут должна

благоприятствовать сохранению влаги более, чем на возвышенных местах.

— А разве мы были уверены, что найдем здесь воду? Хорошо бы хоть водяные пары! Во всяком случае, если мы не увидим растительности в этом месте и других, самых благоприятных, то придется сделать вывод, что Марс еще большая пустыня, чем наши земные пустыни.

— Вот так и заканчиваются научные споры, — подытожил Антуан, — взгляните же туда!

Мы посмотрели и увидели какие-то необычные фигуры. Своим цветом они почти не отличались от окружающей земли, красной или красноватой, бросалась в глаза лишь форма. Прошло несколько минут, и мы насчитали четыре разновидности этих форм.

Первая из них — зигзагообразные линии. На каждом повороте их был какой-то узел. Все это тесно прилегало к земле. Ширина линий была вдвое или втрое больше их высоты, а высота была не менее двух или трех сантиметров.

Фигуры другого вида представляли собой спирали с неправильно закрученными витками, с большим сгустком в центре. Они тоже вплотную жались к земле и были немного крупнее, чем первые.

Третий вид был сложнее первого: из большого узла расходилось много зигзагообразных линий, на которых не было утолщений.

— Точно спруты, которые распластались по земле и выпустили свои страшные щупальца, — резюмировал Жан.

— Да еще и без глаз, — дополнил я.

— А что же это такое? — заинтересовался Антуан.

— Может, это создания из мира минералов или какие-то растения. Что-то не видно, чтобы они двигались.

— Совсем не видно, — согласился Жан, глядя в бинокль на удивительные фигуры.

— Приближимся!

Вблизи мы увидели, что поверхность этих фигур была покрыта какими-то полупрозрачными пупырышками и разноцветными пятнами, среди которых, однако, преобладал красный цвет.

— Все это похоже на растения, — вывел умозаключение Антуан.

Мысль Лурга скоро подтвердилась, так как мы видели еще и свитые фигуры спиральной формы с отростками, причем самые маленькие достигали 5, 10 и 20 метров.

— А ну, продвинемся немного дальше, может, там найдем воду! — потребовал Жан.

Пустили в ход двигатели и с малой скоростью, километров 15 в час, часто останавливаясь, проехали некоторое расстояние, но воды нигде не было видно.

Помчались быстрее к горам, но все попусту: те же самые камни, пустынный вид, как на Луне, те же странные растения, причем далее их становилось меньше.

Возвращаясь, мы сделали интересное открытие: в месте, где было много этих химерных растений, Жан показал нам на какие-то тела, которые двигались. Они тоже были плоскими, померанцевого цвета с голубыми или фиолетовыми пятнами.

Скоро мы заметили у них суставчатые отростки, лапы или щупальца, на которых существа скорее ползали, чем ходили. То, что у них соответствовало туловищу, имело такие неправильные очертания, что трудно было и сказать про какую-то определенную форму.

Поверхность их тела напоминала мох, она была со многими углублениями, выступами, бугорками. Пролетая дальше, в глубину долины, мы скоро увидели других существ, чей вид лишь немного отличался от первых.

Все они поражали неправильными очертаниями и плоскими телами, поверхность которых тоже напоминала мох или же морские губки. Мы различили примерно 12 разных видов. Два из этих существ достигали в длину 100 футов.

Невозможно было определить, есть ли у них какие-либо органы или головы, хотя у всех были отростки, которые напоминали лапы-щупальца.

— Очень непонятны эти суставчатые лапы, — заявил Жан. — Очевидно, голова должна быть впереди, хотя то, что там находится, похоже скорее на гроздь каких-то моховых губчатых ягод.

— Если это голова, то она складывается из многих отделов, соединенных между собой. Я не вижу тут ничего, что наводило бы на мысль об органах чувств, ничего, что хоть немного напоминало бы глаза, уши, ноздри... Кажется, и рта нет, если только он не запрятан под этим мхом или губками. И те из существ, которые останавливаются перед химерными растениями, совсем, кажется, не едят их.

— А воды все нет!..

— Может, она здесь под землей, если только влага нужна этим существам.

— Пора бы уже исследовать состав атмосферы, ее давление и гидрометрическое состояние.

Эту работу поручили мне, и я вошел в узкую камеру, которая могла сообщаться с внешней средой. Двери, которые вели туда, закрывались так тщательно, что не было никакого контакта с воздухом других помещений корабля. Оттуда можно было выдвигать измерительные приборы в окружающее пространство.

Я выяснил то, что нам надо было узнать в первую очередь — открыл коммутатор и установил, что давление достигает девятинаста миллиметров, а температура составляет пять с половиной градусов выше нуля. Очень важно было уточнить гидрометрическое состояние. Наконец, после измерений выяснилось, что водяные пары все же есть.

Когда я уведомил обо всем товарищей, Антуан даже воскликнул:

— А ты правду сказал, что температура — пять с половиной градусов выше нуля?

— 278,5 градусов абсолютных!

— Это невозможно! Я ожидал, что будет гораздо холоднее. Также меня удивляет и давление. Ну а что до водяных паров, то с этим я соглашусь.

— Соглашаешься ты или нет, возможно это или невозможно, но все так, как я вам сказал!

— Тогда это какая-то загадка, даже две загадки!

— Может, и десять, — усмехнулся Жан, — и эти загадки, наверняка, кроются в атмосфере Марса, которая, без сомнения, больше, чем наша, защищает от теплоотдачи. Обязательно нужно исследовать ее.

За каких-то полчаса мы закончили приблизительный анализ воздуха. Поражало содержание кислорода — его было почти $\frac{2}{7}$ от взятой пробы, азота — $\frac{1}{3}$, незначительное количество какого-то неизвестного газа, $\frac{1}{10\ 000}$ двуокиси углерода, кроме того еще разные добавки в очень незначительном количестве, иногда лишь следы.

— Выходит, что мы тут точно у себя дома, — заключил Антуан и повеселел.

— А я все же думаю раскрыть загадку. Могу поспорить, что неизвестный газ и обуславливает ее.

— Посмотрим... А так как здесь есть кислород, то мы сможем выходить наружу, вооружившись только нашими респираторами, и обновлять сколько угодно запасы звездолета.

— А не выйти ли нам сейчас?

— Скоро вечер, — запротестовал Антуан. — Конечно, нам легко будет достичь освещенных мест, но мне хотелось бы увидеть ночь на Марсе.

В разреженном воздухе сумерки прошли еще быстрее, чем у нас в тропиках.

Далеко на западе садился огненный диск солнца, на миг он точно повис над двумя вершинами гор и быстро пропал. Сразу же засияли звезды в необычно чистом небе.

Вид был примерно такой же, как и тот, который нам пригляделся во время полета к Марсу, но он произвел особое впечатление на Жана, который начал сыпать поэтическими эпитетами и наизусть читать стихи. Мы уже хотели зажечь свет, как вдруг нас поразило необычайное явление.

Со всех сторон мы увидели фосфоресцирующие переливы, которые светились так нежно, что сквозь них были видны звезды. Необычайно разнообразны были оттенки этого света.

Переплетающиеся переливы образовывали светящиеся колонны — горизонтальные, вертикальные и наклонные. Они часто соединялись и были разных оттенков: от желтого до темно-фиолетового. В них трепетали светлые нити меняющегося цвета, своеобразно дрожа и переплетаясь меж собой.

Эти образования были ярче, и все же и сквозь них виднелись звезды, но менее яркие.

— Сияние почти такой же силы, как Млечный путь, — сказал Антуан.

И действительно, Млечный путь было хорошо видно через светящиеся колонны и менее — сквозь сплетения из нескольких светящихся линий. Немного погодя мы заметили, что фосфоресцирующие создания довольно свободно перемещались в центре колонн, иногда быстрее, иногда медленнее, останавливались, возвращались назад. Казалось, что они пронизывали эти колонны винтообразными движениями, достигая при этом большой скорости, иногда до 12 метров в секунду. Фиолетовые создания были еще стремительнее.

— Может, это что-то живое? — понизив голос, спросил Жан.

— Навряд ли, — ответил Антуан, — а впрочем, кто знает...

Иногда, хоть и редко, светящиеся создания вырывались из колонн и четко вырисовывались на темном фоне неба. При этом их движения становились резче и беспорядочнее.

— Это очень похоже на что-то живое, — снова сказал Жан. — Однако, я никогда бы не поверил...

— Да и не нужно верить. Ограничимся тем, что действительно есть и еще может быть... Это, возможно, и является чем-то живым. Еще одна загадка.

— Может быть, какая-то эфирная жизнь или жизнь тумана?

— Во всяком случае, это марсианское явление, тем более, что ничего подобного мы не видели в межпланетном пространстве. Бесспорно, тут имеют значение и эфир, и туманные образования.

Теперь мы смотрели через бинокли. Свечение в колоннах оставалось более-менее постоянным, а сияние движущихся фигур менялось так гармонично, что казалось какой-то светящейся симфонией.

И еще одно чудо поразило нас: некоторые из колонн наталкивались на звездолет, и тогда сияние пропадало в момент прикосновения к оболочке звездолета и снова появлялось на противоположной стороне. Разъединенные части соединялись тонкими волокнами, которые окружали наш корабль. Вообще говоря, колонны были прямые, а если попадались немного искривленные, то совсем не приметно. Очевидно, разорванные части появились уже после того, как мы прилетели сюда, и теперь соединялись.

Чтобы проверить это, мы переместили звездолет и разбили несколько колонн. Те, что оставались позади нас, соединились довольно быстро, а тем, которые сами проходили через звездолет, на это требовалось больше часа. Что же касается движущихся фигур, то всюду, где случался разрыв, они бросались прочь, в темноту. Некоторые оставались там, а другие снова возвращались в колонну или часть разбитой колонны.

— Вот так чудо! — воскликнул Антуан. — Если это не организмы, то не подобны ли они также и нашим метеоритам.

— Я решительно высказываюсь за то, что это живые организмы, — подал голос Жан. — Живые существа на Марсе, очевидно, принадлежат к такому виду, что нечего и думать про какую-то разумную связь с ними.

— Это мы еще посмотрим, — возразил я. — Возможно, что имеются другие формы жизни, а потом, разве мы знаем их свойства? Может, между ними и нами найдется что-то общее — разумное. Суть в том, что если это живые существа...

Антуан перебил меня:

— Дальше будет видно. А теперь я бы хотел выработать меры предосторожности.

— Одно другому не мешает, — не сдавался я. — Так вот, я наблюдаю и говорю себе: а может, на Марсе жизнь сложнее, чем на Земле? Может, тут произошла большая эволюция, и есть третий путь развития жизни. У меня вырисовывается уже некая система — пока в грубых чертах. Вы, наверное, заметили, что в светящихся созданиях есть частицы бледнее, словно вакуоли в их массе... Так я зафиксировал, что движения этих существ быстрее, правильнее, и они более уверенно изменяют направление, чем больше в них вакуолей. Сравните те из них, которые имеют пять или шесть вакуолей с теми, где одна-две, разница большая.

Так оно и было. Существа со многими вакуолями двигались со скоростью от 300 до 700 километров в час, а существа с одной-двумя имели почти в десять раз меньшую.

То тут, то там некоторые из них останавливались. Мы заметили, что во время этих остановок нижние светящиеся линии соединялись с теми из существ, которые имели малое число вакуолей. Яркость нитей была не постоянной — они то светлели, то темнели, но мы не могли уловить в этом какую-либо ритмичность. А когда существа начинали двигаться, нити сразу же отрывались.

— А знаете, что это? — спросил Антуан. — Эта изменчивость нитей — способ свободной связи между ними. Это очень похоже на разговор. Еле заметные колебания света подобны нашим звуковым.

— Тогда выходит, — подвел итог Жан, — ты уверен, что это живые существа, хотя они и совсем не похожи на самые смелые предположения наших ученых и фантастов.

Еще немного понаблюдали мы за этим удивительным явлением, но ничего нового не открыли, кроме того, что уже видели. Потом зажгли свет — при свете существ не было видно — и стали ужинать.

Если все будет и дальше так, как сегодня, то нам придется лишь ночами знакомиться с этими светящимися существами...

НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ И ГИГАНТЫ

— А что теперь делать? — спросил Жан, когда мы поужинали.

— Если ты спрашиваешь, чего бы хотел я, то, конечно, достигнуть мест, освещенных солнцем.

— Надеешься, что там будут организмы более близкие нам?

— Да... Даже те, которых мы видели днем, были ближе к нам, чем эти светящиеся создания.

— А может, сначала исследовать тщательнее атмосферу? — предложил Антуан.

Как и следовало ожидать, и на этот раз мы получили те же самые данные, что и при первом анализе. Только не удалось выяснить, что представляет собой неведомое разреженное вещество — очевидно, это было очень сложное соединение.

Вместе с углеродом и азотом имелись изотопные вещества. Так, атомный вес углерода достигал 12,4, а вес атомов азота до 13,7. Были незначительные добавки аргона, неона. Как я уже сказал, поражало высокое количество углерода.

— Здесь есть азот и двуокись углерода, поэтому возможна жизнь сложных организмов, почти таких же, как у нас на земле, — сделал замечание Антуан.

— Понятно. А что вы скажете про изотопные соединения? — воскликнул Жан. — Что касается азота, то я более-менее понимаю. А что до углерода, то это необычно, это черт знает что! Углерод, сопровождаемый гелием, оказывается здесь связанным полностью с другими атомами! Не понимаю!

— Однако, это сама действительность. Я думаю, что такая сложная форма углерода имеет здесь другое значение для живых существ нежели на нашей планете. Поэтому нет ничего удивительного, если флора и фауна отличаются от земной.

— А нам еще нужно определить физические свойства: плотность самой планеты, силу тяжести, температуру, длительность суток, года...

— Вы не очень утомились? — спросил Жан. — Если нет, может быть мы направимся к освещенным местам?

— Мои часы показывают час ночи, — ответил Антуан. — Нам некуда спешить. Вот понаблюдаем еще немного за светящимися существами, а потом, выспавшись, выйдем наружу.

Жан не мог протестовать против такого распорядка, и мы решили спать. Еще на протяжении получаса ребята глядели на светящихся тварей в атмосфере, что дало нам возможность лучше сгруппировать их и убедиться, что это

действительно явления живой жизни, куда более утонченной, чем наивысшие формы нашей.

Потом мы впали в забытие до самого рассвета.

Когда я проснулся, Жан готовил утренний кофе, тот самый кофе, при запахах которого так приятно было дважды в день думать и мечтать...

И хлеб лежал уже горячий, пышный и такой свежий, будто только что вынутый из печи.

Вместе с витаминами, прессованным сахаром и маслом это был очень аппетитный завтрак. Шеф-повар Жан угощал нас забываемым кофе и вкусными тартинками.

— Вот здорово! — сказал Антуан, который больше всех был охоч до вкусенького, — люблю покушать!

— И кто бы мог подумать, что мы, простые смертные, сварим себе кофе на далекой планете?

— А еще удивительнее то, что нам довелось смаковать его в межпланетных пространствах, — сказал я. — Здесь-то мы в окружении, подобном нашему, земному.

— Влезли в чужой дом... И пока еще нельзя сказать, чтоб тут было хорошо... Итак, готовимся к выходу!

— Сначала посмотрим, что скажут птицы.

Мы взяли с собой в рейс шесть птиц: пару воробьев, зяблика и трех чижей, которые, так же, как и мы, чувствовали себя неплохо на протяжении перелета.

Антуан взял клетку с зябликом и поставил ее в камеру, которая могла общаться с окружающим пространством. Маленькой нагнетательной помпой мы накачали в нее воздух из внешнего мира. Когда мы поели и оделись как следует, то убедились, что зяблик в своей клетке чувствует себя хорошо.

— Этого и следовало ожидать, — заявил Жан.

— Более-менее... А вообще-то мог быть вредным тот неведомый газ. Однако, сдается мне, он не влияет сразу. Во всяком случае, мы будем остерегаться.

Еще десять минут и, вооружившись обычными респираторами, приспособлениями и инструментом, мы вступили на почву планеты и почувствовали такую легкость, словно наши силы утроились. А как легко было дышать, имея только респираторы.

— Не могу сдержать своего восторга! — воскликнул Жан, взмахнув руками.

Эти слова прозвучали для нас, как музыка, так как мы опасались, что в такой разреженной атмосфере нам будет тяжело разговаривать и слышать друг друга. Однако,

по какой-то неизвестной причине воздух отлично проводил звук.

Он был чрезвычайно чист. Суставчатые организмы так и кишели — некоторые из них были неподвижны, как наши растения, другие — двигались как земные животные. Наиболее быстрые ползали, как гадюки, питоны, медлительные же — почти как наши слизняки и улитки. Строение их было несимметричным, они не походили на земных радиолярий.

— Присмотритесь-ка, сколько у них ног? Ведь эти отростки действительно ноги.

— Похоже, что так. Существа перемещаются с их помощью, но, я бы сказал, что они ползают...

— Одна, две, три, четыре... восемь. Выходит, восемь лап.

— Так-то оно так, но, может, есть еще и девятая, которая высовывается изредка.

Удивительны были движения этих придатков: они то втягивались, то зигзагообразно вытягивались, то принимали форму спирали и всякий раз очень легко изменяли свои очертания.

— Надо бы перевернуть какое-нибудь создание, если это возможно, — предложил я.

— Посмотрим, — ответил Жан и приблизился к одному из них, размером чуть больше нашего грызуна.

Быстрым движением он перевернул животное на спину — оно все было охвачено сильным сиянием, которое через несколько секунд погасло. Тварь быстро перебирала лапками, чтобы принять обычное положение.

— Интересно, что это за сияние? — промолвил Антуан.

— Даже девять лап! — провозгласил Жан.

— Действительно, девять.

— Обратите внимание, эти придатки соединены по трое и каждая тройка сходится, образуя маленький бугорок.

— И правда, интересное обстоятельство.

— Да, очень интересное, к тому же...

Антуан замолчал, как бы не находя слов. А пока он думал, мы, также как и он, заметили: три ряда лап отделялись один от другого двумя глубокими канавочками, то есть тут было точно три разных отдела.

— Мне пришла мысль, — продолжил Антуан, — что вместо внутреннего устройства с лучевой или зеркальной симметрией, эти существа строенные. Проверим!

Жан перевернул еще двух животных неодинаковых размеров и видов. Как и первое, они сразу охватывались

сильным сиянием. У них тоже было девять придатков, группами по трое с двумя канавочками.

— Все странные. Видимо, вместо двусторонних, что главенствуют у нас на Земле, тут имеются трехсторонние.

— А может, эти животные относятся к простейшим?

Мы стали следить за прыткими существами. Они, видимо, чувствовали нас и, когда мы подходили поближе, убегали и прятались. Наконец, нам посчастливилось загнать одно такое маленькое животное в расщелину скалы, и Жан начал его вытаскивать. Вспыхнуло фиолетовое пламя, Жан вскрикнул и бросил тварь.

— Ой! — наш друг отскочил назад.

А когда мы, взволнованные, спросили его, он ответил:

— Оно не поранило, а причинило... какое-то своеобразное ощущение... Точно холод до костей тебя пронизывает. Совершенно незнакомое ощущение. Во всяком случае, эти звери, если их так можно назвать — умеют себя защищать... Еще с теми, малоподвижными я почувствовал что-то подобное, но едва-едва...

— Я так и думал, что сияние не безобидное, — добавил Антуан.

Подойдя ближе мы увидели нору, в которой спрятался зверек.

— Могло быть и хуже, — предостерег я. — Вспышка больших зверей, наверняка, губительнее... Да, выходит, здесь очень небезопасно. Вообще эта планета своеобразна.

— А ведь мы еще ничего не видели. Мы не знаем, как устроены эти существа, из чего. Если это кислород, вода, углерод и азот — тогда марсианская жизнь может быть подобна нашей. Но если они состоят из чего-то другого, то пропасть между нами и ними большая.

— Химический анализ сделать будет сравнительно легко, а узнать, что у них за органы — необычайно трудно.

— Начнем сначала, — решил Жан и поймал маленькое животное. Все пошли к звездолету, до которого было не более 500 метров.

Антуан задумчиво произнес, когда мы шли к кораблю:

— А вдруг здесь есть такие живые существа, которые пойдут на штурм звездолета?

— Из тех, что мы видели — ни одно! — решительно ответил Жан.

— А представьте себе таких великанов, как наши бывшие диплодоки или теперешние киты. Может, их мощное сияние растопит оболочку аппарата, или лучевая энергия пройдет сквозь нее и убьет нас?

— У нас есть чем ответить им. Есть и излучатели, и взрывчатые вещества.

— Это все так... Но могут быть всякие неожиданности. Только он сказал так, как Жан вдруг резко вскочил, указывая рукой на запад: опасения Антуана оправдались, да еще как! На расстоянии в 300 метров появилось существо-великан. Оно было огромное, как библейский левиафан, как кашалот. Будучи плоским, как и виденные ранее существа этой планеты, оно все же возвышалось над землей фута на три.

— 40 метров в длину и 15 в ширину, — прошептал я.

— Заходите! — приказал Антуан. Взгляд его был взволнованным. Мы смотрели из звездолета на гиганта.

— Может, лучше немного подняться, — предложил я.

— Подождем, — ответил Антуан.

Гигантский зверь не двигался и мы могли хорошо разглядеть его форму, эту «форму без формы», как сказал Жан. Кроме некоторых подробностей, зверь был похож на другие существа, только резко отличался величиной.

— Плохо, что мы не узнали поподробнее об этих существах.

Животное потихоньку придвинулось и остановилось недалеко от звездолета. Нам казалось, а может это только казалось, что оно боится. Неизвестно, что оно почуяло, только чудовище вдруг бросилось прочь и очень быстро.

— 100 километров в час, — заявил Жан.

— А все же, хотя его лапы и двигаются, это не бег и не ползание. Если б оно не касалось грунта, я бы сказал, что оно летит.

— Может, это какое-то особое движение, что-то среднее между полетом и ползанием? Потом разберемся. А пока возьмемся за работу! — сказал Антуан.

Каждому выпало особое задание. Мне поручили рассмотреть строение. Антуан и Жан взяли частицы ткани для химического, спектрального и радиоскопического анализа. Организм был «сухой». В нем совсем не было влаги, а лишь газы и твердые тела необычайной упругости: под большим давлением или растяжением части вещества сжимались или очень хорошо вытягивались, а после воздействия снова принимали прежнюю форму.

Очень важно было разорвать их или разрезать: их упругость прямо-таки поражала. В середине тела, ближе к внешней поверхности было много вакуолей и, вместе с тем, ничего, что напоминало бы какие-либо органы.

Я упорно искал, но напрасно. Тем временем мои това-

рищи сделали важное открытие: анализ показал очень мало азота, углерода и водорода. Сами ткани состояли из сочетаний: кислородных, карбонатриевых, борнооксидных с незначительной добавкой кобальта, магния, мышьяка, кремния, кальция, фосфора. Были еще следы разных веществ и известных, и неизвестных.

— Эти ужасные твари принадлежат полностью к другому миру, — таков был вывод Жана.

Антуан, соглашаясь, кивнул головой, а я сказал:

— Больше всего поражает то, что у них нет влаги. Видимо, у них не кровообращение, а газообращение.

— Можно допустить, что не газообращение, а циркуляция твердых веществ, наподобие того, как перемещаются частицы внутри атома.

— Во всяком случае, первый анатомический анализ ничего не дает.

— А так как вы знаток гистологии, — авторитетно заявил Антуан, — то я делаю вывод, что тут много загадок.

— Что теперь делать?

— В первую очередь, нужно продолжать исследование планеты. Летим в другие места!

— Вот другое! — закричал Жан.

— Что другое?

— Другое огромное животное... Наверняка больше первого!

Обернувшись, мы увидели существо в 50 метров длиной. Оно направлялось прямо к звездолету.

— Взлетим вверх! — сказал я.

Положив руку мне на плечо, Антуан не спускал глаз со зверя, а Жан точно остолбенел и, казалось, никто из них не слышал меня.

Существо быстро приближалось к нашему прозрачному аппарату и, очевидно, видело его, так как остановилось прямо перед звездолетом.

Вспыхнуло ослепительное сияние, и я почувствовал неимоверный холод, который пронизывал до костей. Антуан затрепетал, посиневший Жан ухватился за стену. В их глазах был ужас...

Снова вспыхнуло сияние, но на этот раз меньшее, и нас обдало морозом. Это было какое-то неопишуемое ощущение, необычайно гнетущее, непохожее на что-либо нам известное. Что-то сжалось в груди и, казалось, сердце остановилось.

Сколько времени продолжались наши мучения, а это

были действительно мучения, — не могу сказать. Может, 30 секунд, а может, несколько минут.

Когда мы пришли в себя, животного уже не было. Антуан, как обычно, первый овладел собой, и к нему вернулись вся его энергия и ясность ума.

— Нам угрожала смерть! — сказал он голосом, не выдававшим волнения. — Если бы это случилось вне звездолета, то что осталось бы от нас?!

Я не мог удержаться и сказал с укором:

— Вы же меня не послушались!

— Мы сделали ошибку... Особенно я, когда увлекся. А впрочем, нужно все испытать! Этой ночью мы уже не будем рисковать своей жизнью, как в минувшую. Достаточно было бы двух или трех таких созданий и, действуя вместе, они убили бы нас во время сна. Не спасли бы и стены звездолета!

— Если только эти твари имеют силу ночью! — сказал Антуан. — Очевидно, для таких ударов им приходится тратить много энергии.

— Интересно знать, существо поступало так сознательно, или же попросту под влиянием раздражения, наткнувшись на необычный для него предмет?

— Или необычных для него существ, — дополнил я.

— Я понимаю... Видимых сквозь стену, что непроходима, но прозрачна.

— Это ничего не значит. Может быть, и у них зрение подобно нашему.

— Дело говоришь, — согласился Антуан. — Во всяком случае, нужно выяснить, имеют ли они органы чувств и могут ли воспринимать неизвестные колебания.

Разговаривая так, мы пустили вверх звездолет и оставили его на высоте примерно в 50 метров над поверхностью, мощностью двигателей уравновесив тяжесть

— Я думаю, что тут нам излучение не наделает беды.. И его лучи должны подлежать закону квадрата расстояния, — сказал, усмехнувшись, Жан.

Но Антуан был хмур.

— Я тоже так думаю, но если эти существа могут концентрировать свои излучения, то нам не поможет и закон квадратов. Хотя это маловероятно.

— А может, во время нашего перемещения по планете они нападут на нас?

— Будем надеяться на радиоизлучатели и электрометры. Нам надо проверить, может быть, пучок лучей, соот-

ветственно подобранных, будет достаточен, чтобы держать их в отдалении.

— Навряд ли! Но нужно попробовать, — согласился Антуан.

Мы наметили как жертву одного из животных среднего размера и направили на него лучи разных частот, постепенно увеличивая их мощность. Зверь почти не чувствовал длинных волн, волн видимого спектра и коротких ультрафиолетовых. Но волны Рама уже немного побеспокоили его, а когда мы перешли к волнам Бюссо, оно опрометью бросилось прочь.

Еще несколько раз мы направляли волны на второе, третье, четвертое животное и всегда с таким же успехом.

— Кажется, теперь наша возьмет, — сделал я вывод. — Но я успокоюсь только тогда, когда нам так же повезет и с громадными... Если не ошибаюсь, вон ползет один...

Действительно, из-за скал вылезал гигант. Он был далеко, поэтому мы приблизились и обдали его пучком лучей Бюссо. Сначала животное словно колебалось, а затем все же продолжило путь почти к центру излучения.

— Увеличить мощность!

Результат появился сразу же: животное остановилось, потом начало отступать. Постепенно концентрируя лучи и перемещая звездолет, мы убедились, что тут не могло быть ошибки...

— Вот и хорошо! — весело крикнул Антуан. — Мы выиграли дело, да еще и легко, с малой тратой энергии. Должен признаться, что я опасался. Не то, чтобы я не верил в силу нашего вооружения, но я думал, что на это потребуется много энергии, а если так, то это недурно!

— Погоди, возможны и другие опасности!

— Погоди, погоди... нечего каркать! Пересилим все! А теперь в путь, к другим краям!

Мы медленно передвигались, чтобы тщательно исследовать интересные места, и сворачивали то в одну то в другую сторону, расширяя поле исследования.

В течение часа с четвертью мы прошли не более 100 километров параллельно экватору и пять или шесть раз сворачивали с курса.

Абсолютно пустынные места чередовались с такими, где было много живности. Нетерпеливый Жан, жадный до новых открытий, потребовал сделать рейд на большой скорости.

— А потом можно будет опять идти таким черепашьям ходом.

— Ты хочешь лететь прямо?
— Нет, сделаем несколько полетов правее и левее от основного направления.

Звездолет помчался со скоростью 100 километров в час. При этом мы делали остановки, тщательно изучая местность.

Много времени прошло без всяких происшествий, и мы уже снова хотели перейти на медленный полет, когда Жан обратил наше внимание:

— Кажется, похоже на воду!
— Действительно! — подтвердил я.

Большая ровная поверхность светло-коричневого цвета едва-едва поблескивала, словно покрытая какой-то не совсем прозрачной кисеей. Движущиеся всплески показывали, что это жидкость. Блестящая поверхность была такой же величины, как озеро Онеси.

— Вода? Сомнительно. Странный какой-то цвет, — промолвил Антуан.

— Мне доводилось видеть болота такого цвета.
— Может и такого, но очень редко. А все же это жидкость, и на этой негостеприимной планете мы видим ее в первый раз. Нужно посмотреть вблизи.

— Нужно теперь быть в пределах видимости.

— Конечно, и мы теперь не выйдем все вместе из корабля!

Приблизившись к озеру, мы разглядели, что коричневый цвет был нормальным цветом жидкости.

Приятное и вместе с тем глубокое волнение охватило нас. Ведь этот мир, хотя и очень неприветлив, но все же хоть в чем-то похож на наш. Гибкая растительность волнами покрывала долину и без сомнения напоминала наши растения. Несколько минут мы смотрели глубоко взволнованные, а на глазах Жана даже заблестели слезы.

Хотя ни одно из этих растений не было полностью похоже на наши, все же они напоминали и земные травы, и плющ, и кусты, и деревья, и грибы, и мох, и водоросли. Только мох был выше наших верб, грибы от семи до десяти метров, а самые высокие деревья не превосходили наших кустов, но были гораздо развесистее.

Некоторые из них, хотя и низкие, походили внешне на баобабы. Они казались пнями громадного дерева, низко срезанными и покрытыми множеством молодых побегов. Тон растений был неодинаков и, в целом, напоминал разнообразную смесь цветов наших лесов осенью, когда деревья похожи на огромные яркие букеты.

Приятное чувство, что мы находимся на планете, хоть немного похожей на нашу, не покинуло нас, а последующие открытия — усилили его еще больше: мы увидели животных.

С первого взгляда не могло быть никакого сомнения: эти существа несомненно походили на земных животных, хотя и имели другое строение, необычное для наших глаз. Четвероногих не было совсем: все эти животные, и большие и маленькие, имели по пять лап, пятая отличалась от остальных и, очевидно, роль ее была сложнее. Как и у нас, некоторые звери лазали по деревьям, другие плавали в воде, третьи — летали по воздуху. Они не имели перьев, а только шерсть, чешую или ничем не покрытую кожу. Все были без хвостов.

Строение глаз у тварей было сложным, число их неодинаково у разных видов, но не меньше шести. Размеры органов зрения, однако, были меньше, чем у наших четвероногих, они также отличались своеобразным блеском.

Совсем не было ушей и ноздрей, которые бы выдавались наружу, но все существа имели пасти с рядами зубов... Ни один зверь не превышал величиной нашу зебру. В общем, строением и формой они чуть-чуть напоминали наших земных животных. Черепа у некоторых походили на волчьи, кошачьи, медвежьи, птичьи. У других головы были кубические или пирамидальные. Все летающие животные имели пять крыльев, которые помогали им рулить и служили лапами.

У водяных было пять плавников: четыре на боках и один на животе.

Я рассказываю наши наблюдения так, словно мы сразу их сделали, а на самом деле на это было потрачено немало времени...

Сначала мы медленно плыли над местностью и надедали немало переполоха среди летающих животных, в то время, как наземные и водные оставались к нам равнодушны. Убедившись, что в окрестностях нет тех громадных созданий, мы начали последовательно изучать берег озера и равнину.

В первую очередь было отмечено, что большинство марсианских животных — травоядные. Они паслись — щипали траву, отгрызали листья. А потом мы увидели и плотоядных — это были животные меньших размеров.

Наблюдения велись почти два часа, когда удалось увидеть бой между летающими существами. Победитель скрылся со своей жертвой в расщелину скалы. Потом мы

увидели и зверя, чуть больше волка, который одолел и растерзал другое животное.

— Такой же ад, как и на Земле! — гневно кинул Жан.

Но такие сцены встречались нечасто. Травоядных было гораздо больше, чем плотоядных.

— А может, выйдем? — спросил я.

— Я и сам так думаю, — ответил Жан.

Кинули жребий, и Антуану выпало находиться в звездолете, держась на некотором расстоянии от нас, но не близко, чтоб не затруднить нашу разведку и не разгонять животных.

Я и Жан вышли из корабля, вооружившись респираторами и лучеметами, одетые в костюмы с атмосферным земным давлением. Сначала мы зачерпнули немного воды из озера: она была гораздо тяжелее, чем у нас на Земле и имела какой-то необычный, нежный и довольно приятный запах.

— Плотность ее раза в полтора больше, чем у воды в наших океанах, — сказал Жан, — и испаряться она должна мало. Только вода ли это? Думаю, что тут что-то другое. Нужно убедиться.

У каждого из нас был маленький переносный анализатор, которым можно было сделать первоначальные исследования.

Влага, налитая в пробирки, закипела при более высокой температуре, чем наша земная вода, а плотность ее равнялась 1,3.

Держа наготове наше оружие, мы начали обследовать берег озера. Животные бежали от нас, кроме самых маленьких, которые, видимо, нас не чуяли. Поэтому они не обращали на нас внимания.

— Просто мы для них что-то непонятное, — сказал Жан. — Выходит, их недоверчивость чисто инстинктивна.

Иногда менее испуганные из животных останавливались в отдалении и дивились на нас, а когда мы подходили ближе, сразу убегали.

— Эти, видимо, умнее. Они хотят узнать, кто мы такие... Какое было бы счастье, если бы мы могли встретить подобных людям!

— А может, несчастье! Возможно, они так же разумны и так же жестоки, как люди...

— Что же, звездолет близко...

— А опасность может быть еще ближе. Хорошо продуманная западня — и все...

— Смотри-ка!

Перед нами появился хищник, похожий на того плотоядного, которого мы видели за охотой перед выходом из звездолета. Он был приземист, чуть больше ньюфаундлендского пса. Он раскрыл пасть, похожую на пятигранную призму, его глаза светились, как светляки. Шерсть поблескивала фиолетовым и напоминала пухлый мох.

— Видимо, хочет попробовать незнакомого мяса! — засмеялся мой товарищ.

Внезапно появилось другое животное, напоминающее нашу лисицу, у нее была кривая пасть, а величиной тварь была с нашего кабана.

За нею гнался зверь, похожий на того, которого мы разглядывали. Загнанное между двух врагов животное хотело кинуться в сторону.

— Совсем, как у нас на Земле, — сказал Жан, — когда волки обложат оленя или козу.

Животное не успело выскочить: один из хищников схватил его за шею, а другой вцепился в бок. Жан хотел вмешаться, но уже было поздно: победитель перекусил жертве горло, и потекла жидкость желтого цвета — кровь марсианского животного.

— Чуть не растратил по-пустому заряд, — сказал Жан. — Хотя, кажется, на этой планете немало источников энергии, но все же лучше не разбрасываться ею!

— Тем более, что мы прилетели сюда не для того, чтобы изменить положение дел.

Задумавшись, мы пошли дальше. Может, потому, что человек — это существо, которое быстро приспосабливается, мы уже чувствовали себя неплохо в этой местности, среди растительности, таинственных животных, уже ничего не опасаясь и ослабив внимание.

Теперь нам нравилось, что мы можем двигаться быстро, без особого усилия. Что до дыхания — наши респираторы подавали нам очищенный воздух, и мы чувствовали себя неплохо.

— Если тут есть растения и животные, съедобные для людей, то мы можем оставаться здесь сколько угодно, — говорил Жан. — Мне сдается, что мы найдем здесь все, что потребуется для питания, а также запасы энергии для возвращения домой...

— О ужас! Что это направляется к нам?!

То, что двигалось навстречу, выглядело отнюдь не привлекательно: апокалиптический зверь длиной в 12 метров, который напоминал сразу и крокодила, и питона, и носорога. На низких лапах, с округлым туловищем, громад-

ной мордой пирамидальной формы, которая заканчивалась каким-то длинным рогом. Этот зверь, светясь голой шкурой на боках, поблескивая чешуей на спине, с шерстью, торчащей на морде, приближался к нам словно ползком, хотя его лапы тоже двигались.

— Ползет или идет? — спросил я.

— И ползет, и идет, — ответил товарищ, — то есть движения лап, как бы сказать, синхронны с изгибами тела. Таких созданий у нас на Земле нет.

Увидев нас, животное остановилось и уставилось 12-ю глазами, которые то вспыхивали, то гасли, словно лампочки. На всякий случай мы приготовили излучатели.

— Наверное, в несколько раз больше слона, — заключил Жан.

— Да, примерно пять или шесть слонов!

Мы заметили, что все животные в поле нашего зрения стремглав бежали от этого страшилища. Очевидно, это был опасный зверь. После короткой остановки он снова тронулся прямо на нас.

— Не спеши, ~~моя~~ прелесть! — крикнул Жан и выпустил в него заряд лучей Бюссо. Движения зверя стали резче, но он не остановился, а стал приближаться еще быстрее. Тогда и я направил на него излучатель. Это подействовало: страшилище остановилось, глаза его угасли. Потом оно быстро повернулось и медленно поползло прочь, точно раненое.

— Все-таки пробрало его! — сказал я. — Может, прикончим его?

— Не следует. Наверное, потребуется израсходовать слишком много энергии.

— По-моему, мы его укротили. А вон и Антуан.

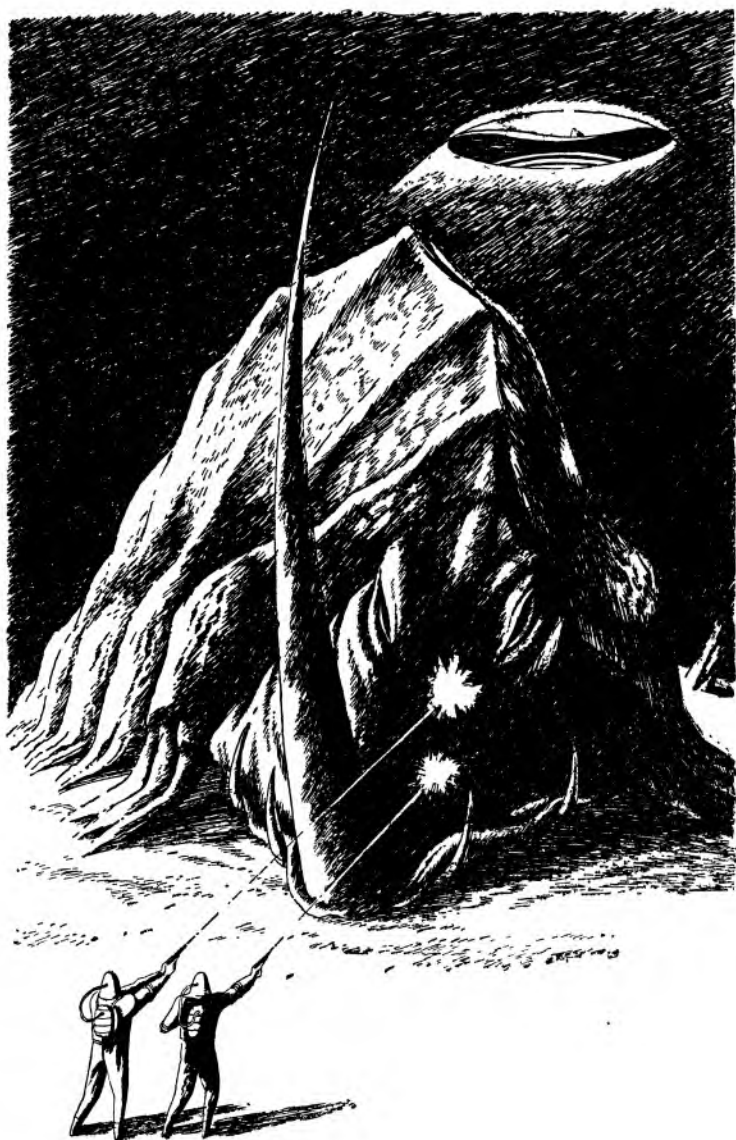
Звездолет был над нами. Мы обменялись сигналами с ним, и он, убедившись, что все благополучно, отлетел на некоторое расстояние.

— А разумных существ не видать.

— Кто знает, — предположил я, — может, они уже видели нас... Может, прячутся и разглядывают нас... Может, западню нам готовят...

Жан пожал плечами и засмеялся. Мы перешли пригорок и увидели лес, лес белых грибов, одновременно привлекательный и удивительный. Это было очень похоже на гигантские белые грибы с какими-то усиками и придатками.

Всюду грибная ткань. Ничего, что напоминало бы листья. Наверху реяли необычайные существа с пятью

крыльями. Между ними есть очень маленькие, как жуки, и побольше, с наших голубей или ворон. Но ни у одного нет ни зоба, ни перьев, ни хвоста, а головы овальные и плоские. Жан тихо произнес:

— Эти существа немного напоминают наших. Только вот пять крыльев... И гляди, во время полета они ими вращают, как пропеллерами.

— А они хорошо летают, если взять во внимание такой разреженный воздух. Очевидно, у них очень сильные крылья.

Мы вышли на опушку, где росли кусты, опутанные лианами, и мхи. Повсюду торчали скалы. Я остановился, чтобы разглядеть, из какого они состоят минерала, а Жан прошел дальше. Видимо, его тоже что-то заинтересовало, и он спустился в глубокую низину между голубых скал, исчез из моих глаз.

Вдруг передо мной встали два существа, с тремя ногами и вертикальным туловищем, совсем не похожие на все, что мы тут видели. В них было, несомненно, что-то человеческое. Их облик с чистой, безволосой кожей, хотя у них и было шесть глаз и совсем не было носа, напоминал разумное существо.

Как мне описать их внешность? Как дать представление об их полной ритма и гармонии форме, которую можно было сравнить с лучшими греческими вазами! Как описать нежные оттенки их кожи, которые сразу вызывали мысли о цветах, вечерних волнах, египетских старинных эмалях! У них совсем нет таких несовершенных придатков, как наши уши, нос и губы.

Поражали шесть чудных глаз! Сравнить с ними красивейшие глаза на Земле все равно, что прозрачное море с болотной мутью! В этих глазах светились все цвета лазоревых зорь, лугов, освещенных ранним солнцем, все красоты рек в лучах заходящего светила, лучшие картины озер, океанов, бурь и волн...

Удивителен был шаг этих существ: двигалась каждая из трех ног по очереди, а когда марсиане останавливались, ноги стояли треугольником. Ростом они были чуть ниже нас.

Пока я разглядывал их, пораженный и удивленный, они немного отступили и пропали за деревьями, а потом снова вышли и встали в отдалении. Один из них поднял вверх что-то похожее на конец лианы, несколько раз опоясанной вокруг него. Мои ноги будто окаменели. Тогда я под-

нял излучатель и выпустил в них небольшой заряд. Оба существа сразу закачались и исчезли за скалами.

Ноги отошли через несколько мгновений, но все это очень меня взволновало. Я крикнул во весь голос:

— Жан! Жан!

Из-за скалы выглянуло, примерно, двенадцать таких прямоходящих существ, но они теперь держались в отдалении и через минуту пропали: на опушку спускался звездолет. Когда он снизился до земли, на опушке уже никого не было. Антуан стоял у выходного люка.

— Ты не видел Жана? — закричал я.

— Жана? Нет, не видел, — ответил Антуан таким спокойным голосом, который не менялся даже в самые трудные минуты, хотя взгляд его был мрачным.

— Я сам приближался к опушке, когда вы пошли к голубым скалам. Видел, как появились эти существа.... Почувствовал опасность... И вот я здесь...

— Жана нет, а эти существа, очевидно, опасны. Как и мы, они умеют поражать на расстоянии. Энергия, которую они посылают, парализует мышцы... Я спасся только потому, что был далеко.

Пока я это говорил, мы оба разглядывали окружающее в бинокли. Два или три существа промелькнули в окулярах и исчезли.

— Однако мы не можем так оставить Жана, — сказал Антуан. — Что же делать! Самим идти туда — наверняка опасно... Существа, которые умеют посылать энергию на расстояние, очевидно, действительно разумные и легко смогут нас поймать, так как их много.

Мы сумрачно посмотрели друг на друга.

— И оставаться здесь нам небезопасно, — продолжал Антуан. — Еще удивительно, что мы живы до сих пор. Пойдем в звездолет. Оттуда отлично можно наблюдать, может, увидим его.

Сидя в корабле, я поднял его вверх. Мы летели над лесом, который с натяжкой можно было так назвать. Видели летающих зверей и боязливых пятиногих. Нигде не было и следа прямоходящих существ.

— Видимо, бояться звездолета, — заключил Антуан. — Летим дальше.

Пролетели над опушкой и ничего не заметили. Только через несколько километров мы снова увидели их. Одни спокойно двигались, другие, очевидно, выполняли какую-то работу, непонятную для нас.

Мы заметили, как один из них прицелился в пятино-

гого удивительным оружием, каким был парализован я. Животное сразу задергалось и упало.

— Несомненно, эти существа на Марсе — то же самое, что и люди на Земле, — заметил Антуан.

Я был полностью согласен с ним. Кроме того, и движениями своими эти существа отличались от всего другого.

— Хотя бы они пощадили Жана, — вздохнул я.

— Если только захватили его живым.

Время от времени мы возвращались на опушку леса и кружили над нею во всех направлениях. Никого. Пропадала последняя надежда. Наше путешествие на Марс казалось мне теперь чем-то бесполезным и безрассудным.

— Разве можно было лететь сюда такой малой группой, — сказал я, когда прошло пять или шесть часов с момента исчезновения Жана. — И мы, разумные люди, сделали такую глупость.

— Пришлось бы жалеть, если бы это было действительно глупо. Но все разведчики рискуют жизнью. Это — закон. Разве мало погибло тех, кто плывал на каравеллах Колумба, кораблях Магеллана или Кука, тех, кто исследовал девственные леса, дебри и пустыни... А сколько пропало тех, кто летал на Луну и остался там навсегда? А ведь это были не такие смелые начинания, как наше... Может, я погибну здесь, но сожалеть не собираюсь, — гордо закончил Антуан.

— Нам нужно было лететь сюда большой группой.

— А для этого пришлось бы отложить полет на долгий срок, чтобы построить несколько звездолетов, искать и деньги и людей, которые бы решились лететь. К тому же, кто знает, было ли лучше, если бы нас вылетело больше? Если на Марсе много таких трехногих, которые захватили Жана, то лететь сюда группой в 20, 30 или 50 человек было бы опаснее, чем двоим или троим. Нужно покориться.

День миновал, и нам пришлось заночевать над лесом. И снова мы увидели светящиеся создания в воздухе, но на сердце было так тяжело, что не хотелось ни наблюдать, ни исследовать. Мы только еще раз убедились, что в этой эфирной жизни есть свои особенности, есть разные виды этих туманных созданий.

Колыхания светящихся волокон напоминали движение толпы на улицах большого города, только безостановочное и сложное. Часто это движение, неизвестно зачем, происходило в одном направлении. Вспыхивали сверкающие

огни, изменялся ритм свечения, оно то усиливалось, то уменьшалось и, помимо воли, казалось, что это своеобразный разговор.

В некоторых группах можно было предположить единое начало, в других его не было. Группы складывались из разного числа волокон-прядей — от нескольких до нескольких сот. Этой ночью мы видели громадную толпу таких прядей — несколько тысяч. Длина их доходила до 7—8 метров. Они поднимались вверх почти вертикальной колонной.

Движения прядей были необычайно быстрые, точно они хотели долететь до звезд. Хотя и тяжело нам было, все же мы полетели вверх за этой толпой. Она поднялась почти на несколько сот километров. Немного погодя колонна уже не светилась: светящиеся создания уже не так сверкали. За ними не оставалось даже искристого следа. Когда они останавливались, то лишь слабо мерцали. Минуту еще полчаса, и толпа опустилась на планету.

— Мы видели, так сказать, форум эфирного мира, — сказал Антуан, когда мы снова опустились над лесом. — Бесспорно, эта форма жизни утонченнее нашей.

— А разве то, что они не замечают нас, не свидетельствует о нашем превосходстве?

— И мы тоже на протяжении всей первоначальной эволюции не замечали микробов, которые, в то же время, уничтожали человечество. Может, ты будешь утверждать, что они, губившие негров, египтян, греков, стояли выше людей, которые их вынашивали, и не догадывались о них?

— Кто его знает?

Мы помолчали, а потом направили на лес белых грибов яркие лучи прожекторов, без особой надежды пытаясь найти товарища.

Сначала дежурил Антуан, в то время, как я спал несколько часов беспокойным сном человека, приговоренного к смерти, с кошмарами и тяжелыми видениями.

Была еще ночь, когда очередь дежурить дошла до меня. До самого рассвета я кружил над зловещим лесом. Смертельная тоска объяла меня. Даже если бы Жан не был мне лучшим другом, все равно на этой чужой планете его утрату я бы чувствовал, как непоправимое отторжение части своего существа. Это путешествие по звездным просторам и пребывание на далекой планете в океане бесконечности сделали из нас троих как бы одно существо.

Наконец стало светать, и сразу же наступил день. Хотя и утратив мало-мальскую надежду, я все же приглядывал-

ся в просветы между огромными грибами и выющимися растениями... Как же заколотилось мое сердце, словно вихрь грозы с молниями обдал меня: я увидел Жана.

Он стоял на опушке там же, где и исчез, возле голубых скал. Я направил на него лучи «вызова», и он ответил мне ритмичными сигналами нашего кода. Он сообщил:

— Жив и здоров. Нахожусь среди существ, подобных нам. Мы уже немного понимаем друг друга. Они очень доброжелательны, лучше, чем люди. Они пленили меня, парализовав. Но я не ощутил никакого насилия. Они страшно удивлены и хотят знать, кто мы и откуда появились. Я, в конце концов, рассказал им это.

— А у тебя есть, что кушать и... чем дышать?

— Что до дыхания, то все хорошо: они оставили мне респиратор. Но мне хочется есть, а особенно пить. Местную воду человеку пить нельзя, и их еду я боюсь употреблять. Они это поняли.

— Ты там на воле?

— Да... И я думаю, что меня отпустят при случае, насколько я их могу понять. Дайте мне воду в самую первую очередь.

— Сейчас, дружище! Нужно разбудить Антуана.

Антуан спал таким же беспокойным сном и сразу же вскочил, как только я его позвал. Он даже ослонбел, увидев нашего Жана на опушке. Я быстро рассказал, в чем дело, а Жан дополнил сигналами.

— Я убедился, что их лучи проходят только сквозь очень тонкие тела — не более 5—6 сантиметров, а пройдя, утрачивают силу. Они не смертельны, а лишь парализуют. На расстоянии 100 метров они едва-едва ощущаются. Имейте это в виду!

— Хорошо, — сказал Антуан, — мы сейчас спустим тебе питание.

Мы быстро сделали пакет и опустили его с 200 метров. Когда передавали посылку, из-под земли выскочило десятка два трехногих существ, очень заинтересованных этим событием.

— Спасибо! — просигнализировал Жан, взяв упаковку. — Надеюсь, что вскоре дам вам подробные сведения.

Мы видели, как он пил и ел, и никто не мешал ему. А когда он завернул остатки, снизу вышли четыре трехнога и увели его за собой.

— Что это значит? — нахмурился Антуан. — То ли они

и в самом деле дарят ему жизнь, то ли откладывают на другое время?

— Я думаю, что они не сделают ему никакого вреда... Особенно если они поняли, что им ничто не угрожает. Они хотят выяснить, кто мы и откуда появились. Представь себе, как бы мы чувствовали себя в таком положении?

— Мы бы чувствовали себя, как культурные люди, а они, может быть, дикари.

— Мне сдается, что это угасающая раса. Живут они под землей, значит, их планета обеднела.

— Возможно, однако их оружие, эти лучеметы, про которые мы знаем, свидетельствуют о высокой культуре, может быть, в настоящем, а может, и в прошлом.

— Удивительная вещь!

— Не будь антропоцентристом! — воскликнул Антуан. — Эфирные создания, да и, видимо, плоские твари куда удивительнее. А эти трехноги все же напоминают земные существа.

— Это так, но скажи честно, разве ты не волнуешься?

— Еще как! Я переживаю так же, как и ты. Ведь среди них Жан, хотя живой и здоровый, но в плену. А то, что его не выпускают на свободу, это для нас наихудшее, трагическое событие.

— Нужно его выручать!

Антуан безнадежно пожал плечами:

— Как? Даже если бы трехноги были бессильны бороться со звездолетом, а наши лучи могли бы обеспечить победу, все равно они держат Жана и могут сделать с ним все, что угодно. Нам приходится рассчитывать на счастливый случай или их доброту.

— И я верю в их доброту.

— Я тоже. Только наша вера почти не обоснована.

— Почему? Они так хорошо обращаются с Жаном...

— Может, это для виду. Я вспоминаю, как убили Кука...

И снова долгие, еще более мучительные часы, чем ранее, пережили мы, летая над лесом. Примерно в полдень Жан снова появился на опушке и сообщил:

— Могу сказать с уверенностью, что их внутренний облик гораздо лучше, чем у людей. Мне не сделают ничего дурного. Понемногу мы приходим к пониманию с помощью знаков... Мне уже удалось объяснить им, что мы прилетели из другого мира. Что касается их умственных способностей, то они, очевидно, не уступают людским. Правда, есть особенности, зависящие от строения их мира.

Со вчерашнего дня много трехногих приходит посмотреть на меня и наш корабль. Приходят, очевидно, издалека.

— Как ты думаешь, их культура развивающаяся или угасающая?

— Конечно, угасающая. Тут не может быть сомнений. Как и люди, они принадлежат к живым существам, чья жизнь зависит от воды. Их вода, их влага исчезает и, возможно, она уже не такая, как раньше.

— Есть надежда, что тебя отпустят?

— Могу побиться об заклад, что да.

Один за другим на поверхность выходили трехноги. Они внимательно следили, как пленник обменивается сигналами с командой звездолета.

— А они и правда очень красивые, — сказал Антуан.

— Гораздо красивее нас, — вздохнул я.

Мы смотрели за тем, как они ходили, за их движениями. Я уже говорил, что они передвигаются поочередно на трех ногах, отчего кажется, что их походка трехтактовая. Движения рук отчасти были похожи на наши, но во многом и отличались. Каждая верхняя конечность имела пальцы, но это была не настоящая рука. То, что соответствовало нашим пальцам, выходило словно из овального углубления, и таких пальцев было по девять на каждой руке. Скоро мы убедились, что эти пальцы могли сгибаться во всех направлениях и движение каждого не зависело от остальных.

Вследствие этого возможны были различные движения, и они могли брать несколько вещей сразу в различных направлениях. Одежда их была из какого-то растительного материала, который походил на мох, и плотно прилегала к телу. Один из трехногов, стоя близко от Жана, пристально следил за нашими движениями.

— Это очень важная особа, — просигнализировал Жан. — Имеет большой авторитет среди них. С ним я разговариваю и объясняю нашу систему разговорных знаков. Еще нужно несколько дней, чтобы перейти к простейшей беседе.

— Есть у тебя, что пить и есть?

— Хватит до завтра.

В эту минуту стоящий рядом с трехног что-то показал знаками.

— Догадываюсь, — передал Жан. — Он хочет вас успокоить. Да я уже и не так беспокоюсь за будущее, только тяжело без вас.

ТРЕХНОГИ

Следующая неделя показалась вечностью. Каждый день мы разговаривали с Жаном. И каждый раз нам хотелось опуститься на опушку леса, но он просил подождать еще немного. Не было необходимости держаться все время возле него, и поэтому мы совершали долгие экспедиции. Мы выявили три пояса, которые были заселены трехногими.

Три пояса озер и каналов охватывали площадь, подобную нашему Средиземному морю. Озера не выходили за границу марсианских тропиков, лишь некоторые из них мы видели под такими широтами, где на Земле был бы умеренный климат. А далее не было и признака влаги, только полярные области покрывала тонкая снеговая шапка.

Трехногов было не более, чем семь миллионов на всей планете. Большинство из них жило под землей. А часть — и таких меньше — жили в каменных строениях, стиль которых напоминал романский. Такие строения, а они, очевидно, являлись следами минувшей культуры, стояли небольшими группами. Это были своеобразные города, казалось, составленные из маленьких и больших церквей романской архитектуры.

Большинство из них превратилось в руины — это свидетельствовало об упадке культуры трехногов, начавшемся много веков назад. Семь или восемь этих городов были так же заселены, как Париж при Людовике XIV или Лондон во времена Кромвеля, а теперь в них оставалось только несколько сот жителей. Пришлось убедиться, что и промышленность трехногов приходит в упадок.

Они изготавливали машины, которые слегка походили на наши. Это были механизмы, предназначенные для обработки почвы и транспортировки. Их оставалось немного, и ездили они не на колесах, а, казалось, ползали, и очень быстро. Были у трехногов и аппараты для полетов. У них существовала связь, напоминающая нашу телеграфную и машины непонятного назначения, которые работали, видимо, с помощью излучений.

Про нас уже знали всюду. Нас разглядывали с помощью инструментов, похожих на бинокли, и, очевидно, изготовленных по такому же принципу. Когда мы пролетали над городами, на улицах собирались толпы. Трехноги вылезали и из-под земли. Было ясно, что мы их очень интересовали.

Впоследствии мы видели остатки культуры, подобной

той, что была у нас на земле в XIX веке. Мы думаем, что после того, как останавливались фабрики и заводы, угасала и наука.

Что до животных, то очень немногие превышали размерами наших быков. Площадь, заселенная трехногами, занимала весьма малую часть поверхности Марса — чуть больше одной десятой и не распространялась далее, как на половину расстояния между экватором и полюсами.

Площадь, занятая плоскими звероподобными созданиями, была куда больше и простиралась дальше на юг и на север. Будущее было за ними. То ли трехноги отступали, будучи побежденными в борьбе разных видов, то ли они не могли жить в других частях планеты, то ли вследствие упадка — неизвестно. Очень важно было решить этот вопрос. Нам казалось очевидным, что царство звероподобных было моложе мира трехногов.

— Будущее за ними, — сказал Антуан, когда мы однажды пролетали над различными краями. — Они завоюют планету!

— Да, они уже заняли три четверти ее... Но есть еще светящиеся воздушные создания...

— Да, мой друг, но они настолько непонятны, что я не могу представить себе их будущее, тем более считаю, что они выше нас по развитию.

— Неужели и правда выше? Может быть, они более утонченные, лишённые жестокости, но на самом деле еще на низкой стадии развития?

— Возможно, но, смотря на строение этих светящихся созданий, я думаю, что их жизнь — жизнь высшего порядка.

— Ты в этом уверен? А может, нет? Бесспорно, что свободные электроны имеют больший диапазон движения и скорости большие, чем движения клеток, но именно поэтому я считаю, клетка — выше!

— Не совсем удачное доказательство. А вообще-то в нашем споре нет оснований. Мы можем положиться лишь на интуицию, но ее, к сожалению, недостаточно.

На одиннадцатый день мы увидели Жана на опушке, а вокруг не было видно ни одного трехнога. Жан жадно искал нас глазами. Увидев, сообщил:

— Я на воле!

Быстро забились наши сердца. Жан продолжал:

— Как видите, они держатся в отдалении. Кроме того, я убедился, что если б они имели враждебные намерения, то все равно ничего не смогли бы сделать нашему ко-

раблю. Оружие у них не опасное, а орудия не пробьют стенки из алюминита, и сильных взрывчатых веществ у них нет. Они часто это повторяли, и в этом нет сомнения.

В то время, как Жан сигнализировал нам это, звездолет опускался на опушку. Мы коснулись почвы, и... Жан снова был с нами!

Пропало гнетущее сомнение. От радости и волнения несколько минут мы не могли ничего сказать, опьяненные встречей. Наконец, Антуан промолвил:

— Так ты считаешь, что они и в самом деле не страшны?

— Их суть гораздо лучше человеческой. Главное у них доброжелательность и самоотречение.

— А почему самоотречение?

— Они сами знают, что их общество вымирает. Это у них какая-то врожденная убежденность, а вместе с тем и упаднические традиции, поэтому наш визит их очень интересует и, вместе с тем, если я правильно понял, дает им некоторую надежду.

Звездолет неподвижно стоял на опушке. Постепенно трехноги стали выходить и останавливаться неподалеку. Один из них подошел ближе и помахал правой рукой.

— Он приветствует нас, — пояснил Жан и ответил трехногу таким же движением.

— Что будем теперь делать? — спросил Антуан.

— Дайте мне чашку кофе, — сказал наш товарищ, весело смеясь. — Очень тяжело было без него!

Я быстро нагрел воду, а Жан, тем временем, продолжал:

— Если согласны, то я каждый день буду возвращаться к ним на два-три часа, чтобы закрепить наши взаимоотношения. А вы, тем временем, будете исследовать планету. Вы, наверное, сделали интересные открытия?

— Да, мы нашли города трехногов. А скажи, почему некоторые из них живут под землей, а другие на поверхности?

— Я думаю, что это две разные расы. Они не воюют друг с другом, и между ними нет вражды, да и живут они обособленно. Однако и под землей есть настоящие города и селения.

Города наземные почти в руинах. В тех городах, где могло жить 300—400 тысяч трехногов, теперь не более 10 тысяч. Подземные города не очень заселены и они более позднего происхождения. В том городе, где я был, не более 2 тысяч жителей и весь он, можно сказать, умес-

тился бы на ладони... Ой, скорее кофе. О, божественный аромат! Мы пользуемся величайшим достижением минувших веков! Что может быть лучше этого! — воскликнул Жан, допивая кофе. — Ничто так не вызывает нежных воспоминаний о Земле, как этот напиток!

— Как ты думаешь, долго мы можем оставаться здесь? — спросил я.

— Что до запасов энергии, то мы найдем тут все. Твердо скажу вам, мы можем пополнить запасы нашего кислорода. Остается дело за питанием. Еда трехногов для нас не подходит.

— А в их питании есть азот? Или гидроуглеродные соединения?

— Есть питание с азотом, — объяснил Жан, — но с какими-то примесями. Если их убрать, то мы можем сделать какой-нибудь съедобный суррогат... А в такой форме эта еда, хоть и не вредная, но и не питательная. И чтобы привыкнуть к ней, надо не один год.

Снова жизнерадостность охватила нас после того, как вернулся Жан. В звездных безднах, в безбрежных просторах летели наши думы к родной Земле.

— И все-таки, — забасил Жан, — мне очень приятно будет увидеть своих родных.

Каждый вечер подымали мы глаза на нее, когда она начинала сиять маленькой звездочкой. Доведется ли нам снова увидеть ее, нам, незначительным атомам, хотя и победителям эфира, нам, незаметным пловцам в океане Вселенной?

Но все равно, мы не жалеем, и тоска по родной Земле не убьет исследовательского духа. Придет время, когда целые флотилии полетят с планеты на планету!

Люди — это маленькие создания... Но какие создания!

НАДЕЖДЫ ТРЕХНОГОВ

Каждый день Жан возвращался на три-четыре часа к трехногам, а часть дня путешествовал с нами. И я, и Антуан очень хотели пойти с ним, но нужно было подождать, когда трехноги овладеют нашим языком жестов.

Жан учил и учил нас новым понятиям, которые узнавал от трехногов. В этой науке, в этих новых отношениях разума трудности были очень велики, однако они смягчались тем, что марсиане имели более развитое, чем у нас, абстрактное мышление.

Так же и у нас древние народности охотнее вдаются в абстрактное мышление, чем молодые...

Однажды Жан, вернувшись от трехногов, уведомил:

— Теперь у нас уже есть 200 знаков для связи. Имея 600 или 700 можно о многом говорить с ними. Даже классические авторы и педагоги обходились запасом в 10—15 сотен слов.

Тем временем, пока Жан и его друзья трехноги пополняли запас знаков, мы продолжали и далее познавать настоящее и прошлое планеты Марс.

Наши догадки подтверждались. Подземные жители знали про свое прошлое могущество и про былую силу своей науки. Раньше у них была высокоразвитая промышленность разных отраслей, величественные агрегаты, которые обеспечивали коммуникации наземные и воздушные. Они умели использовать разные формы энергии, но, кажется, и теперь у них есть беспроводная связь и лучеметы для нападения и защиты.

Мы узнали также, что на протяжении тысяч лет у трехногов не было ни одной войны, хотя было несколько разных рас. Никогда дело не доходило до грубых стычек, а тем более, до убийств.

— А впрочем, — сказал Жан, — они уничтожают всяких животных. Я понял, что они часто воюют с каким-то другим царством. А точнее дознаться, в чем тут дело, я пока не смог.

— Не думаю, чтобы они воевали со светящимися эфирными созданиями.

— Конечно, нет. Остается допустить, что они воюют с плоскими звероподобными, так как те, насколько я понял, захватывают постепенно все большие пространства планеты. Вот эти два вида жизни, плоские звери и трехноги, видимо, не могут жить мирно рядом.

— Да, наверное, так.

Этот вопрос нас очень интересовал, и Жан пообещал постараться узнать подробнее.

Прошло три дня, и он рассказал, в чем дело:

— Теперь я уже все знаю. Эти два вида — трехноги и плоские звероподобные не могут жить в одном и том же месте с некоторого времени. Кроме того, что происходит война с высшими породами звероподобных, которая принесла много жертв обеим сторонам, сама земля утрачивает свою жизнеспособность. Растения не могут расти на ней, она становится безжизненной. Гибнут животные, и трехногам все труднее прокормиться. Так что нужно остано-

вить распространение звероподобных, которые портят землю. Бесспорно, в подземных галереях ничто не угрожает нашим друзьям, так как энергия губительных волн звероподобных не доходит туда.

Трехноги могут воевать, но их нападения не уничтожают больших звероподобных, а только задерживают их. К сожалению, трехногов очень мало, и, постепенно, их число все сокращается, поэтому приходится ограничивать театр военных действий.

Много уже истощенных и недостаточно защищенных земель. Как раз сейчас происходит страшная война на юге — не могу только сказать, на каком расстоянии отсюда. Тучей движутся звероподобные, постепенно захватывая территорию. Мне кажется, что трехноги очень надеются на нашу помощь.

— Мы почти ничего не сможем сделать для них, — сказал Антуан.

— А если Марс даст нам нужное сырье для производства энергии? Я думаю, что здесь его легко найти.

— Потом посмотрим, а пока изучим природные ресурсы.

ВСТРЕЧА

Несказанно приятными были наши первые впечатления. Мы встретили пять трехногов в нескольких метрах от звездолета под величественным зонтичным растением. Они не спускали своих поразительных глаз с меня и Антуана,

Все у них было удивительно, они не напоминали ни одного земного существа, но, увидев их, мы почувствовали, что они подобны нам, и нас охватило чувство приязни к трехногам.

В первую очередь поражали их глаза, которые придавали удивительную гармонию внешности. Каждое око имело свой оттенок, и он все время менялся. Эта разноцветность и изменчивость свидетельствовали о разнообразности их мышления. Краса их превосходила всякие людские понятия о красоте. Глаза красивейшей женщины или ребенка казались бы невыразительными против их глаз.

Первое и очень сильное впечатление еще более упрочилось.

Даже глаза Жана утратили для меня всякую привлекательность, хотя раньше я их считал красивыми.

Так как у нас было много времени, Жан успел научить нас разным разговорным знакам, которые зафиксирова-

лись в нашей голове и мышцах, и теперь мы легко могли орудовать всеми этими сигналами. Трехноги быстро и точно схватывали все, дополняя сообразительностью то, что мы не могли сказать.

— Я знаю, — сказал тот, что казался нам и был действительно важной персоной, — что вы прилетели с другой звезды. Вы гораздо развитее нас и наших предков.

Казалось, мрачная мысль промелькнула в разноцветном сиянии его глаз.

— Почему вы так думаете? — спросил Антуан. — Мы просто не похожи на вас.

— Нет, нет... Наша планета такая маленькая, и мы не можем жить так долго, да и силы уже нас покидают. А про вас мы знаем, что вы победители. Вы овладели своей планетой.

— Да, на своей планете мы считаемся царями природы.

— А мы все время отступаем. Теперь у нас осталась лишь одна десятая часть планеты. Те, что нас вытесняют, ничто по сравнению с нами, но они могут жить без воды.

Не без некоторого колебания я спросил:

— А вы любите жизнь?

Этот вопрос мне пришлось повторить, пользуясь разными формами знаков.

— Да, мы очень любим ее. Мы были бы счастливы без врагов, хотя уже давно отцы и деды наши знали, что раса трехногов может исчезнуть и без насилия.

После нескольких попыток он уточнил свою мысль:

— Всему живому приходит конец. Смерть приходит одинаково быстро и для нас, и для тех, кто существовал до нас. Но то, что количество наше уменьшается, это нас не беспокоит. Единственное, чего мы хотим — это, чтобы нам дали возможность пожить спокойно еще некоторое время. Может, вы нам в этом поможете?

Что за удивительная сила — привычка! Я уже полностью привык к этим гладким лицам, где не было тех некрасивых придатков, которыми мы вдыхаем воздух и нюхаем, привык я и к виду их тел, так непохожих на наши, и к длинным придаткам, которые заменяли им руки. И я чувствовал, что все понемногу становится обычным.

Больше, чем их строение, меня поражала постоянная тишина, в которой они пребывали. Не только потому, что их язык был исключительно зрительным, но и потому, что они не могли издавать каких-либо членораздельных звуков, которые издают земные существа.

— А может, они ничего и не слышат? — спросил Антуан.

— Я часто спрашивал про это, но не мог получить понятный ответ, — ответил Жан.

Антуан попытался сам спросить про это, но его не поняли.

Они не имели никакого понятия о членораздельной речи и вообще о звуковых колебаниях.

— Но зато, — объяснил Жан, — они могут воспринимать осязанием такие колебания грунта, какие мы не воспринимаем совсем. Например, они чувствуют, когда ночью к ним приближается звероподобное, и это с такой отчетливостью, о которой нам, людям, нечего и мечтать.

— Может, это осязательное чувство помогает им воспринимать и воздушные колебания?

— И да, и нет... Если эти волны довольно сильные, то они воспринимают их через колебания грунта и вещей.

Пока мы так разговаривали, пришли и другие трехноги.

— С ними две женщины, — объявил Жан. — Я не смог бы их назвать самками.

Мы сразу распознали их: они были немного выше мужчин и больше отличались от них, чем наши женщины от нас.

Безнадежным делом было бы описывать их красоту и привлекательность. Если бы я стал сыпать метафорами поэтов, если бы я вспомнил и про звезды, и про леса, и про летние вечера, и про весеннее утро, и про красоту игривой волны — все равно я не сказал бы ничего. Не было у них ничего, что напоминало бы человеческую красоту или красоту животного. Напрасно я искал чего-то подобного в моих воспоминаниях, в чарах пережитого. То была безупречная красота! И с каждой минутой я все более убеждался в этом.

Приходилось допустить, что наша красота — это просто приспособление настоящей реальности к нашей человеческой действительности.

Я всегда считал, что человеческий облик с мягким придатком, который выделяет слизь — носом, с двумя уродливыми ушами, со ртом, который временами напоминает разинутую пасть — облик гадкий, что если взять во внимание низменные функции носа, рта и ушей, то человеческое лицо ничуть не лучше морды дикого кабана, головы удава или морды щуки! И ведь вся привлекательность его

зависит от инстинкта, того самого инстинкта, которым руководствуются и гиппопотамы, и вороны, и жабы...

Поэтому я уверен, что эстетическое восприятие зависит от нашего настроения, и было бы совсем другим, если бы и внешность была другой.

А юные марсианки подтверждали мою теорию: лучшая из них являлась блестящим доказательством того, что может существовать красота, доступная нашему созерцанию, и, вместе с тем, полностью чуждая и нашему окружению, и нашей эволюции.

Разговор продолжался дальше и перешел на серьезные вещи. Трехноги спросили нас, не поможем ли мы им отбить вражеское наступление на их земли. Они могли легко отгонять маленьких и средних звероподобных, но чтобы отражать больших им приходилось концентрировать в одну точку волны многих лучеметов и держаться от них как можно дальше, чтобы не иметь больших потерь. Да и запасы энергии у трехногов были невелики.

— Ваши предки были лучше вооружены? — спросил я.

— Наши отдаленные предки — да. Но тогда враги наши были маленькими и водились только в пустынях. Никто не мог предвидеть, что из них вырастет потом. А когда пришла опасность, было уже поздно. У нас нет способов уничтожать наших врагов. Все, что мы можем делать — это задерживать их наступление.

Таков был ответ трехногов, который мы получили после многих расспросов и недоумений.

— А враги ваши организованы? — спросил Антуан.

— Не совсем. У них нет единого способа общения между собой, чего-то подобного нашему разговору, и мы не можем сказать, что их развитие высоко. Однако, ими руководит какой-то непонятный для нас инстинкт. Когда начинается наступление на наши земли, враги собираются, потом начинают плодить низшие организмы, которыми наводняют захваченную территорию. И, если они оставались на ней продолжительное время, то почва становится безжизненной, наши растения уже не могут существовать на ней.

— Эти наступления совершаются быстро?

— Довольно быстро, если начинаются. И довольно часто. Кажется, сотни лет назад они передвигались очень медленно и едва заметно, ограничиваясь пустынными пространствами планеты. Тогда уже начался наш упадок. А теперь мы часто теряем хорошую землю и наступление

на юге, которое началось сейчас, в случае их успеха будет стоить нам недешево.

— Хорошо, мы посоветуемся втроем.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, а потом Антуан сказал:

— Мы знаем, что нужно помочь, но для этого придется израсходовать много энергии. А наши запасы не позволяют этого. Нужно выяснить, есть ли на Марсе источники энергии. Солнечного тепла здесь не хватает, и наши преобразователи не смогут использовать его энергию. Нужно искать другие виды.

— Думаю, что планета даст то, что необходимо, — заявил Жан.

— Вот это и нужно выяснить.

Трехноги пристально следили за нашим, непонятным для них разговором. Они уже знали, что наши звуки выходят из рта, и внимательно следили за движениями губ. Жан повернулся к ним и показал знаками:

— Мы будем бороться с вашими врагами, если найдем требуемые источники энергии.

Пришлось повторить это несколько раз, пока трехноги поняли, в чем дело. А так как они тоже добывали для своих машин энергию, еще неизвестную нам, то, в конце концов, разобрались, что хотел сказать Жан.

— Мы вам поможем, — объяснил главный из них. — Если вы уверены, что ваше содействие что-то даст.

— Да, уверены, потому что у нас уже была встреча с вашими недругами, и мы дали отпор им.

Узнав про это, трехноги очень обрадовались и сияние их глаз стало еще ярче.

А одна из женщин, та, что была красивее, с недоверием спросила:

— А вы встречались с самыми большими из них?

— Много раз.

Трудно сказать, как мы поняли, что трехноги обрадовались. Их радость выражалась не так, как у людей. Особенно глаза выдавали ее, беспрестанно изменяя гамму оттенков, а молодой марсианке это придавало особую прелесть.

ГРАЦИЯ

Силою привычки отношения между нами и трехногими укрепились. Мы уже освоились с ними, с их наружностью,

с их походкой и обычаями и нам казалось, что мы уже долгое время живем с ними.

Я говорил, что жилища трехногов были подземные. Но большую часть дня они проводили на поверхности земли. Теперь я уже знал, что они делали так, чтобы не чувствовать чрезмерного похолодания ночью. На некоторой глубине там было довольно тепло, так как из нижних слоев планеты доходил внутренний жар.

Выкапывать укрытия марсианам не приходилось: на планете было много пещер, связанных коридорами — туда вели более-менее наклонные ходы, часто на 2—3 тысячи метров вглубь.

С течением времени с помощью техники трехноги улучшили свои природные жилища. Иногда эти подземные пещеры расширялись, а посередине их были маленькие озера. Если спускаться дальше, то стены начинали светиться. Мы убедились, что это происходило из-за радиоактивного распада, хотя мы и не нашли тут веществ, подобных нашему виолу или старому радию.

— Несомненно, — сказал однажды Антуан, — радиоактивные ископаемые исчерпались на поверхности, но на больших глубинах должны быть мощные пласты.

Но мы, не найдя радиоактивных элементов, открыли такие вещества, которые, соединяясь, давали очень высокую температуру и излучение высокой частоты. Этой температуры было достаточно, на ней работали наши аппараты. Так что теперь мы имели возможность добывать энергию и регулярно пополнять ее запасы.

Кроме того, во время этих исканий, мы нашли способ постепенным выделением составных частиц превращать влагу планеты в нашу обычную воду и изготовили три вида съедобных продуктов из употребляемых трехногами. Вот теперь можно было оставаться здесь сколько угодно.

Постоянная близость с нашими хозяевами дала возможность улучшить технику общения с ними, если речь шла про обычные вещи. Промышленность трехногов можно было сравнить с нашей земной промышленностью XIX века. Они умеют пользоваться тепловой энергией солнца и высокими температурами.

Металлургия их очень походит на нашу, а текстильной промышленности нет совсем. Одежду себе они изготавливают из минерального мха, очищая его, придавая чрезмерную крепость и, вместе с тем, гибкость. Ложа у них из широких упругих пластинок, прикрепленных к рамам, или на четырех, шести или восьми крюках.

Мебель настолько разнообразна, что трудно ее описать, а вообще-то она подобна нашей мебели разных эпох и разных народов.

Что до земледелия, то оно у них походит на обработку грунта излучением: землю едва-едва вспашут, а потом, перед посевом облучают волнами и токами. Корни растений легко растут в грунте, обработанном таким способом.

Уже с давнего времени еда трехногов исключительно жидкая, и они употребляют ее при помощи трубочек, похожих на наши тростинки.

В личной и общественной жизни они имеют большую свободу. Можно сказать, что пора преступности у них прошла, так же, как прошла и пора щепетильности. Им не нужно делать ни одного усилия, чтобы сохранить свою свободу или стеснить чужую. Не знают они ни бедности, ни богатства. Каждый должен делать свою работу с той же необходимостью, как муравей, но, однако, целиком сохраняя свою индивидуальность.

Необычайно мало таких трехногов, что отважились бы на какой-то акт насилия: таких здесь считают ненормальными. Это не значит, что у них нет эмоций. Есть, и очень глубокие! Но безвредные для окружающих. Хуже дело обстоит с любовью. Так же, как и мы, они испытывают ее, но ревность у них давно уже исчезла. Те самки (или женщины), которых не любят, испытывают сильные муки.

И женщины, и мужчины не имеют никакого представления про то, что можно ограничивать свободу вольного выбора.

Часто любят многих и из-за этого не бывает никаких драм. Но ведь могут на Земле отец или мать любить нескольких детей. Может, это все происходит оттого, что марсиане чувствуют и знают, как безнадежно обстоит у них дело с приростом населения. Уже на протяжении многих тысяч лет трехноги знают про упадок своей расы и остаются к этому равнодушны, продолжая жить полной жизнью.

Когда я разговаривал как-то с одним из наших друзей, которые уже хорошо нас понимали, он сказал мне:

— Разве гибель рода может сравниться с гибелью одной особи? Ведь и для каждого живого вместе с его жизнью кончается все, что было.

— Это так. Но разве можно так поступать, зная, что ваша раса вымирает.

Однако, и предвидя гибель, они были бодры и спокойны.

Какая же у них любовь? Прошло много месяцев, пока я сложил представление об этом. Может, не так подробно, но для нас — людей, более-менее достаточно.

Однако, некоторых особенностей я так и не понял, так же, как трехноги не могли понять нашей звуковой речи.

Физическая суть их любви — это еще бóльшая тайна, чем любовь цветов. Их объятия, а на это походит у них акт любви — что-то необычайно чистое. В этих объятиях принимает участие все тело почти каким-то нематериальным способом. А если здесь и действует что-то материальное, то, очевидно, в форме одиночных атомов, в форме разреженного газа.

Рождение ребенка — это настоящая поэма!

Тело матери начинает светиться фосфорическим светом, который постепенно усиливается на ее груди, где доходит до большой яркости. Тогда она подвешивает спереди к груди нежную повязку, похожую на большой белый цветок, и в ней растет дитя, которое формируется и вырастает.

Питание новорожденных происходит незаметно с помощью выходящего из тела излучения матери.

Мне казалось, что что-то божественное было в рождении и в первых днях жизни этих существ. Во всем этом не было ничего гадкого и грязного, как и в акте любви.

Пока мы проводили наши подготовительные поиски, а на это нужно было больше, чем три месяца, мы могли ближе познакомиться с нашими друзьями.

Их зрение гораздо сложнее нашего, так как они могут видеть инфракрасные и ультрафиолетовые лучи.

Каждая из трех пар глаз воспринимает свой регистр лучей. Та, что помещается выше, воспринимает часть спектра от ярко-желтого до темно-синего, средняя пара — от красного до инфракрасного, а нижняя — от фиолетового и ультрафиолетового до высокой частоты включительно.

Очень развито у них чувство осязания: они воспринимают незначительнейшие колебания земли. Если же приближается кто-то из трехногов или пятиногов, они ощущают это вследствие магнитной индукции. Так же воспринимают они и изменения в атмосфере. Так что отсутствие слуха у них возмещено хорошо...

Все их искусства зрительного характера, но они не статичны, как наша живопись, наше рисование, наша скульптура. Их искусство динамично и ярко, их краски объемнее и изменчивее, чем наши, они играют ту же роль, как у нас — звуки.

Иногда мне казалось, что я вот-вот постигну всю утонченность и красочность их искусства, но, к сожалению, это только казалось.

Тщетны были все мои усилия понять не то что их симфонию, а хотя бы простейшую светящуюся мелодию. Было у меня здесь и увлечение, необычайное и наилучшее в моей жизни.

Случайность на Марсе, так же, как и на Земле, руководит событиями. Мне довелось несколько раз встретиться с той красивой особой, о которой я говорил раньше. А так как она очень интересовалась нашей Землей, то мы старались видеться почаще.

Она быстро освоила наш оптический язык и очень хотела узнать про Землю, откуда мы прилетели, разобраться в тайнах земной жизни.

Я описывал ей жизнь нашей планеты, которая, по ее мнению, была лучше, чем жизнь трехногих уже хотя бы потому, что мы смогли перелететь межзвездную бездну.

Она неутомимо расспрашивала меня и хотела узнать все, а в ее глазах переливалось сияние, и они были наилучшими из наилучших глаз ее подружек. Трудно описать то чувство, которое притягивало меня к ней. Тут были и обожествление, и радость, что открываешь каждый день высшую красоту, и очарование в прямом смысле этого слова. Но очарование, которое охватило мифического Элиана, когда он увидел богинь, и нежность, не сравнимая с какой-либо другой нежностью — ни с нежностью любви, которая казалась невозможной, ни с нежностью приязни, для которой требуется большая духовная родственность, ни с нежностью, которую ощущаешь, когда видишь маленького ребенка — ни с чем нельзя было сравнить то чувство. Да я и не хочу его сравнивать с чем-либо!

Вспоминаю, как мы гуляли с нею в лесу, по берегу озера, по красным полянам. Я жил в каком-то сказочном мире, объятый тем высоким чувством, когда пропадает время, и тебя охватывает беспечная беззаботность ребенка или маленького животного.

Однажды мы долго сидели над озером. Настал вечер, прозрачный вечер на Марсе, где звезды гораздо ярче, чем у нас на вершинах гор.

Грация — так звал я ее — была захвачена описанием чудес нашей Земли, она относилась к ним с какой-то набожностью. Вдруг, в прозрачном воздухе мы увидели таинственное сияние воздушных светящихся созданий.

Некоторое время я смотрел на их удивительные движе-

ния, а потом просигнализировал (так как мы еще видели друг друга):

— Вот вам, Грация, доказательство, что Марс гораздо выше Земли.

Она ответила, и этот ответ удивил меня:

— Я бы этого не сказала.

— А почему вы этого не сказали бы?

— Не имею уверенности, что эта светящаяся жизнь выше нашей или вашей. Ни одного доказательства этого нет... Ни одного! И я думаю, что и у вас на Земле должно быть что-то подобное, только вы не замечаете, так же, как наши далекие предки не замечали этих светящихся созданий.

— А может, тогда их совсем не было?

— В таком случае, им довелось бы пройти очень быструю эволюцию, слишком быструю, чтобы быть высшими!

Мы смотрели в ночь. Глаза Грации сияли как созвездие Ориона и, казалось, нежным прикосновением ласкали мой облик.

— Если на Земле нет таких созданий, она родит их в будущем, и еще больше и красивее, чем у нас на Марсе. Ваша планета во всем должна быть лучше нашей!

Молчаливо шли мы по лесу, и мое чувство после этого вечера еще больше усилилось. Я полюбил ее, и в этой любви проявлялись новые оттенки. Какая-то удивительная связь укреплялась между нами, какая-то возвышенная внутренняя радость, и это было совсем не похоже на грубое чувство земных существ. Казалось, и она хотела быть чаще со мной. Однажды я спросил:

— Скажи, Грация, мы — люди, наверное, очень некрасивы на ваш взгляд?

— Сначала, да, вы казались уродливыми, — ответила она, — но ничего неприятного я не заметила в вас. А теперь я знаю, что и в ваших обликах имеется своя красота. Что же касается вас, то я и сама не пойму, но я всегда с нетерпением жду вас... в наших встречах есть какое-то неведомое наслаждение, и это меня удивляет.

— Приятно слышать то, что вы говорите. Милая Грация, вы меня пленили.

И, казалось, словно здесь в подсознании нарождался новый мир, и из его глубины возникали новые, неведомые существа, и таинственное сияние оживляло легенды прошлого, и все становилось возможным в творениях великой природы: я чувствовал, как крепнут связи между миром Грации и таинственным миром моих далеких предков.

Да разве можно описать мои чувства, если звезды замерцали в моем маленьком человеческом сердце! Те чувства, которые захватили меня всего, как бурные волны горного потока во время таяния льдов и сплошных ливней!

ВОЙНА СО ЗВЕРОПОДОБНЫМИ

Наши приготовления продолжались больше времени, чем мы думали, но, наконец, закончились. Мы обеспечили себя энергией, питанием и уведомили, что готовы к бою со звероподобными.

Приблизительно во второй декаде лета звездолет остановился на расстоянии трех километров от захваченных врагом территорий. Это была равнина с невысокими холмами. Трехноги хотели освободить ее, так как здесь было два озера и несколько каналов.

Мы изготовили для наших друзей множество лучеметов большой мощности. Кроме того, пять лучеметов было на корабле. Несколько раз мы облетели территорию: звероподобные еще не полностью захватили ее, но уже многих животных они убили, а другие убежали.

В своем наступлении плоские существа остановились перед широкой полосой земли, где когда-то текла река. Вся захваченная ими территория равнялась почти трем тысячам гектаров, но звероподобные, а они были разных размеров, задерживались на ней только несколько дней и отошли, а вместо тех, что отходили назад, приходило столько же новых.

Невозможно было заметить какой-либо порядок в этих перемещениях, так же, как и в движениях этих существ на занятой местности. Напрасно искали мы намека на какую-нибудь организацию, всюду виднелось только беспорядочное движение.

— Я был уверен, что открою у них какое-нибудь одинаковое стремление, — сказал Антуан. — Конечно, не такое, какое имеется в улье или муравейнике, но, хотя бы, такое, как у птиц во время перелетов. Но здесь, вероятно, имеет место только инстинкт наступления, полностью выраженный в этом движении до высохшего русла.

Кстати, оно не являлось преградой для них. Мы видели, как они преодолевали и большие преграды. От трехногов мы узнали, что так было всегда: после каждого продвижения звероподобных всегда была продолжительная пауза, и никогда они не шли дальше, пока не использовали захваченную территорию для своих потребностей. В этом

была какая-то таинственная закономерность, которая и на Земле иногда наблюдается в развитии видов животных.

— Пауза нам не помешает, — сказал Жан.

— Да, лучше подготовимся к атаке, она будет тяжелой. Наверное, если мы поразим и сотню этих существ, то это будет лишь малая толика. Опасаюсь, что на их место придут другие.

— Кто знает. Может, инстинкт, который руководит ими в наступлении, также предскажет им неминуемую гибель... В общем, будем делать все по порядку. Сначала очистим ближайшее место, затратив как можно меньше энергии.

Мы оповестили друзей про наше намерение и расставили аппараты, которыми трехноги уже научились орудовать. Потом Жан обратился к тому, кто по молчаливому согласию трехногов был вождем в этом наступлении. Мы звали его — вождь Непобедимый.

— Ничего не делать, пока мы не дадим сигнала... Сейчас мы очистим устье реки.

Звездолет поднялся на незначительную высоту. Видно было, как звероподобные существа-гиганты сновали во всех направлениях по занятой земле, среди множества мелких и средних, что напоминало муравейник.

Устье реки, которое находилось на северо-востоке, в длину равнялось 10 тысячам метров, а в ширину — тысяче. Там ползало с десятков гигантов.

Мы по прежнему опыту уже знали, какие лучи им не по вкусу, и сначала нанесли удар по одному великану: он точно окаменел, а потом попятился. Выгнав его, мы перешли к другому, третьему.

Мы изгнали уже пятерых и нацеливались на шестого, как увидели двух новых, которые быстро приближались.

— Вот чего нужно было опасаться, — сказал Антуан. — А что, если такое нападение будет по всей линии? Как тогда держать оборону? И сколько придется тратить энергии?

— Если мощное излучение нужно для того, чтобы прогнать их, — предположил Жан, — то нельзя ли держать их на расстоянии слабым излучением?

— Ты уже намечаешь план целой войны, а мы пока проводим эксперимент.

Гигант приближался к устью. Мы воздействовали на него слабым излучением. Сначала казалось, что это его не задержало, и он приближался по-прежнему. Однако, скоро его движения замедлились.

— Остановился!

Действительно, он остановился и стоял так долгое время. Наконец зверь попятился назад.

— А мы, таким образом, сможем сэкономить немало энергии! — радостно воскликнул Антуан.

Но для того, чтобы поднять боевой дух наших друзей, мы решили пока не экономить и выгнать скорее гигантов из устья. Каждый раз, когда новый гигант подходил сюда, мы его легко прогоняли без особых затрат энергии.

Прошли три четверти часа, и мы выполнили поставленную задачу: в устье оставались только маленькие твари, и трехноги могли легко выгнать их своими силами. Наш успех так подбодрил трехногов, что теперь они выполняли наставления звездоплавателей как священные наказания.

— Проба удалась, — сказал Жан. — Мы узнали очень полезную информацию. Излучать малыми дозами можно гораздо дольше. Я думаю, что тут есть кое-что поважнее, нежели экономия энергии: чтобы держать этих существ на расстоянии, нам нужны будут аккумуляторы малого напряжения...

Трехноги легко научатся изготавливать такие аппараты, и будучи пущены в ход, они станут вырабатывать энергию от солнечной радиации и будут постоянно излучать волны. Так что защищенная ими зона будет неприступной.

В то время, как Антуан дежурил, охраняя устье, я и Жан пошли к трехногам. Они встретили нас с нескрываемой радостью. Тысячи глаз сияли, придавая их обликам фантастический вид. Особенно мерцали глаза женщин — этих живых цветов, которые блестели, как громадные светлячки.

Не зная, как выразить свое восхищение, Грация повторяла мне:

— Что мы по сравнению с вами? Мизерные, бессильные существа. Как прекрасно, наверное, жить на Земле, и как хорошо тем женщинам, которых вы охраняете...

— Нет, любимая Грация, на нашей планете нет таких чарующих созданий, как вы, и ничего, что напоминало бы вас. Бесспорно, вы не знаете красоты наших рек, нежности наших лугов, наших предгорий, одетых лесом, не знаете ветров и бурь наших океанов, красоты наших зорь, лугов с цветами, но вся эта красота, рассыпанная повсюду, не сравнится с вашей сияющей красотой!

— Реки... Воды, что волнами катятся... Волны, что вверх вздымаются и опадают — вы описывали их мне. Как прекрасно все это! И я чувствую, что где-то в глубине мо-

его естества всплывают воспоминания, конечно, не мои воспоминания — они идут из глубины веков, с того времени, когда и марсиане знали, что такое живая вода...

И повторив:

— Живая вода! — она затрепетала всем телом.

Мы составили с трехногами план наступления. Было решено постепенно расширять фронт атаки, начиная с очищенного уже пространства бывшего устья. Мы выбрали эту тактику, а не наступление широким фронтом, так как это давало возможность приучить трехногих обращаться с аппаратами и, вместе с тем, бережно тратить энергию.

Кроме того, поступая так, мы не оставляли ни одного пропущенного места, откуда могла бы прийти неожиданная опасность для наших друзей или для нас самих.

Наступление началось во второй трети дня. Экономно тратя боевую энергию, за несколько часов мы отогнали звероподобных почти на три километра, то есть очистили почти 500 гектаров.

Оставалось много маленьких существ, но, чтобы выгнать их, пришлось бы затратить время, и поэтому мы пока отказались от своих планов. Подходила ночь. Мы поставили оборонительную линию лучеметов, разместив их веером. Они были маломощны, но все же могли удерживать врагов на расстоянии.

— Нам тяжело будет сделать такой заслон, когда мы очистим площадь в пять или шесть раз большую, — заключил Жан. — У нас мало аппаратов.

— Поэтому нужно срочно изготавливать аккумуляторы слабого напряжения.

Это была сравнительно легкая работа, так как у нас уже было достаточно требуемого материала и опыта. Кроме того, эти аппараты были маленькими и не требовали такой точности в изготовлении, как предыдущие.

Мы рассказали про наши планы вождю Непобедимому, и он понял всю важность этого дела. Светящиеся толпы трехногих собирались вокруг больших костров. Этот табор напоминал нам прошлые века, когда войска собирались ночью перед боем за сутки, минувшие века, когда люди бросались друг на друга, вооруженные копьями, луками и стрелами, — до времен огромных пушек и аэропланов.

Вспыхнувшая надежда, казалось, возвратила этой толпе прошлый пыл расы, который с давних времен уже почти угас.

— Наш мир словно помолодел! — сказала мне Гра-

ция. — Снова вернулась надежда на будущее. Многие из нас надеются, что Земля даст новую жизнь Марсу.

— А вы как думаете, Грация?

— Я еще не знаю, но чувствую себя счастливой... Словно я выросла.

Кажется, поэт сказал:

Когда мне средь темной ночи
Замерцали твои очи,
Ослепивши взор мой сразу...

Образ этот, бесспорно, преувеличенный и очень бледный по сравнению с действительностью. Глаза Грации гораздо милее, гораздо красивее, чем глаза земных существ. Они были подобны созвездию больших разноцветных звезд.

Мы вышли из лагеря и в холодной темноте смотрели на таинственный танец воздушных созданий. В каком-то мистическом озарении, еще большем потому, что рядом была Грация, я стремился понять этих волшебных существ.

— Нет, нам никогда не постигнуть их, — сказал я.

— Может, так и лучше, — ответила она. — Иногда плохо знать слишком много.

Какую нежность вложила она в эти слова. Я весь задрожал.

— Грация, я хотел бы понять, кто вы?

— Я очень простое существо, гораздо проще вас. Я руководствуюсь чувствами и не доискиваюсь до их скрытых причин.

— Почему вы снова пришли ко мне?

— Да потому, что мне хорошо с вами!

И прижалась ко мне. Я почувствовал, как во всем моем теле пробежало что-то более неуловимое, чем волна аромата, чем звук мелодии. Словно я возродился в какой-то новой жизни, полной очаровательной красоты, — и в ней был образ Грации в минувшем и в будущем.

Похолодало. Мы вернулись к кострам и встали подле вождя Непобедимого — отца Грации. Он смотрел на нас с каким-то мерцающим интересом и, видимо, удивлялся необыкновенным чувствам, возникшим между его дочкой и мною. Очевидно, это ему было приятно.

Нельзя было заподозрить тут какое-то плотское влечение: слишком была велика пропасть между трехногами и людьми. А если бы это было возможно, то, наверное, отец все же не волновался бы. В необычайной лучистой любви

марсиан нет ничего грубого, гадкого и смешного, как я уже говорил, нет ни ревности, ни ненависти, ни обиды.

Тут ни отец, ни мать не беспокоятся о том, кого любят их дети. И двое любящих могут проявлять необычайную верность друг другу без каких-либо возвышенных чопорных церемоний, без каких-то гарантий.

А что до детей, то уже на протяжении многих тысяч лет о них заботится общество, заинтересованное в этом.

Здесь нет семьи в нашем понимании, хотя детей любят так же, как и у нас. И ни у кого не появляется сомнений, таких обычных на Земле — действительно ли это твой ребенок: трехноги имеют безошибочный инстинкт, который позволяет им чувствовать сразу, его или нет новорожденное дитя.

И если моя тяга к Грации была приятна Непобедимому, то это потому, что он сам очень полюбил земных пришельцев. Сила его разума, большая, чем у других трехногов, напоминала его предков. Он сказал мне позднее, что после нашего появления у него воскресли былые мечты о будущем, оно снова приобрело смысл.

В тот вечер он спросил меня:

— А небо у вас такое же красивое, как у нас?

— Ночью у вас оно гораздо красивее нашего, — отвечал я. — На Земле нет ничего похожего на эти светящиеся создания, которые живут здесь под звездами, более красивыми и яркими, нежели наши. И марсианские ночи были бы еще лучше, если бы они были теплее, как у нас летом, пусть даже в тех краях, где зимой лютует мороз.

— Эти теплые ночи прекрасны?

— В них есть своеобразная красота.

— А какие у вас дни?

— Я считаю, что они лучше марсианских, но вам, наверное, не понравились бы. Растения Земли разнообразнее и цветом, и количеством. На них вырастают цветы, из которых потом нарождаются новые растения. Красоту цветов можно приравнять к красоте ваших женщин. Три четверти Земли покрыто водами, которые играют волнами. Утро и вечер у нас намного лучше, чем на Марсе.

— Да... Разве у нас есть что-нибудь хорошее? — сказал вождь, и тоска промелькнула в его глазах. — Нашей планете остается жить гораздо меньше вашей. Прошли времена расцвета... Наши предки никогда не отваживались на полеты в просторах Бездны... Наша планета очень маленькая и далеко до Солнца, а потому и развитие ее нельзя сравнить с развитием вашей.

— А на мой взгляд она удивительна. У нас на Земле имеется один, так сказать, вид жизни, а у вас — три.

— Однако во время расцвета цивилизации и у нас был один вид жизни. Жизнь у вас началась почти так же, как на Марсе. Я думаю, со временем и на Земле она разнообразится, когда начнется эпоха вашего упадка. И логично предположить, что у вас она будет еще разнообразнее.

Тепло и приятно было возле костров. Из объяснений вождя я еще раз убедился, что умственные способности марсиан были выше наших.

— Не понимаю, почему, имея такой острый разум, ваша раса отошла от творческой работы?

— Это случилось не по нашей воле. Прошло много времени, пока это случилось.

— Но вы так легко схватываете суть вещей полностью чуждой вам цивилизации.

— Да, мы многое понимаем. Я думаю, что мы могли бы научиться всему, что делается на Земле. Но мы не умеем открывать новое, делать выводы и потеряли интерес к этому, так как это кажется нам бесполезным. Может, в том-то и наша трагедия, что мы отживающая раса, которая утратила остроту предвидения, отличающую молодые расы. Нам кажется, что теперь куда лучше не думать о будущем, застыв в настоящем.

Только одно нам мешает — нападение низших существ, звероподобных. Поэтому, с того времени, как вы появились здесь, что-то новое проснулось у меня, какое-то удивительное стремление повернуть все на новый путь, какая-то тяга к полной и всеобъемлющей жизни!

Непобедимый подкинул в костер топлива и задумался..

КАТАСТРОФА

На протяжении следующих четырех дней понемногу расширялась очищенная территория, составлявшая уже почти 1800 гектаров. Но теперь нужно было остановиться не потому, что уменьшились запасы энергии, нет, их легко можно было пополнять, а потому, что тяжело было держать линию обороны.

Теперь мы обратили все внимание на изготовление оборонительных аккумуляторов. Четыре таких малых аппарата, поставленные в линию, излучали веером радиацию почти на километр. А нам нужно было держать под обстрелом пять километров, и это очень затрудняло наше

дальнейшее продвижение. Поэтому мы решили увеличить число устройств, и в течение декады весь лагерь изготавливал их.

Трудно найти на Земле подобных сметливых умельцев, которые бы так быстро схватывали суть сложнейших заданий и легко исполняли их. Но что до инициативы, то тут люди, бесспорно, были выше. Наши друзья, даже способнейшие, достигали лишь стадии исполнительства, точно выполняя поставленную задачу. Они совсем не имели инициативы и просто делали все автоматически. А если встречалось что-то новое, то марсианам требовалась наша помощь.

Но, невзирая на это, работа продвигалась быстрее, чем можно было сделать ее на Земле. Трехноги изготавливали партии аппаратов, идентичных образцам. Минуло еще две недели, и почти вся линия была защищена. Аккумуляторы тратили мало энергии и легко самозаряжались солнечными лучами.

Когда мы организовали работу трехногов, то освободились от хлопот, и это дало нам возможность познакомиться поближе со звероподобными. Во вновь захваченных ими местах, так же, как и в издавна заселенных, не было резкой разницы между царством растений и царством животных.

Все растительные плоские создания берут себе питание из почвы, животные этого вида плотоядны. Питание вбирается поверхностью тела, но ни одного ротового отверстия у них нет. Вещества всасываются всей кожей. Жертва гибнет лишь в исключительных случаях: сначала она словно камнеет и все ее жизненные функции приостанавливаются, а потом снова начинают действовать.

Нам не трудно было ловить маленьких и средних звероподобных, и мы изучали их анатомию. Но и до настоящего времени мы так и не разобрались, как функционируют их органы, и не могли точно указать их. Как я уже говорил, высшие из звероподобных имеют троичное строение, а у низших видов вещество тел напоминает ткань гриба или водорослей. И у высших, и у низших в теле имеется много вакуолей, размещенных в виде бус или треугольников.

Мы сделали вывод, что вакуоли обуславливают «кровообращение» и питание.

Так как у них нет жидкости в теле, то «кровообращение» состоит в перемещении мельчайших частиц. Разрезав

несколько живых существ, мы видели в ультрамикроскоп перемещение материи. Это походило на движение соков.

Сначала мы думали, что некоторые из них прикрепляются к грунту, но это было ошибкой. Все звероподобные двигаются, но низшие из них могут перемещаться, лишь пробыв долгое время в неподвижности, после того, как они истощат грунт под собой. Плоская форма звероподобных свидетельствует, по-моему, о том, что им необходима большая поверхность тела — ею они прилегают к неживым или живым телам, высасывая питательные вещества.

Это верное решение природы, так как они очень мало берут из воздуха. Твердый грунт является, очевидно, основным элементом роста их тел, так как они не углубляются в землю. Так что не удивительно, что им приходится захватывать как можно большую площадь.

Следует отметить, что у хищников тело не такое плоское, хотя они и пользуются питательными веществами из почвы. Кажется, что у звероподобных нет ни одного общественного инстинкта. Я уже не говорю про такой инстинкт, как у муравьев, термитов, пчел или ос. Нет у них и того простейшего, который собирает во время перелетов птиц в одну стаю, бизонов в стадо, лошадей в табун. Каждая особь живет самостоятельной жизнью. У них нет, наверное, родственных объединений. Плодятся они поверхностно, потомки словно выходят из земли. Хотя детеныш очень маленький, все же он имеет все свойства своего вида и полностью самостоятелен.

Что же можно сказать про наличие зачатков разума у звероподобных? Легко можно допустить, что их жизнь построена полностью на инстинктах, и они тем разнообразнее, чем выше существо. Мы искали у них органы передачи команд и сделали допущение, что эти органы имеют связь с вакуолями там, где должна быть голова, как у обычного земного или марсианского животного.

Нет никаких сведений о материальной структуре этого органа, но виден целый ряд вакуолей, в которых с удивительной слаженностью двигаются материальные частицы. Что до вакуолей, расположенных бусами в канальцах, то, очевидно, они служат нервным или мышечным аппаратом. Нет ничего химернее, чем движения этих плоских отвратительных созданий, которые, кажется, ползают без всякой цели, делая беспорядочные зигзагообразные круги, пока их не останавливает какая-нибудь добыча или опасность.

Если обычные существа видят плотоядное, то они сразу убегают и это часто выручает их, тем более, что и на малом расстоянии их трудно заметить.

Кроме того, такое спасение — дело обычное, так что хищники питаются, в основном, почвой или воздухом и лишь время от времени ищут себе живую добычу. В отличие от жизни звероподобных, жизнь животных и растений на Марсе не отличается чем-то особенным: растения напоминают земные, животные — тоже. Что до водных животных, которые имеют пять плавников, то они более подобны нашим жабам, чем рыбам.

У всех этих животных жидкое кровообращение. В их теле течет что-то, подобное крови. У одних фиолетового цвета, у других — голубого или зеленого. Кровь течет в сосудах наподобие наших вен или артерий, но вместо одного сердца твари имеют от двух до пяти, в зависимости от вида. У всех есть ротовое отверстие, сложные глаза их — настоящие глаза, пищеварительные органы почти такие же, как и у большинства земных животных. Если бы мы никогда не видели птиц, рыб, насекомых, то и они бы нам казались такими же удивительными, как марсианские животные.

Но так как мы уже давно выявили сходство между земными и здешними млекопитающими, птицами, насекомыми и рыбами, это нас не поражало.

Что касается трехногих, то, в конце концов, мы считали их почти людьми, хотя некоторыми особенностями они весьма отличались от наших высших организмов, как и большинство животных на Марсе.

Их вертикальное положение, умственная активность, необычайно подобная нашей, их чувства, привлекательность — все это увеличивало приязнь, которая превратила их в наших близких.

На ночь мы обычно возвращались в звездолет, который стоял на опушке. Первые дни один из нас дежурил ночью, а потом, почувствовав себя беспечно, мы отменили это дежурство. Всю ночь мы спали таким спокойным сном, точно были в своих постелях на Земле.

Трехноги обычно просыпались раньше нас. Несколько сот их, отрыв пещеры в отвоеванной зоне, прижились в них, а другие свободно перемещались по территории. И вот однажды утром мы проснулись от стука в оболочку звездолета.

Не имея возможности проявлять свои чувства речью, трехноги высказывали их жестами. Увидев, что мы вста-

ли, они энергично засигналили. Мы сразу поняли, что звероподобные перешли заслонную линию.

— По всей линии? — выпытывал удивленный Антуан.

— Нет, — отвечало сразу несколько трехногов. — Там, с правой стороны, целая группа звероподобных... Много наших убито!

— Сейчас летим!

Звездолет поднялся вверх, и мы скоро были над боем.

Семь громадных звероподобных — наибольший из них был почти 100 метров в длину — сновали среди трупов трехногов. Многие лежали в высохшем устье, а остальные стояли большой толпой по другую сторону русла. Объятые ужасом, они отчаянно жестикулировали. На правом фланге только что захваченной территории не было ни одного трехнога, а потому мы сразу включили излучатели. Так как нельзя было напасть сплошным фронтом, мы начали последовательное наступление.

Мы нападали по очереди на каждое существо, решительнее, чем обычно, применяли все средства и быстро заставили их отступить. Поливая лучами, мы гнали их куда хотели. А так как вследствие какого-то инстинктивного чутья звероподобные не сворачивали назад, то даже если некоторое время мы их не трогали, они все равно отступали в нужном нам направлении.

За каких-то четверть часа мы освободили от них всю ранее очищенную территорию. Жан вышел посмотреть на излучатель с правой линии обороны.

— Весь аппарат поднялся на несколько градусов, — сказал он, возвратившись. — Вот поэтому лучи шли не параллельно земле, и звероподобные прошли под ними.

— Ты поправил? — спросил я.

— Конечно.

— Значит, надо прочнее укреплять их, ставя на определенный угол наклона, — сказал Антуан. — Это все не так страшно. А теперь поговорим с нашими союзниками!

Пока мы разговаривали, подбежал Непобедимый. Он казался сильно взволнованным: трепетал всем телом, как бабочка под ударами ветра.

— Очень благодарю вас, мы не отважились повернуть остальные аппараты против тварей, — сказал он, — потому что боялись открыть фронт в других местах.

— Иначе и быть не могло, — буркнул я, подумав про обычное отсутствие у них инициативы.

Показывая на тела убитых, Антуан спросил:

— Как вы думаете, они не оживут?

Сумрачная тень появилась в глазах нашего союзника.

— Думаю, что не оживут, но среди тех, кто успел спрятаться в расщелинах скал, спаслось много.

— Неужели нельзя что-то предпринять?

— В данном случае ничего не поделаешь. Если кто не умер сразу, то через некоторое время этот паралич пройдет полностью за несколько часов или дней.

Вдруг, схватившись за голову, он показал:

— Там моя дочка!

Это прозвучало для меня точно удар грома, и я сказал, что выйду из звездолета.

— Я пойду с тобой, — присоединился Антуан. — Может, мы сможем оказать помощь.

Я уже ни о чем не спрашивал вождя и только с ужасом всматривался в трупы.

— Ее тут нет, — просигнализировал он. — Она успела отсюда убежать.

Глубокое потрясение, а вместе с тем, и удивление охватили меня. Это существо, совершенно незнакомое, здесь, на этой маленькой планете, которая мерцает красной звездой на ночном небе Земли, это существо, так непохожее на людей, теперь полностью занимало мои мысли и чувства. Печаль, горе, нетерпение охватили меня вместе с надеждой и ужасом — это была целая драма любви и смерти.

Идя следом за вождем, мы остановились возле длинного вала, который когда-то был берегом реки, — когда реки еще были в этом осужденном на смерть мире.

Тут и там лежали трупы, словно муравьи, затопленные водой. Между ними метались несколько трехногов, оказывая помощь жертвам.

И вот я стою возле Грации, а она не шелохнется, не дышит — окаменела. Я вспомнил тем утром, как умерла моя сестра Клотильда, когда война лютовала над Землей...

Вождь дотронулся до меня и показал:

— Она не умерла!

Внимательнее я всмотрелся в ее черты. Что-то блеснуло в очах, покрытых печалью смерти. Это подбодрило вождя, и он отошел, оказывая помощь другим, возвращая их к жизни.

Сколько стоял я возле Грации? Может, не больше четверти часа, но это время, заполненное переживаниями, показалось мне вечностью. Потом подошли трехноги и перенесли ее в укрытие, которое обогревал радиатор, подобный нашим.

Все складывалось хорошо — буря тоски в моей душе улеглась. Я верил, что Грация оживет, а ее отец поддерживал эту надежду, когда снова подошел ко мне.

И все же, когда она, наконец, раскрыла глаза, я на некоторое время точно остолбенел. Словно созвездия вынырнули из прибрежного тумана на берегах озера осенней ночью, а потом будто потоки света полились, как при восходе розового солнца. Нежно-нежно глядела она, словно не понимая, что произошло. Наконец спросила:

— Враги уничтожены, раз вы возле меня?

— Да, их прогнали прочь!

И радость залучилась, словно ароматом с цветущих берегов обдала меня. Переживания Грации переходили в форму жестов, мягких, почти незаметных жестов, что создавало непосредственную связь между нами. Потом пауза, мы бы сказали — тишина, мы, которые используют слова. Что-то невысказываемое пролетело, какие-то таинственные крылья подсознательной жизни. Потом жесты:

— Какое счастье, что я вижу вас теперь возле себя! Вы словно вернули мне жизнь! Такое счастье, что вы и не поймете!

И, когда я понял эти слова, какое-то незнакомое еще вдохновение охватило меня.

— Я тоже, — сказал я, — я тоже счастлив! Мне так хорошо, как в пору моего детства!

Прильнув плечом к моему плечу, Грация рукой нежно обвила мне шею. И тогда, казалось, я пережил что-то высшее над тем, что известно людям.

В этот миг пришел Антуан, а с ним и вождь.

— Все нормально, — сказал вождь. — Сегодня вечером она, видимо, совсем будет здорова.

Антуан и я смотрели на него, не понимая, в чем дело.

— Она сейчас еще больна, — объяснил он.

Вождь оказался прав. Только на другой день Грация почувствовала себя уже совсем хорошо. Я приходил к ней ежедневно. Снова началась война, но на этот раз мы закончили ее быстро.

Во время передышки мы изготавливали новые аппараты защиты. А зная недостаточность инициативы трехногов, мы подробно объяснили им все неполадки, которые могли встретиться, и рассказали, что тогда нужно делать.

Теперь трехноги сами умели изготавливать оружие. Как я уже говорил, их быстрота и точность работы были

намного выше людской, и они решили изготовить себе много таких аппаратов, чтобы защитить все свои границы.

— Мы научим и наших соседей делать то, что вы показали, — сказал вождь в тот день, когда уже можно было всему войску вернуться в пещеры. — А они научат других. Таким образом, ваша наука понемногу обеспечит нам защиту от нашествий звероподобных. Звездоплватели Земли выручили своих братьев!

ЭПИЛОГ

Проходили дни. Мы познакомились еще и с другими группами трехногих и на широкой равнине изготовили светящиеся фигуры, такие большие и яркие, что их было видно с Земли.

В первую же ночь мы послали световой сигнал системой длинных и коротких отблесков, которую открыл Морзе — изобретатель прошлого столетия. Система эта была настолько проста, что можно было высказывать все, доступное слову.

Нас сразу приняли и поняли. Скоро мы получили новости — десять радиостанций ответили нам. Антуан и Жан получили «межпланетные радиовесточки» от своих родственников, а я — от приятелей, так как моих близких уже не было в живых.

Наше путешествие вызвало целую бурю восторга на Земле. Газеты описывали его, как самое выдающееся событие века, а некоторые — как чрезвычайнейшее дело во всей истории рода человеческого...

Я же чувствовал еще большую тягу к Грации. Виделся с ней ежедневно, и целые часы мы проводили вместе. В чувствах наших я замечал столько необычного, что боялся даже уяснить их суть.

Как объяснить эти удивительные волны, эти прекрасные содрогания всего естества? Ничего подобного я не переживал в моей невеселой жизни. Я не допускал и мысли, что это могла быть любовь в людском понимании. Во мне полностью угасло наше людское похотливое чувство, а если бы оно и проснулось, то у Грации, я думаю, вызвало бы только обиду, а мне было бы стыдно.

Каждый раз во время легчайшего прикосновения к ее телу я ощущал какое-то обожание, какое-то необычайно сладкое чувство, такое же, как в тот день, когда к Грации вернулась жизнь.

А может, это и есть настоящая любовь? А если это так,

то она также далека от человеческой любви, как Грация от наших женщин. Так как словами это передать было невозможно, да и Грация, без сомнения, не поняла бы, то и я переживал все молча. Как счастливые тени блуждали мы по лесам, по берегам молчаливых озер, по подземным пустотам...

Однажды мы пришли в просторную пещеру, где зеленоватое сияние выходило из глубины и разливалось по стенам. Там, на камнях, была записана легенда про Марс, про то время, когда на нем появились первые живые существа.

Мы сели на миллионолетнем камне — когда-то это была колония множества маленьких существ — моллюсков, а теперь их остатки превратились в громадную глыбу ракушечника.

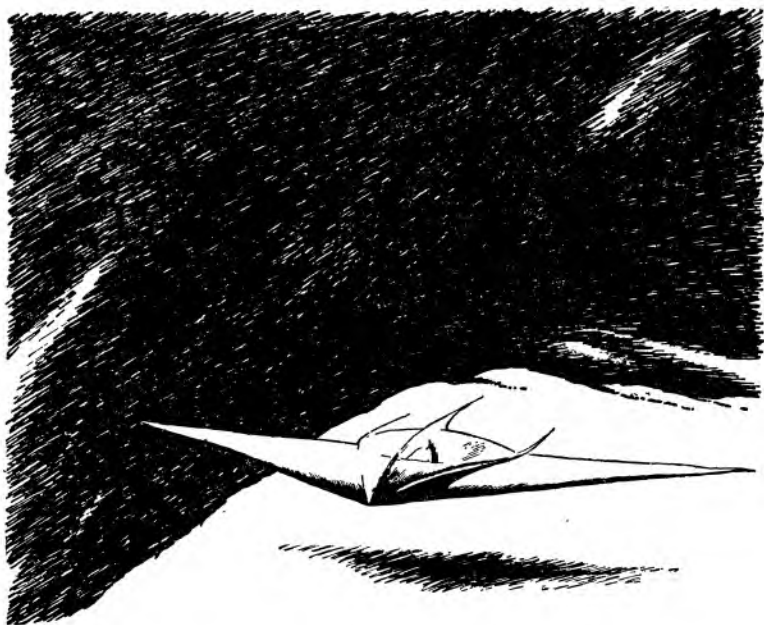
И там, до боли ясно, я почувствовал, что Грация для меня дороже всего на свете, и что я не могу сдержатъ себя и должен высказать ей это.

Марсианка затрепетала, словно листок на дереве от ветра, необычайным сиянием вспыхнули очи, голова тихо опустилась мне на плечо и тогда... Только как мне описать это?

То были объятия, такие же чистые, как объятия матери, когда она лелеет свое дитя. И вся минувшая жизнь показалась мне такой убогой, все ее скоротечные утхи: и запахи гор, и бодрые рассветы молодых лет, и загадочные тени сумерек, и все сказки про женщину, сложенные в течение тысячелетий, и сама женщина тех лет, когда я ее считал высшим существом и ее любовь счастьем... — все это осталось где-то далеко-далеко. Все пропало в этот миг чуда — зарождения новой жизни!

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Когда набиралась эта книга, мы узнали, что звездолет совершил второй перелет, и наши разведчики снова встретили друзей — марсиан. Вскоре выйдет другая книга, где сообщаются наблюдения и научные открытия наших исследователей, а затем будет описан другой перелет, на сей раз — самих марсиан.

КОНЕЦ ЗЕМЛИ

Повесть «Конец Земли» (*«La Mort de la Terre»*, 1910) издавалась на русском языке дважды — в 1912 году в издательствах И. Семенова и «Свет». Сокращенный и заново отредактированный перевод публикуется по последнему изданию. Повесть, особенно описанная в ней новая форма существования материи — железо-магниты, — оказала большое влияние на Франсиса Карсака (*Francis Carsac*, настоящее имя *François Bordes*). В его романе «Пришельцы ниоткуда» (*«Ceux de nulle part»*, 1954) гуманоидные расы вселенной воюют с мисликами — точным подобием железо-магнитов. На английском языке опубликована вместе с «Ксипехузами» — самым знаменитым рассказом Рони-старшего.

ГОЛОС ВЕДСТВИЯ

Свирепый северный ветер утих. Две недели его зловещий гул наполнял весь оазис печалью и страхом. Над растениями пришлось расставить укрытия из эластичного кремния и поднять щиты против урагана. Наконец оазис начал согреваться.

И Тарг, хранитель большого планетника, ощутил одну из тех внезапных радостей, которые озаряли человеческую жизнь в божественные века Воды. Как еще прекрасны были растения! Они переносили Тарга во тьму времен, когда океаны покрывали три четвертых земной поверхности; когда человек обитал среди источников, потоков, рек, озер и болот. Какая свежесть оживляла бесчисленные породы растений и животных! Жизнь гнездилась везде: с поднебесных высот до бездонных глубин моря! Там были целые степи и леса водорослей, как бывают леса деревьев и равнины трав на суше. Безграничная будущность развертывалась перед всеми существами; человек едва представлял себе тех отдаленных своих потомков, которые будут трепетать в ожидании конца мира. Можно ли было тогда вообразить себе, что агония продлится целую сотню тысячелетий!

Тарг поднял свои глаза к небу, где никогда больше не появятся облака.

Утром было еще свежо, но к полудню оазис накалится.

— Жатва близка! — проговорил про себя хранитель.

Он был смугл лицом; его глаза и волосы были черны, как антрацит, как у всех последних людей, у него была широкая грудь и впалый живот. У него были холеные руки и слабо развитая челюсть; во всех его членах больше чувствовалась сноровка, чем сила. Эластичное и теплое, как шерсть прежних времен, одеяние из минеральных волосков тесно обнимало все его тело; все существо хранителя дышало какою-то кроткой грацией, каким-то пугливым очарованием, запечатлевшимся и в худых щеках, и в задумчивом огоньке его взгляда.

Он засмотрелся на поле рослых злаков и на прямоугольные роши деревьев, на каждом из которых было столько же плодов, сколько листьев, и проговорил:

— Счастливые времена, щедрая заря жизни, когда растения покрывали всю юную планету!

Так как большой планетник находился на самой грани оазиса и пустыни, то Тарг мог различать печальный ландшафт из гранитов, кремния и металлов и всю грустную равнину, простиравшуюся до самого подножия обнаженных гор, без ледников, без единого стебелька травки, без малейшей горсти лишаев. Оазис с его правильными насаждениями и металлическими поселками в этой мертвой пустыне представлялся жалким пушком.

Таргу чудилось, словно его давила эта необъятная пустыня и эти суровые горы; он печально поднял голову к раструбу большого планетника. Аппарат своею желтой коронкой был обращен к горному проходу. Он был сооружен из аркума и восприимчив, как глазная сетчатка. Но устройство воспринимало лишь дальние ритмы других оазисов и заглушало те, на которые хранитель не обязан был отвечать.

Тарг любил его как символ простора и тех редких неожиданностей, которые были еще возможны для человеческой породы; в минуты своей меланхолии он обращался к планетнику и от него ждал ободрений и надежд.

Чей-то голос заставил его вздрогнуть. С легкой улыбкой Тарг увидел, как к платформе поднималась молодая девушка с грациозной фигурой. Она носила распушенными свои волосы цвета ночи; ее округлый торс был так же гибок, как стебель высоких злаков. Хранитель любовался ею; его сестра Арва была единственным существом, вблизи которого он переживал те неожиданные и очаровательные минуты, когда казалось, что на самом дне неведомого еще уцелела какая-то сила, которая способна была спасти человечество.

Со сдержанной улыбкой она воскликнула:

— Хорошая погода, Тарг! Счастливые растения!

Она вдыхала целительный аромат, исходящий от зеленой материи листьев. Черный огонь ее глаз трепетал. Три птицы пролетели над деревьями и опустились на борт платформы. Размером они были с прежних кондоров, их очертания были так правильны, как контуры красивого женского тела, их огромные серебристые крылья отливали аметистом и на концах переходили к фиолетовому оттенку. У них были массивные головы и очень короткие, очень гибкие и красные, как губы, клювы; и выражение их глаз походило на человеческое. Подняв голову, одна из них про-

изнесла членораздельные звуки; с тревогой Тарг взял тогда руку Арвы в свою и спросил:

— Ты поняла? Земля неспокойна.

Хотя уже очень давно не случалось, чтобы от землетрясения погиб какой-нибудь оазис, и к тому же самая сила этих землетрясений сильно убывала с той страшной поры, когда они подломили всемогущество человека, тем не менее Арва ощутила ту же тревогу, какую почувствовал ее брат. Но ей пришла в голову одна несбыточная мысль, и она сказала:

— А как знать, может, землетрясения, причинившие столько бедствий нашим братьям, окажутся благоприятными для нас?

— Каким образом? — снисходительно спросил ее Тарг.

— Выгнав наружу часть вод.

Он часто об этом думал, не высказывая никому своих мыслей, потому что подобная идея казалась глупой и даже почти оскорбительной для разгромленного человечества, все бедствия которого вызваны были земными колебаниями.

— Так ты тоже об этом думаешь? — воскликнул он с некоторого рода восторгом. — Только никому об этом не говори! Ты обидишь их до глубины души.

— Я могла сказать это только тебе.

Со всех сторон поднимались стаи белых птиц; те, которые приблизились к Таргу и Арве, топтались от нетерпения. Молодой человек разговаривал с ними, употребляя особенные обороты речи. По мере того, как развивался их ум, птицы научились говорить, но языком, допускавшим лишь определенные выражения и образные фразы.

Их понятия о будущем оставались смутными и узкими, как инстинктивное предчувствие. С тех пор, как человек перестал употреблять их в пищу, они жили счастливо и были не в состоянии представить себе собственную смерть, а тем более гибель всей их породы.

В оазисе их воспитывалось около тысячи двухсот. Присутствие их придавало жизни особенную прелесть и было очень полезно. Человек не мог вернуть себе утраченный за время своего всемогущества инстинкт, между тем настоящие условия среды ставили его лицом к лицу с такими явлениями, которых никак не могли предусмотреть даже те самые чувствительные аппараты, которые он унаследовал от своих предков; но их предугадывали птицы. И если бы они, этот последний остаток животного царст-

ва, исчезли, то человечество обуюло бы еще большее отчаяние.

— Опасность далека! — прошептал Тарг.

Слух разнесся по всему оазису. Люди сгруппировались у околиц селений и полей. Какой-то коренастый человек, мощный череп которого словно держался прямо на туловище, показался у подножия большого планетника. Он широко раскрыл большие грустные глаза, выделявшиеся на бронзовом лице, короткие руки мужчины кончались плоскими квадратными кистями.

— Мы увидим конец Земли! — проговорил он. — Мы будем последним поколением человечества.

Позади него раздался хриплый смех, и показался, в сопровождении своего правнука и женщины с миндалевидными глазами и бронзового цвета волосами, столетний Дан. Женщина шла легкой, как у птицы, походкой.

— Нет, мы не увидим этого конца! — возразила она. — Исчезновение человечества будет медленным... Вода будет убывать до тех пор, пока не останется лишь несколько семей, сгруппировавшихся вокруг одного колодца. Но это будет еще ужаснее.

— Мы увидим конец Земли! — стоял на своем коренастый человек.

— Тем лучше! — заметил правнук Дана. — Пусть тогда Земля сегодня же высосет последние источники воды!

От его очень узкого и неправильного лица веяло безграничной печалью. Он сам дивился, как до сих пор не прекратил своего собственного существования.

— А кто его знает, может быть, есть еще какая-нибудь надежда! — пробормотал прадед.

Сердце Тарга забилося. Он повернул к старцу свои глаза, в которых блеснула юность, и воскликнул:

— О, отец!

Но лицо старика уже замерло. Он впал в свою молчаливую задумчивость, которая делала его похожим на глыбу базальта, и Тарг приберег для себя свою мысль.

Толпа разрасталась на грани оазиса и пустыни. Показалось несколько планеров, поднявшихся из центра оазиса. То было время, когда труд не тяготел над человеком; надо было только дожидаться времени сбора. Погибли все насекомые и все микробы. Сосредоточившись на тесных пространствах, вне которых невозможна была никакая протоплазматическая жизнь, предки повели радикальную борьбу с паразитами. Сохраниться не могли даже микроскопические организмы, так как они оказались ли-

шенными содействия всякой непредвиденности, происходящей от тесноты агломераций, от огромности пространств, от беспрестанных видоизменений и перемещений.

И как хозяева распределения воды, люди располагали несокрушимой силой против всего, что они хотели истребить. Отсутствие домашних и диких животных, служащих постоянными распространителями эпидемий, еще более ускорило триумф. И теперь человек, птица и растение навсегда были в безопасности от заразных болезней.

Жизнь их от этого, однако, не стала продолжительнее. Со всеми микробами погибли и те, присутствие которых человеку было полезно, и человеческая машина оказалась беззащитной от свойственного ей и ускорившегося изнашивания. Явились новые болезни, которые, скорее всего, возникли благодаря «металлическим микробам». Человек, таким образом, снова встретил врагов, подобных тем, которые угрожали ему раньше, и хотя брак допускался лишь для самых совершенных индивидуумов, тем не менее человеческий организм редко достигал желательной устойчивости и прочности.

Вскоре многие сотни людей собрались вокруг большого планетника. Но среди них держалось лишь слабое оживление. Мысль о бедствиях господствовала над слишком многими поколениями, чтобы не истощить все источники ужаса и скорби, — этой расплаты за мощные радости и беспредельные надежды. У последних людей была ограниченная чувствительность и совсем не было воображения.

Толпа, во всяком случае, была в тревоге; некоторые лица морщились от слез, и у всех polegало на душе, когда один сорокалетний человек, спрыгнув с мотора, закричал:

— Сейсмографы пока еще не отмечают никакого землетрясения, так что оно не будет сильным.

— Из-за чего мы тревожимся? — воскликнула женщина с миндалевидными глазами. — Разве можем мы что-нибудь сделать или предупредить? Уже прошли целые века, как приняты все меры! Мы находимся в распоряжении неведомого. И ужасно глупо тревожиться из-за неизбежной беды!

— Нет, Геле, — ответил сорокалетний, — это не глупость, это сама жизнь. До тех пор, пока люди будут в силах тревожиться, в их существовании сохранится некоторая прелесть;

— Так и следует быть! — злобно заметил внук Дана. —

Наши радости так ничтожны, наши печали так тщедушны, что не стоят даже смерти.

Сорокалетний покачал головой. Подобно Таргу и его сестре, он в душе своей еще питал надежды на будущее и чувствовал силы в своей широкой груди. Его светлые глаза встретились с ясным взглядом Арвы, и легкое волнение ускорило его дыхание.

В то же самое время и другие группы собрались у прочих радиусов окружности. Благодаря расставленным через каждую тысячу метров волнопередатчикам, все эти группы легко сообщались между собой.

По желанию можно было слышать речи отдельного округа или же всего населения. Это общение сливалось в одно толпы и действовало, как сильное возбуждающее. Произошло небольшое волнение, когда в рупоре планетника раздалась весть из оазиса Красных Земель, которая затем понеслась с одного волнопередатчика на другой. Он сообщал, что там возвестили о подземных сотрясениях не только птицы, но и сейсмографы. И толпа сплотилась при этом подтверждении опасности.

Сорокалетний Мано поднялся на платформу; Тарг и Арва были бледны. И так как молодая девушка слегка дрожала, то вновь пришедший проговорил:

— Нас должна успокаивать ограниченность размеров оазисов и их малое количество. Вероятность того, что они окажутся в опасном районе, очень слаба.

— Тем более, — в поддержку этого же мнения высказался Тарг, — что именно подобное положение некогда их и спасло.

Внук Дана услышал их и с присущим ему мрачным злорадством заметил:

— Как будто эти районы не перемещаются время от времени. Впрочем, ведь достаточно слабого, но меткого удара, чтобы истощить родники!

Он удалился, исполненный мрачной иронией. Тарг, Арва и Мано вздрогнули. Минуту они пробыли в молчании, затем сорокалетний заговорил:

— Районы меняются крайне медленно. Уже двести лет, как сильные землетрясения происходят в открытой пустыне. Но их отражения не погубили источников. Близко от опасных мест находятся лишь оазисы Красные Земли, Опустошение и Западная.

Он с тихим восторгом смотрел на Арву, и во взгляде его светился луч любви. Овдовев три года тому назад, он страдал от своего одиночества. Но вопреки возмущению

всей своей энергии и своих нежных чувств, он мирился с этим положением. Законы строго определяли число браков и рождений.

Но Совет Пятнадцати несколько недель тому назад вписал Мано в число тех, которые могли возобновить свою семью; такая милость оправдывалась здоровьем его детей. И в лице Арвы, запечатлевшейся в душе Мано, озарялась новым светом древняя легенда.

— Прибавим надежду к нашим тревогам! — воскликнул он. — В конце-то концов даже в чудесные времена Воды смерть каждого человека была для него концом всего мира. И те, которые живут теперь на Земле, в отдельности взятые, подвергаются гораздо меньшим опасностям в сравнении с нашими предками, жившими в дорadioактивную эпоху!

Он говорил с лихорадочным одушевлением, ибо всегда восставал против той мрачной покорности судьбе, которая отравляла ему подобных. Разумеется, благодаря слишком укоренившемуся атавизму, он освобождался от нее лишь временно. Но во всяком случае он больше всякого другого знал радости жизни в настоящем, радости текущей ослепительной минуты.

Арва слушала его с расположением, но Тарг не мог понять, как это можно пренебречь будущим человечества. И если, подобно Мано, ему случалось внезапно поддаться мимолетной страсти, то он всегда к этому примешивал ту великую мечту Времени, которая руководила предками. Он говорил:

— Я не могу не интересоваться нашим потомством.

И, простерши руку к необъятной пустыне, он молвил:

— Как прекрасно было бы существование, если бы наша власть простиралась и на эту отвратительную пустыню! Неужели никогда вы не думали, что и там были моря, озера, реки, бесчисленные растения, а в дорadioактивный период и девственные леса! И вот теперь какая-то таинственная жизнь поглощает наши древние владения!

Мано пожал слегка плечами и проговорил:

— Бесполезно об этом думать, раз за пределами оазиса Земля для нас необитаема, пожалуй, даже больше, чем Юпитер или Сатурн.

Их прервал какой-то шум. Со вниманием поднялись все и увидели прибытие новой стаи птиц. ПERNатые возвестили, что там, в тени скал, какая-то молодая девушка в бессознательном состоянии стала жертвой железо-магнитов. И пока над пустыней взвились два планера, толпа

задумалась о странных магнетических существах, размножавшихся на земле, в то время как вымирало человечество. Прошли долгие минуты. Планеры появились снова. Один из них принес неподвижное тело, в котором все признали бродягу Эльму. Это была незаурядная девушка-сирота; ее не очень любили за ее наклонности; дикость девушки смущала ближних. В иные дни никакая сила не могла помешать Эльме убежать на простор в пустыню.

Ее положили на платформе планетника. Лицо скитальцы, наполовину закрытое длинными черными волосами, было бледно, хотя и усеяно красными точками.

— Она умерла! — объявил Мано. — Таинственные твари выпили ее жизнь.

— Бедняжка Эльма! — воскликнул Тарг.

Он смотрел на нее с такой жалостью, что как ни невозмутима была толпа, но и она с ненавистью стала отзываться о железо-магнитах.

Внезапно резонаторы начали произносить оглушительные фразы и отвлекли внимание: «Сейсмографы отмечают внезапное землетрясение в области Красных Земель».

— О! — раздался жалобный голос коренастого человека.

Ему не ответили ни единым звуком. Все лица были обращены к большому планетнику. Большинство ждало с трепетом нетерпения.

— Ничего! — воскликнул Мано после двух минут ожидания. — Если бы Красные Земли постигло бедствие, то мы бы уже знали об этом.

Пронзительный зов прервал его слова. И рупор большого планетника возгласил: «Страшный удар... Приподымается целый оазис... Катастр...».

Затем смутные звуки, глухой треск... Молчание...

Все, как загипнотизированные, ждали более минуты. Затем толпа тяжело вздохнула. Зависновались самые спокойные люди.

— Это великое бедствие! — проговорил престарелый Дан.

В этом никто не сомневался. В Красных Землях было десять планетников дальнего сообщения, обращенных в разные стороны. Чтобы замолчать всем десяти, надо было, чтобы они все оторвались от своих оснований, или же чтобы растерянность населения была чрезвычайна.

Тарг направил передатчик, ударил длительный призыв. Ответа не последовало. Гнетущая печаль опустилась на души. Это не была жгучая боль прежних людей, но мед-

ленная обессиливающая тоска. Красные Земли с Высокими Источниками связаны были тесными узами. Уже пять тысяч лет оба оазиса поддерживали между собой постоянные сношения, то при помощи резонаторов, то частыми посещениями на планерах и моторах. Вдоль тысячи семисот километров пути, соединявшего оба народа, — размещено было тридцать снабженных планетниками станций.

— Надо подождать! — крикнул Тарг, нагнувшись с платформы. — Растерянность, может быть, не позволяет нашим друзьям отвечать, но они не замедлят вернуть себе хладнокровие.

Но никто не мог допустить, чтобы люди с Красных Земель способны были растеряться до такой степени; их раса была еще невозмутимее, чем раса Высоких Источников; она была доступна для печали, но далеко не для ужаса.

Заметив недоверие на всех лицах, Тарг сказал:

— Если разрушены их аппараты, то посланцы оазиса менее чем через четверть часа могут достигнуть первой станции...

— Если только не испорчены планеры, — заметила Геле. — Что же касается моторов, то невероятно, чтобы они могли скоро выбраться за прегражденную развалинами черту оазиса.

Тем временем все население устремилось к южной зоне. Планеры и моторы в несколько минут перенесли к большому планетнику целые тысячи мужчин и женщин. Говор доносился, как глубокие вздохи, прерываемые молчанием. На платформе собрались члены Совета Пятнадцати, эти единодушные толкователи законов и судьи всех поступков. Были видны седые непокорные волосы престарелой Бамар и шишковатая голова ее мужа Омала, густую бороду которого не могли побелить семьдесят лет жизни. Они были некрасивы, но чтимы, и велика была власть их, потому что они дали безупречное потомство.

— Оазис Опустошения пока еще цел, — прошептал Оمال, — и сейсмографы не отметили никаких других катастроф в прочих человеческих областях.

Внезапно раздались звуки призыва, и в то время, как большинство насторожилось, из большого планетника раздался крик: «С первой станции Красных Земель. Два подземных толчка подняли оазис. Огромно число погибших и пострадавших; посевы уничтожены. Воды, видимо, в опасности. Планеры отправляются в Высокие Источники»...

Тут произошло смятение. Планеры и моторы помчались, как буря. Невиданное целые века возбуждение охва-

тило подавленные души. Жалость, страх и беспокойство словно помолодили всю эту толпу последних времен.

Совет Пятнадцати обсуждал информацию, между тем Тарг, весь дрожа, отвечал на извещение из Красных Земель и возвещал о скором отбытии делегации.

В часы опасности три родственных оазиса — Красные Земли, Высокие Источники и Опустошение — обязаны были оказывать взаимную помощь. И превосходно знавший все традиции Омал заявил:

— У нас имеются запасы на пять лет. Красные Земли могут требовать себе четвертую долю. Равным образом мы обязаны оказать приют, если это неизбежно, двум тысячам беглецов. Но им полагаются меньшие пайки провизии и им не позволено плодиться. Даже мы сами должны ограничить наши семьи, дабы ранее истечения пятнадцати лет привести численность населения к установленной норме.

Совет одобрил эту ссылку на законы; затем Бамар закричала толпе:

— Совет назначит тех, которые отправятся в Красные Земли. Их будет не больше девяти. Остальных пошлют, когда станут известны нужды наших братьев.

— Я прошу послать меня! — заявил Тарг.

— И я тоже! — живо присоединилась Арва.

Глаза Мано заблестели, и он тоже заговорил:

— Если совету будет угодно, то я буду среди посланцев.

Омал посмотрел на них благосклонно. И он когда-то переживал добровольные порывы, столь редкие у последних людей.

За исключением хилого юного Амата, толпа пассивно ожидала решения Совета. Обузданное тысячелетними законами и привычное к однообразной, нарушаемой лишь метеорами жизни, население утратило всякую склонность к инициативе. Ничто не могло толкнуть на приключения этих покорных, терпеливых и одаренных огромной пассивной волей людей. Окружавшие их бескрайние и лишенные всяких жизненных ресурсов пустыни тяготели над всеми их поступками и мыслями.

— Ничто не препятствует отправлению Тарга, Арвы и Мано, — проговорила старая Бамар. — Но для Амата дорога трудна. Пусть решит Совет.

Пока Совет обсуждал, Тарг смотрел на печальный простор. Жгучая грусть угнетала его. Катастрофа Красных Земель тревожила хранителя больше, чем прочих его со-

племенников. Их надежды возлагались лишь на отсрочку окончательной гибели, тогда как он лелеял мечту о счастливых метаморфозах. Но обстоятельства беспощадно подтверждали традиционную мысль.

И все-таки, при виде тяжелых гранитных равнин и огромных гор, вздымавшихся на Западе, мысль о приключениях его не покидала. Его душа стремилась к Красным Землям, но не с какой-нибудь определенной мыслью, а под влиянием тех неуловимых влечений, которые толкали некогда людей ко всему неведомому на Земле!

В КРАСНЫЕ ЗЕМЛИ

Девять планеров неслись к Красным Землям. Они неохотно отдалялись от тех двух дорог, по которым уже сто веков следовали моторы. Предки настроили из необделанного железа огромные убежища с планетными резонаторами и большое число менее значительных станций. Обе дороги хорошо содержались. Так как моторы проходили по ним редко, и притом их колеса были снабжены чрезвычайно эластичным металлическим покрытием, кроме того население обоих оазисов еще отчасти умело пользоваться теми огромными силами, которые подчинили себе их предки, — то содержание дорог требовало более надзора, чем труда. Железо-магниты там почти не показывались и производили лишь незначительные повреждения. Пешеход мог пройти целый день, почти не подвергшись никакой опасности. Но было неблагоразумно делать слишком продолжительные остановки, а в особенности засыпать. Много раз люди теряли в таких случаях все красные шарики крови и умирали от анемии.

Девять посланцев ничем не рисковали. Каждый из них распоряжался легким планером, который мог, однако, поднять четырех человек. Так что если даже и случилось бы несчастье с двумя-тремя из аппаратов, и тогда экспедиция не потерпела бы никакого ущерба. Аппараты обладали почти идеальной эластичностью и строились с таким расчетом, чтобы выдерживать сильнейшие удары и не опасаться ураганов.

Мано летел во главе отряда. Тарг и Арва неслись почти рядом. Волнение молодого человека все возрастало. История великих катастроф, верно передававшаяся от поколения к поколению, не выходила у него из головы.

Уже пятьсот веков как люди занимали на планете лишь тесно ограниченные пространства. Призрак конца задол-

го предшествовал катастрофе. Уменьшение количества воды замечалось уже в очень отдаленные эпохи и в первые века радиоактивной эры. Многие ученые предсказывали, что человечество погибнет от безводия. Но могли ли произвести подобающее впечатление такие предсказания на людей, которые видели снега, засыпавшие их селения, безграничные моря, плескавшиеся у их материков? Вода между тем медленно, но безостановочно убывала. Затем наступили страшные катастрофы. Случалось наблюдать чрезвычайные перемещения почвы. Землетрясения иногда в один день уничтожали по десять, двадцать городов и сотни селений; образовались новые горные цепи, вдвое выше древних Альп, Анд и Гималаев; вода пересыхала с каждым столетием. Но эти страшные явления еще более усилились. Значительные перемены замечались и на поверхности Солнца. Они, согласно малоизученным законам природы, отражались на поверхности нашей несчастной планеты. Началась ужасная цепь катастроф, которые с одной стороны довели высоту гор до двадцати пяти — тридцати километров, а с другой, истребили огромные массы вод.

Как известно, к началу этих планетных переворотов, численность человечества достигла цифры в двадцать три миллиарда душ. Эта масса располагала неизмеримыми силами, которые она извлекала (подобно тому, как это в несовершенном виде практикуется и теперь) из протоатомов, и очень мало беспокоилась об убыли воды, до такой степени усовершенствованы были способы искусственной культуры и питания. Человечество даже хвасталось, что скоро будет существовать при помощи вырабатываемых химически органических продуктов. И много раз эта старинная мечта казалась осуществившейся, но всякий раз страшные болезни и быстрое вырождение истребляли подвигавшихся опытам людей. Пришлось держаться пищевых продуктов, известных человеку давно. Правда, эти продукты, благодаря новым приемам воспитания и земледелия, а равно различным указаниям ученых, подверглись неуволнимым переменам, так что на содержание человека требовались меньшие порции, и менее чем в четыреста веков пищевые органы подверглись значительному уменьшению, тогда как дыхательный аппарат развился пропорционально разрежению атмосферы.

Последние дикие звери исчезли. Пищевые животные, сравнительно с их предками, выродились в подлинные живые растения, в безобразные яйцевидные массы, члены которых превратились в какие-то отростки, а челюсти, бла-

годаря искусственному питанию, совершенно атрофировались. Только некоторые породы птиц избежали такого вырождения и достигли необыкновенного умственного развития.

Их кротость, красота и прелесть развивались с каждым поколением. Благодаря своему инстинкту, который сохранился у них более утонченным, чем у человека, они оказывали совершенно неожиданные услуги, в особенности ценимые в лабораториях.

Человечество этой всемогущей эпохи познало тревогу существования. Великолепная таинственная поэзия умерла. Простой жизни больше не было; не было больше и огромных, почти свободных пространств; этих лесов, ланд, болот, степей, залежей, которыми так изобиловала дорадиоактивная эпоха. Самоубийство сделалось самой опасной болезнью человечества.

В течение пятнадцати тысячелетий земное население с двадцати трех миллиардов уменьшилось до четырех. Моря, рассеянные по глубоким впадинам, занимали лишь четвертую долю пространства. Большие реки и озера исчезли. Огромные и мрачные горы заполняли простор. Так появилась дикая и обнаженная планета.

Человек, между тем, боролся отчаянно. Он хвастался, что хотя и не может жить без воды, но сфабрикует ее себе, сколько нужно для потребностей хозяйства и земледелия; но необходимые для этого материалы стали убывать или же оставались на глубине, разработка которой делала их недоступными. Пришлось перейти на способы экономии, прибегать к инженерным средствам оборудования и извлечения наибольшей пользы из жизнедеятельных источников.

Домашние животные оказались не в силах приспособиться к новым жизненным условиям и погибли. Люди тщетно пытались выработать из них более невзыскательные породы. Но трехсоттысячелетнее вырождение уже истощило эволюционную энергию. Удержались только птицы и растения. Последние приобрели некоторые древние формы, а первые приспособились к новой среде. Многие из них вернулись к дикому состоянию и стали строить свои гнезда там, где человек меньше мог их истреблять. Исчезновение воды сопровождалось, хотя далеко не в такой степени, разрежением воздуха. Пернатые жили хищничеством и проявляли такую утонченную хитрость, что невозможно было им помешать. Что касается тех, которые жили вместе с нашими предками, то их участь была ужасна. Их пытались низвести до состояния пищевых жи-

вотных. Но их самосознание было слишком ясно. Они отчаянно боролись, чтобы избежать своей участи. Происходили отвратительные сцены первобытных времен, когда человек ел человека, или когда целые народы бывали обращены в рабство. Ужас обуял, наконец, сознание людей и мало-помалу они перестали мучить своих сожителей по планете и перестали ими питаться.

Землетрясения, между тем, продолжали преобразовать земную поверхность и разрушать города. После тридцати тысяч лет борьбы наши предки наконец поняли, что минералы, миллионы лет осиливаемые растительным и животным царствами, вступили на путь окончательной победы. Тогда начался период отчаяния, за время которого население Земли дошло до трехсот миллионов душ, тогда как моря сократились до одной десятой доли земной поверхности. Три или четыре тысячи лет затишья дали возможность возродиться некоторому оптимизму. Человечество предприняло изумительные предохранительные работы; борьба с птицами прекратилась; в отношении их ограничились тем, что поставили пернатых в условия, препятствующие их размножению, и из них извлекли огромную пользу.

Затем катастрофы начались снова. Обитаемые пространства сократились еще больше. А приблизительно через тридцать тысяч лет произошли окончательные превращения. Человечество оказалось ограниченным несколькими рассеянными по земной поверхности местностями, земля же, как в первобытные времена, снова сделалась неизмеримой и страшной; за пределами оазисов стало невозможным добыть себе необходимой для существования воды.

Затем произошло относительное затишье. Хотя вода, которую дают вырытые в пропастях колодцы, опустилась еще глубже, и человечество убавилось на две трети, и пришлось покинуть два оазиса, но люди все-таки держались и несомненно продержатся еще в течение пятидесяти или ста тысяч лет...

Человек жил в состоянии тихой, печальной и самой пассивной покорности судьбе. Дух творчества угас. Он пробуждается только вследствие атакизма и у немногих индивидуумов. От постепенного подбора раса усвоила автоматическую и поэтому полнейшую подчиненность ненарушимым законам. Проявления страстей стали редки, преступления неизвестны. Зародилась своего рода религия без культа и без ритуала: она состояла в страхе и почтении к минералам. Последние люди приписывали планете

медленную, но неуклонную волю. Сначала она относится благосклонно к зарождающимся от нее царствам и дает им накопить огромную мощь. Но тот неведомый час, когда она их осуждает на гибель, является в то же время началом благосклонности ее к новым царствам.

И теперь ее таинственные силы содействуют царству железо-магнитов. Нельзя сказать, чтобы железо-магниты принимали участие в истреблении человека. Самое большое, они содействовали предначертанному, впрочем, судьбою уничтожению диких птиц. Хотя появление их относится к отдаленной эпохе, но они совершили незначительную эволюцию. Движения их изумительно медленны; самые проворные не могут пройти декаметра в час. А блиндирующая висмутом ограда из необработанного железа является для них непреодолимым препятствием. Чтобы повредить человеку немедленно, им нужно совершить прыжок, который невозможен при их настоящем развитии.

Начало царства железо-магнитов отметили на склоне радиоактивного периода. То были странные фиолетовые пятна на железе и его производных, то есть металлах, подвергшихся промышленной обработке. Явление это наблюдалось только на предметах, которыми пользовались много раз, никогда железо-магнитных пятен не находили на железе в диком состоянии. Таким образом новое царство могло появиться только благодаря человеку. Это сильно занимало предков. Может быть, и люди были в подобном положении в отношении предшествовавших царств, которые на склоне своем допустили развитие жизни протоплазмы.

Как бы то ни было, но человечество давно уже знало о существовании железо-магнитов. А когда ученые описали их главные проявления, то уже не вызывало сомнений, что это организованные существа. Состав их необычаен. Он допускает лишь одну субстанцию — железо. И если иногда к нему оказываются примешанными хотя бы в небольшом количестве другие вещества, то это всегда является засорением, вредным для развития железо-магнитов; и их организм освобождается от примесей, если только он не очень ослаблен и не поражен какою-нибудь загадочной болезнью. Строение железа в живом состоянии очень разнообразно: оно содержит элементы жилистые, зернистые, мягкие, твердые и т. д. В общем же оно пластично и не содержит никакой жидкости. Но что в особенности характерно для новых организмов, так это крайняя сложность и непрерывная неустойчивость их магнетического состоя-

ния. Эта неустойчивость и сложность достигают таких размеров, что самые упорные исследователи отказались от применения к ним не только законов, но даже хоть сколько-нибудь приблизительных правил. Вероятно, в этом и следует видеть главное проявление жизни железо-магнитов. Когда в новом царстве обнаружится высшее сознание, то я полагаю, оно в особенности отразит это странное явление. Пока же, если у железо-магнитов и существует сознание, то оно находится еще в первобытном состоянии. Они живут в том периоде, когда над всем преобладает забота о размножении. Тем не менее таинственные создания уже подверглись некоторым значительным переменам. Писатели радиоактивной эпохи изображают нам каждую особь состоящей из трех групп, с заметной склонностью в каждой группе к улиткообразной форме. В эту эпоху они не могли проходить больше пяти-шести сантиметров в двадцать четыре часа; если изменить форму их агломераций, то им требуется много недель на приведение себя в прежнее состояние. В настоящее время, они, как говорят, могут проходить до десяти метров в час. Больше того: они образуют агломерации из трех, пяти, семи и даже девяти групп; и формы их отличаются большим разнообразием. Отдельная группа, состоящая из значительного количества железо-магнитных телец, не может существовать самостоятельно, ей необходимо быть пополненной двумя, четырьмя, шестью или восемью другими. Каждая серия содержит, очевидно, силовые линии, но как они устроены, сказать затруднительно. Начиная с агломерации из семи групп, железо-магнит погибает, если уничтожить хоть одну из них.

И наоборот, тройная серия может преобразоваться при помощи лишь одной группы, а серия из пяти групп — при помощи трех. Восстановление какой-нибудь поврежденной серии во многом напоминает зарождение железо-магнита. Оно представляет для человека глубокую загадку. Процесс совершается на расстоянии: Когда зарождается один железо-магнит, то непременно констатируется присутствие при этом многих других железо-магнитов. В зависимости от породы, на образование одного индивидуума требуется от шести часов до десяти дней. Оно, по-видимому, всецело происходит при помощи индукции. Подобным же образом происходит и восстановление поврежденного железо-магнита.

В то время присутствие железо-магнитов было почти безвредно. Предки наши вместе с истреблением железо-магнитов изыскивали способы обращения их деятельности

на пользу людей. Ничто, например, видимо, не препятствовало тому, чтобы обрабатывать материю железо-магнитов для промышленных целей. Если бы это осуществилось, то было бы достаточно защитить машины таким же способом, каким защищены ныне оазисы. Но старинные анализы сообщают, что человечество потерпело неудачу. Преображенное новой жизнью железо оказывалось негодным ни для какого человеческого употребления. Его строение и столь разнообразные магнетические свойства образуют субстанцию, которая не подчиняется никаким комбинациям и негодна ни для какой целесообразной работы. Несомненно, что эта структура, видимо, сливается, а магнетизм исчезает при близкой к плавлению температуре (а тем более при самом плавлении); но как только металлу дают остыть, как эти вредные свойства возвращаются.

Кроме того, человек не может долго оставаться в местах значительного скопления железо-магнитов. Он делается анемичным в несколько часов. По истечении же одного дня и одной ночи он оказывается в состоянии крайней слабости и не замедлит потерять сознание; а если ему не помочь, то он умирает.

Причины этих явлений не остались неузнанными: близость железо-магнитов приводит людей к потере красных кровяных шариков, которые почти доходят до состояния чистой крови и скапливаются на поверхности кожи, а затем притягиваются железо-магнитами, которые их разлагают и ассимилируют.

Различные причины могут помешать или замедлить это явление. Достаточно идти, и тогда не нужно ничего опасаться. Тем более безопасно ехать на моторе. Если одеться в ткань из нитей висмута, то можно в течение по меньшей мере двух дней пренебрегать великой опасностью со стороны врага. Точно также опасность ослабевает, если лечь головой к северу, а равно и в тот час, когда солнце приближается к меридиану.

Само собой разумеется, когда число железо-магнитов убывает, то и это явление становится менее интенсивным, наступает такой момент, когда оно прекращается совсем, так как человеческий организм сопротивляется. Наконец, действие железо-магнитов убывает пропорционально расстоянию и становится неощутимым за десять метров.

Понятно, что истребление загадочных существ казалось для наших предков необходимым. Они повели против них методическую войну. В эпоху, подобную той, когда начались великие катастрофы, эта борьба требовала тяжелых

жертв. А среди железо-магнитов завершился подбор. Приходилось употреблять огромные усилия, чтобы остановить их размножение.

Последовавшие далее земные метаморфозы послужили новому царству на пользу. Его присутствие стало менее тревожным, так как количество необходимого для промышленности минерала систематически убывало, между тем сейсмические перевороты подняли наружу огромные массы первобытного железа, руды, которая недоступна для железо-магнитов. Таким образом и борьба с последними настолько ослабела, что стала ничтожной. Что могла значить органическая гибель в сравнении с неотвратимой гибелью планетной?..

Теперь железо-магниты почти не беспокоили людей. С поясами из красного железняка или из шпатового железа, покрытыми висмутом, они считали себя неприступными. Но если бы какой-нибудь новый переворот вернул на поверхность Земли воды, то новое царство представило бы неисчислимые препятствия для человеческого размножения, по крайней мере размножения более или менее значительных размеров.

Тарг окинул равнину продолжительным взглядом, и повсюду он различал фиолетовый оттенок и свойственные железо-магнитам извилистые формы.

— Да, — проговорил он, — если человечество приобретет сколько-нибудь сил, то ему придется начать работу предков снова. Врага надо истребить или же утилизировать. Боюсь я, что его истребление окажется невозможным: новое царство должно носить в себе самом такие элементы успеха, которые обойдут всю предусмотрительность и энергию отжившего царства. И наоборот, неужели нельзя найти такой метод, который позволил бы обоим царствам существовать рядом и даже взаимно помогать? Да почему бы нет? Раз железо-магнитный мир ведет свое происхождение от нашей промышленности? Разве не кроется в этом указание на глубокую сочетаемость?

Затем, устремив свои взоры к огромным вершинам запада, он воскликнул:

— Увы, смешны мои мечты! А между тем... Между тем, разве они не помогают мне жить? Разве не дают они мне немного того юного счастья, которое навсегда изгнано из души человека?

С легкой болью в сердце он выпрямился: там, в прорези горы Теней, только что появились три огромных белых планера.

ЗЕМЛЯ-ЧЕЛОВЕКОУБИЙЦА

Планеры эти почти касались нависшего над пропастью Пурпурного Зуба. Их окутала оранжевая тень, затем они снова засеребрились на полуденном солнце.

— Посланцы из Красных Земель! — воскликнул Мано.

Он не сообщил ничего нового своим спутникам. Его слова были лишь призывом к вниманию. Обе партии ускорили свой полет, и вскоре бледные птицы опустились около изумрудных аппаратов Высоких Источников. Раздались приветствия, и за ними наступило молчание; на сердце у каждого было тяжело, слышалось лишь легкое жужжание турбин, да шелест крыльев. Все чувствовали суровую силу этой пустыни, над которой они неслись как владыки.

Наконец Тарг спросил робким голосом:

— Известны ли размеры несчастья?

— Нет! — отвечал один из пилотов с темным лицом. — Они будут известны не ранее как через несколько часов. Известно только одно, что число мертвых и раненых огромно. И это было бы ничего, если бы мы не опасались за исчезновение многих источников.

С печальным спокойствием он опустил голову.

— Погибли не только все посевы, но и исчезло много запасов. Во всяком случае, если не произойдет новых землетрясений, то с помощью Высоких Источников и Опустошения, мы сможем просуществовать в течение нескольких лет. Народ временно прекратит размножаться, но, может быть, нам не придется пожертвовать ни одним человеком.

Еще некоторое время оба отряда летели рядом, но затем пилот с темным лицом переменил направление. И люди из Красных Земель полетели на Север, тогда как девятеро взвились к перевалу через гору Теней.

Они неслись среди опасных вершин, над бездонными пропастями и вдоль косогорья, которое некогда было пастбищем, а теперь там плодили свое потомство железо-магниты.

— Вот оно доказательство, до чего этот склон насыщен обломками промышленной деятельности людей.

И снова они летели над холмами и долинами. К двум третям дня они находились в трехстах километрах от Красных Земель.

— Еще один час! — воскликнул Мано.

Тарг с помощью своего телескопа исследовал горизонт. Еще неопределенно, но он уже разглядел оазис и пурпур-

ную полосу, от которой он получил свое название. Жажда приключений, затихшая было после встречи с большими планерами, снова пробудилась в сердце молодого человека, он усилил быстроту своей машины и опередил Мано.

Стаи птиц кружились над красной полосой земли. Многие понеслись навстречу эскадре. Они сошлись в пятидесяти километрах от оазиса. Их повествование не только подтвердило катастрофу, но они предсказывали и новые неизбежные бедствия. Тарг смотрел и слушал их с поникшим сердцем, не будучи в силах промолвить ни единого слова.

Земля в пустыне словно была вспахана каким-то необыкновенным плугом. По мере приближения в оазисе видны были обрушившиеся дома, его ограда была разорвана; посевы провалились; среди развалин копошился человеческий муравейник...

Вдруг страшный крик пронесся в воздухе. Полет птиц странно обломился, жуткая дрожь пронеслась в пространстве.

Земля-человекоубийца пожирала своих детищ!

Одни только Тарг и Арва испустили крик жалости и ужаса. Остальные же авиаторы с грустным спокойствием последних людей продолжали свой путь... Пред ними был весь оазис. Над ним носились зловещие вопли. Видно было, как жалкие существа бежали, ползли или шатались, другие оставались неподвижными, будучи поражены насмерть; иногда словно окровавленные головы виднелись из земли. Зрелище становилось еще ужаснее по мере того, как можно было лучше различать подробности.

Девятеро в нерешимости носились над оазисом. На испуганный сначала полет птиц успокоился; видимо, не предвиделось никакого другого толчка. Можно было опуститься на землю.

Несколько членов Главного Совета приняли делегатов Высоких Источников. Речи были не обильны и быстры. Новое бедствие требовало всей возможной энергии. Девятеро присоединились к спасателям.

Стоны сначала казались невыносимыми. Ужасные раны преодолевали фатализм взрослых, вопли же детей раздавались, как один пронзительный и дикий вопль скорби.

Наконец анестетические средства оказали свое благотворное действие. Жгучие страдания погрузились на дне бессознательности. Теперь раздавались только отдельные стоны, стоны тех, которые были распростерты на дне развалин.

Один из таких воплей привлек внимание Тарга. Это был скорее вопль испуга, но не страданий, в нем была какая-то таинственная и свежая прелесть. Молодой человек долго не мог раскрыть его места. Наконец он нашел ту яму, из которой крик доносился более отчетливо. Камни мешали Таргу, и он осторожно принялся их разбирать. Ему беспрерывно приходилось останавливать свою работу перед глухими угрозами минералов: образовывались внезапные провалы, обваливались камни или же доносились подозрительные сотрясения.

Стоны умолкли; от нервного напряжения и усталости на висках Тарга выступил пот.

Вдруг все, казалось, погибло; обрушилась одна часть стены. Искатель чувствовал себя во власти минералов, и, склонив голову, ждал... Один камень скользнул вплотную с ним, он померился с судьбой, но тишина и неподвижность восстановились.

Подняв глаза, хранитель увидел, что слева от него открылся огромный, как настоящая пещера, провал, и в полутьме его он разглядел распростертого человека. Тарг с усилием поднял живую жертву и вышел из развалин в ту самую минуту, когда новый обвал сделал путь непроходимым...

Это была молодая женщина или девушка, одетая в серебристую ткань Красных Земель. Ее волосы больше всего взволновали спасателя. Они были того лучезарного цвета, который встречался у девушек, благодаря атавизму, едва какой-нибудь раз в целое столетие. Ослепительные, как драгоценный металл, и свежие, как вода, брызжащая из глубоких родников, они казались какой-то любовной тканью, символом той грации, которая в течение веков была украшением женщин.

Сердце Тарга всколыхнулось, героический порыв охватил его мозг. Ему представились великодушные и славные подвиги, которые никогда больше не случались среди последних людей. И в то время, как он любовался изящным овалом щек, их перламутровым оттенком и пурпуром ее губ, раскрылись глаза цвета утренних небес, когда солнце необъятно, и ласкающий ветерок стремится по простору.

В НЕДРАХ ЗЕМЛИ

Это было в сумерках. Созвездия зажгли свои далекие светильники. Замолкший оазис прикрыл свои бедствия и свои печали. И Тарг с тревожной душой бродил близ стен.

Время для последних людей было ужасное. Планетный один за другим возвещали неисчислимые бедствия. Опустошение было разрушено. В двух экваториалах, в Большой Долине и в Голубых Песках, воды исчезли. В Высоких источниках они понизились. Из Светлого Оазиса и из Долины Скорби сообщали или о разрушительных толчках, или о быстрой убыли вод.

Бедствие обрушилось на все человечество.

Тарг прошел через разрушенную ограду и вступил в безгласную и ужасную пустыню.

Луна была почти полной и начинала затемнять наиболее слабые звезды. Она освещала красные граниты и фиолетовые массивы железо-магнитов, над которыми иногда замечался колеблющийся фосфорический свет, таинственный признак деятельности новых существ.

Молодой человек шел по пустыне, не замечая ее мрачного величия.

Ослепительный образ затмил для него ужасы катастрофы. В его сердце словно запечатлелся образ золотистых волос, звезда Вега трепетала подобно голубым очам. Любовь казалась сутью жизни; и эта жизнь стала еще кипучее, еще глубже, еще чудеснее. Он страдал от этого, но страдание ему было мило. Оно во всей полноте раскрывало Таргу тот мир красоты, который он предчувствовал и ради которого он скорее согласился бы умереть, чем жить ради тусклых идеалов последних людей. Имя той, которую он извлек из развалин, то и дело вспоминалось ему, словно оно стало для него святыней.

— Эра!

Он шел в суровом молчании вечной пустыни, в молчании, подобном великому эфиру, который заставлял трепетать лучи звезд. Воздух был неподвижен, как гранит. Время словно умерло, пространство стало прообразом иного нечеловеческого пространства, неумолимого, ледяного, полного мрачных призраков.

Тем не менее тут была жизнь, но отвратительная, потому что наследовала человеческой, жизнь угрюмая, устрашающая, неизведанная. Тарг дважды останавливался, чтобы поглядеть на фосфорические существа. Ночь их несколько не усыпляла. Они передвигались с таинственными целями. Но те средства, какими они пользовались, чтобы скользить по земле, невозможно было объяснить. Тарг скоро перестал ими интересоваться. Образ Эры его увлекал. Была смутная связь между этим его скитанием по пустыне и героизмом, пробудившемся в его душе. Он безотчетно

жаждал приключений невозможных, химерических: хранитель был в поисках воды.

Одна вода могла дать ему Эру. Человеческие законы отдаляли от него ее. Вчера еще он мог мечтать о ней как о супруге, для этого достаточно было, чтобы какую-нибудь девушку из Высоких Источников согласились принять Красные Земли. Но после катастрофы такой обмен стал невозможным. Высокие Источники принимали изгнанников, но обрекали их на безбрачие. Законы были неумолимы. И Тарг мирился с ними, как с высшей необходимостью.

Ярко светила луна, ее перламутровый серебристый диск возвышался над западными высотами. Тарг шел к ним, как в гипнозе. Он достиг скалистой местности. Здесь еще сохранились следы разрушения. Многие скалы были низвергнуты, многие трескались. И повсюду кремнистая земля была изодрана расщелинами.

— Можно подумать, — проговорил про себя молодой человек, — что здесь землетрясение достигло высшего своего напряжения... Отчего это?

Мечты его понемногу рассеивались, а окружающая природа будила его любознательность.

— Почему же это? — спрашивал он самого себя. — Да, почему?

Из осторожности и для исследования скал он останавливался на каждом шагу; эта изборожденная почва должна была таить бесчисленные ловушки. Им овладело странное волнение. Ему казалось, что если бы мог быть путь к воде, то более всего шансов ему быть здесь, в этой взбудораженной на такую глубину местности. Включив свой радиатик, с которым он никогда не расставался в путешествиях, он углубился в расщелины коридоров, которые быстро суживались или оканчивались тупиками.

В конце концов он оказался перед небольшой трещиной, начинавшейся у высокой и чрезвычайно широкой скалы, которую лишь немного повредило землетрясением. Достаточно было бросить взгляд на сверкавший местами, как стекло, излом, чтобы понять, что все расщелины были недавнего происхождения. Таргу она показалась не заслуживающей внимания, и он хотел удалиться, но сверкание излома его заинтересовало. Почему бы не попробовать исследовать? Если она не очень глубока, то ему достаточно будет сделать лишь несколько шагов.

Она оказалась много длиннее, чем он думал. Тем не менее шагов после тридцати расщелина начала суживаться. Вскоре Тарг уже думал, что ему нельзя будет углу-

биться дальше. Он остановился и тщательно стал исследовать все особенности стены. Проход пока еще был возможен, но уже приходилось ползти; хранитель планетника не остановился и перед этим и проник в расщелину, диаметр которой едва был шире человеческого тела. Извилистый и усеянный острыми камнями проход сузился еще более. Тарг уже задавался вопросом, сможет ли он вернуться назад.

Он был словно замурован в недрах Земли, как пленник мира минералов, как бесконечно слабое ничтожество, которое способна уничтожить любая скала. Но им начала овладевать лихорадка исследования, и он стал бы презирать себя и даже ненавидеть, если бы отказался от своей задачи раньше, чем убедился в ее невозможности. И Тарг продолжал.

Он долго пробирался во внутренности скалы. Под конец с ним случился почти обморок. Его сердце, бившееся до того подобно взмахам крыльев, замерло. Биение его стало едва ощутимым, отвага и надежда пропали. Когда же сердце снова набралось немного сил, то Таргу показалось смешным пускаться в такое дикое приключение.

— Не сошел ли я с ума?

Он пополз назад. И тогда им овладело мучительное отчаяние; образ Эры рисовался ему с такой живостью, словно она была с ним в этой расщелине.

— Если бы даже я сошел с ума, — рассуждал он в полубреду, — то все же мое безумие было бы лучше отвратительной мудрости мне подобных... Вперед!

И он снова двинулся вперед. Хранитель рисковал своей жизнью, решившись остановиться лишь перед непреодолимым препятствием.

Случай, казалось, благоприятствовал его отваге; расщелина расширилась, и он был теперь в высоком базальтовом коридоре, своды которого, видимо, поддерживались антрацитовыми колоннами. Им овладела бурная радость, и Тарг пустился бежать; все ему казалось теперь возможным.

Но камень так же полон тайн, как в древности зеленый лес. Внезапно коридор окончился. Тарг оказался перед мрачной стеной, от которой радиатик едва мог извлечь несколько отблесков... Тем не менее он продолжал исследовать стены. И на трех метрах высоты он открыл отверстие новой расщелины.

То была слегка извилистая и поднимавшаяся до сорока градусов от горизонта трещина достаточной ширины для

прохода одного человека; но Тарг смотрел на нее с радостью, смешанной с разочарованием: она ободряла его химеричную надежду, потому что путь его, во всяком случае, не был прегражден окончательно, но с другой стороны она представлялась безнадежной, так как устремлялась вверх.

— Если она не начнет снижаться, то у меня больше нет шансов ни вернуться по ней на поверхность, ни опуститься под землю! — ворчал исследователь.

И он беззаботно и отчаянно махнул рукой, произвольно прибегнув к жесту, который был совершенно чужд ему, как и всем современным Таргу людям, но являлся повторением какого-то жеста предков. Хранитель пустился карабкаться по стене.

Она была почти отвесной и гладкой. Тарг имел при себе лесенку из минеральных волокон, с которой не расстаются авиаторы. Он вынул ее из своего мешка с инструментами. Она прослужила целому ряду поколений, но была так же гибка и надежна, как в первые дни после своего изготовления. Он развернул ее тонкий и легкий моток и, взяв его за середину, размахнулся. Тарг в совершенстве исполнял этот маневр. Крюки, которыми оканчивалась лестница, без труда зацепились за базальт. В несколько секунд исследователь добрался до трещины.

Он не мог сдержать восклицания недовольства. Трещина была достигнута, но поднималась довольно круто вверх. Его усилия оказались тщетными.

Но Тарг свернул свою лесенку и углубился в расщелину. Первые шаги были труднее всего. Двигаться приходилось по наклонной и скользкой почве. Затем дорога выровнялась; проход расширился настолько, что в нем могли идти в ряд несколько человек. К несчастью, уклон неизменно шел вверх. Тарг полагал, что находится метрах в пятнадцати над уровнем наружной равнины. Подземное путешествие оказалось таким образом подъемом в гору!..

Он преследовал свою цель, какова бы ни была ее цена, ощущал в себе тихую печаль и осуждал себя за безумную попытку. Но он сделает все для того, чтобы добиться открытия, которое превзойдет по своему значению все, что совершили за последние века люди! Неужели будет достаточно его химерического характера и более чем у прочих мятущейся души, чтобы преуспеть там, где потерпели неудачу общие усилия, опиравшиеся на изумительное оборудование? Не требует ли такая, как его, попытка полнейшего подчинения и терпения?

По рассеянности он и не заметил, что путь сделался положе и даже стал совсем горизонтальным. Внезапно Тарг с удивлением очнулся от своего забвения: в нескольких шагах от него галерея начала опускаться!

Она снижалась на протяжении более одного километра; она была широка, и посредине глубже, чем по краям; движение по ней вообще было удобно и лишь изредка прерывалось какой-нибудь каменной трещиной. Не было никакого сомнения, что в отдаленные времена здесь проложил себе путь поток воды.

Между тем обломки камня начали накапливаться, среди них были осколки глыбы новейшего происхождения, затем выход оказался прегражден совершенно.

— Здесь галерея кончилась, — подумал молодой человек. — Это ее прервало перемещение в земной коре. Но только когда? Вчера... Или тысячу лет тому назад... Или сто тысяч лет!

Он недолго исследовал обвал, в котором рассмотрел следы недавних землетрясений. Вся его энергия направлена была теперь на то, чтобы найти проход. И он вскоре открыл одну расщелину; она была узкая, высокая, трудная, утесистая, способная внушить отчаяние. И он сразу узнал в ней свою галерею. Она продолжала идти вниз, становясь все шире и просторнее. Под конец ее ширина в среднем стала доходить до ста метров.

Последние сомнения Тарга рассеялись: некогда здесь протекала настоящая подземная река. На первый взгляд это открытие казалось ободряющим. Но, поразмыслив над ним, человек почувствовал тревогу. Из того, что некогда здесь протекала вода, совсем не следовало заключение, что она потечет здесь опять. Наоборот! Все нынешние источники, которые дают воду, оказываются далеко от тех мест, где сливались реки. Это было почти законом.

Еще три раза галерея, казалось, оканчивалась тупиком; но всякий раз Тарг разыскивал новый проход. Тем не менее она окончилась. Перед глазами предстал огромный провал, пропасть.

Усталый и печальный, он присел на камень. Эта минута была даже ужаснее той, когда он полз по удушающей расщелине. Всякая дальнейшая попытка была бы явным безумием. Надо возвращаться! Но его сердце восстало против этой мысли. Восстал и дух приключений, ободренный только что совершенным изумительным путешествием. Пропать его не пугала.

— А если бы пришлось погибнуть? — воскликнул он.

Но хранитель уже шел среди гранитных утесов.

Отдавшись мимолетным планам, он каким-то чудом опустился до глубины в тридцать метров и вдруг оступился и потерял равновесие.

— Кончено! — подумал Тарг, падая в бездну.

НА ДНЕ ПРОПАСТИ

Толчок остановил его. Но это был не болезненный толчок падения на гранит, а эластический, хотя все-таки настолько сильный, чтобы лишить сознания. Когда же он пришел в себя, то понял, что висит в потемках, зацепившись за какой-то выступ своим мешком для инструментов. Он нащупал скалистую стену. Помимо выступа, его рука встретила шероховатую поверхность, затем пустоту. Его ноги с левой стороны наткнулись на какую-то опору, которая, после некоторого нащупывания, ему показалась небольшой площадкой. Схватившись за выступ с одной стороны и утвердившись с другой стороны на площадке, он мог обойтись без всякой другой поддержки.

Когда он укрепился в таком положении, которое казалось ему самым удобным, то постарался освободить свою сумку. Будучи теперь более свободным в своих движениях, он стал направлять во все стороны свет радиатика. Площадка оказалась достаточно просторной для одного человека, чтобы устоять на ней и даже делать слабые движения. А один зубец скалы над головой, в случае необходимости, позволял прицепить крючки лестницы. Подъем казался возможным до того самого места, откуда упал Тарг. Снизу же ничего не было, кроме пропасти с отвесными стенами.

— Подняться я могу, — решил молодой человек, — но спуск невозможен.

Он не думал больше о том, что только что избежал смерти. Лишь неудача его бесплодных усилий волновала сознание. С тяжелым вздохом он расстался с выступом и, цепляясь за утесы, сумел утвердиться на площадке. В висках у него шумело; онемение сковало члены и мозг. Он до того обессилел, что чувствовал, как понемногу его тянет головокружительная пропасть. Когда хранитель опять собрался с силами, то инстинктивно стал ощупывать пальцами гранитную стену и снова заметил, что на половине его роста имеется пустота. Тогда он наклонился и слабо вскрикнул: площадка находилась у входа в грот, который при свете радиатика казался значительным.

Он тихо рассмеялся. Уж если его постигла неудача, то по меньшей мере ему следовало пуститься по этому пути, который стоило изучить.

И убедившись, что все его инструменты, а в особенности лесенка из минеральных волокон, целы, он вступил в пещеру. Весь ее свод состоял из хрусталя и драгоценных камней. При каждом колебании лампы от них брызгами лился феерический свет. При свете лампы пробуждались бесчисленные изломы хрусталя. То была словно подземная заря, ослепительная, но робкая; мельчайший град пурпурных, оранжевых, гиацинтовых или зеленых огней. Тарг видел в этом отражение минеральной жизни, этой необъятной и неуловимой, грозной и глубокой жизни, которая сказала последнее слово человеку, и когда-нибудь скажет такое слово царству железо-магнитов.

В эту минуту Тарг ее не боялся, но все же смотрел на пещеру с тем уважением, которое последние люди оказывали безмолвным существам, видевшим происхождение всего и сохранившим неприкосновенными свою форму и всю свою энергию.

В нем пробудился смутный мистицизм; но не безнадежный мистицизм осужденных на гибель жителей оазисов, а тот, который всегда руководил смелыми сердцами. Если он неизменно пренебрегал земными опасностями, то и обладал той верой, которая приобретает путем счастливых трудов и переносит в будущее победы прошлого.

За пещерой следовал проход с изменчивым уровнем. Снова много раз приходилось ползком пробираться в тесных местах. Затем раскрылась галерея, наклон сделался настолько крутым, что Тарг опасался нового провала. Но подземный путь исправился и стал почти настолько же удобным, как какая-нибудь дорога. Человек спускался в безопасности, как вдруг снова начинались западни. Галерея не сузилась ни в высоту, ни в ширину, но оказалась закупоренной гнейсовой стеной, которая зловеще сверкала при свете лампы. Тарг тщетно исследовал ее в различных направлениях: в ней не было ни единой крупной расщелины.

— Это и есть логический конец приключений! — проговорил он. — Пропасть, не поддавшаяся гениальным попыткам и машинам целого человечества, не могла стать милостивее к одинокому ничтожному существу!

Разбитый от усталости и печали, он сел. Трудная теперь будет дорога. Он так обескуражен неудачей, что хватит ли теперь сил дойти до конца?

Тарг долго оставался там, подавленный своей печалью. Он не мог решиться отправиться назад. По временам хранитель освещал своей лампой тусклую стену... Наконец он поднялся, охваченный каким-то бешенством, и стал засовывать свои руки во все мельчайшие щели, с отчаянием тянул за все выступы.

Его сердце забилося: что-то сдвинулось.

Что-то сдвинулось. Подалась одна часть стены. С глухим вскриком Тарг изо всех сил уперся в камень; и он покачнулся, едва не раздавив человека. Открылось треугольное отверстие. Приключение не кончилось!

Задыхаясь и весь насторожившись, Тарг проник в скалу. Сначала он должен был сгибаться, затем мог стоять, так как расщелина расширялась с каждым шагом. Он шел словно в гипнотическом состоянии, ожидая новых препон, как вдруг ему показалось, что впереди опять провал.

И Тарг ничуть не ошибся. Расщелина кончалась пропастью, но справа отделялась огромная покатаая масса. Чтобы добраться до нее, Таргу пришлось вытянуться вперед и подняться на руках.

Покатость оказалась проходимой. И когда человек сделал по ней метров двадцать, то им овладело необыкновенное чувство, и вынув свой гигроскоп, он протянул его к тяге. И тогда хранитель действительно почувствовал, как бледность и холод разлились у него по лицу.

В подземном воздухе носился еще невидимый при свете пар. Вода явилась. Тарг торжествующе вскрикнул. Он должен был присесть, словно парализованный удивлением и радостью от своей победы. Затем им снова овладело сомнение. Было несомненно, что животворный источник здесь был и должен был появиться; но разочарование будет еще невыносимее, если он окажется ничтожным по размерам или слабой глубины. Весь в страхе, медленными шагами хранитель планетника начал спускаться ниже... Признаки увеличились; по временам замечалось отражение света; и вдруг, когда Тарг миновал один вертикальный выступ, пред ним открылась вода.

ЖЕЛЕЗО-МАГНИТЫ

За два часа до зари Тарг оказался на равнине у той расщелины, откуда началось его путешествие в страну теней.

Ужасно усталый, он увидел на склоне горизонта пур-

пурную, похожую на круглое отверстие потухающей печи, луну. И она исчезла. Звезды ожили в необъятной ночи.

Тогда хранитель решил пуститься в путь. Но его ноги казались словно каменными; болезненно ныли плечи, и во всем теле разлилась такая усталость, что он повалился на камень. С полусомкнутыми глазами, он снова пережил все только что проведенные им под землей часы. Его возвращение было ужасно. Хотя Тарг старательно отмечал направление своего пути, но сбился с него. Затем, будучи утомлен предшествующим напряжением всех сил, он чуть не впал в беспамятство. Время казалось ему неисчислимым. Он походил на рабочего рудников, долгие месяцы прошедшего под землей.

И все-таки хранитель выбрался на поверхность Земли, где живут его братья, вот и звезды, которые веками будили человеческие мечты. Скоро и божественная заря снова покажется в пространстве.

— Заря! — лепетал молодой человек. — День!

В экстазе он простер свои руки к востоку, затем его веки сомкнулись и, не сознавая того, он простерся на земле.

Красный луч пробудил Тарга, с трудом раскрыв глаза, он увидел над горизонтом огромный диск солнца.

— Ну, вставать! — проговорил хранитель сам себе.

Но непреодолимая слабость пригвоздила его к земле; мысли носились, как опьяненные; утомление влекло к покою. Он уже собирался снова заснуть, как вдруг почувствовал легкое покалывание по всей поверхности тела. И на своей руке, рядом со ссадинами, он увидел характерные красные точки.

— Железо-магниты, — прошептал он. — Они пьют мою жизнь.

При всей слабости, эта опасность его почти не испугала. Она показалась Таргу чем-то далеким, посторонним, почти что символическим. Он не только не чувствовал никакого страдания, но его ощущения даже казались почти приятными. Это было вроде головокружения, или легкого и медленного опьянения, которое, должно быть, походило на эвтаназию... Но образы Эры и Арвы внезапно пронеслись в его памяти и вызвали прилив энергии.

— Я не хочу умирать! — прошептал он. — Не хочу!

Смутно он пережил всю свою борьбу, свои страдания и свою победу. Там, в Красных Землях, его влекла очаровательная, юная жизнь. Нет, он не хотел погибать, ему

еще долго хотелось видеть рассвет и сумерки, ему хотелось бороться с таинственными силами.

И собрав всю свою дремлющую волю, он со страшным усилием постарался подняться.

ВОДА — МАТЕРЬ ЖИЗНИ

Наутро Арва и не думала, что Тарга нет. Он переутомился с вечера, и измученный усталостью, разумеется, заснул дольше обыкновенного. После двух часов ожидания она тем не менее изумилась. Под конец девушка постучала в перегородку той комнаты, которую выбрал себе хранитель планетника. Ответа не было. Может быть, он вышел, пока она еще спала? Арва постучала еще и затем нажала на ручку двери. Дверь откатилась и открыла пустую комнату.

Молодая девушка вошла и увидела, что даже все мелочи находились в неприкосновенном порядке. Ничто не свидетельствовало о недавнем пребывании здесь человека. И от какого-то предчувствия сердце посетительницы сжалось.

Она пошла и разыскала Мано; оба они стали расспрашивать птиц и людей, но не добились никакого полезного ответа. Это было ненормально и, пожалуй, даже тревожно, потому что после землетрясения оазис был усеян завалинами. Тарг мог упасть в какую-нибудь расщелину или угодить под обвал.

— Скорее всего он вышел с раннего утра! — высказал свое мнение оптимист Мано. — А так как он стоит за порядок, то прежде всего убрал свою комнату. Вот и вся разгадка!

Арва, однако, оставалась обеспокоенной. Но так как средства сообщения были испорчены, и много радиопередатчиков пришло в негодность, то даже несмотря на помощь птиц, розыски не дали результата. Около полудня Арва печально бродила среди развалин по окраинам оазиса и пустыни, как вдруг появилась стая птиц и продолжительным криком возвестила, что Тарг разыскан.

Ей достаточно было подняться на стену, чтобы увидеть приближавшегося еще издали тяжелыми шагами Тарга...

Его одежда была разорвана, ссадины покрывали шею, лицо и руки; во всем теле замечалось утомление. Только одни глаза сохраняли бодрость.

— Откуда ты явился? — воскликнула Арва.

Он ответил:

— Я возвращаюсь из глубины Земли.

Тарг не захотел рассказать подробнее.

Как только распространился слух о его возвращении, все компаньоны по путешествию собрались на беседу. И когда один из них стал упрекать Тарга за то, что он замедлил их возвращение, то хранитель ответил:

— Не упрекайте меня, потому что я принес важную новость.

Этот ответ удивил и поразил слушателей. Как мог какой-нибудь человек принести такую новость, которую бы уже не знали остальные люди? Подобные слова имели смысл прежде, когда земля была еще не изучена и полна ресурсов, когда случай царил в жизни людей, когда народы и отдельные индивидуумы препирались из-за своих притязаний. Но теперь, когда планета иссохла, когда люди не могут больше бороться между собой, когда все вещи определены непоколебимыми законами, и когда никто не предвидит опасностей раньше птиц и аппаратов, подобные слова нелепы.

— Важную новость! — презрительно повторил тот, который упрекнул Тарга. — Не сошли ли вы с ума, хранитель?

— Вы увидите сейчас, сошел я с ума или нет. Идем искать Совет Красных Земель.

— Вы его заставили ждать!

Тарг больше не отвечал.

Главный Совет Красных Земель собрался в центре оазиса. Он не был полным, так как значительное число его членов погибло при катастрофе. Но ничто в поведении уцелевших не свидетельствовало о скорби; самое большее, замечалась некоторая подавленность. Фатализм в них был равносителен самой жизни.

Девятерых они приняли почти с мертвым спокойствием. И председательствовавший Симор монотонным голосом произнес:

— Вы несете нам помощь Высоких Источников, а Высокие Источники поражены сами. Конец человечества, очевидно, близок. Оазисы уже не знают, которые из них могут помогать другим...

— Они больше не должны друг другу помогать, — добавил начальник вод Рэм. — Закон это воспрещает. Им установлено, что если иссякают воды, то взаимопомощь прекращается. Каждый оазис сам решит свою судьбу.

Тарг выступил из группы девятерых и утвердительно произнес:

— Воды могут появиться снова.

Рэм посмотрел на него с презрительным спокойствием и ответил:

— Все, молодой человек, может появиться снова. Но пока они исчезли

Тарг, бросив взгляд в глубину залы и завидев лучезарную головку, с трепетом проговорил:

— Для Красных Земель воды вернутся.

Спокойное неодобрение отразилось на некоторых лицах, но все хранили молчание.

— Они вернутся! — настойчиво воскликнул Тарг. — Я могу сказать, потому что я их видел.

На этот раз слабое волнение, порожденное единственным образом, от которого еще способны были волноваться последние люди — образом хлынувшей воды — пронеслось по всем лицам. И тон Тарга своей настойчивостью и искренностью почти водворил надежды. Но вскоре снова вернулись сомнения. Его слишком живые глаза, его раны, разорванные одежды возбуждали недоверие. Сумасшествие хотя стало редким явлением, но все же не исчезло с земли.

Симор сделал легкий знак, и несколько человек неторопливо окружили хранителя. Он заметил это и все понял. Без всякого волнения Тарг открыл свою сумку с инструментами и, вынув из нее миниатюрный хромографический аппарат, развернул один листок и представил снимки, сделанные им в недрах Земли.

Эти изображения были точны, как сама действительность. И как только они достигли ближайших взглядов, то раздалось восклицание Истинное волнение, почти восторг овладели присутствующими, так как все узнали священный и страшный потоп.

Впечатлительный Мано возопил пронзительным голосом. Подхваченный волнопередатчиками крик разнесся повсюду. Быстрая толпа окружила здание. Единственное воодушевление, на которое еще были способны последние люди, охватило массу.

Тарг весь преобразился, он как будто стал богом. Слово в старину, к нему в мистическом порыве устремились все умы. Хмурые лица разгладились, и потухшие глаза загорелись огнем, преувеличенные надежды прорвали долгий атавизм покорности. Даже сами члены Главного Совета не удержались от волнения.

Только один Тарг мог добиться молчания. Он знаком по-

казал толпе, что желает говорить; голоса умолкли и волнение улеглось. Пламенное внимание оживило все лица.

Тогда, обернувшись к лучезарной головке Эры, выделявшейся среди прочих черных голов, Тарг объявил:

— Народ Красных Земель, вода, которую я нашел, находится на вашей земле! И она принадлежит вам. Но законы людские предоставляют мне на нее право. И раньше чем уступить ее вам, я требую вознаграждения.

— Вы будете первым среди нас! — ответил Симор. — Это закон!

— Я не этого прошу! — тихо возразил хранитель планетника.

Он знаком попросил толпу пропустить его и направился к Эре. Когда он приблизился к ней, то наклонился и пламенным голосом проговорил:

— Я отдаю в ваши руки эти воды, и вы одна можете дать мне награду!

Она слушала его с трепетом, так как такие слова никогда больше не произносились, и при других обстоятельствах она даже едва ли бы их поняла. Но среди всеобщего восторга и при феерическом виде подземных источников смутилось все ее существо. И владевшее Таргом волнение отразилось на перламутровом лице девушки.

УЦЕЛЕЛИ ЛИШЬ КРАСНЫЕ ЗЕМЛИ

В последние годы на Земле происходили лишь слабые сотрясения. Но последней катастрофы было достаточно, чтобы поразить оазисы насмерть. Те из них, которые стали очевидцами исчезновения своих вод, не дождались их возвращения. В Высоких Источниках вода иссякала в течение восемнадцати месяцев, затем она ушла в недостижимые пропасти. Только Красным Землям посчастливилось испытать радужные надежды. Найденные Таргом источники давали обильную воду, которая была даже чище воды исчезнувших родников. Ее не только хватало на все нужды уцелевших людей, но даже можно было подобрать небольшую группу из спасшихся в Опустошении и значительное число обитателей Высоких Источников.

Но на этом и останавливалась возможная помощь. За пятьдесят тысяч лет последние люди наследственно привыкли покорностью перед неумолимыми законами и без протеста подчинялись решениям судьбы. Так что не произошло никаких войн, и только отдельные индивидуумы пытались было нарушить закон, явившись в Красные Зем-

ли с мольбой о помощи. Но их могли лишь отвергнуть. Жалость была бы высшей несправедливостью и насилием.

По мере истощения запасов, каждый оазис сам назначал тех обитателей, которым суждено было погибнуть. Прежде всего жертвовали стариками, потом детьми, за исключением ничтожного числа, сохранявшегося в качестве резерва на случай возможного возрождения планеты, и затем уже всеми теми, здоровье которых было неудовлетворительно или слабо.

Эвтаназия совершалась с величайшей сладостью. Как только осужденные принимали чудесный яд, как у них исчезал всякий страх. Их бодрствование проходило в непрерывном экстазе, и сон их был глубок, как смерть. Мысль о смерти их восхищала; их восторг возрастал до окончательного бесчувствия.

Многие ускоряли этот час. И мало-помалу это сделалось заразительным. В экваториальных оазисах даже не ждали истощения запасов. В некоторых резервуарах еще оставалась вода, а последние обитатели уже умерли.

Четыре года потребовалось, чтобы истребить население Высоких Источников.

Оазисы были захвачены безграничной пустыней, и железом-магниты заняли место людей.

Красные Земли после открытия Тарга процветали. Оазис восстановили в восточном направлении, в такой местности, где незначительность количества железом-магнитов облегчала их истребление. Постройки, расчистка земли и организация вод потребовали шесть месяцев. Первый урожай был хороший, второй — чудесный.

Несмотря на последовательное вымирание остальных общин, люди Красного оазиса жили в надежде на что-то. Уж не были ли они тем избранным народом, ради которого в первый раз за сто веков дрогнул даже непреклонный закон? Тарг поддерживал такое настроение умов. Влияние его было огромно. Он обладал символическим престижем победоносных созданий и их силой внушения.

Тем не менее никого его победа так не поразила, как его самого. Он видел в этом свою награду, а главное, подтверждение своей веры. Свойственный ему дух приключений охватил его всего; у него были планы, почти подобные планам героических предков. И любовь, которую он питал к Эре и к двум рожденным ею детям, мешалась у него с такими мечтами, в которых он не смел никому признаться, исключая жену и сестру, которых он считал непохожими на последних людей.

Мано эти увлечения были неизвестны. Его жизнь оставалась простой. Он мало думал о прошлом и еще меньше того о будущем. Он довольствовался приятным обыденным однообразием. Он жил со своей женой Арвой такую же беззаботной жизнью, как те серебристые птицы, которые каждое утро стаями кружились над оазисом. Так как старшие его дети за свое превосходное телосложение были в качестве эмигрантов допущены в Красные Земли, то он едва-едва ощущал приступы мимолетной меланхолии, когда думал о гибели Высоких Источников.

Тарга, наоборот, эта гибель мучила; много раз планер носил его к родному оазису. Он с отчаянием искал воды, удалялся от безопасных дорог, углублялся в ужасные местности, где железо-магниты жили жизнью молодых царств. С несколькими людьми из оазиса он исследовал сто пропастей. И хотя эти поиски оставались тщетными, но Тарг не отчаивался; он говорил, что открытия нужно заслуживать упорными усилиями и долгим терпением.

НЕНАДЕЖНЫЕ ВОДЫ

Однажды, возвращаясь из пустыни, Тарг еще с высоты полета планера заметил толпу, собравшуюся близ главного резервуара. При помощи телескопа он рассмотрел в ней начальника вод и членов Главного Совета; несколько землекопов появилось из родниковых колодцев. Стая птиц неслась навстречу планеру; и от них Тарг узнал, что родники внушают опасения. Он спустился на землю и сразу был окружен трепещущей толпой. Люди надеялись на него. Мороз охватил Тарга до костей, когда он услышал обращенные к нему слова Мано:

— Уровень воды понизился.

Все в один голос подтвердили печальную весть. Он спросил начальника вод Рэма, и тот ответил:

— Уровень проверен был у самого берега резервуара. Понижение достигает шести метров.

В толпе лицо Рэма оставалось неподвижным. Ни радость, ни печаль, ни страх, ни страсть никогда не впечатлевались ни на его холодных губах, ни в его похожих на осколки бронзы глазах с едва заметной сетчаткой. Познания Рэма по его специальности были всеобъемлющими. Он обладал всем искусством искателей вод.

— Уровень не бывает неизменным, — заметил Тарг.

— Это верно. Но нормальные колебания никогда не

превосходят двух метров, и никогда они не были так стремительны.

— Известно ли вам наверняка, что они продолжают?

— Да. Отметчики были проверены. Указания их правильны. И они ничего не показывали еще сегодня утром. Понижение уровня началось только с полудня. Таким образом, оно достигает более полутора метров в час.

Его окаменевшие глаза оставались неподвижны. Его рука не проявила ни единого движения: едва замечалось, как у него шевелились губы. А глаза Тарга также трепетали, как его сердце.

— Водолазы говорят, что на дне озера не образовалось никаких новых трещин. Так что несчастье идет от самих источников. И тут можно допустить три главных гипотезы: или источники засорились, или они свернули со своего пути, или же они иссякли. Но мы питаем надежду.

Слово «надежда» упало с его губ, как глыба льда.

Тарг спросил еще:

— Наполнены ли резервуары?

Рэм отвечал:

— Они всегда наполнены. И я даже приказал выкопать дополнительные. Менее чем через час в дело пущены будут все наши силы.

И все свершилось, как возвестил Рэм. Могушественные машины Красных Земель принялись рыть гранит. Оцепенение владело всем оазисом до появления первой звезды.

Тарг спустился под землю. При помощи проходов, устроенных землекопами, туда теперь можно было спускаться быстро и вполне безопасно. Хранитель при свете фонарей рассматривал подземный город, куда он проник первым из людей. Он лихорадочно изучал. Озеро питали два источника. Первый открывался на глубине двадцати шести метров, а второй — двадцати четырех.

Водолазы с трудом могли проникнуть в первый источник; другой же оказался слишком тесен.

Чтобы добиться некоторых более подробных сведений, пробовали производить работы в скалах; но один обвал породил опасения. И не могло ли это перемещение массы вызвать расщелины, через которые и устремилась вода.

Агр, старик в Главном Совете, проговорил:

— Эту воду дало нам бедствие; не будь его, она осталась бы для нас недоступной. Не такое ли бедствие отклонило течение от его нынешнего направления? Не будем

же производить работы наугад. Достаточно довести до конца те, которые необходимы.

Слова эти показали мудрыми, и все покорились перед неизвестностью.

К концу сумерек уровень воды стал понижаться медленнее. Волна надежды пронеслась по оазису. Но ни начальники вод, ни Тарг не разделяли этих надежд; если же убыль замедлилась, то лишь от того, что уровень опустился ниже главных расщелин, через которые уходила вода. Вода же, находившаяся в озере, могла опуститься до четырех метров, и если бы источники ее оказались закрытыми, то с содержимым резервуаров тут была бы вся вода, которою обладали последние люди.

Всю ночь машины Красных Земель рыли новые резервуары. И всю ночь вода, мать всей жизни, не переставала уходить в пропасти планеты. К утру уровень ее упал на восемь метров, но оба резервуара были готовы и быстро приняли свои запасы. В них вошло три тысячи кубических метров жидкости.

Наполнение их еще более понизило уровень. Показалось отверстие первого источника. Тарг первым туда проник и увидел, что земля подверглась недавним изменениям. Образовалось множество расщелин, а глыбы порфира закупорили проход. Временно приходилось отказаться от исследования.

Мрачно прошел следующий день. К пяти часам подземная утечка и наполнение нового бассейна понизили уровень воды до высоты второго источника, устье которого, оказалось, совершенно исчезло.

Начиная с этого момента, убыль почти прекратилась. Торопиться с постройкой новых резервуаров стало почти бесполезным. Тем не менее Рэм не останавливал предпринятых работ, и в течение шести дней люди и машины оазиса продолжали строить.

Под конец шестого дня усталый и с надорванным сердцем, Тарг размышлял перед своим жилищем. Серебристые сумерки окутали оазис. Виден был Юпитер. Острый серп Луны рассекал эфир. Казалось, что эти планеты тоже создавали свои царства, пережили свежесть молодости и силу зрелого возраста и вымерли от истощения и тревоги.

Подошла Эра. При лучах луны ее длинные волосы подходили на мягкий и теплый свет. Тарг привлек ее к себе и прошептал:

— С тобой я нашел жизнь античных времен. Ты была мечтой бытия. Даже лишь чувствуя твое присутствие, я

верил в неисчислимые дни жизни. А теперь, Эра, если мы не разыщем источников или не найдем никакой новой воды, то через десять лет последние люди исчезнут с лица Земли.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Минуло шесть сезонов. Начальники вод в поисках влаги прорыли огромные галереи. Но ничто не удалось. Обманчивые расщелины или бездонные пропасти губили все усилия. Надежды рушились с каждым месяцем. Долгий атавизм непротивления снова овладел умами. Пассивность людей, кажется, даже возросла, подобно тому, как возрастают хронические болезни после перерывов. Всякая вера, даже самая умеренная, покинула их. Смерть уже держала этих печальных существ в своих объятиях.

Когда наступило время Главному Совету издать декрет относительно первых эвтаназий, то готовых к ним живых людей оказалось больше, чем того требовал закон.

Только Тарг, Арва и Эра не мирились с судьбой; но Мано упал духом не потому, что он стал проникательнее прежнего. Он не больше прежнего думал о завтрашнем дне. Но фатализм теперь его не покидал. Когда начались эвтаназии, он с такой остротой почувствовал исчезновение, что его покинула всякая энергия. Ему одинаково враждебны стали как свет, так и тень, он жил в мрачном и безразличном ожидании. Его любовь к Арве исчезла, как любовь к себе самому. Он не проявлял никакого интереса к своим детям и был уверен, что эвтаназия их тоже вскоре унесет. Разговоры стали ему ненавистны. Он больше ничего не слушал, сделался молчаливым и целыми днями оставался в каком-то оцепенении. Такое же существование вели и почти все остальные обитатели Красных Земель.

Всякий труд почти прекратился. Их жалкие силы не проявляли почти никакого напряжения. За исключением нескольких клумб для сохранения свежих семян, все земледелие почти исчезло. Вода резервуаров была в безопасности от испарений, она очищалась почти идеальными машинами и не требовала никаких забот. Что касается самих резервуаров, то было достаточно их ежедневно осмотреть, что облегчалось автоматическими указателями. Таким образом ничто не нарушало усыпления последних людей. Лучше всего сопротивлялись маразму наименее впечатлительные индивидуумы, — те, которые никого не любили и

были безразличны к себе сами. Отлично приспособившись к тысячелетним законам, они обнаруживали однообразное постоянство, и им чужды были как все радости, так и печали. В них преобладала инертность. Она поддерживала их как против крайнего отчаяния, так и против внезапных решений. Они казались лучшим продуктом осужденной породы.

В противоположность им, Тарг и Арва поддерживали друг друга взаимными усилиями. Они шли наперекор очевидности; против всеобщей планеты они ставили две маленькие, но пламенные, исполненные любви и надежды жизни, трепетавшие от тех ненасытных желаний, которые сто тысяч веков поддерживали существование живых существ.

Хранитель не отказался ни от одного из своих розысков. Он старательно поддерживал в порядке целый ряд планеров и моторов. Он также не допускал до разрушения главные планетники и следил за сейсмографическими аппаратами.

И вот однажды вечером, вернувшись из путешествия в Опустошение, Тарг долго не спал ночью. Через прозрачный металл его окна видно было созвездие, которое во времена побасенок звали Большим Псом. Оно заключало в себе самую яркую из звезд, одно солнце, которое гораздо больше нашего. И к нему Тарг возносил свои неугасимые порывы. Он думал о том, что видел в полдень, когда пролетал невысоко над землей.

Это было в одной мрачной долине, где возвышалось несколько одиноких скал. Железо-магниты здесь со всех сторон обнаруживали свои фиолетовые группы. Но он едва обращал на них внимание, как вдруг с юга, на светло-желтом пространстве он заметил особенную, еще никогда не виданную им породу. Она производила крупные особи, каждая из восемнадцати групп. Некоторые из них достигали до трех метров общей длины. Тарг рассчитал, что масса наиболее крупных из них должна была весить не менее сорока килограммов. Они передвигались много легче, чем самые быстроходные из уже известных железо-магнитов. И действительно, их скорость доходила до полуметра в час.

— Это ужасно! — подумал хранитель. — Мы будем побеждены, если они проникнут в оазис. При малейшем прорыве в стене мы подвергнемся смертельной опасности.

Он задрожал. Нежное беспокойство привело его в соседние комнаты. При оранжевом свете одного радиатика

он залюбовался лучезарными волосами Эры и свежими личиками детей. Сердце его дрогнуло. Даже лишь при одном виде их он не мог помириться с мыслью о конце человечества. Как! Молодость, таинственные силы поколений заключаются в этих полных зачатков существах, и все они должны исчезнуть? Было бы логично, если бы к такому концу проведена была какая-нибудь медленно истощенная вырождением, худосочная раса, но не эти же прекрасные и юные создания, подобные людям дорadioактивной эпохи!..

Когда он возвращался в задумчивости назад, легкое колебание сотрясло землю. Едва он его заметил, как ненарушимое спокойствие уже окутало оазис. Но Тарг был полон опасений. Он ждал некоторое время, склонив голову к слуховым аппаратам. Все оставалось спокойно. Сероватые массы строений, обрисовавшиеся при тусклом свете звезд, казались неподвижными, и в небесах незапятнанной чистоты Орел, Пегас, Персей и Стрелец вписывали на кадронет бесконечного мимолетные минуты.

— Ошибся я, — думал Тарг, — или действительно землетрясение было такое ничтожное?

Слегка вздрогнув, он пожал плечами. Как только осмелился он подумать, чтобы землетрясение могло быть незначительным? Самое ничтожное из них полно таинственных угроз.

И, озабоченный, он отправился проверять сейсмографы. Первый аппарат отметил легкой черточкой, едва в один миллиметр длиной, незначительное сотрясение. Второй же аппарат не показал никакого продолжения феномена.

Тарг прошел болото до домика птиц. Их сохранялось лишь около двадцати штук. При его приходе птицы спали, и они едва поднимали головы, когда хранитель направил на них лучи своей лампы. Таким образом было очевидно, что землетрясение их едва потревожило в течение самого короткого времени, и что они не предвидели повторения его.

Тем не менее Тарг счел долгом предупредить начальника надзора. Но этот равнодушный тип с бесчувственными нервами ничего не заметил.

— Я пойду делать мой обход, — объявил он. — И мы с часу на час проверим уровень.

Слова эти успокоили Тарга.

БЕГЛЕЦЫ

Тарг еще спал, когда коснулись его плеча. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой свою сестру Арву, которая смотрела на него, вся побледнев. Это был явный признак несчастья. Он моментально вскочил и спросил:

— Что случилось?

— Страшные дела, — отвечала она. — Ты сам знаешь, что сегодня ночью было землетрясение, раз ты сам о нем сообщил.

— Очень легкое сотрясение.

— Такое легкое, что его никто, кроме тебя, не заметил. Но его последствия ужасны: из большого бассейна исчезла вода! И три трещины образовались в южном резервуаре.

Тарг побледнел, как Арва, и сдавленным голосом спросил:

— Значит, не наблюдали за уровнем воды?

— Да, следили. Уровень не менялся до самого утра. И только утром большой бассейн внезапно провалился. Вода пропала в какие-нибудь десять минут. Полчаса тому назад расщелины образовались и в южном бассейне. Самое большее смогли спасти третью долю запаса.

Тарг поник головой и втянул ее в плечи. Он похож был на готового упасть человека. Исполненный ужаса, он проговорил:

— Что же это, неужели конец людей?

Катастрофа была полная. Так как для нужд оазиса расходовали воду из всех гранитных бассейнов, помимо тех, с которыми произошло несчастье, то вода осталась только в бассейнах с искусственным покрытием. И ее хватило бы для нужд пяти-шести сот человеческих существ на год времени. .

Собрался Главный Совет.

От этого почти безгласного собрания веяло холодом. Составлявшие его люди все, кроме Тарга, достигли состояния полной покорности судьбе. Рассуждений было не много; все ограничивалось чтением законов и основанными на неизменных данных расчетах. Решения поэтому были просты, ясны и безжалостны.

Начальник вод Рэм резюмировал:

— Население Красных Земель еще достигает семи тысяч человек. Шесть тысяч сегодня же должны подвергнуться эвтаназии. Пятьсот умрут до окончания этого месяца. Остальные будут вымирать с каждой неделей, так

чтобы пятьдесят человек могли просуществовать до истечения пяти лет... И если до тех пор не удастся найти новой воды, то это будет конец человечества.

Собрание выслушало невозмутимо. Всякие рассуждения были лишни; непреклонный рок подавил весь дух. Рэм сказал еще:

— Мужчины и женщины, перешедшие сорокалетний возраст, не должны остаться в живых. За исключением пятидесяти, все сегодня должны приступить к эвтаназии. Что касается детей, то девять семей из десяти их не сохранят. Остальные сохранят по одному ребенку. Выбор взрослых будет решен заранее: нам для этого достаточно сверить списки здоровья.

Слабое волнение овладело собранием. Затем, в знак покорности, головы склонились. И толпа, стоявшая снаружи, куда волнопередатчики сообщили решения, замолкла. Едва лишь некоторая грусть отразилась на лицах молодежи.

Но Тарг отнюдь не примирился. Он быстро вернулся к себе домой, где с дрожью ждали его Арва и Эра. Они прижимали к себе своих детей. Их охватило волнение, то молодое и сильное волнение, которое было источником античной жизни и широкого будущего.

Подле них в задумчивости находился Мано. Их волнение ему передалось лишь на одну минуту. Фатализм же придавил его, как камень.

При виде Тарга, Арва воскликнула:

— Я не хочу!.. Не хочу! Мы так не умрем.

— Ты права! — ответил Тарг. — Мы поборемся с невзгодами.

Мано вышел из своего окаменения и промолвил:

— А что вы будете делать? Смерть к нам ближе, чем если бы мы прожили до ста лет.

— Все равно! — воскликнул Тарг. — Мы уйдем.

— Земля опустела для людей! — проговорил Мано. — Она поразит вас в скорбях. Здесь же конец, по крайней мере, будет приятней.

Тарг больше не слушал. Его поглощала важность положения. Бежать нужно было раньше полудня, когда назначена была жертва.

Отправившись с Арвой осмотреть планеры и моторы, он сделал необходимый выбор. Затем он распределил по машинам имевшийся у него запас воды и провизии; а Арва тем временем набрала запас двигательной энергии. Ра-

бота их была поспешной. До девяти часов все было готово.

Он застал Мано по-прежнему погруженным в свое окаменение, а Эра собирала необходимые одежды.

— Мано, — проговорил он, коснувшись своего деверя, — мы отправляемся. Пойдем.

Мано медленно пожал плечами и объявил:

— Я не хочу погибать в пустыне.

Арва кинулась к нему и обняла его со всей своей нежностью. Частица прежней любви его согрела; но им тут же снова овладело роковое сознание, и он ответил:

— Я не хочу!

Его долго все умоляли. Тарг пытался даже увлечь его силой. Но Мано сопротивлялся с непобедимой силой инерции.

Так как время уходило, то с четвертого планера сняли провизию, и после еще одной просьбы Тарг подал сигнал к отправлению. Планеры взвились к небу. Арва бросила долгий взгляд на жилище, где ее муж ждал эвтаназии, затем, рыдая, она понеслась над беспредельной пустыней.

К ЭКВАТОРИАЛЬНЫМ ОАЗИСАМ

Тарг направлялся к экваториальным оазисам, остальные поселения дышали смертью.

Во время своих исследований он посещал Опустошение, Высокие Источники, Большую долину, Голубые пески, Светлый оазис, Долину скорби; в них была кое-какая провизия, но ни капли воды. Только в обоих экваториалах сохранились слабые ее запасы. Самый близкий из них — экваториал Дюн — лежал на расстоянии четырех тысяч пятисот километров, и его путешественники могли достигнуть на другой день.

Путешествие было мучительно. Арва не переставала думать о смерти Мано. Когда солнце было в самой высокой точке своего пути, она испустила плачевный стон: то был час эвтаназии! Никогда ей больше не увидеть того человека, с которым она пережила сладкие дни!..

Пустыня все развертывала свой неизмеримый простор. С точки зрения людей, земля была ужасна, как мертвец, тогда как там развивалась другая жизнь, для которой это время было лишь началом существования. Страшная и непонятная, она кишела по равнинам и по холмам. Тарг по временам ее ненавидел, но иногда в его душе пробуждалась робкая симпатия. Да и не было ли какой-то таин-

ственной аналогии и даже скрытого братства между этими существами и человеком.

И Тарг вздохнул, когда подумал об этом. А планеры продолжали нести в синеватом кислороде к такому страшному неизвестному, что при одной мысли о нем путешественники чувствовали содрогание во всем теле.

Чтобы избежать опасностей, останавливаться решено было до сумерек.

Тарг избрал для этого один холм с плоской вершиной. Железо-магниты там виднелись в небольшом количестве и такой породы, которую нетрудно было сбросить долой. На самой вершине холма, кроме того, имелась скала зеленого порфира с очень удобными углублениями. Тут планеры и опустились; их укрепили металлическими веревками. Впрочем, они были построены из самого отборного материала и обладали крайней прочностью, так что были почти неуязвимы.

Скала и ее окрестности оказались заняты лишь несколькими группами железо-магнитов самого ничтожного размера. Их выгнали в какую-нибудь четверть часа и затем можно было заняться устройством стоянки.

Подкрепившись концентрированной белковиной и водородом, беглецы стали ждать конца дня. Сколько в безбрежном океане времен других подобных им существ знали такие же бедствия? Когда одинокие семьи, вооруженные деревянными палицами и хрупким каменным оружием, бродили по дикому простору, и были ночи, когда люди дрожали от голода, холода и страха при приближении львов и неудержимых вод. Потом утопавшие вопили на пустынных островах или под скалами смертоносных рек. Путешественники блуждали среди плотоядных лесов и болот. Бесчисленные драмы несчастий. Но все эти несчастные видели перед собой безграничную жизнь, а Тарг и его спутник видели перед собой только смерть!

— А между тем, — думал он, глядя на детей Эры и Арвы, — в этой небольшой группе хранится достаточно энергии, чтобы возродить все человечество!..

Он застонал. Звезды полюса кружились в их узкой тропе; железо-магниты фосфорически сверкали на равнине; Тарг и Арва долго и печально размышляли близ заснувшей семьи.

Наутро они прибыли в экваториал Дюн. Он простирался среди пустыни, которая некогда состояла из песков; но за тысячелетия эти пески затвердели. При спуске у прибывших замерло сердце. Там лежали непогребенными

трупы тех, которые последними подверглись эвтаназии. Многие экваториальцы предпочли умереть под открытым небом и, окаменевшие в своем ужасном сне, они неподвижно лежали среди развалин. Сухой и безгранично чистый воздух превратил их в мумии. Они могли бы так остаться неисчислимо время — последние свидетели конца человечества.

Но иное, более грозное зрелище отвлекло внимание беглецов: железо-магниты тут кишели. Их фиолетовые колонии виднелись со всех сторон. И некоторые из них были крупных размеров.

— В путь! — живо скомандовал напуганный Тарг.

Ему не надо было повторять. Знавшие опасность Арва и Эра увели детей, между тем как Тарг стал изучать местность. Оазис, казалось, подвергся лишь незначительным повреждениям. Разве лишь ураганы разрушили несколько жилищ и повалили планетники и волнопередатчики, большая же часть машин и генераторов энергии, должно быть, уцелела. Но хранителя в особенности интересовали искусственные бассейны. Тут их было два, больших размеров, и ему известно было их местонахождение. Когда он их заметил, то сначала даже не решался приблизиться к ним; сердце его билось от страха. Наконец, когда он решился взглянуть, то воскликнул:

— Целы! Вода у нас есть на два года. Поищем теперь убежища.

После долгих поисков его выбор остановился на узкой полосе земли в западной части оазиса, близ стены. Железо-магниты были здесь в незначительном количестве. В несколько дней можно было соорудить предохранительную ограду. Здесь находились два просторных дома, которые пощадили стихии.

Тарг и Арва обошли самый большой из них. Обстановка и аппараты в нем оказались в целости. Их едва покрывал тонкий слой пыли. На всем чувствовалась неизвестно чья рука. Когда же они вошли в спальню, то их охватила глубокая скорбь. На постели оказались простёртыми два существа. И Тарг, и Арва долго смотрели на эти неподвижные тела, в которых некогда таилась жизнь, и которые трепетали от радостей и от печалей...

Для других это зрелище послужило бы уроком исправления, но для них, под гнетом горя и ужаса, оно было зовом на борьбу.

Они похоронили трупы и, изгнав несколько групп же-

лезо-магнитов, ввели сюда Эру с ее детьми. Затем они в первый раз пообедали на новом месте.

— Бодрее! — проговорил Тарг. — Был же в глубине Вечности такой момент, когда существовала лишь одна человеческая пара, и от нее произошло все человечество. Мы же сильнее этой четы! Потому что если бы она погибла, то погибло бы все человечество. Здесь же могут многие умереть, без опасности погубить род.

— Да, — вздохнула Эра, — но тогда вода покрывала землю.

Тарг посмотрел на нее с безграничной нежностью.

— А разве мы однажды уже не нашли воду? — тихо проговорил он.

И он оставался неподвижным, с затуманенными внутренними видениями взорами. Затем, внезапно воспрянув, он воскликнул:

— Но к делу! Пока вы будете убирать дом, пойду изучать наши ресурсы.

Он во всех направлениях обошел оазис, подсчитал все запасы, оставшиеся после экваториальцев, убедился в исправности генераторов энергии, планеров, планетников и волнопередатчиков. Промышленные сокровища последних людей тут были все налицо, готовые работать для возрождения. Впрочем, Тарг взял с собой, из Красных Земель свои технические книги и богатые заметками и воспоминаниями записки. Но присутствие железо-магнитов его смущало. В некоторых местностях они собирались в опасном количестве. Достаточно было остановиться на несколько минут, чтобы почувствовать их невидимую энергию.

— Если у нас будет потомство, — подумал хранитель, — то нам придется вести тяжелую борьбу!

Таким образом он прошел до южной оконечности экваториала.

И тут он остановился в оцепенении на равнине, где когда-то росли злаки. Он разглядел тех железо-магнитов крупного роста, которых он открыл в пустыне близ Высоких Источников. И сердце его сжалось, словно холодным дыханием овевало его всего.

СТОЯНКА

Времена года уходили в бездну вечности. Тарг с семьей продолжал жить. Необъятный мир обхватывал их своим страшным кольцом. Уже тогда, когда они еще жили в Красных Землях, они уже испытывали грусть, навеваемую пус-

тыней, предвещавшей конец человечества. Но это было лишь иногда, во всяком случае, тысячи им подобных занимали вместе с ними их последнее убежище. Теперь же они вполне ощущали эту печаль. Теперь они были лишь ничтожным остатком прежней жизни. От одного полюса до другого, по всем этим равнинам и по всем горам каждая песчинка планеты была им врагом, за исключением того, другого оазиса, где эвтаназия пожирала несчастных существ, которые непоправимо потеряли всякие надежды.

Избранную местность окружили защитной изгородью, еще лучше подкрепили резервуары с водой, собрали и привели в порядок провизию; затем Тарг с Эрой или Арвой часто отправлялся на поиски в пустыню. Разыскивая прежде всего воду, он всюду собирал водородные вещества. Их было не много. Водород, огромными массами выделявшийся во времена человеческого всемогущества, а также в ту эпоху, когда естественную воду собирались заменять искусственной, теперь почти исчез. Согласно летописям, большая доля его переродилась в первоатомы и рассеялась в межпланетных пространствах. Остальная же часть, благодаря необъяснимым реакциям, была втянута в недостижимые глубины Земли.

Тем не менее Тарг достаточно собирал полезных материалов, чтобы заметно увеличивать запасы воды. Но все это было лишь случайно.

В особенности же Тарга озабочивали железо-магниты. Они размножались. Это потому, что под оазисом на незначительной глубине был значительный запас человеческого железа. Вся почва и окрестные равнины покрывали целый мертвый город. Железо-магниты же, чем были крупнее ростом, тем с большей глубины могли извлекать подземное железо. И вновь явившиеся или третичные, как прозвал их Тарг, таким образом могли при достаточном времени извлекать его с глубины до восьми метров. Кроме того, перемещение металла в конце концов оставляло в земле отверстия, и через них третичные могли проникать вглубь. Прочие железо-магниты оказывали такое же действие, но несравненно меньшего размера. Кроме того, они никогда не проникали в глубину более двух-трех метров. В отношении же третичных Тарг вскоре убедился, что их силе проникновений, собственно, нет пределов. И они спустились до тех пор, пока позволяли расщелины.

Приходилось принимать экстренные меры, чтобы не дать им подкапывать ту местность, на которой жили обе семьи. За чертой ограды машины прокопали под землей

особые галереи, стены которых были облицованы металлом и блиндированы висмутом. Столбы из гранитного цемента на скалистом основании поддерживали устойчивость сводов. Эти обширные работы длились много месяцев. Но сильные генераторы энергии и идеально приспособленные машины позволили исполнить их без утомления. По расчетам Тарга и Арвы, эти укрепления могли тридцать лет противостоять всем повреждениям со стороны третичных, допуская даже, что размножение их было бы очень сильно.

ЭВТАНАЗИЯ

И вот, благодаря содействию водородных элементов, запасы воды после трех лет пользования ими ничуть не убавились. И твердая провизия тоже имелаась в изобилии, а она была еще и в других оазисах. Но зато не удалось найти ни единого следа источников, хотя Арва и Тарг неутомимо исследовали и углублялись под землю на огромные расстояния.

Судьба Красных Земель смущала умы беглецов. Часто тот или другой из них направляли при помощи Большого Планетника свой призыв. Но им никто не отвечал. Брат и сестра много раз доводили до самого оазиса свои экскурсии. Но из-за неумолимого закона они не смогли опускаться, а лишь носились в воздухе. И ни один из жителей оазиса не обратил внимания на их присутствие. Они увидели, что эвтаназия сделала свое дело. Умерло много больше народа, чем требовалось правилами. К тридцатому месяцу едва сохранилось человек двадцать жителей.

Однажды в осеннее утро Арва и Тарг отправились в путешествие. Они рассчитывали следовать вдоль двойной дороги, которая истари соединяла экваториал Дюн с Красными Землями. По пути Тарг свернул в одну местность, которая заинтересовала его в предыдущую экскурсию. Арва же стала ждать его, приютившись в одном из полустанков. Они легко общались между собой, так как Тарг захватил с собой переносной волнопередатчик, принимавший и передававший голоса более чем на тысячи километров. Таким образом они, как и в предыдущие свои путешествия, сносились с Эрой и детьми, у которых в оазисе в полном порядке содержались все планетники.

Эре не угрожало никаких опасностей, помимо тех, которые настолько превышали человеческие силы, что не подвергали ее большому риску, чем Тарга и Арву. Дети под-

росли. Их не по годам развитый, как у всех последних людей, ум немногим отличался от взрослого. Двое старших — сын Мано и дочь хранителя — в совершенстве управляли энергиями и аппаратами. А в борьбе со слепыми замесами железо-магнитов они вполне стоили взрослых. Притом им помогал надежный инстинкт. Тем не менее накануне своего отъезда Тарг посвятил несколько часов на проверку домашней ограды и осмотр окрестностей. Все оказалось в порядке.

Перед отбытием обе семьи собрались подле планеров. Как и при других расставаниях, это была торжественная минута. Под горизонтальными лучами эта маленькая группа людей составляла всю надежду человечества, всю жажду жизни, всю древнюю энергию морей, лесов, степей и тесных городов. А те, которые еще угасали в Красных Землях, уже были лишь тенью. Тарг нежным взглядом окинул свое потомство и потомство Арвы. Дочь Эры унаследовала от матери ее светлые волосы. И обе золотистые головки почти соприкасались. Какою свежестью от них веяло! Какими древними и нежными легендами!

Остальные тоже, несмотря на свои смуглые лица и черные как уголь глаза, дышали необыкновенной молодостью, и одни отражали пламенный взгляд Тарга, а другие жажду блаженства Мано.

— О, как мне вас покидать! — воскликнул Тарг. — Но опасность была бы еще серьезнее, если бы мы отправились все!

Все они, даже дети, отлично знали, что спасение их ожидает вне оазиса, в каком-нибудь таинственном уголке пустыни. И они также знали, что оазис есть центр их существования и должен всегда им оставаться. Впрочем, ведь они сносились при помощи планетников по несколько раз в день.

— В путь! — проговорил наконец Тарг.

Легкая дрожь энергии достигла крыльев планеров, и они взвились вверх и утонули в перламутровом и сапфировом утре. Эра видела, как они исчезли за горизонтом, и вздохнула. Когда тут не было Арвы и Тарга, то рок давил ее тяжелее обыкновенного. Молодая женщина испуганными глазами окидывала оазис, и каждый жест детей будил в ней беспокойство. Странная вещь! Ее пугали такие опасности, которые больше не существовали на земле. Она не опасалась ни минерала, ни железо-магнитов, но боялась, как бы не явились неизвестные люди, как бы не пришли люди из глубины необитаемого пространства.

И этот странный пережиток древнего инстинкта порою заставлял ее улыбаться, но иногда он приводил ее в дрожь, в особенности когда сумерки окутывали экваториал Дюн своими черными волнами.

Тарг и его спутница стремглав неслись по воздушному морю. Они любили стремительность. Столько путешествий не могли угасить в них удовольствие померяться с пространством. Мрачная планета словно оказывалась побежденной. Им казалось, что к ним навстречу несутся ее угрюмые равнины и суровые скалы; и ее горы словно бросались на них, чтобы уничтожить. Но одним незаметным движением они победоносно миновали пропасти и огромные вершины. И ужасная, но покорная и послушная энергия тихо пела свой гимн. Миновав горы, легкие планеры спускались к пустыням, где двигались бесформенные, медлительные и тяжелые железо-магниты. Какими жалкими и несчастными они казались! Но Таргу и Арве знакома была тайная сила. То были победители. Будущее было для них и за них. И положение вещей совпадало с их тайным желанием. Настанет день, когда их потомство проявит изумительные идеи и будет управлять чудесными силами...

Тарг и Арва сначала решили отправиться вплоть до Красных Земель. Души их стремились к последнему убежищу им подобных; их влекло туда страстное желание, в котором был и страх, и тоска, и глубокая любовь, и скорбь. Пока там продержатся люди, с ними будет жить какая-то неуловимая и нежная надежда. Когда же они исчезнут, то планета покажется еще мрачнее, пустыни еще безотраднее и еще неизмеримее.

После короткой ночи, проведенной на одной из станций, путешественники побеседовали с помощью планетника с Эрой и с детьми. Затем они понеслись к оазису. Они прибыли туда раньше полудня.

Оазис показался им неизменившимся. Каким они его покинули, таким он и рисовался в их бинокли. Сверкали металлические жилища, заметны были платформы волнопередатчиков, виднелись сараи для моторов и планеров, трансформаторы энергии, все колоссальные или миниатюрные машины, машины, вытягивавшие некогда из недр земли воду, и равнины, где росли последние насаждения. На всем лежала печать человеческого всемогущества и ума. Неисчислимые силы могли быть пущены в ход по первому сигналу и затем остановлены, когда будут окончены работы. Столько оставалось здесь неиспользованных сил!

Но бессилие человека таилось в самом строении его: рожденный с водою, он с водой и исчезал.

В течение нескольких минут планеры носились над оазисом. Он казался покинутым. Ни единого человека, ни единой женщины, ни ребенка не было ни на пороге жилищ, ни на дороге, ни на возделанных полях. И от вида этой пустыни холодом обвеяло души путешественников.

— Не умерли же они, в конце концов, все? — прошептала Арва.

— Возможно! — ответил Тарг.

Планеры спустились до уровня домов и платформ планетников. Всюду была тишина и неподвижность кладбища. Затихший воздух не шевелил даже пыли. Медленно двигались одни только группы железо-магнитов.

Тарг решился спуститься на одну из платформ и повернул ручку волнопередатчика. Мощный призыв понесся из дома в дом.

— Люди! — вдруг воскликнула Арва.

Тарг снова поднялся на воздух. На пороге одного жилища он увидел двух человек и несколько минут собирался их окликнуть.

Хотя жители оазиса составляли лишь жалкую группу, но Тарг почитал в них свой род и преклонялся перед законом, который врезался в каждый атом его существа и представлялся чем-то таким же великим, как сама жизнь, страшным и заботливым, бесконечно мудрым и ненарушимым. И раз закон изгнал его навсегда из Красных Земель, он перед ним преклонился.

Поэтому голос его не дрогнул, когда он заговорил с появившимися людьми.

— Сколько осталось в оазисе живых людей?

Оба человека подняли вверх бледные лица, на которых запечатлелось странное спокойствие. Затем один из них ответил:

— Нас еще пятеро... Но сегодня вечером мы освободимся!

Сердце хранителя сжалось. Во взгляде, который встретился с его взглядом, он угадал затуманенный свет эвтаназии.

— Можем мы опуститься? — с кротостью спросил он. — Закон нас изгнал.

— Закон окончился! — проговорил второй человек. — Он прекратился с той минуты, когда мы приняли великое лечение...

При звуке голосов появилось трое других живых су-

ществ, — двое мужчин и одна молодая женщина. Все они возбужденным взглядом смотрели на планеры.

Тогда Тарг и Арва спустились.

Некоторое время все молчали. Хранитель жадно смотрел на последних себе подобных людей. Смерть уже витала над ними. Никакое противоядие не могло помочь против сладостного яда эвтаназии.

Женщина, несмотря на всю свою молодость, была много бледнее остальных. Вчера еще она была исполнена будущим, ныне же она была старше столетнего возраста. И Тарг воскликнул:

— Отчего вы хотели умереть? Разве вода уже вышла вся?

— Что для нас значит вода? — прошептала молодая женщина. — К чему нам жить? К чему жили наши предки? Непонятное безумие побуждало их многие тысячелетия противостоять велениям природы. Они стремились увековечить себя в таком мире, который больше не принадлежал им. Они даже мирились с бессмысленным существованием, лишь бы только не исчезнуть. Как это возможно, что мы следовали их несчастному примеру? А умереть так приятно!

Она говорила медленным и чистым голосом. И слова ее причиняли Таргу ужасное страдание. Каждый атом его существа восставал против подобного упадка воли. И ему было непонятно то счастье мира, которое сияло на лицах умиравших.

Он, однако, промолчал. Какое он имел право отравлять их конец хоть самой легкой горечью, раз этот конец неизбежен. Молодая женщина полузакрыла глаза. Ее слабое возбуждение угасло; ее дыхание замедлялось с каждой секундой, и, опершись на перегородку, она повторила:

— Так приятно умереть!

И один из мужчин прошептал:

— Освобождение близко.

Затем все смолкли. Молодая женщина распростерлась на полу и едва переводила дыхание. Возраставшая бледность разливалась по ее щекам. Затем она на одно мгновение раскрыла глаза, с размягченной нежностью посмотрела на Тарга и Арву и прошептала:

— Вами владеет безумие страдания.

Рука ее медленно приподнялась и упала. Ее губы задрожали. Последняя дрожь пробежала по телу. Наконец ее члены вытянулись, и она тихо угасла, как звездочка у черты горизонта.

Четверо компаньонов смотрели на нее со счастливым спокойствием.

Один из них прошептал:

— Жизнь никогда не была желанной, даже когда Земля терпела всемогущество людей.

Пораженные ужасом, Тарг и Арва долго хранили молчание. Затем они благоговейно прикрыли ту, которая последней воплощала будущность Красных Земель. Но у них не хватило бодрости остаться с другими. Полная уверенность в их смерти наполнила их ужасом.

— Идем, Арва! — проговорил он тихо. — Ныне, — проговорил хранитель, когда его планер уже неся рядом с планером Арвы, — мы и все наши поистине являемся единственной надеждой человеческого рода.

Его спутница повернула к нему орошенное слезами лицо.

— Как бы то ни было, — проговорила она, — а было большим утешением сознавать, что еще есть живые люди в Красных Землях. Меня это много раз утешало. Но теперь... теперь!..

Она жестом указала на необъятное пространство и горные массивы Запада, и с отчаянием воскликнула:

— Все кончено, брат мой!

И он сам опустил голову. Но он не поддавался печали, и со сверкающими глазами воскликнул:

— Только одна смерть разрушит мои надежды...

В течение долгих часов планер следовал за линией дорог. Когда завиднелась интересовавшая Тарга местность, то они замедлили полет. Арва выбрала станцию, где должна была ожидать брата. Затем, когда планетник донес до них голоса Эры и детей, хранитель устремился в пустыню. В общих чертах ему уже была знакома эта местность, простиравшаяся на тысячу двести километров от дороги.

Чем дальше он продвигался вперед, тем местность становилась хаотичнее. Завиднелась цепь холмов, затем снова пошла пересеченная равнина. Теперь Тарг неся над совершенно неизвестной страной. Много раз он спускался до уровня земли, но всякий раз решал сделать еще не сколько перелетов.

Необъятная рыжая стена преградила горизонт. Авиатор перенесся через нее и полетел над пропастями. Под ним открывались мрачные бездны, у которых даже невозможно было разглядеть их глубины. Всюду замечались следы

страшных конвульсий, тут обрушились целые горы, другие покривились и готовы были провалиться в неизмеримые пустоты. Над этим страшным пейзажем планер описал множество спиралей. Большинство провалов были такшироки, что планеры могли бы опуститься в них дюжинами.

Тарг зажег свой маяк и начал наугад исследование. Сначала он устремился в одну расщелину у подножия утеса. Свет здесь словно таял от сумерек. Потребовалось десять минут, чтобы достигнуть дна.

Другая бездна сначала показалась благоприятной для приключения. В землю из нее уходили многие галереи. Но Тарг исследовал их без всякой пользы.

Третье путешествие было головокружительным. Чтобы достичь земли, планер должен был опуститься на две тысячи метров. Дно этого провала представляло собой продолговатый квадрат, меньшая сторона которого имела до двухсот метров протяжения. Со всех сторон виднелись пещеры. Потребовался целый час, чтобы их обойти. Но кроме двух, все они оказались с плотными стенами. Две же, наоборот, обладали множеством расщелин, но они были слишком узки для прохода человека.

— Все равно! — проговорил про себя Тарг, собираясь покинуть вторую пещеру... — Я сюда вернусь!

И вдруг он ощутил то странное впечатление, какое испытал десять лет тому назад, в вечер великого бедствия. Поспешно вынув свой гигроскоп, он взглянул на его стрелку и испустил торжествующий крик: в пещере были водяные пары.

ДОМ ПОГИБ

Долгое время Тарг шел во мраке. Все его мысли перемешались. Необъятная радость охватила его всего. Когда он пришел в себя, то подумал:

— Пока тут делать нечего. Чтобы добраться до таинственной воды, нужно найти какой-нибудь проход к ней помимо дна этой пропасти или же пробить себе проход. Но это просто вопрос времени. На первых порах присутствие Арвы будет крайне полезно. А потом надо вернуться в экваториал Дюн и захватить с собой необходимые машины для получения энергии и разбивки гранита.

Размышляя так, молодой человек в то же время снарядил планер, который тут же начал описывать восьмерки и поднял Тарга на поверхность земли. В две минуты он

выбрался из пропасти; затем хранитель сейчас же направил свой переносной волнопередатчик и послал вызов.

Ответа не было.

Удивленный, он послал более сильные волны. Приемник оставался немым. Таргом овладело легкое беспокойство. Он послал новый круговой вызов, постепенно касавшийся всех направлений. Молчание продолжалось. Он начал опасаться какого-нибудь неприятного обстоятельства. Являлись три предположения: произошел несчастный случай, Арва покинула станцию, сестра заснула.

Ранее чем послать новый вызов, исследователь с величайшей точностью определил свое местонахождение. Затем он дал волнам максимум напряжения, и они должны были с неистовой силой зазвенеть в приемных рупорах. Арва могла их услышать даже во сне. Но и на этот раз не было никакого ответа.

Не покинула ли молодая женщина и в самом деле свое убежище? Но, наверное, она на это не решилась бы без серьезных оснований. Как бы то ни было, а ее надо было найти.

Он снова уселся в планер и понесся со всей скоростью. Тысячу километров он пролетел менее чем в три часа. Станция уже завиднелась в воздушный бинокль, и она была пуста. Тарг никого не видел. Значит, Арва отправилась? Но куда? Зачем? Далеко она не могла быть, так как планер ее стоял на якоре.

Последние минуты пути показались ему невыносимо долгими. Быстроходный самолет словно не подвигался вперед. Туман заволок глаза молодого человека.

Наконец убежище — вот. Тарг спустился посредине его, закрепил аппарат и бросился на поиски... Стон вырвался из его груди. По другую сторону дороги за вертикальным валом — что и делало ее невидимой — была распростерта Арва. Она была так же бледна, как виденная когда-то в Красных Землях женщина, которая умерла от эвтаназии. И с ужасом Тарг увидел копошившихся железо-магнитов, притом самой крупной породы, третичных, которые окружили Арву...

В два приема Тарг прицепил свою лесенку, спустился к молодой женщине, взял ее к себе на плечо и поднялся вверх.

Она не шевелилась. Тело ее было инертно; нагнувшись, Тарг попытался было расслышать биение сердца. Но тщетно. Таинственная сила, которая отбивает так существования, видимо, исчезла...

Дрожа, хранитель положил гигроскоп на губы молодой женщины. И чуткий инструмент уловил то, чего не мог разобрать слух. Арва не была мертва.

Но ее обморок был так глубок, а слабость так велика, что она могла умереть с минуты на минуту.

Причина несчастья была очевидна. Это было если не единственно, то во всяком случае главным образом действие железо-магнитов. Необычайная бледность Арвы свидетельствовала об огромной потере ею кровяных шариков.

К счастью, Тарг никогда не путешествовал без традиционных инструментов, средств и возбуждающих. Он впрыснул ей с промежутком в несколько минут две дозы сильного укрепительного. И хотя крайне слабо, но сердце начало биться, и губы Арвы прошептали:

— Дети... Земля...

Затем она впала в глубокий сон, которому, Тарг знал, нельзя и не следует мешать, сон роковой и спасительный; в течение его Тарг каждые три часа впрыскивал женщине по несколько миллиграммов «органического железа». Прошло по меньшей мере двадцать четыре часа, пока Арва смогла выдержать короткое пробуждение. Самое тяжкое опасение исчезло. Хранитель знал превосходное здоровье своей сестры и не боялся никаких опасных последствий. Во всяком случае он был в нервном настроении. В конце концов, оставалось необъясненным, почему же Арва оказалась у подножия вала? Неужели она, такая осмотрительная и ловкая, и вдруг упала? Это было возможно, но невероятно.

Что делать? Оставаться здесь, пока она не наберется сил? Но для ее полного выздоровления потребуется самое меньшее две недели. Лучше отправиться в экваториал Дюн. По существу ему можно не торопиться. Цель, которую преследовал Тарг, была не из таких, исход которых зависит от нескольких дней.

Он направился к большому планетнику, отправил вызов. Как и там, у выхода из пропасти, хранитель не получил никакого ответа. Сразу же им овладело мучительное волнение. Он повторил сигналы, придавая им максимум напряжения. Но было очевидно, что Эра и дети по какой-то непонятной причине или не имели возможности слышать, или же не могли ответить. Оба варианта были одинаково страшны. Прямая связь была, очевидно, между несчастьем Арвы и молчанием планетника.

Невыносимый страх сковал сердце молодого человека. Его ноги затряслись; и, опершись на подставку большого планетника, он был не в состоянии принять какое-нибудь решение. Наконец, мрачный и решительный, он оторвался от своей опоры, с тревожным вниманием осмотрел все части своего планера, поместил Арву на самое просторное сидение и поднялся в воздух.

Это было печальное путешествие. Он сделал только одну остановку к вечеру, чтобы попытаться еще раз вызвать Эру. Но ответа не было. Тогда он туго завернул Арву в ее шерстистое кремниевое покрывало и дал самую сильную дозу укрепительного. В своем непробудном беспамятстве она едва вздрогнула.

Всю ночь планер рассекал звездную темень. Так как холод был слишком чувствителен, то он обогнул гору Скелет. За два часа до зари показались южные созвездия. И путешественник с биением сердца смотрел то на крест, начерченный над югом, то на эту блестящую звезду, самую близкую соседку нашему Солнцу, лучам которой требуется только три года, чтобы достигнуть Земли. Как, должно быть, было прекрасно это небо, когда юные существа смотрели на него сквозь листву деревьев, а тем более, когда серебристые облака сливали свои животворные надежды с этими светильниками пространства. Но никогда больше не будет облаков!

Легкий свет засеребрился на востоке, затем солнце показало свой огромный диск. Экваториал Дюн был близок. Сквозь объектив воздушного бинокля Тарг замечал иногда между дюнами висмутовую стену и окутанные утренней дымкой металлические дома. Арва по-прежнему спала, и ее не пробудила даже новая доза возбуждающего. Но бледность ее во всяком случае не была такой мертвенной, слабо вздрагивала артерии, и кожа больше не имела той прозрачной окостенелости, которую придает ей смерть.

— Она вне опасности! — подумал Тарг.

И эта уверенность несколько облегчила его страдания.

Все внимание его сосредоточено было на оазисе. Он старался рассмотреть милый дом. Но два холма еще его закрывали. Наконец горизонт раскрылся, и от ужаса Тарг выпустил из рук руль планера, который, как раненая птица, сразу устремился вниз.

Вся усадьба с домами, сараями и машинами исчезла.

ВЕЧНАЯ НОЧЬ

Планер был не более как в двадцати метрах от земли. Он почти опрокинулся и, падая отвесно, должен был разбиться, когда Тарг инстинктивно его выпрямил. Легко описывая изящные спирали, он понесся до самой грани усадьбы. И, опустившись на землю, хранитель планетника замер на месте, пораженный скорбью перед огромным и хаотическим провалом. Там, во мраке Земли, лежали существа, которых он любил больше самого себя.

Долгое время мысли в беспорядке кружились в голове бедного человека. Он не думал о причинах катастрофы, он видел в ней лишь беспощадную жестокость и смутно связывал ее со всеми несчастьями последнего времени. Беспорядочно проносились перед ним различные образы. И неотступно видел Тарг перед собой своих, какими он покинул их. Затем спокойные силуэты родных уносились неизъяснимым ужасом. Раскрывалась Земля. И он видел, как они исчезали. Ужас был на их лицах. Они звали того, на которого возлагали надежды и который, может быть, в самый час их смерти думал, что победил судьбу...

Когда, наконец, он был в состоянии размышлять, то попытался представить себе, как произошла катастрофа. Было ли это новое землетрясение? Нет! Ни один сейсмограф не отметил ни малейшего толчка. Притом же, помимо нескольких гектаров оазиса и пустыни, усадьба, собственно, одна оказалась пострадавшей. Происшествие объяснялось побочными обстоятельствами: подрытая почва не выдержала и провалилась. Таким образом несчастье, сгубившее последние надежды, даже не было крупным естественным катаклизмом, а всего лишь ничтожной случайностью.

Но Тарг полагал в этом проявление той же мировой воли, которая осудила на смерть оазис.

Его скорбь не парализовала его деятельности. Он исследовал развалины. Но в них не заметно было никаких следов человеческих рук. Аккумуляторы энергии, рывковые машины, плуги, бороны, планеры, моторы, дома — все исчезло под бесформенной массой скал и камней. Где же погребены были Эра и дети? Расчеты допускали лишь приблизительные и может быть ошибочные определения, и действовать приходилось наугад.

Тарг сконцентрировал на северной стороне все необходимые для расчистки и раскопок машины и, сосредоточив протоатомическую энергию, приступил к огромному

провалу. Целый час ревели машины. Домкраты поднимали камни и автоматически отбрасывали их в сторону. Кобальтовые параболоиды вынимали щебень, и молоты, по мере надобности, медленными и всеокрушающими ударами обтесывали края обвала. Когда траншея достигла двадцати метров в длину, то показался один планер, затем большой планетник со своим гранитным подножием и принадлежностями, затем металлический дом.

Их местонахождение дало опорную точку для расчетов Тарга. Предполагая что катастрофа застала семью поблизости от дома, приходилось раскопки направить к западу. Если же Эра или дети могли броситься к планетнику, который поддерживал сношения экваториала Дюна с Красными Землями (что заставил предполагать случай с Арвой), то раскопки следовало вести в юго-западном направлении.

Тарг установил машины поблизости от этих двух направлений и принялся за работу. Огромные машины были настолько очеловечены неисчислимыми усилиями поколений, что обладали мощностью элементов и аккуратностью ловких рук. Они подымали целые скалы и плавно сгребали землю и мелкие камни. Достаточно было легкого нажатия, чтобы направлять, ускорять, замедлять или остановить совсем работу. В руках последнего человека они представляли силу, которой в первобытные времена не обладали целые племена и целые народы.

Показалась металлическая кровля дома. Она была покороблена, согнута и местами пробита камнями. Но по известным признакам ее легко можно было угадать. Со времени прибытия в экваториал Дюн она служила кровом для всех нежностей, мечтаний и надежд последней человеческой семьи. Тарг остановил начавшие подымать ее машины и смотрел на нее с нежностью и страхом. Что за тайну скрывала она? И какую драму раскроет она злополучному узнику горя и трудов?

Много минут хранитель сомневался, начинать ли свою работу. Наконец, расширив одну пробину, он проскользнул в жилище.

Комната, в которую он попал, была пуста. Ее загоразживали несколько камней, которые оторвались от стены и раздавили постель. Стол был разбит вдребезги. Камни расплющили несколько ваз из мягкого алюминия.

Зрелище это носило безразличный характер материальных разрушений. Но оно рисовало самые трагические сцены. Весь дрожа, Тарг прошел в соседнюю комнату; она,

как и первая, была пуста и разрушена. Постепенно он осмотрел все уголки дома. И когда он был в последней комнате, в нескольких шагах от входных дверей, то удивление примешалось к его тревоге.

— А, впрочем, — прошептал он, — вполне естественно, что при первом признаке опасности они убежали наружу.

Он пытался представить себе, каким образом произошел первый удар, а также, что Эра могла подумать об опасности. Но его осаждали лишь противоречивые впечатления и мысли; и только в одном он был твердо убежден: семья инстинктивно должна была кинуться к планетнику Красных Земель. Так что туда же и было разумнее всего направить свои розыски. Но только как? Достигла ли Эра планетника или же она погибла дорогой? На ум ему пришли те слова, которые пролепетала Арва. Здесь, на месте, они приобретали полный смысл. Эра или кто-нибудь из детей, а может быть даже и все они почти наверное дошли до этого места. Следовало как можно скорее возобновить работы, что, впрочем, не мешало начать прокладку траншеи через всю местность.

Приняв это решение, Тарг открыл двери и приступил к беглому исследованию; но глыбы скал и щебня представляли ему непреодолимые препятствия. Он вернулся через крыльцо и снова пустил в ход юго-западные машины. Затем он расставил машины с севера и приказал им прокладывать траншею. В то же время он следил и за Арвой, летаргия которой мало-помалу приняла характер нормального сна.

Затем он стал ждать, не спуская внимательных глаз с машин. По временам он коротким жестом поправлял их работу, по временам, чтобы исследовать почву, он останавливал какой-нибудь заступ, лезвие или турбину. В конце концов он увидел скрученный и согнутый высокий стержень планетника и его сверкающий рупор. С этого момента он не отрывал глаз от работы машин. Теперь работали лишь наиболее послушные, которые, смотря на обстоятельства, ворочали огромные камни или подбирали мелкие обломки.

И он испустил жалобный, подобный предсмертному стону крик... Пред ним мелькнул тот гибкий и живой свет, который он заметил в день катастрофы среди развалин Красных Земель. Сердце его замерло. Застучали зубы. С полными слез глазами он остановил все машины, оставив в действии лишь металлические руки, которые были более ловки и нежны, чем человеческие.

Затем он остановил все и с глухими рыданиями прижал к своей груди это тело, которое он так страстно любил...

Сначала к нему явилась надежда. Ему показалось, что Эра еще не остыла. В лихорадочном возбуждении он приложил к ее бледным губам гигроскоп.

Она исчезла в вечной ночи.

Долго он смотрел на нее. Она открыла ему поэзию старых времен; мечты необычайной свежести преобразили мрачную планету. Эра была любовью во всем том, что у него было обширного, чистого и вечного. И когда он держал ее в своих объятиях, то ему казалось, что возрождалась новая бесчисленная раса.

— Эра! Эра! — шептал он. — Эра, свежесть мира! Эра, последняя мечта людей!..

Затем его душа напряглась. Диким и горьким лобзанием он поцеловал волосы своей подруги и снова принялся за работу.

Постепенно он нашел их всех. Минерал проявил себя в отношении детей менее жестоко, чем к молодой женщине. Он пощадил их от медленной смерти и от невыносимого измельчания сил. Камни передавили им головы, размножили сердца, размололи туловища...

Тогда Тарг упал на землю и залился бесконечными слезами. И обуявшая его скорбь была необъятна, как мир. Он горько раскаивался, что боролся с неумолимым роком. И слова умиравшей в Красных Землях женщины звенели ему сквозь его скорбь, как похоронный звон Вселенной...

Чья-то рука коснулась его плеча. Он вскочил. Пошатываясь, к нему наклонилась Арва. Она была так подавлена, что не могла рыдать. Но все возможное для слабых созданий отчаяние отражалось в ее очах. Глухим голосом она прошептала:

— Надо умирать! Надо умирать!

Глаза их встретились. Всю свою жизнь, во всем реализме и во всех мечтах они глубоко любили друг друга. Им была страстно близка общая их надежда, и в бесконечном горе их страдания были тоже общие.

— Надо умирать! — повторил он, как эхо.

Затем они обнялись, и в последний раз два человеческих сердца бились одно возле другого.

И тогда она молча поднесла к своим губам склянку с иридием, с которым никогда не расставалась. Так как доза была огромна, а слабость Арвы большая, то эвтаназия длилась лишь несколько минут.

— Смерть! Смерть! — шептала умирающая. — О, как могли мы ее бояться!

Ее глаза затуманились; блаженное спокойствие разгладило губы, и мысль уже совершенно улетучилась, когда последнее дыхание вырвалось из ее груди.

И теперь на всей земле оставался лишь один человек.

Сидя на глыбе порфира, он погрузился в свою печаль, в свои думы. Еще раз он совершил великое путешествие во тьму минувшего, которое так пламенно разжигало его душу. И сначала ему грезилось первобытное, еще теплое море, где клочкотала бессознательная и бесчувственная жизнь. Затем явились слепые и глухие существа, одаренные необычайными силами и беспредельной плодовитостью. Народилось зрение. Божественный свет создал свои миниатюрные храмы. Познали свое бытие рожденные солнцем существа. И показалась твердая земля. Водное население рассеялось по ней; бесформенное, неопределенное, беззвучное. За три тысячи столетий они выработали себе изящные формы. Насекомые, лягушкообразные и пресмыкающиеся наполнили леса гигантских папоротников. И когда деревья распростерли свои великолепные стволы, то появились и необъятные пресмыкающиеся. Динозавры были ростом с кедр, птеродактили носились над огромными болотами... В эти времена родились и первые млекопитающиеся, хилые, неповоротливые и глупые. Они бродили, такие жалкие и маленькие, что их надо было сто тысяч, чтобы составить одного игуанодона. В течение многих тысячелетий их существование остается незаметным и почти сомнительным. Тем не менее, они множатся. Приходит время, когда наступает их очередь, и когда их порода разрастается по всему простору степей и по всем зарослям лесов. И теперь они занимают место колоссов. Динотегии, античный слон, носорог, бронированный, как старый дуб, гиппопотам с ненасытным желудком, зубры, гигантский лев, и массивные, как несколько диплодокусов, кит и кашалот, пасть которого — целая пещера, все они дышали дикой силой.

Затем планета дала укрепиться человеку; его царство было самым жестоким, самым могучим — и последним. Человек был чудовищным истребителем жизни. Погибли леса и их бесчисленные обитатели, все зверье было истреблено или поработено. И было даже такое время, когда казались поработенными самые неуловимые силы и известные металлы. Победитель овладел даже тою таинственной силой, которая сочетает атомы.

— Это самое бешенство уже явилось предвестником смерти Земли... Смерть Земли для нашего царства! — тихо прошептал Тарг.

Дрожь охватила его в скорби. Он думал о том, что все то, что еще живо в нем, без перерывов дошло до него с самого начала. Нечто такое, что жило в первобытном океане, в плодотворящей грязи, в болотах и лесах, на просторе равнин и в бесчисленных селениях человечества, что-то такое никогда не прерывалось вплоть до него. И вот! Он был единственным человеком, который еще трепетал на вновь ставшем необъятном лице Земли!..

Наступила ночь. Небо раскрыло свои чарующие огни, которые знавали трильоны людей. И теперь осталось только два глаза, чтобы на них смотреть... Тарг отличил созвездия, которые он предпочитал прочим. Затем он увидел, как взошло светило-развалина, светило-труп, серебристая и легендарная Луна, к которой он простер свои скорбные руки. .

Он зарыдал в последний раз. Смерть вошла в его сердце. И отказавшись от эвтаназии, он вышел из развалин, пошел и простерся в оазисе, среди железо-магнитов.

Победив малосимпатичных Коренастых, отряд Гура-Занка — «людей, живущих в воздухе», — возвращается к родным становищам, где их поджидает с основными силами вождь рода — Уамма, Голубой Орел В арьергарде, окруженные воинами, у которых наготове нефритовые топоры, дубины и дротики, движутся несколько десятков пленных, предназначенных для торжественного пиршества

Не правда ли, вполне может показаться, что речь идет об очередном романе из числа «доисторических» Тех, едва ли не самым ярким образцом которых остается и по сей день знаменитая «Борьба за огонь» Ж Рони-старшего Кто прочел ее в детстве, уже не забудет, вероятно, ни отважного улабра Нао, отправившегося с друзьями добывать огонь для родного племени, ни встречающихся на их пути мстительных рыжих карликов или людей-без-плеч из страны вод

Что ж, Жозефа Рони-старшего мы вспомнили не случайно: речь идет именно о его романе «Удивительное путешествие Гертона Айронкестля»

К «доисторическим» этот роман, впрочем, не относится. Жозеф Анри Рони-старший (1856—1940), хотя и известен в наши дни прежде всего своими книгами о первобытных людях, писал не только на эту тему Младший современник Жюль Верна, за свою долгую жизнь он выпустил вместе с братом Жюстеном (с которым нередко выступал в соавторстве вплоть до 1909 года) свыше ста томов сочинений и снискал себе славу остросоциальными романами о современной ему французской действительности Однако нас сейчас интересует другое направление в его творчестве, мало освещавшееся критикой, не отраженное почему-то и в энциклопедиях — от «Брокгауза-Ефрона» до нашей «Краткой литературной»

Дело в том, что Рони-старший писал и фантастические произведения (Правда, почти неизвестные современному советскому читателю: лишь две-три его фантастические вещи переведены на русский язык за последние пятнадцать — двадцать лет) Евг Брандис, исследуя творчество Рони, пришел к выводу, что писатель этот наряду с Ж Верном и Г Уэллсом — один из предтеч современной фантастики.

Звучит как будто бы слишком громко, не так ли? И тем не менее

Едва ли не самым первым Ж Рони ввел в фантастику тему нечеловеческих, неантропоидных цивилизаций Это не столь малый вклад, как может показаться на первый взгляд Вспомним ро-

маны Ле Фор и Графиньи: на любой иной планете эти авторы находили заведомо человекообразных носителей разума И такой подход был весьма типичен Но не забудем: в том же девятнадцатом веке (правда, в самом конце его) закладывал основы современной, куда более широко смотрящей на вещи фантастики Герберт Уэллс И в том же девятнадцатом веке утверждал эти основы (притом отчасти еще до первых романов Уэллса) и Жозеф Рони-старший.

Возьмем раннюю его повесть «Ксипехузы» (1887), вошедшую в изданный на русском языке сборник французской фантастики «Пришельцы ниоткуда» (1967). Древние земляне становятся здесь свидетелями и жертвами вторжения неких кристаллических структур Будущему предводителю могущественного союза земных племен удастся высмотреть «ахиллесову пяту» пришельцев: они — не бессмертны! И землянам, пусть и с немалым уроном для себя, удастся-таки отстоять родную планету.

Обратим внимание. мотив противостояния злонамеренным пришельцам возник у Жозефа Рони за одиннадцать лет до появления классической «Войны миров» Уэллса. Кроме того, Уэллс носителями зла делает в своем романе все-таки удивительно земноподобных существ — спрутов, если соотнести их с обитателями нашей планеты. У Рони — иное, значительно более смелое и, кстати, созвучное идеям многих сегодняшних фантастов допущение: мыслящие конусы, призмы, цилиндры... И наконец, даже не видя возможности мирного сосуществования с ксипехузами, герой Жозефа Рони тем не менее не ожесточился сердцем. когда пришельцы гибнут, он искренне скорбит о печальной судьбе этой иной, чужой, враждебной, но все-таки — жизни...

По существу, о такой же кристаллической форме жизни — железо-магнитах — идет речь и в более позднем романе Ж Рони «Гибель Земли» (1911) (в настоящем издании — «Конец Земли». — Прим ред) Эта иная жизнь появляется на свет как порождение безудержной и бесконтрольной «технологизации» людского бытия, в результате которой исчезло на Земле все разнообразие фауны, кроме разве что птиц, приобретших зачатки разума и даже научившихся человеческой речи. Чуждая жизнь пока еще не являет собой сформировавшуюся цивилизацию. лишь инстинкты, грозящие вот-вот перерасти в нечто большее, объединяют эти странные фиолетовые образования .

Несомненным новатором выступает Рони в рассказе «Неведомый мир» (1898), в переводе на русский язык напечатанном в 1974 году в «Искателе». Герой этого рассказа — первый, очевидно, в истории фантастики мутант — человек с более быстрой, чем у обычных людей, реакцией, с большим объемом зрения, с ускоренной речью (окружающие не способны воспринять его

«скороговорку»), с некоторыми другими чисто внешними отклонениями. И он передает эти свои изменения, оказавшиеся генетическими, по наследству. .

В одной из повестей («Нимфея», 1909, в настоящем издании «Озеро белых лилий». — Прим ред.) Ж Рони изображает неведомое науке племя, приспособившееся к жизни в водной сфере едва ли не в большей степени, чем на суше. В другой («Чудесная страна пещер», 1896) рисует еще один — обусловленный исключительными обстоятельствами — вариант возможного развития «гомо сапиенс» — летающего человека. .

Собственно, и в «доисторических» его романах мы можем при желании обнаружить совершенно фантастические существа. Разве не таковы, к примеру, в его «Борьбе за огонь» (1911) голубые люди, обитающие в лесных дебрях, — могучие, широкогрудые великаны, пока что предпочитающие передвигаться «по старинке» — на четвереньках? Или племя Ва — люди-без-плеч, которые зимой, подобно медведям, впадают иной раз в спячку?

Тех и других кое в чем напоминают и Коренастые из романа о Гертоне Айронкестле, вышедшем вскоре после первой мировой войны. Они неумелы в обращении с огнем, им неизвестно употребление металлов, питаются они полусырым мясом и, в сущности, пока еще очень недалеко ушли от приматов. И тем не менее это вполне разумные существа, понадевавшие для себя уйму тайных убежищ и ходов-переходов под поверхностью земли.

Любознательный главный герой романа, с несколькими друзьями отправившийся в глубь Африки на поиски неведомой страны, с помощью Гура-Занка благополучно минует территорию злонравных Коренастых. И вот уж там-то он попадает в поистине странный лес!

Здесь преобладают голубой и фиолетовый цвета. Среди растительных форм господствуют папоротники и гигантские мимозы, достигающие высоты деревьев и приобретающие в ходе тысячелетней эволюции совершенно необычайные свойства. Свойства эти заставляют героев романа напрямую говорить об интеллекте мимоз-гигантов, — ведь их растительное сообщество словно бы «заэкранировалось» от окружающего мира, представителей которого чудо-мимозы допускают в свои владения лишь в тех пределах, в каких эти последние не вредят дальнейшему их развитию, не нарушают их экологической (переходя опять же на современный язык) обособленности. У мимоз нет враждебности по отношению к людям, соблюдая диктуемые сообществом законы и ограничения, те вправе существовать рядом — и действительно здесь существуют. Эти местные «сапиенсы» — странные чешуйчатые люди с цилиндрообразными головами, увенчанными

чем-то вроде мшистого конуса, с ртом в форме треугольника и тремя сплюснутыми дырами вместо носа — прекрасно осведомлены об особенностях «разумных зарослей» и вкупе с ними составляют идеально сбалансированную экосферу... Чем, право, не иллюстрация к наисовременному роману о какой-нибудь экзотической сверхдалекой планете?

Но любопытна в романе Ж Рони не только попытка нарисовать фантастический мир, в котором «верховодят» растения. Привлекают в этой книге и необычайно злободневные по нынешним нашим меркам размышления ее героев о взаимоотношениях человека и природы. Вот слова одного из персонажей: «Я не могу допустить мысли, чтоб все виды, до австралийских двуутробок и утконосов, могли сохраняться долгие века для того только, чтобы погибнуть от руки человека.. А мы истребляли без пощады, без милосердия . Сколько поколений кишаших здесь животных люди истребят или покорят себе еще до исхода двадцатого века?!»

До чего же неожиданна у старого автора и до чего же созвучна нашим временам эта горечь по поводу бездумно потребительского отношения ко всему живому, что нас окружает или могло бы окружать!

Что ж, Жозеф Рони-старший и в самом деле по праву может быть назван в одном ряду с Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом: не только «донсторические» его произведения, но и столь современно звучащую «биологическую» его фантастику рано предавать забвению. У этих книг будет еще немало благодарных читателей.

Виталий БУГРОВ

Содержание

КАТАКЛИЗМ (пер. М. Таймановой и И. Федоровой)	7
НЕВЕДОМЫЙ МИР (пер. М. Таймановой и И. Федоровой)	23
ОЗЕРО БЕЛЫХ ЛИЛИЙ (пер. М. Таймановой и И. Федоровой)	51
УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРТОНА АЙРОН-КЕСТЛЯ (пер. Н. Михайловой)	111
ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ	247
КОНЕЦ ЗЕМЛИ (Пер. С Николаевой)	315
В. Бугров. В царстве «разумных зарослей»	380

Сдано в набор 05.12.89. Подписано в печать 14.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага тетр. обл. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,649. Тираж 200 000 экз. Заказ № 65. Цена 6 р. СП «Вся Москва». Москва, Чистопрудный бульвар, 8. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Рони (старший) Жозеф Анри
Р 71 Звездоплаватели: Романы, повести, рассказы
/Оформл. А. Амирханова. М.: СП «Вся Москва»,
1990 — 383 с.

ISBN 5-7625-0148-5

Острюсюжетные фантастические произведения известного французского писателя.

Р 4804010100—00

ББК 84.44

